

Г. П. Князѣкова

РУССКОЕ
ПРОСТОРЕЧИЕ
ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ
XVIII в.



А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р
ИНСТИТУТ РУССКОГО ЯЗЫКА

Г. И. КНЯЗЬКОВА

РУССКОЕ
ПРОСТОРЕЧИЕ
ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ
XVIII в.



ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
Ленинградское отделение
ЛЕНИНГРАД • 1974

Ответственный редактор
Ю. С. СОРОКИН

ВВЕДЕНИЕ



1.01. Эта книга — о русском просторечии второй половины XVIII столетия. Ее следует рассматривать как одну из работ, посвященных проблеме формирования русского литературного языка в период зарождения капитализма в России и сложения русской нации.

Сложность и многообразие языковых процессов и перегруппировок, наблюдающихся в эту пору, отмечается большинством исследователей русского литературного языка XVIII столетия, но до сих пор эти процессы и перегруппировки изучены недостаточно. Первостепенное значение имеет при этом объективная оценка роли различных источников в формировании единого русского литературного языка. Но до сих пор в изучении таких источников наблюдается известная неравномерность. Могучий, вечно живой источник литературного языка — общенародная разговорная речь, постепенно раскрывающий для него свои сокровища и щедро питающий литературный язык на протяжении веков, пока что остается не изученным на одном из важнейших этапов сложения русского литературного языка ни в отраженном памятниками виде, ни в преломлении в свойственной литературному языку той поры функционально-стилистической категории — в просторечии.

Настоятельная необходимость изучения разговорной речи как источника русского литературного языка и просторечия как его функционально-стилистической категории тем более очевидна, что во временных границах, избранных для нашей работы, на первый план выдвигается задача консолидации различных по источнику языковых средств в едином литературном языке — обработанной и нормированной форме существования языка — при неуклонной его демократизации. Демократизация как определяющее направление развития русского литературного языка определялась сложением русской нации, объединением и ростом национальной культуры в пору возникновения и формирования капиталистических отношений, сложением общероссийского

рынка, предопределивших значительное расширение языкового общения.

Таким образом, изучение формирования русского литературного языка плодотворно, когда оно ведется в тесной связи с историей русского народа. При этом серьезное внимание должно быть уделено всем источникам, питающим литературный язык как высшую форму существования языка. Процесс сложения русского литературного языка может быть осмыслен и правильно освещен лишь в том случае, если эти источники будут подвергнуты тщательному анализу и вклад их в литературный язык соответственно оценен.

Рассмотрение различных аспектов формирования русского литературного языка избранного периода с указанных выше позиций на фундаментальном материале должно способствовать объективному отражению особенностей его сложения на данном этапе. К одному из таких аспектов примыкает наше исследование.

Лингвистическое исследование процесса становления русского литературного языка последних десятилетий располагает концепцией, согласно которой формирование русского литературного языка протекало в направлении непрерывной славянизации, усиление которой связывается с XVIII в.¹ Эта концепция в целом и в части ее, относящейся к русскому литературному языку второй половины XVIII в., вызывает серьезные возражения.

Абсолютизируя одну из сторон развития русского литературного языка — активный отбор элементов церковнославянского источника — и преувеличивая роль этих элементов в процессе формирования русского литературного языка, автор ее по существу сбрасывает со счета все другие линии его развития и не менее важные источники. Слабо отражена в данной концепции и по сути дела остается за ее пределами важнейшая линия развития русского литературного языка, обусловленная его новым социальным заданием — служить целям постоянно расширяющегося общения, — линия неуклонной демократизации.

Подход к разговорной речи как к форме существования русского языка, осмысление ее соотношения с русским литературным языком, сами перспективы развития разговорной речи вызывают ряд возражений. Так, нельзя согласиться с беглой характеристикой русской разговорной речи XVIII в., с замечаниями об особенностях ее функционирования. Общепризнанной разговорной речи определена узкая сфера устного бытового общения. В конце века она устранена и из сферы устного общения образованного общества принятием французского языка в качестве

¹ Б. О. Унбегаун. Язык русской литературы и проблемы его развития. — RES, t. 47, 1968, p. 129—134.

разговорного, а затем оттесняется на задний план славянизированным литературным языком, завоевавшим сферу устного общения образованных кругов общества, становясь по особенностям функционирования очень близкой диалектам. Разговорной речи отводится весьма скромная роль в процессе медленной и опосредованной частичной русификации литературного языка, развивающегося по пути дальнейшей славянизации, особенно интенсивной в XVIII в. При этом имеется в виду разговорная речь верхнего слоя образованного общества. Но в процессе развертывания концепции положение это распространяется на образованное русское общество вообще. Между тем во второй половине XVIII в. образованное общество не было однородным. В нем отчетливо определились как официально-придворные, так и демократические круги.

Это положение не подтверждается и показаниями памятников. Ознакомление с эпистолярным наследием второй половины XVIII в. позволяет выявить его неоднородность. Здесь можно наблюдать постепенное оформление жанра официального письма, сохраняющего книжный колорит и обнаруживающего тяготение к лексике церковнославянского источника. В этом можно усмотреть тенденции оформления официальных стилей. Но переписка личного характера различных представителей образованного общества (придворных, писателей, ученых, образованного дворянства) отражает свободное пользование ресурсами русской разговорной речи, а в конце века и в первое десятилетие XIX столетия — и тенденции нормализующего отбора в пределах данной формы существования русского языка. Тематическое разнообразие контекстов, отнюдь не ограниченных сферой быта (см., например, письма о военных действиях, дипломатических делах, делах при дворе вельмож, полководцев, дипломатов и др.), не подтверждает жесткого ограничения сферы функционирования разговорной речи, присущего данной концепции.

Мы полагаем, что процесс формирования русского литературного языка не может быть представлен как непрерывное движение только в одном, принятом автором направлении. Основой русского литературного языка XVIII в. следует считать язык общенародный. Социальное задание расширения общения предполагало отбор и консолидацию в литературном языке всех обладающих возможностями развития языковых средств разного генетического плана в соответствии с потребностями общения. При этом живая разговорная речь являлась одним из его важнейших источников в силу широты ее социальной базы, многообразия и богатства ресурсов, самопроизвольного развития и обогащения в процессе постоянного общения. Этим отнюдь не отвергается церковнославянская стихия как один из источников, языковые средства которого отбирались литературным языком в соответствии с его потребностями.

Углубленное изучение лексического состава функционально-стилистической категории, оформлявшейся в составе литературного языка, источником которой являлась общенародная разговорная речь, должно способствовать освещению ряда проблем, связанных с его сложением. В конечном счете данное исследование должно способствовать воссозданию объективной картины развития русского литературного языка во II половине XVIII в.

Вместе с тем исследование просторечной лексики важно для разработки целого комплекса проблем исторической лексикологии, исторической стилистики, для русской лексикографии, исторической и современной. Так, анализ изменения соотношений нейтральной лексики в составе формирующегося русского языка и лексики стилистически маркированной, важный для понимания особенностей нормирования, невозможен без обстоятельного изучения просторечия в семантическом и эмоционально-оценочном планах.

Изучение специфики нормы русского литературного языка второй половины XVIII в., а также подразделений русского просторечия в зависимости от отношения к вариациям нормы имеет непосредственное значение не только для выявления тенденций развития нормы, но важно и для понимания закономерностей функционирования лексико-стилистических пластов русского языка, определения их значения для развития стилей русского литературного языка нового времени.

Исследование исторических перераспределений групп лексики и отдельных просторечных слов в разнообразных по стилю памятниках и контекстах различной стилистической окрашенности важно не только как необходимое звено исторического изучения лексики и стилистики русского языка, но полезно также и для лексикографии, исторической и нормативной.

Материалом для исследования послужила собранная автором картотека, содержащая около 12 тысяч карточек цитат, иллюстрирующих употребление просторечной лексики в разнообразных в жанровом и стилистическом отношениях памятниках изучаемого периода. Кроме этих материалов автор пользовался данными картотек русского языка XVIII в., современного русского литературного языка, Сводного словаря русских народных говоров, сосредоточенных в Словарном секторе Института русского языка АН СССР.

1.02. Просторечие русского языка XVIII в. не обойдено вниманием исследователей. Работы, в которых авторы касаются проблем просторечия этого периода, довольно многочисленны и могут быть подразделены на несколько групп.

Отражение проблематики исследования русского просторечия заметно в работах, дающих характеристику словарного состава памятников определенных литературных жанров, языка писателей XVIII в. и отдельных памятников. В них фиксируется состав

просторечной лексики (выделяемой чаще в соответствии с пометами Словаря Академии Российской) в произведениях «низкого» и отчасти среднего стилей, выдвигается проблема стилистической специфики просторечия, выявляется положение слов этой категории в контекстах, содержатся попытки семантической классификации просторечных слов.² Особое значение имеет исследование Ю. С. Сорокина «Разговорная и народная речь в Словаре Академии Российской».³ Автор отмечает неопределенность понимания просторечия, характерную для Словаря, отражающую как состояние данной категории, так и особенности ее общественного осмысления. Сформулировано положение о противоречивости и непоследовательности применения в данном Словаре ограничительных помет «в просторечии», «простонародное». Причины этого, по мнению автора, коренятся в двуязычном характере Словаря, в котором слова «простые» — русские — постоянно противопоставлялись словам «высоким» — славенским — и в понятие простого, не книжного укладывались различные в стилистическом и диалектическом аспектах слова и формы. Нечетко дифференцированное понятие простого осложнялось частичной оформленностью социальной дифференциации русской разговорной речи, еще не затронутой нормированием. Просторечная и простонародная лексика, вошедшая в Словарь, классифицируется в зависимости от дальнейшей судьбы и роли отдельных групп слов в истории русского литературного языка.

Ценные соображения о роли различных групп просторечной лексики в процессе сложения стилей литературного выражения содержатся в курсах лекций по истории русского литературного языка.⁴ В них уделяется внимание вопросу об отношении целого ряда писателей и ученых к лексическим ресурсам разговорной речи и использовании их в произведениях различных жанров и стилей. Курсы лекций содержат ценные замечания об особенностях русской разговорной речи второй половины XVIII столетия. Однако малая изученность русского языка XVIII в. и недостаточность материала выявляются здесь в известной отрывочности

² Обследована лексика журналов Новикова (А. Горшков) и журналов Крылова (Е. Петрищева), ирои-комической поэмы (Е. Муза), комедии и комической оперы (П. Берков, Е. Биржакова, Г. Князькова), притч (В. Замкова). См. также персоналии XVIII в. в лингвистической литературе: Державин, Дмитриев, Капнист, Крылов, Плавильщиков, Сумароков, Фонвизин и др. О роли просторечия в жанрах среднего и низкого стиля высказан ряд предположений в работе Г. О. Винокура «Русский язык второй половины XVIII века» (Г. О. Винокур. Избранные работы по русскому языку. М., 1959).

³ В кн.: Материалы и исследования по истории русского литературного языка, т. I. М.—Л., 1949, сс. 95—160.

⁴ См.: В. В. Виноградов. Очерки по истории русского литературного языка XVII—XIX вв. М., 1938; А. И. Горшков. История русского литературного языка. М., 1969; Г. И. Шкляревский. История русского литературного языка (вторая половина XVIII—XIX век). Харьков, 1967.

и фрагментарности суждений как об особенностях русского просторечия в целом, так и об отдельных словах и группах просторечных слов.

2.01. В обширной литературе, так или иначе затрагивающей проблематику просторечия, ярко проявляется различный подход к этой категории и в соответствии с этим разный объем и содержание понятия просторечие. Так, при подходе к нему с точки зрения форм существования языка просторечие понимается как разговорная форма существования языка: «Подоснова разговорного типа литературного языка — общая народно-разговорная речь».⁵ Конкретизируя это положение применительно к русскому языку XVIII в., когда русский язык не располагал нормированной разговорно-литературной формой, Виноградов учитывает и понимание просторечия русским обществом конца XVIII столетия. «Карамзин и его приверженцы .. поставили перед собой задачу — разобраться в том сложном и разнородном, не имеющем и во всяком случае не имевшем твердых границ потоке устной народной речи, который в ту пору обозначался именем просторечия».⁶ Распространяя это положение, можно полагать, что просторечие понимается как совокупность специфических элементов обиходно-бытовой речи различных социальных групп населения (дворян, крестьян, мещан и др.). В применении к лексике в этом случае можно говорить о специфических словах и значениях слов, присущих общенародной разговорной речи.

Изучение просторечия по памятникам письменности XVIII в. (преимущественно относящимся к художественной литературе, отчасти к публицистике) обусловило подход к словам народно-разговорного источника с точки зрения литературного языка. В аспекте литературного языка оно понимается как совокупность языковых средств, присущих простому стилю. «Просторечие, — замечает Ю. С. Сорокин, — это то, что соответствует в первую очередь простому литературному слогу. Этот слог в значительной мере предоставлен на волю стихии... В нем находят себе выражение и стремление расширить пределы литературного языка, оживить и разнообразить формы его выражения, но вместе с тем в нем же продолжают сохраняться пережиточно старые, идущие от начала XVIII века тенденции перазборчивого пользования любыми средствами разговорного языка».⁷

⁵ В. В. Виноградов. Основные вопросы изучения современных славянских литературных языков. — Вестн. МГУ, сер. обществ. наук, № 7. 1949, с. 33.

⁶ В. В. Виноградов. Из наблюдений над языком и стилем И. И. Дмитриева. — Материалы и исследования по истории русского литературного языка, т. I. М., 1949, с. 168. См. также замечание Ю. С. Сорокина: «Просторечие охватывает область разговорной речи в отличие от книжного языка» (Ю. С. Сорокин. Разговорная и народная речь... с. 100).

⁷ Ю. С. Сорокин. Разговорная и народная речь... с. 113.

Объектом нашего исследования является просторечие в аспекте литературного языка, понимаемое как функционально-стилистическая категория, обладающая стилистической маркированностью, проявляющейся как сниженность, опрощенность. Эта категория рассматривается в процессе сложения во время формирования русского литературного языка второй половины XVIII в.

Мы постоянно обращаемся к просторечию в широком плане — к общей разговорной речи — ввиду того, что разговорная речь является источником, постоянно питающим функционально-стилистическую категорию — просторечие.

Стилистическая маркированность слова в исследуемый период обнаруживает зависимость от его генетического источника (в данном случае просторечное слово — слово русского источника), закреплённости слова в памятниках определенных жанров, позднее — в вариациях жанров и в контекстах определенного содержания. Стилистическая маркированность слова обнаруживает также зависимость от структуры слова, его семантики, особенностей экспрессивного плана. Стилистическая маркированность просторечных слов претерпевала изменения в пределах данного периода в связи со стилистическими перегруппировками лексики (нейтрализацией ряда просторечных слов, передвижением к периферии литературного языка и выходом за его пределы), а также по-разному осознавалась представителями различных литературных школ и направлений.

2.02. Функционально-стилистические категории исторически изменчивы. Это их качество обосновано, с одной стороны, тем обстоятельством, что литературный язык как особая форма существования общенародного языка, в составе которого формируются постепенно функционально-стилистические категории, сам представляет собою исторически изменяющийся объект. С другой стороны, источники, на базе которых формируются функционально-стилистические категории — в данном случае русская разговорная речь, — также подвержены историческим преобразованиям. Поэтому объективное познание функционально-стилистических категорий возможно только при учете особенностей соотношения в системе форм существования языка на данном этапе его существования.

Процесс развития русского языка от древнейших времен до наших дней, сложение литературного языка могут быть правильно осмыслены и освещены только в том случае, если они изучаются в тесной связи с историей народа. Это исходное положение должно соблюдаться при любом историческом исследовании языка. Поэтому при изучении русского языка XVIII в. существенно необходимо учитывать специфику социально-экономического развития России, состояние русского общества и особенности сложения его культуры.

Вторая половина XVIII в. рассматривается нашей исторической наукой как время зарождения капиталистических отношений.⁸ Известные успехи русской промышленности (расширение мелкого производства в городах, организация и рост крупных мануфактур, появление новых отраслей производства), организация и укрепление общего рынка, постепенное оформление и рост антагонистических классов — рабочих и капиталистов, характерных для капиталистических отношений, проследивающиеся тенденции разложения феодально-крепостнической системы, потрясаемой мощными волнами крестьянских восстаний и подвергавшейся критике с разных социальных позиций, значительное усиление государственной централизации явились необходимыми условиями консолидации русской нации. В XVIII в. в России уже сложились необходимые социально-экономические предпосылки дальнейшего развития культуры. Постепенно расширяется круг культурных людей в дворянской и разночинной среде. При этом значительная часть русского общества в своей политической ориентации не связана с официальной правительственной культурой и даже противостоит ей. Создание русской науки «людьми разного чина и звания», такими как крестьяне М. В. Ломоносов и М. Е. Головин, солдатские дети И. И. Лепехин, С. П. Крашенинников, В. Ф. Зуев и другие, просветительская деятельность А. Я. Поленова, Я. П. Козельского, Н. И. Новикова, С. Е. Десницкого и многих других и особенно революционные воззрения А. Н. Радищева, так блестяще выраженные в «Путешествии из Петербурга в Москву», — вот убедительные примеры проявления новой демократической русской культуры.

Ко второй половине XVIII в. относится творчество выдающихся русских писателей — М. В. Ломоносова, А. П. Сумарокова, В. И. Майкова, В. И. Лукина, И. Ф. Богдановича, Г. Р. Державина, А. Н. Радищева, И. И. Дмитриева, И. М. Долгорукова, М. Д. Чулкова, М. И. Попова, М. М. Хераскова и др., объединенных различными литературными течениями со свойственными им жанровыми, стилистическими языковыми особенностями. Все это следует иметь в виду при изучении русского языка на данном этапе его развития.

2.03. Рассмотрение просторечия как функционально-стилистической категории предполагает изучение особенностей формирования литературного языка. Его словарный состав пополняется за счет нейтрализующихся просторечных слов и в значительной мере за счет просторечия растет и совершенствуется арсенал образных и экспрессивно-оценочных средств. В то же время целый ряд ранее широко употреблявшихся слов и выражений сниженного плана передвигается на периферию литературного языка и

⁸ История СССР с древнейших времен до наших дней, сер. 1, т. III. М., 1967, сс. 305—425.

постепенно выходит за его пределы. Но такое исследование было бы неполным и недостоверным, если бы при этом не уделялось должного внимания источнику функционально-стилистического просторечия — разговорной речи. Ведь семантические, словообразовательные, оценочные свойства просторечных слов складывались в живом употреблении и в ряде случаев получали в литературном языке возможности дальнейшего развития.

Весьма существенно, что в XVIII в. система литературного языка, обработанной формы существования общенародного языка, обладающей в определенной степени как обработанностью, так и письменно закрепленными нормами, обнаруживает тенденции постепенно стать главным средством языкового общения. Литературный язык представляют различные виды письменных памятников: произведения различных жанров художественной литературы, публицистика, научные и научно-популярные сочинения, социально-политические трактаты, официальные документы и др. Это следует рассматривать как свидетельство активного и глубокого процесса формирования поливалентности и многофункциональности литературного языка в его письменной форме. Поэтому объективное суждение о состоянии, составе и тенденциях развития русского литературного языка возможно только на основе обобщения данных всего многообразия памятников, представляющих русский литературный язык. Невозможность осмысления общих закономерностей развития литературного языка XVIII столетия на основании материалов, представляющих лишь одну из сфер его применения (например, сферу художественной литературы), очевидна и понятна. Но и при любом частном объекте исследования односторонность материала может привести к ошибкам принципиального характера.

Особое социальное задание — обслуживать широкие сферы письменного общения, несравнимые со сферами применения былых типов литературного языка, как книжно-славянского, так и народно-литературного в отдельности и в их совокупности, — требовало иного, обширного набора средств выражения и, в частности, широты и многообразия лексического состава, гибкой семантической и стилистической системы. Это задание требовало консолидации в литературном языке всего жизнеспособного, чем располагали оба типа литературного выражения предшествующей поры. Но такое объединение было возможно только на основе ориентации на язык широких кругов современного общества, на язык нации. Поэтому основным процессом, прослеживающимся при сложении литературного языка на этом этапе его развития, является процесс его неуклонной демократизации. Он проявляется в различных формах: в отборе из родственного, но не тождественного народно-литературному типу книжно-славянского типа литературного языка элементов, понимаемых широкими кругами общества, тающих возможности значительного

внутреннего развития, в постепенном ограничении применения самого этого типа выражения жесткими рамками строго определенных жанров письменности, в сближении письменной формы литературного языка и общей разговорной речи, в их взаимовлиянии и взаимопроникновении, в выборе и переоценке языковых средств, ранее свойственных только народно-литературному языку.⁹

Широкое межнациональное общение, необходимое для развития промышленности, торговли, военного дела, науки, культуры, определило многосторонние языковые контакты и заимствования.¹⁰

Сложный и трудный путь развития литературного языка в этот период нельзя представить себе в виде плавного поступательного движения вперед. Он изобилует борьбой противоречивых тенденций, здесь нередко завязываются узлы противоречий, где чисто языковые состояния осложнены социально обоснованным отношением к фактам языкового развития.

На пути развития литературного языка, отражающем процесс формирования общенародного языка и осложненным проблемами, связанными с его спецификой — обработанностью и нормированием, передки возвраты к уже пережитым состояниям и явлениям, хотя и в новой форме, затрудняющие формирование нового. Поэтому так необходимо при исследовании любой проблемы из области становления литературного языка рассматривать ее в общем контексте языкового развития. Только таким путем возможно избежать односторонности исследования, невольной абсолютизации одного из направлений и процессов в развитии литературного языка при сбрасывании со счетов всех остальных. Так, скажем, тенденции славянизации, связанные со школой И. П. Елагина, или архаизирующие тенденции конца века как одна из попыток борьбы с чрезмерным неоправданным использованием иноязычной лексики нельзя рассматривать как единственное направление развития литературного языка, не учитывая при этом, что в процессе синтеза и консолидации всех жизнеспособных элементов русской и славянской стихий происходила последовательная демократизация литературного языка и он постепенно все более ориентировался на общенародную речь как один из важных его источников.¹¹

⁹ См. статьи, посвященные вопросам становления национальных литературных языков, в книгах: Проблемы формирования и развития национальных языков. — Тр. Инст. языкознания, т. X. М., 1960; Вопросы образования восточнославянских национальных языков. М., 1962.

¹⁰ Е. Э. Биржакова, Л. А. Войнова, Л. Л. Кутина. Очерки по исторической лексикологии русского языка XVIII века. Языковые контакты и заимствования. М.—Л., 1972.

¹¹ См.: А. И. Горшков. История русского литературного языка. М., 1969, сс. 230—286.

Исследователи русского литературного языка единодушно отмечают на всем протяжении века неуклонное формирование лексической нормы в его письменной форме, хотя сложение ее лежит за пределами этого времени. Этот процесс представлял собою постепенное преодоление множественности вариаций, неизбежных при непрерывном бурном пополнении словарного состава языковыми средствами разного источника, движение к функционально оправданным семантико-стилистическим дифференциациям как традиционных, так и вновь принимаемых литературным языком элементов.

Осознание общественной необходимости нормированного литературного языка, попытки теоретического предсказания его основ характерны для русского общества уже в первой половине столетия. Грамматическая нормализация русского литературного языка (письменной формы) предшествовала, как известно, нормализации лексической. Особенности нормализации русского литературного языка XVIII в. отражали состояние языковой системы, переживающей процесс становления, когда ей еще не свойственна строгая определенность составляющих звеньев, а системные отношения несут в известной мере противоречивый характер. Свидетельством такого состояния на уровне лексики могут быть яркие проявления недостаточности словарного состава русского литературного языка при явной избыточности отдельных лексических микросистем. Об этом же свидетельствуют семантические особенности: характерный синкретизм при недостаточной внутренней семантической расчлененности. Об этом говорит и наблюдаемое отсутствие четкости размежеваний синонимов в идеографических синонимических рядах и др. Все это свидетельствует о состоянии лексико-семантической системы, характеризующем исследователями как состояние неустойчивого равновесия. Отсюда происходила зыбкость и вариантность нормы как субъективно-объективного отражения системы.

Заметное влияние на нормирование оказывали особенности общественного восприятия процесса развития русского литературного языка, проявляющиеся в воздействии различных литературных школ. Это наглядно демонстрирует полемика по вопросам нормализующего отбора слов, характерная для второй половины века. Основы лексической нормализации выковывались в постоянной борьбе вкусов и мнений, определяющихся принадлежностью писателей, журналистов, ученых к определенной литературной школе и социальной среде. Мнения о правильности выбора слова аргументировались в середине века соотносительностью с тем или иным стилем; как основание такого выбора выступали генетическая принадлежность слова, а иногда и свойственность определенной среде. В языковой полемике конца века генетические противоположения уже отнюдь не всегда связывались с жан-

ром и часто дополнялись требованиями понятности, соответствия вкусу, который в свою очередь зависел от опосредованного социально обусловленного восприятия слова или группы слов. Литературному употреблению XVIII в. до самого его конца свойственна значительная вариантность нормы.

2.04. Непременным условием изучения функционально-стилистической категории — просторечия является наличие знаний о разговорной речи того времени. При этом следует заметить, что понятие *разговорная речь* идентично в то время понятию *просторечие* как форма существования языка.

Разговорная речь того времени имела определенные экстралингвистические признаки. Ей, как и современной русской разговорной речи, было свойственно проявление в условиях непосредственного общения, неподготовленность, преимущественно диалогическая форма реализации. Но она существенно отличалась по месту, занимаемому ею в системе форм существования языка, по особенностям соотношения с ними, по специфике функционирования. Разговорная речь в то время занимала промежуточное положение между письменным литературным языком и диалектами. Она частично удовлетворяла те потребности языкового общения, которые впоследствии обслуживала литературно-разговорная форма, но, как и диалекты, служила и целям обиходно-бытового общения. Тесно связанная с диалектами, разговорная речь была лишена типичной для них локальной ограниченности и служила образцом устной речи для говорящего на диалектах населения.

Своеобразием отмечены и контакты общей разговорной речи с письменной формой литературного языка, более непосредственные, чем свойственные нашему времени, облегчающиеся еще не преодоленной вариантностью нормы, но иногда и затрудненные столкновением с языковыми средствами иного генетического источника. Складывающаяся в письменной форме литературного языка стилистическая дифференциация словарного состава еще не обрела необходимой стилистической оправданности. Контуры нормы наметились в тенденции. Заметно увеличившийся круг людей образованных, включавший уже не только представителей дворянства, но и разночинцев, не был еще настолько широк, чтобы служить необходимой социальной базой образования нормированной разговорно-литературной формы литературного языка. Все это обусловило существование ненормированной разговорной речи — просторечия как средства широкого общения различных кругов русского общества.

Серьезные трудности в изучении разговорной речи данного периода сопряжены с тем обстоятельством, что здесь исключена возможность непосредственного наблюдения, суждения могут основываться только на отражении элементов разговорной речи в памятниках письменности, всегда неполном, осложненном тра-

дициями письменной передачи. В распоряжении исследователя должен быть материал памятников не литературных, отражающих разговорную речь более полно (записки, личная переписка), хотя и здесь передача разговорной речи осложнена, что выявляется в особенностях совмещения элементов, закрепленных за письменной и разговорной формами существования языка. Но в известной мере такой материал представляет ресурсы разговорной речи исследуемого периода. Сопоставление его с лексическим составом функционально-стилистической категории дает некоторые возможности суждения об особенностях отбора просторечных слов этой категорией и об отношениях литературного языка и разговорной речи изучаемого времени. Фундаментальный материал в соединении с объективным анализом — необходимые условия познания общего состояния русской разговорной речи исследуемого периода. На основании предварительных наблюдений можно наметить лишь некоторые ее особенности. Так, на протяжении всего XVIII столетия прослеживаются:

1) большие возможности контактов с диалектной обиходно-бытовой речью при неуклонно расширяющемся влиянии общенародной обиходно-бытовой речи Москвы и Петербурга на локальные вариации;¹²

2) отсутствие четких и охватывающих значительную часть лексического состава социально-групповых дифференциаций, намечающихся преимущественно в тенденциях;

3) установившиеся социально-групповые дифференциации разговорной речи (просторечия) обращены в основном к социальной структуре феодально-крепостнического общества. Общественное осмысление отдельных языковых элементов и групп языковых фактов в социальном аспекте ведется с точки зрения той же социальной структуры.

В роли разговорной речи в русском обществе выступала и французская разговорная речь. Условия ее функционирования были своеобразны. Французская разговорная речь в России XVIII в. прежде всего социально-групповая. Ею владели ограниченные круги общества: придворные, образованное дворянство, составляющее отнюдь не большую часть довольно обширных кругов русского поместного дворянства. Образованное дворянство усваивало французский язык глубоко и широко как язык письменного и устного общения. Знакомство с трудами французских ученых и художественной литературой Франции, французский язык как язык преподавания и воспитания, французский язык как язык дипломатии, французская разговорная речь (придвор-

¹² Показательно свидетельство влияния речи Москвы и Петербурга на бытовую речь Архангельской губернии, приведенное в моей работе «О диалектной лексике русского языка XVIII века. (К постановке вопроса)» — в кн.: Процессы формирования лексики русского литературного языка (от Кантемира до Карамзина). М.—Л., 1966, с. 129.

ные круги, светское общество) — все это свидетельства популярности французского языка и распространения французской разговорной речи в русском обществе. На широкие круги дворянства французская речь распространялась в своеобразном преломлении. Как подражание высшим кругам дворянства, общающегося с провинциалами при наездах в поместья, как подражание в столицах обыкновениям двора и придворных проявлялась галломания, не предполагающая серьезного и вдумчивого владения французским языком и основательными навыками французской разговорной речи. Это порождало макароническое смешение французской и русской обиходно-бытовой речи, так остро и злободневно пародируемое сатирической журналистикой 60—90-х годов XVIII столетия.

Несомненно влияние французской разговорной речи на обиходно-бытовую речь определенных кругов и облегчаемое двуязычием освоение ряда французских оборотов и слов, а также наличие в русской разговорной речи семантических калек с французского языка.¹³ Тем не менее ввиду ограниченности социальной среды, в которой пользовались французской разговорной речью, она не могла принять функции общей разговорной речи и даже разговорной речи всего дворянства, не замещала русскую разговорную речь как форму существования языка. Французская речь даже в этой среде не была единственным средством обиходно-бытового общения. Наряду с ней в придворных кругах и среде столичного дворянства, в кругу писателей, ученых широко пользовались русской разговорной речью. Такое двуязычие в сфере устного общения не замедлило сближение литературного языка (существовавшего только в письменной форме) и разговорной речи, а способствовало общественному осознанию необходимости ее нормирования.

2.05. Просторечие как функционально-стилистическая категория литературного языка объединяло в своем составе слова, квалифицируемые словарями XVIII в. как просторечные, принадлежащие общей разговорной речи, и «простонародные», характерные для речи простого народа (крестьян, ремесленников, мещан и др.). При сопоставлении лексики, данной в словарях с пометой «в просторечии», со словами с пометой «простонародное» выявлялся целый ряд признаков, общих для этих групп слов.

а) «Простонародная» лексика, так же как и просторечная, не ограничена локально в употреблении.

б) Социальная ограниченность многих «простонародных» слов не подтверждается памятниками второй половины XVIII в. Целые большие группы слов, даваемых в словарях с пометой «простонародное», обычны в речи персонажей литературных памятни-

¹³ Е. Э. Биржакова, Л. А. Войнова, Л. Л. Кутина. Очерки по исторической лексикологии.

ков — крестьян, мещан и др., а также и дворян, провинциальных и столичных (в натуралистической комедии, следующей за разговорной речью), характерны для личной переписки, записок представителей различных групп дворянства. Очевидно, мы имеем здесь дело с особенностями процесса социальной дифференциации русской разговорной речи, обусловленными исторически — историей жизни русского общества и историей русского языка. Языковые контакты различных социальных групп общества и прежде всего крестьянства и поместного дворянства, живущего в поместьях и слабо общающегося к культуре, были достаточно тесными.

в) Отношение писателей, ученых, представителей различных литературных школ и направлений к отдельным словам и выражениям разговорной речи, пометы, данные при таких словах в словарях, отражали процесс и тенденции социальной дифференциации и социального осмысления лексики разговорной речи. Поэтому словари последней трети XVIII в. стремятся выделить лексику, характерную для разговорной речи, но по-разному подходят к ее характеристике. Нерасчлененному подходу, когда одной пометой отмечается принадлежность лексики разговорной речи, противостоит попытка социального разграничения ее ресурсов при неясных, неопределенных основаниях разделения. Так, в Русско-немецко-французском словаре И. Нордстета (1780—1782) с пометой *vulg.* (вульгарное, в смысле — народное) даются слова, локально ограниченные в употреблении и общенародные, принадлежащие общей разговорной речи, позднее получившие в Словаре Академии Российской помету «в просторечии» (см. *башка*, *балясник*, *блажить*, *бубенить*, *карачун*, *ковылять*, *кукситыся* и др.). Показательны расхождения в пометах предварительного словника (Аналогических таблиц) и Словаря Академии Российской, а также неясность разграничений лексики с пометами «в просторечии» и «простонародное» в этом Словаре.

г) Просторечие и так называемая «простонародная» лексика обнаруживают единство языковых и стилистических признаков. Наблюдения показывают, что и просторечным, и «простонародным» словам присущи одни и те же фонетические особенности. Например, и в ту, и в другую группу лексики — по Словарию Академии Российской — входят слова с полногласием (при нейтрализовавшемся неполногласном слове): *ворог*, *морож*, *норов* — «простонародные», *середович* — просторечное; слова с протезами и заменами: *вострый*, *вотчим*, *окроме* — просторечные, *опосле*, *оржаной* — «простонародные» и др. Данным категориям принадлежат слова, образованные по одним и тем же моделям.¹⁴ И просторечию, и «простонародной» лексике в одинаковой мере присущи избирательность лексического состава, преимуществен-

¹⁴ См. ниже, гл. III.

ная характерность для слов отрицательной характеристики предмета, явления качества, действия, образность и метафоричность.¹⁵

Обе группировки — просторечие и «простонародные» слова — обнаруживают функционально-стилистическую однородность, являясь в памятниках второй половины XVIII столетия средством создания колорита сниженности, непринужденности. В конце века для тех и других слов ощущается противопоставленность лексике с нулевой маркированностью — нейтральной лексике.

При исследовании функционально-стилистической категории просторечия это деление учитывается как присущее ее источнику — разговорной речи. Состав «простонародной» лексики (даже в пределах Словаря Академии Российской, фиксировавшего ее со значительными ограничениями) неоднороден. Внутри его уже во второй половине XVIII в. намечаются группы, характеризующиеся преимущественной принадлежностью речи простого народа. Так, по-видимому, можно считать определившейся уже в это время социальную ограниченность в употреблении слов этнографического характера, связанных с простым бытом, народными обычаями, обрядами, играми и др. См., например, слова *клеть*, *кут*, *коник*, *клюка*, *зипун*, *коты*, *чеботы*, *кика*, *сорока* 'головной убор замужней женщины', *посиделки*, *семик*, *горелки*, *гулючки* и целый ряд других. Большая часть таких слов позднее, в XIX в., стала достоянием территориальных диалектов, когда носителем таких диалектов становится в основном крестьянство, а диалекты в процессе формирования нации превращаются в территориально-социальные.¹⁶

Обращает на себя внимание тенденция словарей XVIII в. сопровождать пометой «простонародное» слова с большей экспрессией грубости. См., например, *визлай* 'непроворный человек', *вторивать* 'вводить в неприятное дело', *вытурить* 'выгнать', *дрыгнуть* 'долго и крепко спать', *жилить* 'плутовать', *зубоскалить* 'пасмешничать', *лаяться* 'ругаться с кем-л.', *ляпать* 'делать что-л. кое-как' и др. Однако слова с резкой экспрессией грубости сопровождают в словарях и пометой «в просторечии». См.: *башка* 'о тупом человеке', *блажить* 'дурачиться, шалить, упрямиться', *болгаться* и *слоняться* 'бывать, ходить без дела где-либо', *бурда* 'о мутном напитке', *вараксать* 'худо писать', *стянуть* 'украсть', *укокошить* 'убить', *улизнуть* 'убежать', *уломать* 'с трудом убедить, уговорить кого-л.' и многие другие. Такая непоследовательность показывает, что критерий меры экспрессии грубости оказывается в данном случае недейственным, а само разделение слов — субъективным. И это вполне закономерно, так как для лексики, специфичной для разговорной речи, характерен широ-

¹⁵ См. ниже, главы IV и V.

¹⁶ Ф. П. Филин. К вопросу о так называемой диалектной основе славянских национальных языков. М., 1962, с. 27.

русского национального языка. — В кн.: Вопросы образования восточно-

кий спектр экспрессивных красок, а диапазон колебаний меры экспрессии весьма значителен. Эти качества характеризуют разговорную речь вне ее социальных градаций.

В исследовании, посвященном такой функционально-стилистической категории, источником которой является разговорная речь значительно отдаленной от нас эпохи, автор лишен возможности непосредственного наблюдения процесса социальной дифференциации. Приходится судить о ней лишь на основании косвенных данных — на основании отражения процесса в памятниках письменности, сопоставляя с ними сведения, полученные из словарей, замечания писателей и ученых. В этом положении предпочтительная фиксация установившихся разграничений, т. е. указание на слова с оформившейся прикрепленностью к речи простого народа, входящих в функционально-стилистическое просторечие из круга тех многочисленных слов, которые хотя и сопровождалась в словарях пометой «простонародное», но, судя по данным разнообразных памятников, были характерны для речи различных социальных групп русского общества. Пометы словарей «простонародное», *vulg.*, *pleb.* при соответствующих словах должны учитываться как материал, дающий возможность судить о тенденциях социального разграничения и о социально обусловленном осмыслении отдельных слов и групп лексики.

2.06. Значительные трудности представляет разграничение просторечной (в аспекте разговорной речи) и областной лексики как в силу недостаточности наших знаний о словарном составе русских диалектов XVIII в., так и благодаря особенностям соотношения различных форм существования русского языка того времени. Приняв исключение из исследования лексики диалектной как категории чисто генетической, следует иметь в виду, что провести четкую границу между словами общераспространенными и локально ограниченными довольно сложно. Соотношение общепотребительной разговорной речи и ее диалектных вариаций изменяется от эпохи к эпохе, и при этом всегда существуют пограничные группы лексики, находящиеся на грани приобретения локальной ограниченности. Тем более сложно точное разграничение просторечия в аспекте разговорной речи и слов, постепенно приобретающих локальную ограниченность, в эпоху формирования национального языка, когда прослеживаются перегруппировки и взаимное проникновение элементов, принадлежащих разным формам существования языка. Исследователи отмечают, что четкое разграничение лексики литературного языка и диалектной, полное осознание их противопоставленности возможно только при наличии сформировавшегося состава литературного языка в его письменной и устной форме. В русском языке XVIII в. разграничительные процессы не были завершены.

В памятниках второй половины XVIII в. можно выделить группу слов, характеризующихся словарями того времени как

«простонародные», социально не ограниченных в употреблении, выявляющих тенденции к локальной ограниченности, вероятно, довольно широко употреблявшихся на территориях различных говоров, но постепенно теряющих эту широту, в XIX столетии ставших локально ограниченными. См. слова *притка* 'неприятность', *невидница* 'о чем-л. невиданном, невероятном', *талан* 'счастье, доля', *вылещать* 'выпрашивать', *обострожить* 'привыкнуть, освоиться' и др. Поэтому при изучении просторечия необходимо учитывать лексику, сопровождаемую в памятниках локальными указаниями, как материал, необходимый для уточнения границ просторечия, хотя и остающийся за пределами исследования, а также и названные выше переходные случаи.

3.01. Диахроническое изучение просторечия в идеале должно начинаться со второй половины XVII в., когда на начальном этапе формирования русского национального языка происходит процесс униформации городских диалектов в более или менее однотипное российское просторечие.¹⁷ Эта проблема, впервые выдвинутая и всесторонне аргументированная Б. А. Лариным, по своей трудности и обширности требующая длительной работы коллектива исследователей, не получила, к сожалению, какого-либо освещения. Мы не располагаем и сводом лексики русского языка средневековья, сопоставление которого с лексическим составом русского языка первой половины XVIII в. также дало бы возможность серьезного изучения предыстории просторечия как функционально-стилистической категории.

Историческая диалектология русского языка XVIII в. пока не разработана. Историческая лексикология и историческая стилистика, располагая значительными данными о русском языке XIX в., начинают систематическое изложение с предпушкинской поры. Все это создает серьезные трудности на пути изучения функционально-стилистических категорий русского языка XVIII в. и требует расчленения работы во временном отношении, временных ограничений. Наиболее целесообразно изучение отдельных периодов развития и оформления просторечия с тем, чтобы по мере накопления фактов и знаний, идя от уже познанного к тому, что еще неизвестно, постепенно осветить историю формирования просторечия.

Временные границы исследования мотивируются не только указанными выше обстоятельствами. Первостепенное значение имеет состояние самого объекта изучения.

Естественно предположить, что содержание и объем понятия просторечия исторически изменчивы. В применении к русскому языку XVIII в., времени интенсивного, но осложненного борьбой различных тенденций формирования нормы единого рус-

¹⁷ Б. А. Ларин. Разговорный язык Московской Руси. — В кн.: Начальный этап формирования русского национального языка. Л., 1961, с. 34.

ского литературного языка, новой системы его стилей, исторические преобразования состава, функций и самого понимания просторечия вполне закономерны. Этапы языкового развития русского языка XVIII в., конечно, невозможно рассматривать как нечто изолированное друг от друга. Каждый этап является продолжением предыдущего; в языковом развитии обнаруживаются как новые тенденции, так и результаты, остатки прошлого. Функционально-стилистические категории несут на себе печать времени: новое, развивающееся уживается здесь с остатками прошлого, входящее причудливо сочетается с пережиточным. Для каждого периода необходимо определение содержания понятия просторечие, осмысление основного направления его развития, учет того, что осталось от прошлого в его составе в общественном сознании.

3.02. Для первой половины XVIII в. характерна адекватность понятий просторечие — общая разговорная речь. Но в начале века еще различались два типа литературного выражения: на славянской основе — книжно-славянский тип и на русской основе — тип народно-литературный. Именно он часто именовался «простым стилем» или просторечием. Соответственно просторечными нередко считались слова русские, присущие «простому стилю», в противоположении церковнославянским. Об этом свидетельствуют, например, высказывания писателей и ученых первой половины XVIII в.: «А святой Павел апостол глаголет, яко никто воин обязуяся куплями угоден будет воеводе (2 Тим., глава 2, стих. 4). А и по простонародному речению есть глагол приличен сему, еже глаголется: одно взять, либо воевать, либо торговать» (Посошков, с. 114); «Но блаженная Ольга, бывшая от рода князей славянских, прияв владение, паки славянский язык нечто возбновила. И хотя уже давно начали речение исправлять и к славянскому приближаться, однако ж и до днесь еще многие употребляем, яко: вот, чють, эво, это, пужаю, чорт вместо: се, едва, здесь, сие, страшу, бес и пр.» (Татищев, Разговор двух приятелей, с. 91).

Книжно-славянский тип, узаконенный в таких жанрах светской литературы, как панегирическая поэзия, реализовался и в ряде памятников учебной и научной литературы. Но именно здесь проявлялась трудность его восприятия для постепенно расширяющегося круга читателей. Это создавало предпосылки проникновения в учебную и научную литературу так называемых «речей простых». См., например, оправдание введения «речей простых» в словарь в «Пристяжении» к «Лексикону трехязычному»: «В писахом же николико речей и простых, да бы могли и не книжницы пользу обретати хотяше ины языки знати» (Лекс, Поликарпова). В самом корпусе словаря встречаются русские дубликаты к словам церковнославянским с соответствующим комментарием автора. Вот некоторые из них: «Аз, двое знаме-

нует: в азбуке убо славенской первому письмени имя аз: ᾗλφα. в языке же славенском местоимение первого лица, аз просте глаголемо я, ѣ҃ѣ, ѣ҃ѣ҃ѣ, ego) (с. 1-А); «Вот просте глаголемо еместя вместо се, яко, вот человек, вместо се члвк, ѣдоѣ, ѣ҃ѣ, ессе» (с. 60). Наличие в словаре слов, позднее относимых словарями к просторечию или даваемых в них с пометой «простонародное» (таких как *богач*, *бражничать*, *колеть*, *кроме*, *кукать* 'издавать звуки голосом', *кукиш* и др.), употребление в аналогических рядах слов локально ограниченных (например, *чолн*, *лоточка*, *ботник*; *корец*, *ковш* и др.), отсылочные статьи, в которых показателен сам принцип генетического сопоставления (гомон зри мятеж; охаплю зри объемлю; ох зри увы, горе; задорю зри прогневаю и др.), свидетельствуют о широте и неопределенности понятия «речи простые», имевшего, вероятнее всего, генетические основания.

Показательно, что авторы некоторых учебных книг стараются избежать стихийных прорывов «речей простых» (называемых также и просторечием) в текст, найти особый способ выражения — не мудрый и не простой. См. у Магницкого: «Да будет всем известна книга сия и у всех честна. Яже есть со исполнением и доволным объяснением. Елико мочно показати, просторечий же убежати. Не мудро б ни просто учить, но как мочно толк получить» (Магницкий, Арифметика, с. 6).

Другой тип литературного языка, на русской основе, в то время постепенно расширял свои функции. Он обычен в ряде жанров светской литературы: в газете, дипломатических бумагах и посланиях, в мемуарах и др. Им пользовались в ряде случаев при переводе на русский язык различных сочинений, в том числе и научных. Традиции и средства народно-литературного типа часто сочетались здесь с элементами церковной книжности. В известной мере он не чуждался и разговорной стихии, более полно отразившейся в интермедии и в частной переписке.

Понятие просторечие, таким образом, для первой трети века не было однозначным. Просторечием по традиции назывался способ изложения средствами «простого» русского языка, противопоставленный способу изложения, характерному для книжно-славянского типа литературного языка. С другой стороны, просторечие означало и стихию разговорной речи. Немотивированное вхождение просторечия — слов, характерных для разговорной речи, — в несоответственные по тональности контексты памятников было для того времени довольно частым.¹⁸

¹⁸ См.: «Понеже аз признаваю, еже от *оплошки* архиерейския такочинится, понеже полагаются на служebníков своих в поставлении поповстем» (Посошков, с. 15); «Промонториум или капут, нос или предгорие есть конец сухова берега, который так далеко в море выходит, что *издалеча* видеть можно» (География, с. 6).

Памятники первой половины XVIII в. содержат любопытные попытки стилистического и социального осмысления лексики разговорной речи. Это связано с необходимостью отбора и испытания в письменности свойств различных слов. Введение таких слов в контексты ряда памятников становится преднамеренным, побудительные мотивы объясняются авторами. См., например, такие объяснения в сатирах Кантемира: «И народ говорил: вишь как почитают Господина Фоку» (Сатира III, с. 70: «Вишь вместо видишь; простолюдная речь»); «А благородство мое во мне не унывает И несильно принести мне ни какой польги. Знатны уж предки мои были в царство Ольги» (Сатира II, с. 51: «Ни какой польги. Лучше бы было написать ни какой пользы; да нужда рифмы убедила употребить простолюдное слово»).

Разъясняя значение иностранного слова *мода*, введенного в сатиру, Кантемир приводит аналог из живой разговорной речи как более всего понятное слово: «Мода слово французское, *mode* значит обыкновение в платье и уборах и самых нравов человек. Крестьяне у нас называют поверьем» (Примечание к сатире II, с. 57). Ср. также: «По простонаречию компас, называется матка: потому, что главный или первый инструмент у мореплавателей» (Мордвинов, Книга о плавании, с. 2).

В этих авторских ремарках в самом общем плане отражено социально-диалектное членение лексики: «простолудны», «простонаречны» и элементы, свойственные народным говорам и присущие общенародной речи. За ним уже угадывается другое противоположение: понятие простого, неукрашенного, обычного русского в противоположении изысканному, украшенному церковнославянскому. И именно здесь создается почва для дальнейшего расчленения и размежевания, очень нужного для видения перспектив формирования единого литературного языка, для предсказания путей его нормирования.

Известно, что в 30—40-е годы XVIII в. в теоретическом плане ставится вопрос о сближении литературного языка и разговорной речи. В предисловии к переводу романа Поля Тальмана «Езда в Остров любви», написанном В. К. Тредиаковским, содержится указание на непригодность церковнославянского языка для светской литературы, непонятность его для широких кругов читателей. Автор предлагает ориентироваться на разговорный язык как на основу нового литературного языка. В «Речи о чистоте русского языка» это положение уточняется: литературный язык должен следовать образцовому живому употреблению образованного дворянства.¹⁹

Симптоматично, что эти положения не нашли своего воплощения в литературной практике даже самого Тредиаковского. Не

¹⁹ В. В. Виноградов. Очерки по истории русского литературного языка..., сс. 85—88.

следует объяснять это только индивидуальными особенностями Тредиаковского, бывшего, по мнению некоторых исследователей, блестящим филологом, но малодаровитым писателем. Ведь и такой писатель, как А. Д. Кантемир, сделавший первые знаменательные шаги на пути вовлечения в орбиту литературного языка ресурсов разговорной речи, притом с определенным отбором, не пошел в своей литературной практике по этому пути далее «низкого стиля», хотя низкий стиль Кантемира отнюдь не сниженный, а скорее низкий лишь потому, что не является высоким.²⁰

Заслуга Тредиаковского и Кантемира состоит в том, что они сделали возможный и необходимый именно на данном этапе языкового развития шаг: указали один из важнейших источников русского литературного языка — русскую разговорную речь — и поставили вопрос о необходимости нормализации литературного языка.

Сказанное выше следует учитывать при изучении просторечия первой половины XVIII в. Оно несомненно должно быть исследовано и, как и следовало ожидать, в соответствующем его содержанию плане и при вытекающих из его особенностей задачах. Просторечие этого времени закономерно понимать в аспекте форм существования языка, т. е. просторечие — общая разговорная речь. При историко-лексикологическом плане исследования правомерно изучение просторечия на уровне лексики как совокупности слов, специфичных для общей разговорной речи. По наблюдениям ряда исследователей такая лексика в первой половине столетия еще не обнаруживает функционально-стилистических свойств в контекстах различных памятников письменности. А priori можно предположить, что и состав просторечия в памятниках письменности первой половины столетия будет иным, чем в памятниках второй половины XVIII в., ибо существенно менялись сами условия вхождения слов разговорного источника в контексты различной жанровой и стилистической принадлежности.

Описание просторечия первой половины XVIII в. представляется нам поэтому особым обширным исследованием со специфичной проблематикой, включающей генетико-диалектологические разыскания о роли диалектов русского средневековья в формировании общенародной разговорной речи, об отражении лексики разговорного источника в памятниках, как написанных «посредственным наречием», так и славянизированных. Несомненна необходимость привлечения многочисленных источников первой половины столетия, способных дать фундаментальный материал, на основании которого только и возможна объективная характеристика просторечия той поры. Это в свою очередь подтверждает необходимость выделения просторечия первой половины века как объекта особого исследования. В наши задачи оно не входит.

²⁰ А. И. Горшков. История русского литературного языка, с. 194.

3.03. Наше исследование сосредоточено на второй половине XVIII в. Мы начинаем его с 1755 г., со времени написания трудов М. В. Ломоносова «Российская грамматика» и «О пользе книг церковных в российском языке», со времени, когда при обычном для XVIII в. широком понимании просторечия (просторечие — разговорная речь) происходит постепенное формирование, оформление и осознание просторечия как функционально-стилистической категории, органически связанного с процессом нормирования литературного языка, направляемым Ломоносовым. «Российская грамматика», сочинение «О пользе книг церковных в российском языке», «Материалы к Российской грамматике» свидетельствуют о том, что для Ломоносова характерно понимание просторечия как одной из форм существования русского языка (просторечие — общая разговорная речь) и признание функционально-стилистического назначения элементов из этого источника в литературном языке (просторечие — слова разговорного источника, характерные для низкого стиля, допустимые в среднем стиле). В подходе Ломоносова к конкретному материалу всегда ощущается сложное переплетение характерных для второй половины XVIII столетия противопоставлений: генетического (славянское — русское), функционального (книжное — разговорное), стилистического (высокое — простое). Констатируя эту сложность и многозначность, следует признать главное: именно Ломоносов сделал решающий шаг на пути познания стилистических возможностей богатейших языковых средств русского языка. В работах Ломоносова впервые на этом материале представлен новый аспект рассмотрения языковых средств — аспект функционально-стилистический. Именно с этого времени и вплоть до конца XVIII столетия в сознании русского общества существуют два аспекта понимания просторечия: широкое функциональное (просторечие — разговорная форма существования русского языка) и функционально-стилистическое — по отношению к литературному языку, при котором маркированным признаком просторечия выступает его сниженность, обусловившая характерность для низкого стиля.

Проблема просторечия как функционально-стилистической категории формулирована в ломоносовской теории трех стилей в связи с обоснованием принципов лексической нормализации литературного языка. Как и в ряде других языков, в русском литературном языке она осуществлялась сначала в пределах письменной его формы (разговорная разновидность литературного языка еще не существовала), грамматическая нормализация письменной формы предшествовала нормализации лексической.

В «Российской грамматике» Ломоносова, заключавшей в себе описание грамматических норм единого русского литературного языка, исходным является разделение его на два стиля: высокий и простой (или просторечие). Здесь генетическое по природе про-

типовопоставление освещается и со стилистической стороны, так как в грамматике часты указания на соотношенность грамматических форм со стилями. Характерно пристальное внимание Ломоносова к формам живой разговорной речи. Об этом свидетельствуют следующие его замечания: «Окончивая правила о глаголах, нельзя не упомянуть о некотором особливом свойстве простого русского языка, изображающем скорые действия, которые производятся от прошедших неопределенных: от *глядел* — *глядь*; от *брякал* — *бряк*; от *хватал* — *хвать*; от *совал* — *сов*; от *ныхал* — *ных*. Все сии односложные глаголов произведения имеют силу дееспричастия: *глядь* на меня, *молвил*, то есть взглянув на меня вдруг, *молвил* и наклонение изъявительное значат: *хвать* его за руку, т. е. *хватил* его за руку»; ²¹ «Ее в просторечии, ея в штиле употреблять пристойнее»; ²² «[Некоторые] нарицательныя имена, которыя как прозвища мужчинам даются и ради того за собственные почитаться должны, производят отечественныя обоего рода; однако значат оныя больше презрение и употребляются в народном просторечии: *Гудок*, // *Гудкович*, *Гудковна*» (Материалы к Российской грамматике).²³

Просторечие для Ломоносова — и простой стиль, объединяющий русские языковые средства. Просторечие также — типичные для этого стиля средства, часто пришедшие из разговорной речи.

Основное направление лексической нормализации русского литературного языка, представленное Ломоносовым в работе «О пользе книг церковных в российском языке», состоит в определении соотношения в составе русского литературного языка русских и церковнославянских элементов, в установлении принципов стилистического применения сочетающихся в составе литературного языка элементов указанных двух стихий. Серьезное ограничение роли церковнославянского языка, отбор из его состава только того, что понятно, положение, что источниками, откуда черпаются славянизмы, должны быть только библия и богослужебные книги, знакомые народу по отправлении служб и религиозных обрядов, т. е. книг, в которых еще заметны следы античной культуры и значителен запас слов, пригодных для выражения отвлеченных понятий, точное указание на область применения славянизмов, утверждение русской письменности и разговорной речи в качестве источников русского литературного языка лежат в основании ломоносовской теории трех стилей.

Основу русского литературного языка по теории Ломоносова составляют слова, общие для русского и славянского языков. Они входят во все три стиля.²⁴

²¹ М. В. Ломоносов, Полн. собр. соч., т. VII, М.—Л., 1952, с. 539.

²² Там же, сс. 542—543.

²³ Там же, с. 651.

²⁴ Слова, общие для церковнославянского и русского языков, — общеславянские, они свидетельствуют о близости и родственности церковно-

Лексический состав современного Ломоносову литературного языка был разделен им на три группы (и две подгруппы). Третий род слов, которых нет в остатках славенского языка (т. е. в церковных книгах), за исключением «презренных слов», т. е. тех, каких «ни в каком штиле употребить не пристойно», был характерен для среднего и низкого штилей. «Средний штиль состоять должен из речений, больше в российском языке употребительных, куда можно принять некоторые речения славенские, однако с великой осторожностью, чтобы слог не казался надутым».²⁵

Границы низкого стиля определены следующим образом: «Низкий штиль принимает речения третьего рода, то есть которых нет в славенском диалекте, смешивая со средними (с элементами, общими для русского и церковнославянского языков, — *Г. К.*), а от славенских обще не употребительных вовсе удаляться по пристойности материй, каковы суть комедии, увеселительные эпиграммы, песни, в прозе дружеские письма, описания обыкновенных дел. Простонародные низкие слова могут иметь в них место по рассмотрению. Но всего подробнее показание надлежит для нарочитого наставления о чистоте российского штиля».²⁶

«Речения третьего рода», которых нет в остатках славенского языка, — это широкий круг слов русских, в том числе и собственных разговорной речи. Таким словам открывался широкий доступ в средний и низкий стили. Введение их в произведения определенных жанров должно было быть основано на «рассмотрении», т. е. подчиняться общим принципам лексико-стилистического нормирования. Поэтому особо оговорены Ломоносовым возможности применения в среднем и низком стилях так называемой простонародной лексики. «Равным образом употребить в нем (среднем стиле, — *Г. К.*) можно низкие слова, однако остерегаться, чтоб не опуститься в подлость».²⁷ «И, словом, в сем штиле (в среднем стиле, — *Г. К.*) должно наблюдать всевозможную равность, которая особливо тем теряется, когда речение славенское положено будет подле российского простонародного».²⁸

Оговаривается также применение слов презренных (по-видимому, вульгаризмов) и подлых, собственных речи социальных низов. «Выключаются отсюда (из слов собственно русских, — *Г. К.*) презренные слова, которых ни в каком штиле употребить не

славянского и восточнославянских языков, к которым относится русский язык. Вероятно, они были присущи разным формам существования древнерусского языка. При рассмотрении становления русского литературного языка в эпоху сложения нации они также должны рассматриваться как свидетельство исторической близости указанных языков.

²⁵ М. В. Ломоносов, Полн. собр. соч., т. VII, с. 589.

²⁶ Там же, сс. 589—590.

²⁷ Там же, с. 589.

²⁸ Там же.

пристойно, как только в подлых комедиях».²⁹ «Будет всяк разбирать высокие слова от подлых и употреблять их в приличных местах по достоинству материи, наблюдая равность слога».³⁰

Так к противоположениям генетическому и функционально-стилистическому присоединяется отграничение социального порядка. Вместе с тем, ограничивая возможности применения «простонародных» слов, «подлых» слов, Ломоносов чужд свойственной другим деятелям XVIII в. категорической узости. Включение в контексты «простонародных» «низких» слов «по рассмотрению» предполагает предварительный учет их семантических и стилистических возможностей. Так преломляется со свойственными Ломоносову демократизмом и широтой идея объединения в литературном языке всех живых сил национального языка на основе нормализующего отбора.

Все изложенное выше представляет собой основания для выбора нижней хронологической границы нашего исследования — со времени выхода в свет упомянутых работ Ломоносова, т. е. с середины 50-х годов XVIII в.

Верхней границей исследования является первое десятилетие XIX в. Граница эта, как и всякая хронологическая грань, условна. Она может быть оправдана тем, что это время завершения решающей битвы сторонников «нового слога» с Шишковым и его окружением. В известной мере эта граница может быть аргументирована характером источников: в первом десятилетии XIX в. заканчивается деятельность целого поколения писателей XVIII в. (Новикова, Радищева, Львова и др.). Следует при этом также принять во внимание намечающееся изменение специфики соотношения форм существования русского языка, усиление процесса сложения нормированной литературно-разговорной речи, связанного с новой оценкой ресурсов живой разговорной речи не только по отношению к письменной форме литературного языка, но и с точки зрения вкуса определенных социальных кругов. Следует принять во внимание и наличие иного подхода к использованию средств живой разговорной речи в тех жанрах, в которые она входила по традиции. Так, вышедшие в 1806 г. басни И. А. Крылова демонстрируют подход к просторечию с реалистических позиций и иной план его отражения в монологической и диалогической речи. Поэтому, хотя целый ряд процессов семантического и стилистического размежевания, выявляющих во второй половине XVIII в. свое направление, получает разрешение в предпушкинскую пору, представляется целесообразным выделение просторечия предпушкинской поры в особое исследование. В нашей работе выход за принятую нами границу допускается только в тех случаях, когда на конкретном

²⁹ Там же, сс. 588—589.

³⁰ Там же, с. 591.

материале необходимо убедительно показать тенденции развития русского литературного языка XVIII в.

Стилистическое исследование литературного языка отдаленных эпох часто сопряжено с опасностью невольной модернизации. Языковая интуиция исследователя — чуткий индикатор, незаменимый при познании современных изучаемому языковых состояний, безусловно, очень нужна и при диахроническом аспекте исследования. Но при отсутствии необходимых коррективов языковая интуиция может оказаться коварным орудием, полное доверие к которому ведет к невольным ошибкам.

Стилистические свойства слова зависят, как известно, от многих факторов: от его структуры, особенностей семантики, предметной отнесенности, от эмоционально-оценочных особенностей, социальной сферы бытования и др. Ряд этих факторов исторически изменчив. При изучении языка прошлых эпох необходимо учитывать все эти моменты в том виде, в каком они были свойственны данному времени. Поэтому языковая интуиция должна быть направлена на язык изучаемой эпохи и дополнена основательным знанием памятников различных видов и жанров, привлечением множества свидетельств, прямых и косвенных, показывающих принадлежность слова к изучаемой категории.

а) Следует учитывать пометы словарей второй половины XVIII в., толковых (Словаря Академии Российской и его словника — Аналогических таблиц), иноязычно-русских и русско-иноязычных (например, Польско-русского словаря Кондратовича, Российского с немецким и французским переводами словаря И. Нордстета и др.). И здесь всегда следует иметь в виду, что критерии отнесения слов к определенным стилистическим или генетическим группам могли быть различными у представителей разных общественных группировок, литературно-стилистических школ и направлений. В этом кроется одна из причин различий в квалификации слова словарями.

б) Составить объективное представление о стилистических особенностях слова в данных случаях поможет пристальное внимание к сфере употребления слова. Необходимо знать, типично ли то или иное слово для определенных групп памятников, закреплено ли за определенными контекстами, наблюдать свойство слова, проявляющиеся в контекстах (например, стилистическую однородность в типичных контекстах, различные реализации возможностей контрастно-стилистического противопоставления просторечного слова в контексте высоким словам в конце века как установившийся прием иронического пародирования).

в) Особое значение имеет положение слова в аналого-синонимических рядах (яркая противопоставленность словам высоким и наблюдающееся в самом конце века сложение триады: высокое — нейтральное — просторечное).

Так как слово, свойственное функционально-стилистическому просторечию, имеет своим источником разговорную речь второй половины XVIII в., отношения состава функционально-стилистического просторечия и разговорной речи являются отношениями формирующейся категории к своему основному источнику. Именно поэтому методика описания функционально-стилистического просторечия предполагает обращение к источникам, более или менее непосредственно фиксирующим разговорную речь того времени, как к одному из свидетельств принадлежности слова изучаемой категории.

В работе сочетаются историко-лексикологический и лингвостилистический аспекты исследования.

Лингвистическое описание лексических единиц, входивших в состав функционально-стилистического просторечия, включает рассмотрение выявленного состава в семантическом и словообразовательном планах. Оно дополняется изучением экспрессивно-оценочной специфики просторечия. Необходимое внимание уделяется характеристике просторечия в генетическом плане. Особое внимание обращено на выявление соотношений просторечных слов в составе лексико-семантических микроструктур (синонимических рядов, лексико-семантических групп). Объектом наблюдения являются также взаимоотношения нейтральной лексики и просторечия в процессе формирования литературного языка (ассимиляция литературным языком просторечия в процессе нейтрализации групп просторечных слов, формирование его выразительных средств, перемещение ранее нейтральной лексики от центра к периферии литературного языка).

Вопросы стилистики художественной речи остаются за пределами наших наблюдений. Указание на жанры художественных произведений, привлекаемых в качестве материала исследования, следует понимать как один из элементов исторического подхода при изучении литературного языка в ту пору, когда для системы стилей в теории характерна жесткая функционально-стилистическая и жанровая соотнесенность, сочетаемая со значительной степенью проницаемости жанрово-стилистических группировок в литературной практике.

В формировании функционально-стилистической категории — просторечия, как и всякой другой функционально-стилистической категории, сочетались тенденции собирания и объединения лексического состава и тенденции отбора и внутрикатегориальной дифференциации.

Допустимость слов разговорного источника в произведениях определенных стилей и жанров, осмысление просторечных и даже «простонародных» слов как отличительной особенности указанных стилевых групп памятников, выдвинутая Ломоносовым и поддерживаемая практикой писателей 50—70-х годов, хотя и «по рассмотрению», содействовали процессу собирания.

«Рассмотрение», т. е. определение пригодности слов и групп слов для памятников данных стилей и жанров с позиций нормы, характеризующейся в это время широкой вариантностью, не получившей еще функционально-стилистических обоснований, особая слабость «рассмотрения» в стиле низком определяли слабость проявления тенденций отбора. Эти обстоятельства в известной мере объясняют ту широту и разнородность состава слов разговорного источника в памятниках 50—70-х годов — на первой ступени оформления функционально-стилистического просторечия. Постепенно, к 80—90-м годам, весьма значительное количество таких слов прошло испытание на «приживаемость» в контекстах памятников низкого и среднего стиля, т. е. было вовлечено в орбиту действия других тенденций и процессов. При продолжающемся, хотя и менее интенсивном, процессе пополнения состава формирующейся категории в это время более значительны проявления дифференциации этого материала в зависимости от взаимоотношений с нейтральным составом литературного языка, семантических и оценочных свойств, соотношений в аналого-синонимических рядах и др.

Наше описание состава функционально-стилистической категории — просторечия, не являясь исчерпывающим, имеет своей задачей указание наиболее значительных групп лексики, присущей данной категории с самого начала ее формирования, но также и выявление процессов внутрикатегориальной его дифференциации.

4.01. Работа состоит из семи глав. В главе первой дается аргументированный обзор источников исследования. В ней содержатся обоснования привлечения в процессе исследования как традиционных при изучении просторечия памятников «низкого» стиля, так и памятников среднего и высокого стилей ввиду высокой степени проницаемости стилистических систем 50—70-х годов XVIII столетия. Здесь также мотивируется необходимость внимания к памятникам не литературным (личной переписке, запискам и др.) как к важнейшему источнику, сохранившему лексику разговорной речи исследуемой поры. Показана необходимость учета данных словарей различных типов и всех свидетельств о социальной стратификации лексики и социальной интерпретации отдельных слов и групп слов, разбросанных по памятникам различных жанров и стилей. В главе подчеркивается необходимость данных о локальной ограниченности употребления различных групп слов. Этот материал, оставаясь за пределами исследования, важен для разграничения лексики общей разговорной речи и ее локальных вариаций и необходим для суждений о составе просторечия.

Глава вторая имеет своей целью показать генетические истоки функционально-стилистического просторечия. При этом всегда имеется в виду соотношение данной категории и ее источ-

ника — общей разговорной речи, важное для понимания процесса включения в просторечие некоторых групп лексики в так называемой второй производности.

В главе третьей рассматриваются некоторые словообразовательные особенности просторечной лексики. Наше внимание сосредоточено на имени существительном и глаголе как на лексико-грамматических категориях, наиболее приспособленных к выражению конкретных значений, характерных для просторечного слова.

Глава четвертая посвящена рассмотрению семантических особенностей просторечия. Описание состава просторечия ведется при помощи выявления тематических групп просторечной лексики. Семантические соотношения внутри просторечия показаны на примере отдельных микроструктур — лексико-семантических групп. В главе предпринимается попытка выделения типичных для просторечия типов значений слов, а также описания путей сложения таких значений.

В главе пятой дается обзор видов оценочности просторечия, как обусловленной значением просторечного слова, так и связанной с выражением отношения к предмету, действию, качеству, обозначаемому словом, а также таких оценочных рубрикаций, в которых оба эти плана совмещены. Многообразие типов оценочности просторечной лексики рассматривается нами как один из факторов, обусловивший высокую степень синонимичности просторечия при специфической для этого времени недостаточной дифференциации внутри аналого-синонимических рядов.

Предметом наблюдения в главе шестой является постепенное оформление просторечия как особой категории лексики, внутреннее строение этой категории, включение отдельных групп слов, ранее принадлежавших просторечию, в основной, нейтральный состав литературного языка, определение роли просторечия в кругу образно-выразительных средств литературного языка, продвижение целого ряда просторечных слов к периферии категории, пополнение просторечия за счет слов, ранее нейтральных, постепенно приобретающих стилистическую маркированность.

В заключительной главе рассматриваются вопросы, связанные с отношением ведущих литературных школ и направлений конца XVIII — начала XIX в. к просторечной лексике, характеризуются особенности их подхода к отдельным словам и группам просторечных слов.

ИСТОЧНИКИ ИЗУЧЕНИЯ ПРОСТОРЕЧИЯ



1.01. При исследовании просторечной лексики и ее роли в процессе формирования русского литературного языка трудности отнюдь не ограничиваются выбором рационального подхода и проблематики исследования, разногласиями в понимании основных категорий исторической стилистики, неразработанностью исторической лексикологии и стилистики. Не менее серьезным и еще не разрешенным является вопрос об источниках исследования, от выбора которых в значительной мере зависит объективность и правомерность основных выводов.

Исследователь лексики народно-разговорного источника прошедших времен всегда в значительной мере лишен непосредственной полноты ее восприятия, а языковая интуиция и собственные языковые навыки более помогают ему при квалификации фактов разговорной речи, относительно стабильных, и без соответствующих коррективов могут вести к невольной модернизации. Следовательно, исследование должно основываться на тщательном изучении памятников того времени, в различной мере включающих в свой состав такую лексику, что предполагает широкое и основательное знакомство с памятниками различных жанрово-стилистических групп.

Но здесь следует учитывать целый ряд обстоятельств. Известно, что XVIII в. представлен огромным количеством памятников. Так, в Сводном каталоге русской книги (1725—1800) зарегистрировано более 9 тыс. книг того времени и более 500 периодических изданий. В него не вошли публикации XIX и XX столетий, число которых также значительно. Рукописные памятники XVIII в. тоже многочисленны. Идеальный для исследования охват всех памятников письменности — печатных и рукописных — в этих условиях невозможен. При таком положении особенно важен отбор источников. Исследователь должен выдвигать, с одной стороны, принципы вынужденного исключения

целых групп источников, а с другой стороны, определить принципы их отбора в тех типах и видах, которые должны быть изучены более полно, по ввиду их многочисленности не могут быть охвачены исследованием все абсолютно. В нашей работе мы исходили из следующих принципов отбора.

Многочисленность печатных памятников русского языка XVIII в., еще не введенных в научный оборот, заставила нас отказаться от привлечения рукописных источников.

Хронологические рамки нашего исследования, связанные с выдвижением проблемы просторечия Ломоносовым, определяют преимущественный охват источников 50—90-х годов XVIII в. и отчасти первого десятилетия XIX в.¹

В пределах этого периода исследованием были охвачены многочисленные источники, различные в жанрово-стилистическом и тематическом планах. При этом учитывалось, что, несмотря на принципиальную жанрово-стилистическую регламентацию, стилистические системы уже в середине XVIII столетия обладали сильной тенденцией проницаемости. Проникновение просторечия в различные стили и жанры обуславливает необходимость широкого и многообразного круга источников. Они должны быть достаточно разнообразны в стилевом, жанровом и тематическом планах, а следовательно, и по материалу, который они дают в руки исследователя.

Естественно, что широкую картину лексического состава просторечия дадут традиционные для таких слоев жанры «низкого» стиля 50—70-х годов: по Ломоносову — «комедии, увеселительные эпиграммы, песни, в прозе дружеские письма, описания обыкновенных дел». Сюда же следует отнести произведения сатирического плана, например притчу, ирои-комическую поэму, а также бытовую повесть. Необходимо и детальное изучение памятников простого стиля 80—90-х годов XVIII в. При учете основных вариаций простого стиля особенное внимание должно быть обращено на такие памятники, авторы которых, в зависимости от принадлежности к определенной литературной школе или направлению, смело пользовались богатейшими ресурсами народно-разговорной речи.

2.01. Памятники, в которых пользование просторечной лексикой определено их жанровыми особенностями, разнообразные по тематике, словарному составу, языковой манере, объединяет сознательная установка на русскую народно-разговорную речь. Роль просторечной лексики в них различна.

¹ Мы солидарны с мнением Ю. С. Сорокина, считающего, что для первого десятилетия XIX в. характерны процессы развития русского языка, типичные для XVIII в. См.: Ю. С. Сорокин. О Словаре русского языка XVIII века. — В кн.: Материалы и исследования по лексике русского языка XVIII века. М.—Л., 1965, сс. 17—18.

В комедии и комической опере просторечная лексика являлась определяющим компонентом речевых характеристик бытовых персонажей и одним из средств показа народного быта. Ведь комедия и комическая опера 60—70-х годов XVIII в. шли по пути натуралистического отображения действительности; они во многом следовали за разговорной речью различных слоев населения, но еще слабо отбирали и творчески применяли ее элементы в речи персонажей. Степень концентрации просторечной лексики в репликах, так же как и отбор слов, зависели от различных условий. Здесь многое объяснялось уровнем мастерства писателя. Так, различные в этом плане переводимые комедии А. Нартова «Превращенный мужик» и «Генрих и Першилла», «Тимон нелюдом» В. Лукина, характеризующиеся широким и часто немотивированным включением просторечной лексики в реплики персонажей и нарочитой сгущенностью ее в контекстах, и авторизованный перевод Д. Фонвизина «Корпои», в котором уже угадывается целенаправленное ее применение. Иногда различны тексты комедий и комических опер даже одного автора, что в ряде случаев объясняется и особенностями формы: стихотворные комедии Я. Князевина «Хвастун» и «Чудаки» отличаются меньшей концентрацией в тексте лексики народно-разговорного источника, чем его же написанная прозой комическая опера «Сбытеньщик».

Комедия и комическая опера второй половины XVIII в. как источник изучения просторечной лексики дают возможность суждения о социальных вариациях разговорной речи. Социальный состав персонажей в этих источниках достаточно широк и охватывает многочисленные группы населения: дворянство провинциальное и столичное, дворовые, крестьяне-землепашцы, однодворцы, ремесленники и мелкие торговцы, купцы, мещане и представители духовного сословия, подьячие и др.

Сопоставительное изучение реплик отрицательных персонажей позволяет предположить отсутствие резкой дифференциации их разговорной речи. Это было причиной поисков целым рядом драматургов 60—70-х и начала 80-х годов внешних различий речи дворян и крестьян, что и привело к отражению в речевых характеристиках крестьян некоторых особенностей диалектного произношения и намеренной концентрации в них лексических диалектизмов (комедии Лукина «Щепетильник», Верекина «На нашей улице праздник», Прокудина «Судьба деревенская»). Тем не менее изучение источников этого плана может дать основание для суждения о начале процесса речевой дифференциации, о зарождающихся элементах профессионального просторечия, о некоторых жаргонах (например, щегольском жаргоне) и элементах аргота (картежное аргот, аргот барышников — комедии

Луккина «Сговор», Кошнев «Обращенный мизантроп, или Лебединская ярмарка»).

Изучение лексического состава комедий и комических опер важно для осмысления предпосылок нормирования разговорной речи в соответствии с воззрениями авторов, результатом чего был отказ от применения традиционно «низкой» лексики в речи отрицательных персонажей. Такие тенденции заметны были в переводах ряда комедий, относящихся к 80—90-м годам. Так, в переводе комедии Мольера «Мизантроп», сделанном И. Елагиным, в речевые характеристики персонажей входят просторечные слова преимущественно со стирающей экспрессией и в небольшом количестве, такие как *вздор*, *умничать*, *уныться*, *давича*, *хохотун*, *рифмач*, *тужить* и др.

Более щедр в этом отношении В. Левшин в переводе комедии Гольдони «Слуга двух господ»; там встречаются просторечные слова и со стирающей, и с яркой экспрессией, такие как *попросту*, *малый* 'молодой человек', *суженый*, *детина*, *коморка*, *напроказить*, *пригожий*, *весельчак*, *наврать*, (с ума) *спянуть*, *пострел* 'паралич' и в бранном употреблении, *квит*, *пришучивать* и др. Но и здесь их концентрация в репликах невелика. Комедиям такого рода противостояли «Недоросль» Фонвизина, комедии Княжнина, Клушина, Плавильщикова, Крылова, Капниста, из которых одинаково неприемлемы были натуралистическое следование за речью, характерное для комедии 60—70-х годов, и нейтрализация речи персонажей рядом драматургов 80—90-х годов. Изучение лексического состава комедий этих авторов дает не только материал для суждения о различных группах слов в семантическом и экспрессивно-стилистическом планах. Состав речевых характеристик персонажей говорит о рациональном выборе просторечных слов, о поисках более распространенных из них и вместе с тем выразительных, характерных для речи разных социально-профессиональных групп. Наиболее показательны в этом отношении речевые партии комедии «Недоросль» Фонвизина. Реплики отрицательных персонажей здесь хотя и целиком построены на разговорной речи дворянства того времени, но для них характерно умение пользоваться ее богатейшими ресурсами, не прибегая ни к концентрации лексики народно-разговорного источника, ни к неоправданному включению в реплики слов с особенно интенсивной экспрессией грубости, столь обычных для других комедий этого времени. Это особенно заметно при наблюдении употребления синонимических слов в комедиях Фонвизина и других авторов.

См., например: «[Скотинин:] Смотри, не клеpli ж на себя, чтоб напрасных побой не принять. [Еремеевна:] Избави бог напраслины» (Фонвизин, Недоросль, с. 62); «[Угар:] Нет, права, скажи, голубушка, что ты за невидицу на себя вводишь?» (Веревкин, Так и должно, с. 20); «[Скотинин:] Нет, сестра!

Я и своих поросят завести хочу. Меня не проведешь» (там же, с. 61); «[Сенька:] Ха, ха, ха, животики надорвешь смеючись, как он их облапошивает» (Чернявский, Купецкая компания, с. 168).²

Изложенные выше соображения позволяют считать комедию и комическую оперу одним из важных источников для изучения просторечия.

2.02. Значительный интерес для изучения просторечной лексики представляет жанр басни. В притчах Сумарокова, сказках А. Аблесимова, баснях Н. Леонтьева, В. Майкова, М. Попова, отчасти в баснях Хемницера и Измайлова представлен богатейший набор просторечных слов как в речи персонажей, так и в речи автора. Кроме того, «в истории басни, как в миниатюре, отражается история простого и среднего стилей русского литературного языка XVIII и начала XIX в. и их роль в создании новой системы общерусского национального языка».³ К сожалению, эта история еще не изучена и не описана,⁴ и на долю исследователя просторечия приходится также труд подбора и анализа источников, представляющих этот жанр. При этом приходится учитывать некоторые моменты эволюции языка и стиля басни и то, какой вклад внесла русская басня в развитие словарного состава русского литературного языка. Известно, что басня — жанр синкретический. Она сочетает в себе элементы повести, сказки, драматических сценок и часто является сатирой. Это и определило широту и разнообразие отражения в ней живой разговорной речи в ее различных вариациях. На протяжении второй половины XVIII в. складывались принципы регулирования потока разговорной речи в сфере басни и соответственно качественно менялся сам состав просторечной лексики, характерной для басни. Эволюция языка басни свидетельствует о постепенном отходе от немотивированного включения просторечной лексики, характерного для притч Сумарокова и еще дающего себя знать в баснях Леонтьева, Попова, о переходе к выработке принципов его сознательного отбора, зависящего от языковых навыков и вкуса автора, определяемого воззрениями различных школ и направлений, что отчетливо чувствуется в баснях Хемницера, Измайлова и особенно И. И. Дмитриева. См., например, реплику Стрекозы в басне «Стрекоза» у Сумарокова и Хемницера.

² Слова *напраслина*, *провести* 'обманывать' даны в САР₁ без помет (САР₁, ч. 4, с. 472 и ч. 1, с. 554), но они характерны для низкого стиля и тяготеют к просторечию. Слова *невидница*, *облапошивать* словарями XVIII в. не фиксируются.

³ В. В. Виноградов. Язык и стиль басен Крылова. — Изв. АН СССР, ОЛЯ, т. IV, вып. 1. М., 1945, с. 25.

⁴ Из работ, посвященных описанию лексики и фразеологии басен XVIII в., см.: В. В. Замкова. Лексика притч А. П. Сумарокова. Канд. дисс. Л., 1952; В. И. Чернышев. О языке басен и сказок В. И. Майкова. — В кн.: Сб. памяти Л. Н. Майкова. СПб., 1902.

У Сумарокова

Стражду;
Сжался, сжался, муравей,
Ты над бедностью моей,
Утоли мой алч и жажду.
Разны муки я терплю:
Голод,
Холод,
День таскаюсь, почь не сплю.
(Стрекоза, с. 124)

У Хемницера

Помилуй, муравей,
Не дай пропасть мне в крайности моей:
Нет хлеба ни зерна, и как мне быть,
не знаю,
А можешь ли меня хоть чем-нибудь
ссудить?
Чтоб уж хоть кое-как до лета мне дожить?
А лето как придет, я право обещаю,
Тебе все вдвое заплатить.
(Стрекоза, с. 106)

Изучение языка басни необходимо также для выявления слов со значениями, в основе которых лежит образ, и для исследования средств образности народной речи — источника просторечия. Следует учитывать, что значения слов, основанных на метафорическом переносе, обычно формируются в словах конкретно-предметного значения. В некоторых случаях можно говорить о сложившихся в народной речи группах слов, производные значения которых образовались путем метафорического переноса. См., например, слова *осел* (об упрямом человеке), *ворона* (о рассеянном человеке), *змея* (о коварном человеке), *лиса* (о хитром человеке), *вилять*, *ворковать*, *лаять* 'ругать', *облапить* 'обнять', *ошетиниться*, *окрыситься* 'обозлиться, злобно наброситься на кого-л.' и др.⁵ Басня, где образ героя в известной степени определяется символической животной, поддерживала образность ставшегося просторечия, закрепляла такие слова в общенародном употреблении. Но, с другой стороны, она и сама щедро черпала образные средства из живой разговорной речи.

Басня конца XVIII в., особенно басня Дмитриева, где просторечие просеяно через сито дворянского вкуса, может дать интересный материал о принципах отбора просторечия, а также о стихийных его прорывах в реплики персонажей. Отметим включение просторечия в речь автора.

Любезна зяблица! кричит мой чиж соседке,
Смирненно прикорнувшей к ветке...

(Чижик и зяблица, с. 7)

Наш путник соколу в добычу не достался;
Однако все еще с бедой не развизался:
Летя от сокола, от страха, или так,
Насунулся избы на угол, как дурак.

(Два голубя, с. 28)

Оно тем более врывается в речь персонажей. См., например, рассказ мышонка из басни «Петух, кот и мышонок» о встречах им во дворе зверях:

⁵ См., например, значения слов *пень*, *чурбан* 'о тупом, непонятливом человеке'. Басня М. Попова «Пень», построенная на приеме олицетворения, несомненно поддерживала это формирующееся значение.

Один так смирен, добр, так плавно выступал,
 Так мпловиден был собою!
 Другой нахал, крикун; теперь лишь будто с бою;
 Весь в перьях; у него косматый крюком хвост; ...
 И будто две руки, служащи для полета;
 Он ими так махал,
 И так ужасно горло драл,
 Что я не трус, а подавай бог ноги —
 Скорее от него с дороги.

(сс. 3—4)

2.03. В состав источников для изучения просторечной лексики входит сатирическая поэзия половины XVIII в. от эпиграмм Тредиаковского, Ломоносова, эпиграмм и сатир Сумарокова, сатирических стихов Фонвизина до сатирической поэзии Д. П. Горчакова, С. Н. Марина, И. М. Долгорукого.

Многообразие жанров сатирической поэзии в сочетании с различием авторского подхода и степени авторского дарования обуславливают различные принципы подхода к использованию просторечия. Стихийное введение просторечия сочеталось в сатирической поэзии 50—60-х годов с включением просторечных слов в целях отрицательной характеристики объектов сатиры. См. у Сумарокова:

Пиптов на Руси умножилось число
 И все примаются за это ремесло:
 Не соловьи поют, кукушки не кукуют,
 И врут и враки те друг друга критикуют:
 И только тот из них поменее наврал,
 Кто менее еще бумаги замарал.

(О французском языке, с. 370)

Позднее с помощью просторечных слов создается тон неприязненной дружеской беседы. Это особенно часто в стихах Долгорукого:

Исчислить всех чудес не можно,
 Какие строить ты авось!
 Скажу — и это чай не ложно —
 Что без тебя весь ум хоть брось.
 Трудись, потей, слагая темы,
 Исчерпай естества системы, —
 А все же с места никуда;
 А тот, кто за авось возьмется
 Не думав, ни гадав плетется,
 И промах редко даст когда.

(Авось, с. 436)

Но просторечие является также средством сатирического пародирования. Вот, например, как характеризует просторечная лексика неуча-дворянина (от его же лица) в стихотворении Долгорукого:

Лишь только б до венца мне как-нибудь добратсья,
 А то я молодец, могу хоть с кем равняться;
 Детина напоказ, натурою счастлив,

И туловищем дюж, и рожею смазлив;
Хоть речью говорить заморской не умею,
Признаться и свою тупенько разумею, —
Да разве тем одним на свете только жить,
И бабу целовать и детушек родить,
Которые, с тех пор как школы появились,
Неведомо какой грамматике учились.

(Семира Болеславна, с. 464)

Интерес для исследования представляет лексический материал, извлеченный из памятников характерного для XVIII в. сатирического жанра — прои-комической поэмы: «Игрок ломбера», «Елисей, или Раздраженный Вакх» В. Майкова, «Плачевное падение стихотворцев», «Стихи на качели» и «Стихи на семик» М. Чулкова (60—70-е годы). Для него характерно прои-чески контрастное сближение высокого и низкого, столкновение разноплановых героев, обилие необычных ситуаций, а потому и соединение в одном контексте разнотильных средств.

Широкий круг лексики народно-разговорного источника (от просторечных слов со стертой сниженностью, близких к нейтральным, до ярко экспрессивного просторечия, а также слов, локально ограниченных) создает в них колорит непринужденности и используется как одно из средств создания комического и пародийного плана.

Ориентировка на среднего читателя сказывается на отборе лексики. Введение «простонародных» и областных слов оправдано здесь особым стилистическим заданием. Основная же масса просторечных слов — широкоупотребительные, с умеренной экспрессией (*болтун, враль, ханжа, рифмач, стихач* и др.).⁶

Известно, что прои-комические поэмы Майкова и Чулкова не создали литературной традиции в русской поэзии. Но до самого конца XVIII в. время от времени появлялись комические поэмы различного рода. Такова вышедшая в 1775 г. «Душенька» Богдановича, в которой просторечная лексика использована с тщательным выбором и осторожностью; этот выбор представляет для нас известный интерес.

Следует учитывать также так называемую «поэзию наизнанку», излагающую героическое эпическое произведение или античный миф шутовским образом. Обычно их герои низводятся до обывателей, современных автору, а в языковую ткань произведения обильно вливается просторечие. Поэтому необходимо учитывать такие произведения, как «Виргилиева Энеида, вывернутая наизнанку» Н. Осипова и «Окончание Виргилиевой Энеиды, вывороченной наизнанку Александром Котельницким» (1802), поэма «Ясон» И. Наумова (1794), «Похищение Прозерпины» Е. Люценко (1795) и др.

⁶ О языке прои-комической поэмы подробнее см.: Е. В. Муза. Лексика и фразеология прои-комической поэмы 60—70-х гг. XVIII в. Канд. дисс. М., 1953.

2.04. Немалый интерес представляет сатирическая журналистика 2-й половины XVIII в. И здесь прежде всего следует указать на сатирические журналы Н. Новикова «Трутень», «Живописец», «Кошелек», «Пустомеля», относящиеся к 60—70-м годам. Исследование этих журналов показало, что в них существовал уже продуманный отбор просторечной лексики, связанный с задачами и темой включенных в них текстов.⁷ Преимущественное положение среди просторечия занимают такие слова, как *вздор*, *журишь*, *пенять*, *потакать*, *безделка* и др., в текстах, не связанных со стилизацией речи различных социальных групп населения. Нельзя обойти вниманием довольно обширный круг сатирических журналов 80—90-х годов XVIII в., таких как «Утра» П. А. Плавильщикова, «Почта духов» и «Зритель» И. А. Крылова (1798 и 1791—1797) и «Санкт-Петербургский Меркурий» (1793), журнал Н. Стрхова «Сатирический вестник» (1790—1792) и др., а также такие произведения сатирического плана, как «Переписка моды, содержащая письма безруких мод» или «Карманная книжечка для приезжающих в Москву старичков и старушек, невест и женихов и пр.» Н. Стрхова (М., 1791 и М., 1795), «Не прямо в глаз, а в самую бровь» Н. Осипова (СПб., 1790) и многие другие. Они помогают в выявлении круга просторечных слов, постепенно входящих в нейтральный слой литературного языка в конце века, а также слов, применяемых с определенным стилистическим заданием. Они обычно характеризуют описываемый предмет, действие или ситуацию. См. примеры из сатирических стихов, помещенных в журнале «Покоющийся трудолюбец»:

Просежкий тот
Неверностью крушился
Любовницы своей,
С досады в путь пустился.

(Быль, с. 271)

Скажу такую сказку,
Чтоб кто из вас ложася спать,
Лишь стал ее читать,
Во сне упавши с нею...
Не мешкав захрапел.

(Плоды алчности
ко злату, с. 275)

Из сатирического повествования о сплетниках: «Проводя от себя вестниц толико приятной небылицы оне поскакали за двадцать верст божиться о том, будто видели г. Шпрынтикова после проигрыша денег и лошадей идущаго пешком» (Сатирический вестник, 1791, ч. XVIII, с. 40).

Из книги Н. Осипова: «46 модных господчиков запотели, зашаркались и закружились до смертельного упада» (Не прямо в глаз, 1790, с. 106).

⁷ См.: А. И. Горшков. Народно-разговорная лексика и фразеология в сатирических журналах 1769—1774 гг. Канд. дисс. М., 1949.

Из книги Н. Страхова: «И так, для предупреждения таковых модных последствий, сколько можно купить карету похлибчее» (Карманная книжка, ч. 1, 1791, с. 45).

См. в журналах Крылова: *барахтаться, бранчивый, бредни, бухнуть, верченый, вздор и вздорный, втираться, выдраться, вытаращить, жеманиться, зазеваться, клеиться, коверкать и коверкаться, краснобай, кривляться, ломаться, набредить, обрыскать, околесить, околеть (с голоду), остолбенеть, отвязаться, подлинала, подцепить, подслужиться, пустослов, тороватый* и др.⁸

3.01. Материалом для исследования просторечной лексики являются и произведения народного творчества в записях XVIII в., такие как собрания пословиц, песен, сказок, записи былины, тексты некоторых лубочных изданий.

Необходимость привлечения источников этого рода мотивируется особенностями взаимоотношения фольклора и живой разговорной речи во второй половине XVIII в. Наблюдения показывают, что и произведениям народного творчества, и разговорной речи, и функционально-стилистическому просторечию присущ целый ряд слов и групп слов, позднее специфичных только для фольклора. В качестве примеров можно привести слова: *голубить и приголубить, горюниться и пригорюниться, кручина, кручиниться, крушиться, залетный, тужить и затужить, сокол и соколих* (ласковое название мальчика, юноши) и многие другие. Словари того времени квалифицируют такие слова как просторечные и «простонародные». Эти факты говорят о большей близости языка народной поэзии и общей живой разговорной речи по сравнению с более поздним временем. Можно предположить, что отношение такого рода в известной мере определялось тем обстоятельством, что единый литературный язык формировался в это время в его письменной форме и, несмотря на очень значительное по тем временам расширение кругов общества, пользующихся им, был недоступен массам народа. В этих условиях именно за фольклором в какой-то мере и в определенной среде сохранялись функции языка наддиалектного, более тесно смыкавшегося с общенародной живой разговорной речью.

В то же время нельзя не учитывать того обстоятельства, что именно в записях произведений народного творчества нередки слова, локально ограниченные в употреблении. Все эти факты следует рассматривать в русле развития русского языка второй половины изучаемого столетия, характеризующегося интенсивным формированием литературного языка и постепенным завершением включения фольклора в широкую функциональную подсистему диалектной речи. Поэтому в качестве источников следует привлечь, например, пословицы, вошедшие в «Письмовник» Н. Курга-

⁸ Е. Ф. Петрищева. Лексика и фразеология сатирической прозы Н. А. Крылова. Канд. дисс., Л., 1952.

нова, «Рукописный сборник пословиц XVII—XVIII вв.» в публикации Л. Н. Майкова,⁹ «Пословицы, поговорки, загадки в рукописных сборниках XVIII—XIX вв.» (Л., 1961), «Собрание 4291 древних пословиц» Барсова (М., 1770) и др.

Ценные данные дают собрания песен, таких как «Собрание разных песен» М. Д. Чулкова (в четырех частях, 1770—1776), «Российская Эрата» М. Попова (в трех частях, 1792), «Молодчик с молодкою на гулянье с песельниками» (1790), «Новое и полное собрание российских песен» Н. И. Новикова (5-я и 6-я части, 1780), а также песни, вошедшие в различные издания: «Письмовник» Н. Курганова, приложение к «Обстоятельной и верной истории двух мошенников» (всего 47, СПб., 1779), некоторые былины в записи XVIII столетия (например, былина об Алеше Поповиче в публикации Тихонравова и др.).¹⁰

Интересны также собрания «Русские сказки» М. Чулкова (в 10 частях), крестьянские повести — «Повесть пахринской деревни Камкина» и «Сказание о деревне Киселихе», опубликованные Ржигой;¹¹ «Русские сказки» В. Левшина (в 4 частях), тексты, относящиеся к XVIII в., собранные в труде Ровинского «Русские народные картинки».

Вот примеры из одной из этих повестей: «И гаварит господин: „Знатной ты балагур и видимой ты мне прокурат“¹²» (Повесть пахринской деревни Камкина, с. 104); «И тому господину ево слово полюбило, похвалил Яньку на словах, а на деле не видал, а токово дела он, Янька, и блись не знает: «Исполать тебе, что твои руки залатыя“» (там же, с. 102).

Следует иметь в виду, что записей произведений народного творчества, сделанных в XVIII в., ограниченное количество. В то же время привлечение текстов в записях XIX в. предполагает большую и тщательную работу по снятию языковых наслоений позднего времени, представляющую собой самостоятельное исследование со своей проблематикой и методикой. Это обстоятельство вынудило нас отказаться от данных источников. Указанные нами выше тексты в целом ряде случаев представляют собою известную обработку народно-поэтических произведений. Так, в предисловии к «Собранию разных песен» автор предупреждает читателей о том, что песни, взятые им, видимо, из рукописных собраний, проходили авторскую обработку: «Сколько я тру-

⁹ Памятники древней письменности. СПб., 1880, № 9.

¹⁰ См.: Русские былины старой и новой записи. М., 1894, сс. 59—60. См. также две былины в записях конца XVII—XVIII вв., указанные П. Г. Ширяевой и В. А. Кравчинской (Тр. Отд. древнерусск. литературы, т. VI. М.—Л., 1948). Мы включаем в состав источников былины из сборника Кириши Данилова в записях XVIII в.

¹¹ Литературное наследство, № 9—10, 1933, сс. 89—105.

¹² Прокурат — проказник, шутник, затейник, плут, обманщик, притворщик (примеч. Ржиги).

дился в собрании сих песен, о том ведают те люди, которым известны безграмотные писцы наши, кои пишут, а что пишут, того не разумеют. Их искусство находил я почти во всякой песне, так что инде ни стиха, ни рифмы, ниже мысли узнать мне было не можно; да я чаю, что они бы и сами растолковать бы мне не умели» (Чулков, Собрание песен, 1770, Предуведомление). Однако все они в большей или меньшей мере отражают народную речь. См., например, песни в сборниках Чулкова:

Собирались красны девки за околицу гулять,
Чтоб, когда погонят стадо, овец с поля перенять,
Дожидаясь, разыгрались на зеленом на лугу:
Одна девушка румяна расплясалася в кругу.

(ч. I, с. 82)

Ах пал туман на сине море,
Вселилася кручина в ретиво сердце,
Не скаживать туману со синя моря,
Злодейке кручине с ретива сердца.

(ч. II, с. 190)

См. также пример из сказок о глупом цыгане в собрании «Русские сказки» Левшина, представляющий разговор цыгана, подругающего сук, на котором он стоит, и прохожего: «Цыган! Что ты делаешь? Ведь ты убьешься! А ты что за чорт? отвечал ему цыган; не уж ли ты вещун? Почему ты ведаешь, что я убьюсь?» (Левшин, Русские сказки, с. 25).

Тщательный отбор просторечной лексики из текстов, подвергшихся такой авторской обработке, дает в распоряжение исследователя разнообразный и достоверный материал, характеризующий лексику разговорной речи того времени.

3.02. Особенно интересно при изучении лексики народно-разговорного источника привлечение материала произведений народной сатиры, которых, к сожалению, выявлено немного. В первую очередь это любопытные находки В. Д. Кузьминой: «Повесть о некоем господине», «Повесть о господине и приказнике», «Разговор о кокушке в суде» (стихотворная сатира на суд и чиновников),¹³ а также «Хождение попа Саввы» — публикация Еленского и солдатские стихи XVIII в. — «Челобитная к богу от крымских солдат», «Горестное сказание».¹⁴ Важны также памятники, представляющие собою стилизацию народной речи, такие как «Письма к Фалалею» (Живописец, 1772), «Копии с отписок» (Трутень, 1769), а также «Письмо щеголихи» (Трутень, 1770), в известной мере содержащие элементы лексического состава речи различных социальных групп.¹⁵ Особо следует отме-

¹³ Изв. АН СССР, ОЛЯ, 1955, № 4.

¹⁴ Литературное наследство, № 9—10, 1933, сс. 107—111, 124—127, 134—139.

¹⁵ Анализ лексики текстов дан в работе А. И. Горшкова «Народно-разговорная лексика и фразеология в сатирических журналах 1769—1774 гг.», о них говорится почти во всех курсах истории русского литературного языка.

тить «Анекдоты древних пошехонцев» В. Березайского — памятник, представляющий собою разновидность сказового монологического повествования, в котором разными приемами создается колорит живого устного рассказа. «Речь „Анекдотов“, — замечает Г. О. Винокур, которому принадлежит исследование языка памятника, — не простая, а „натуживая“, „субъективная“, складывающаяся из пересечения стилистически разнородного материала».¹⁶ Для памятника характерна лексика, традиционная для жанров низкого слога, т. е. слова тогдашней обиходной речи (просторечные, «простонародные», иногда локально ограниченные в употреблении), такие как *жилять*, *набуркаться*, *невидаль*, *несласть*, *охреян*, *полабзиться*, *пощечиться*, *сзобать*, *сжустерить*, *скрянуть*, *уболивать* и др.

Для этого памятника характерно широкое включение пословиц, поговорок, идиоматики живой речи, а также стилизация авторской речи в фольклорном плане. См., например: «Сперва сладенькаго медку, потом с пивцом, потом с винцом, а под конец и голенькаго простачка — и нешивоха так разохотился» (Березайский, с. 183).

Памятник отражает в известной мере не только черты произношения, свойственного разговорной речи, но и некоторые фонетические и морфологические особенности пошехонского диалекта, как исконные, так и привнесенные в говоры Пошехонья переселенцами из Белоруссии (цоканье, дзеканье, спорадическое появление *с*, *з* вместо *ш* *ж*, мягкое *т*, вернее, его замену через *ць* в 3-м лице ед. ч. глаголов, а также эти формы без конечного *т* и др.). Все сказанное определяет значение этого памятника для изучения севернорусских говоров XVIII в.¹⁷

Обращение к перечисленным выше памятникам и внимание к диалектной лексике, входящей в них, объясняется необходимостью этого материала для отграничения лексического состава, специфичного для общенародной разговорной речи, от лексики, свойственной только ее локально ограниченным вариантам. И хотя решение этой задачи не является целью данного исследования и не может быть осуществлено в настоящее время ввиду того, что исторической диалектологии русского языка пока еще не существует, в своей работе мы старались использовать все данные о локальной ограниченности слов, встречающихся в разнобразных памятниках XVIII в., в указанных нами целях. Благодаря такому подходу явились некоторые возможности уточнения границ просторечия и выявления неясностей и колебаний в отношении целого ряда слов. Их должны устранить будущие исследования русского просторечия и диалектов XVIII столетия. Поэтому нашу работу в этом плане можно рассматривать как раз-

¹⁶ Г. О. Винокур. Любопытный памятник XVIII века. — Докл. и сообщ. Ин-та русск. языка, вып. 2. М.—Л., 1948, с. 85.

¹⁷ Там же, сс. 95—96.

ведку возможностей разграничения общепародного и локального на имеющемся в нашем распоряжении пока еще ограниченном материале.

4.01. Известно, что жанрово-стилистическая регламентация Ломоносова во второй половине XVIII столетия не осуществлялась строго и последовательно. Развитие русского литературного языка не укладывалось в тесные ее рамки. Уже для 60-х годов характерны памятники, занимающие особое место как по жанру, так и по языку. Одним из видов таких памятников была бытовая повесть. К ней примыкал жанр рассказа. Включение в ткань повествования авторских прописных ремарок сочеталось в них с авторскими отступлениями морально-философского плана, что нарушало типичность жанра для низкого стиля. Позднее, в 80—90-е годы, повести и рассказы относились к жанрам, в которых проявлялся простой стиль. Здесь мера включения просторечия зависела от стилистических позиций автора.

К этой группе памятников следует отнести «Начало пустословия» и «Пригожую повариху» М. Чулкова, его маленькие рассказы, включенные во вторую часть «Пересмешника» («Скупой и вор», «Ставленник», «Угадчики» и др.), анонимные повести «Несчастный Никанор», «Мои свадебные похождения», «Парамон и Варвара» и ряд других памятников.

Простой стиль, формирование которого относится к последним десятилетиям XVIII в., существенно отличался от «низкого» стиля 50—70-х годов. По языковым особенностям он ближе всего стоял к среднему стилю, однако отличался от него большей связью с разговорной речью, являясь выражением потребности в простом, но не подчеркнуто нейтральном или излишне просторечном описании.

Простой стиль охватывал широкий диапазон жанров: повесть и роман, журналистику и научную прозу, путешествия и стихотворные послания, песни, элегии и т. д. Он распространялся и на жанры, для которых широкое употребление просторечной лексики было традиционным. Таким образом, хотя теоретически положения карамзинизма предполагали, что нейтрализованной должна быть также речь персонажей повести и что в речи персонажей комедии недопустимы отступления от языка хорошего общества,¹⁸ практически существовали различные варианты простого стиля.

Кроме того, в 90-е годы XVIII в. и даже в первые десятилетия XIX в. встречались, например, комедии, написанные в традициях «низкого» стиля, например комедии И. Плавильщикова «Бобыль», Копиева «Обращенный мизантроп, или Лебедянская ярмарка», П. Сумарокова «Модник» и др.

Характерологическое применение просторечия в речи персонажей дополняется здесь включением его в авторскую речь в ка-

¹⁸ См.: И. И. Дмитриев. О русских комедиях. — Вестник Европы, 1802, № 7.

честве средства отрицательной характеристики персонажа и создания непринужденного или иронического плана повествования. Для бытовой повести и рассказа характерно обилие и разнообразие просторечной лексики, что и определяет ценность этих источников для ее изучения.

Приведем некоторые примеры: «Высокий и пузатый детина был тут всех вольнее, по причине той, что он в случае нужды служил в удовольствие хозяйке; хохотал так громко, что заглушал басовую скрипку» (Чулков, Пригожая повариха, с. 83): «А как дьявол никогда не дремлет, и мешается во всякие дела, то, чтобы погубить человека, присудился к нему и начал склонять его не к хорошему, а к дурному» (Чулков, Скупой и вор, с. 150); «Она, встав через великую мочь, шаталась дни с три в отчаянье» (Несч. Никанор, с. 20); «Как ни досадно мне было в этом случае, но, смотря на коверканье лиц, должен был я громко засмеяться» (Мои свадебные похождения, с. 41).

Обширная группа источников, необходимая для изучения просторечной лексики, лежит за пределами «низкого» стиля. Интенсивное проникновение такой лексики в различные жанры, принадлежащие среднему стилю, было характерно для второй половины XVIII в. Здесь прежде всего следует назвать совершенно почти не изученные в языковом плане повести и романы, переводившиеся на русский язык и составлявшие уже в 50—70-е годы излюбленное чтение общества.¹⁹ Эти источники различны по тематике, манере автора (и переводчика), что и определяет степень проникновения в них слов народно-разговорного источника. Тем не менее даже в глубоко книжном, славянизированном переводе И. П. Елагиным романа Прево «Приключения маркиза Г.», относящегося к 50—60-м годам, встречаются не только просторечные слова со стирающейся или умеренной сниженностью, но и такие слова, как *таскаться*, *чудиться* («И таскались часа по три с шайкой музыкантов по улицам мадридским», ч. III, с. 160), а также некоторые формы слов, связанные с народными говорами (например, причастия типа *соглашеность*, *решеность*, *уговореность*).

Что же касается переводов романов Лесажа «Жиль Блаз», «Повесть о хромом бесе», «Похождения Естеванила Гонзалеса», Скаррона «Господина Скаррона шутливая повесть», Мариво «Жизнь Марианны» или таких книг, как книга Дефо «Жизнь и приключения Робинзона Крузо», Сервантеса «История о Дон-Кихоте» или романа Апулея «Золотой осел», то просторечие не

¹⁹ По данным, приведенным В. В. Сиповским, в 1759—1766 гг. вышло по 23 произведения в год, из них 18 переводных каждый год: в 1779—1782 гг. — по 67 в год, из них 44 переводных; в 1788—1793 гг. — по 105 повестей и романов в год, из них всего 100 оригинальных, остальные переводные. См.: В. В. С и п о в с к и й. Очерки по истории русского романа, т. I, вып. 1 (XVIII век). СПб., сс. 42—43 (Приложение II).

ограничено в них задачей характерологической, оно возможно и в повествовании автора. Вот некоторые примеры: «Они говорили мне, чтоб я... жил как честный человек..., а папаче не замал бы чужаго добра» (Лесаж, Жиль Блаз, ч. I, с. 6); «Подле него стоит ящичек, наполненной полюбовными писульками» (Лесаж, Повесть о хром. бесе, с. 23); «Но несчастье, открыв ныне мои глаза, показало ту пропасть, из коей я выдрался» (Селим и Дамасина, с. 13); «Мне в ту ночь, поелику вчера много подгулял, столь страшныя мечталась сновидения» (Апулей, Золотой осел, ч. I, с. 27); «И как он весьма проголодал, то отлома ногу у каплуна, говорил хозяину, вот хорошо, сам убирая оную» (Курганов, Краткие повести, с. 258).

Описание незнакомого быта и бытовых ситуаций в повестях, конечно, создавало трудности для переводчиков. В ряде случаев они невольно сбивались на знакомый им русский быт, чем и объясняется наличие в переводах слов — названий типично русских реалий. Так, в «Кратких повестях» читаем: «Он, тихонько пройдя в заулок²⁰ кровати и тронув ее за руку, разбудил» (Курганов, Краткие повести, с. 262).

См. также в переводе романа Сервантеса «История о Дон-Кихоте»: «Они (испанские крестьяне, — Г. К.), кроме шлыков,²¹ ничего не выдывали» (с. 106).

Этим и определяется ценность переводных романов и повестей как источников для изучения просторечной лексики.

4.02. Пути проникновения просторечной лексики в разные жанры среднего стиля были различными. В научной прозе того времени нередки стихийные прорывы просторечия как привычного компонента авторской речи. См., например, некоторые такие слова в работах Лепехина, Соймонова, Зуева. «Пермяки, стоя за праотцовския свои дачи часто ссылаяся в присутственных местах на свои древние грамоты, праведным судням ею попаскучивали» (Лепехин, ч. III, с. 195); «Сверх того текут многия малыя реки и речки из гор в море, из которых жители проводят на свои поля каналы, и тем папаяют жадную землю» (Соймонов, Опис. Каспийского моря, с. 496); «Не успело лишь смеркнуться, как множество тележных шляхов свели нас с прямой дороги и заставили плутать по открытому Новороссийскому полю» (Зусв, Путеш. зап., с. 252).

С другой стороны, вхождение просторечной лексики в целый ряд источников тематически обусловлено. Так, вполне законо-

²⁰ Ср.: «Заулок... Узкая в каком селении для проходу пеших сделанная дорога с большой улицы, в одну которую-либо сторону простирающаяся» (САР, ч. 6, с. 428).

²¹ «Шлык... Род повойника, каковые поселянские бабы носят под кокошником» (САР, ч. 6, с. 897).

мерно входят в статьи журналов «Труды Вольного экономического общества», «Сельский житель», «Экономический магазин», терминологическая лексика, поменклатура сельского хозяйства и промыслов и элементы профессионального просторечия: «Не лучше ли было помощнику таковых излишних из оброчных деревень крестьян взять на здел, и уделить, ежели земли лишней нет, из своей усадьбы, и чрез то облегчить других сделанных мужиков работу?» (ТВЭО, с. 113); «Свины между прочим подвержены бывают одной досадной болезни. В некоторых местах называют ее проказою; а другие называют ее коростою или шелудьями» (Эконом. магазин, с. 209).

С просторечными и локальными словами — названиями реалий мы встречались и в описаниях путешествий по России, принадлежащих Крашенинникову, Лепехину, Фальку, Озерецковскому.²²

В некоторых сочинениях просторечные слова вводятся для объяснения непонятого книжного слова или для того, чтобы распротрастить отрицательную оценку на нейтральный синоним: «Трудолюбивые или прилежные люди называются те, которые трудятся по мере своих сил, не употребляют отдохновения, приближающегося к лености, предпринимают труды, пристойные своему состоянию, и они суть не прелюбостязательны, то есть не жадны к богатству» (Козельский, Философические предложения, с. 93); «И многие невежды и пустомели, а особливо дряхлые и престарелые в уме старухи, клятвенно уверяли всякого, что оне в то время действительно видели Ангела с огненною проволокою» (Аничков, Рассуждения из богословия, с. 24).

Даже отличающиеся строгой регламентацией и штампами памятники официально-делового характера, например законы того времени, не чуждались лексики разговорного источника. Предназначенные для широких кругов населения и потому ориентированные на доступность и понятность, они включали слова — местные названия реалий. См., например, в Полном своде законов: «33. Отрешаем сбор или оброк с апбаров, амщепников, кирпичных сараев, с шалашей, с балаганов, с харчевень, с скамей, с полков, с кузниц, с постоялых дворов, с уметов,²³ с зимовей, с бритовных изб» (ПСЗ, т. XX, 1775, № 14274, с. 85); «...по сим учиненного в той коллегии 1723 года приговора, каждому чело-

²² Подробнее см. в нашей статье «О диалектной лексике в русском языке XVIII в.» (в кн.: Процессы формирования лексики русского литературного языка. М.—Л., 1966, сс. 108—145).

²³ Слово *умет* см. у Лепехина: «Тут же (в станицах Астраханских казаков, — Г. К.) построены уметы для отдохновения проезжающим и для прохладу усталого скота» (Лепехин, ч. I, с. 403). Областным его считал и Пушкин, указывая на его употребление в Оренбургской губернии: «Постоялый двор, или по-таможнему умет, находился в стороне, в степи, далече от всякого селения» (Пушкин, Капитанская дочка, с. 411).

веку производилось на мундир в год, холста на рубашки из подкладочного по 12, на порты из хрящевого по 8 аршин, галиц по две, варег по одной, упоков по три пары» (ПСЗ, т. XX, 1775, № 14260, с. 63).

4.03. Проницаемость стилистических систем во второй половине XVIII в. коснулась даже наиболее консервативного «высокого стиля». Ода, трагедия, героическая поэма в различной степени испытывали влияние со стороны разговорной речи, что проявлялось в произвольных включениях в них слов, относимых к народно-разговорной лексике. Поэтому как отражение разговорной речи можно рассматривать включение диалектных слов — северорусизмов в высокий жанр оды Ломоносовым.²⁴

Можно указать на включение просторечных слов, впоследствии нейтрализовавшихся, в «Тилемахиду» Тредиаковского и в трагедии Сумарокова.

Я прочел то Письмо, Рука Филоклеева зрилась;
Но под его совершенно и точно подписанось почерк
Зделал то Протесилай сам с тем заодно Тимократом.

(Тредиаковский, Тилемахида, т. I, с. 7)

[О л е г:]

В темницу вонны отсель его помчите,
И тамо в крепкие оковы заключите.

(Сумароков, Семира, с. 283)

Учет этого материала необходим для суждения о путях нейтрализации. Но особенно важно для понимания сущности процесса разрушения системы трех стилей и путей формирования словарного состава литературного языка серьезное изучение вариаций высокого стиля под пером Г. Р. Державина, а также таких произведений, в которых на смену жанровой обусловленности приходит принцип тематической обусловленности выбора стилистических групп лексики, например «Путешествие из Петербурга в Москву» А. Н. Радищева.²⁵

²⁴ Об этом см.: В. В. Виноградов. Очерки по истории русского литературного языка XVII—XIX вв. Изд. 2-е. М., 1938, с. 97; И. А. Попов. К вопросу о диалектизмах в языке Ломоносова. — Изв. АН СССР. ОЛЯ, т. XXIV, вып. 5. М., 1969, сс. 421—426.

²⁵ Об особенностях лексико-фразеологического состава одического слога Державина подробнее см. в работах: В. Н. Айдарова. Лексико-фразеологический состав одического слога Г. Р. Державина. Автореф. канд. дисс. Тбилиси, 1953; А. К. Власов. Язык произведения Г. Р. Державина. — Уч. зап. Таджик. ун-та им. В. И. Ленина, т. 19, вып. 3. 1959, сс. 133—148; Л. А. Войнова. Лексика поэзии Г. Р. Державина. Канд. дисс. Л., 1954. О лексике народно-разговорного источника в «Путешествии» Радищева см. в работах: Е. А. Василевская. Язык и стиль «Путешествия из Петербурга в Москву» А. Н. Радищева. — Русск. яз. в школе, 1949, № 4, сс. 6—18; В. П. Айдарова. Элементы народной речи в «Путешествии из Петербурга в Москву» А. Н. Радищева. — Тр. Сталингр. пед. ин-та, т. I, 1952, сс. 155—174.

5.01. Сложный и многоликий процесс формирования словарного состава русского литературного языка и становления нормы (а от этого зависит объективное определение роли просторечия как функционально-стилистической категории русского литературного языка) нельзя понять и осмыслить без учета перипетий борьбы различных литературных школ и направлений. Вот почему важно правильно оценить влияние на сложение нормы деятельности Карамзина и его окружения, уяснить, что дал русскому литературному языку «новый слог».

Сущность карамзинского влияния на формирование «простого стиля», смысл борьбы карамзинистов и шишковистов освещены в нашей лингвистической литературе достаточно подробно, но не сколько односторонне. Значение этой борьбы для определения направления развития русского литературного языка оценивается по-разному. Мы присоединяемся к тем исследователям, которые, отмечая важность поставленных в ходе полемики проблем (например, проблемы славянизмов, заимствований, вопроса о мере использования литературным языком ресурсов народно-разговорной речи), признают ограниченность ее результатов²⁶.

Ориентация на разговорную речь дворянского салона определила тяготение к нейтральности языка карамзинистов, а это повлекло за собой последовательное отвержение в теории большей части просторечных и «простонародных» слов. Но и отмеченные яркой печатью пуризма произведения Карамзина и его сторонников составляют очень важный для нас ряд источников для изучения просторечной лексики.

Именно эта группа источников дает важный для исследования материал о тех словах, которые были охвачены процессом нейтрализации. Вхождение в произведения карамзинистов просторечных слов *авось, богач, браниться, быт, вздор, жадный, крыша, лачуга, остолбенеть, плутать* и др. нужно рассматривать как свидетельство этого процесса. Особенности карамзинской прозы — экспрессивная однотонность, опора на нейтральный состав — помогают обнаружить и отобрать слова, осознаваемые тогдашним обществом как нейтральные, но уже обладающие тенденцией к просторечности. Их трудно обнаружить в текстах иного стилистического плана, в которых преобладают слова с интенсивной экспрессией и характерна высокая концентрация таких слов, в традиционно «низких» жанрах — басне, сатире, комедии, песне. Это такие слова, как *ввечеру, вчерась* и *вечор, всякий, ежели, на-*

²⁶ В. В. Виноградов. 1) Язык Пушкина. М.—Л., 1935; 2) Очерки по истории русского литературного языка XVII—XIX вв.; Е. Г. Ковалевская. Борьба вокруг карамзинской реформы в конце XVIII—начале XIX в. (Вопросы лексики). Канд. дисс. Л., 1955; В. Д. Левин. Очерк стилистики русского литературного языка конца XVIII—начала XIX в. (Лексика). М.—Л., 1964; А. И. Ефимов. История русского литературного языка. Изд. 2. М., 1967.

скучить, надобно, подле, полюбиться, подгорюниться, потчевать, поутру, худой 'плохой' и целый ряд других.

Особое значение имеет для нас изучение басен, сказок, песен, написанных карамзинистами, т. е. жанров традиционно «низких», где круг просторечия был значительно шире. Для них, например для басен и сказок И. И. Дмитриева,²⁷ характерна попытка очертить круг просторечной лексики, отграниченной, с одной стороны, от традиционной лексики «низкого» слога и, с другой стороны, от нейтрального лексического фонда.²⁸

Не менее важны для нас замечания о стилистической прикрасности слов, рассеянные в критических статьях журналов преимущественно конца XVIII и начала XIX в., а также в письмах того времени. См., например, замечание Макарова о таких словах и оборотах в книге Шишкова «Рассуждение о старом и новом слоге»: «В сей книге читатели найдут много таких слов, как похуляя, фу пропасть, много таких выражений, как например: он пропюхал, что у них на уме..., слова за волосы друг друга тянут..., нигде не потчевали меня русскими щами, по французски изготовленными» (Макаров, Критика, с. 205).

Собранный воедино этот материал дополнит наши сведения о стилистической окраске целого ряда слов и об особенностях восприятия их представителями разных литературных школ и направлений.

6.01. Особую группу источников составят записки, дневники и письма. Отражающие разговорную речь различных общественных групп более непосредственно, чем какие-либо другие памятники, они ценны и тем, что содержат различные ее варианты. В них представлены, например, речь ученых и писателей (письма Ломоносова, письма и записки Фонвизина, Державина), столичных дворян — придворных (записки Долгорукой, Порошина, дневник Храповицкого, записки и переписка Шишкова, письма П. А. Румянцеву его жены и родителей, письма Воронцовых, Разумовского, Нарышкиной и др.), дворянства поместного (дневник курского помещика Аппенкова, дневник Травина, записки Болотова, записки Давилова), духовенства (записки Гарновского) и др. Только некоторые из этой группы памятников отражают речь крестьянства (Кузнецов, «Из переписки помещика с крестьянами», некоторые включения в «Записки» Лабзина).

Следует учитывать, что и здесь разговорная речь предстает перед нами не всегда в чистом виде. Вероятно, любой письменный памятник не может точно отражать все особенности разговорной речи. Ему всегда свойственна какая-то доля литературности. Поэтому едва ли возможно ставить знак равенства между

²⁷ Подробнее см. в работе В. В. Виноградова «Из наблюдений над языком и стилем И. И. Дмитриева» (в кн.: Материалы и исследования по истории русского литературного языка, т. I. М., 1949).

²⁸ В. Д. Левиц. Очерк стилистики..., с. 273.

текстом записок и обыденной речью автора. Для исследователя в этих случаях важна степень приближения к разговорной речи, различная в записках разных авторов и почти всегда значительная в дружеских и семейных письмах. Здесь возможны различные соотношения. Для официальных писем к тому времени сложился определенный трафарет и закреплялась особая лексика и фразеология. В таких случаях очень важно наблюдать стихийные прорывы просторечия в контексты писем.

Стремление к некоторой торжественности повествования может быть объяснено содержанием записей. Так, например, в записках С. Порошина можно выделить ряд отрезков текста, где книжная манера повествования обусловлена тематически. См., например, «Предварительное изъяснение» (к 1766 г.): «Из повсядневных моих записок, до нынешнего времени слишком год продолженных, некоторым образом явствует, как я честный человек нелицемерно уверяю, что при всех моих с его императорским высочеством обращениях и разговорах, единственно всегда пред глазами имел я намерение, чтобы вкоренить в нежное сердце его любовь к российскому народу, почтение к истинным достоинствам, снисхождение к человеческим слабостям и строгое последование добродетели, отнять во многих случаях предубеждения, почтаемые от легкомысленных за непреодолимые истины и, сколько можно, обогатить разум его полезными знаниями и сведениями» (Зап. Порошина, с. 556).

Однако это касается довольно ограниченного круга записок. Следы тщательной обработки носят также некоторые письма. Так, не лишено правдоподобности положение о тщательной стилистической обработке писем Фонвизина к П. И. Панину во время его заграничного путешествия.²⁹ И все же именно эта группа источников теснее всего соприкасается с разговорной речью и дает в руки исследователя богатый и разнообразный материал о ее лексическом составе, в том числе разнообразный набор слов просторечных, «простонародных», областных. К сожалению, именно эта группа источников остается еще почти совершенно неизученной.³⁰ Само ознакомление с памятниками затруднено тем обстоятельством, что они часто представляют собою поздние публикации, разбросанные по журналам и другим периодическим изданиям XIX в. Тем не менее собирание и тщательное их изучение крайне важно для формирования наших знаний о лексике русской разговорной речи XVIII в. Наблюдения пока-

²⁹ История русской литературы, т. IV, ч. II. М.—Л., 1947, с. 173.

³⁰ Из большого количества записок охвачены исследованием только записки А. М. Болотова и Н. Долгорукой. См.: П. В. Бурба. Особенности лексики «Жизни и приключений Андрея Болотова, описанных самим им для своих потомков». Автореф. канд. дисс. Киев, 1953; Р. И. Лихтман. Из истории московского просторечия в середине XVIII века. (На материале «Записок» Натальи Долгорукой). Автореф. канд. дисс. Омутнинск, 1953.

зывают, что просторечная лексика врывается даже в письма официального характера. См., например, в письмах официальных лиц Г. Р. Державину: «Поверьте, м. г., что писать не могу, ненатуральная трясавица меня обдержит» (письмо Шишковского Державину, 13 VIII 1774, с. 168); «Я все крепости, выгоня их, очистил, а говорят, что так должно, чтоб я только таскался, а все б за мною спали» (письмо Соловьева Державину, март 1774, с. 28); «Господарь присланный, по слухам, у себя не левой хадарой ³¹ сморкает» (письмо Орлова Румянцеву, с. 40).

Гораздо шире и многообразней представлено просторечие в переписке семейной, дружеской, в записках и дневниках, не сохранивших следа какой-либо стилистической обработки. Вот некоторые примеры из таких источников: «Третьегоднись ночью приехали в Матренино» (письмо Воронцова отцу, 5 I 1760, с. 7); «Так я без обиняков, а прямо скажу, что разве бы я была скотина непонятная, чтобы приняла сзду твою единственно для отправления фабрикантов» (письмо Румянцевой Румянцеву, 5 IV 1764, с. 22); «Знаешь какова моя рожа, когда ипохондрическая, такова-то она была тогда, когда я письмо твое читал» (письмо Хемницера Львову, 8 VIII 1782, с. 50); «Часу около четвертого пришли Поливанов и Соймонов и зачали бить шабалу, ³² а там запели песню, и я на старости лет тряхнул бедрой. Да и маршал в начале шестого с генералами Боваром и Дерфельтом на квартиру приехал и одни себе трое разговаривали, а мы себе в своих коморках пустое молоти» (Зап. Бибикова, сс. 43—44); «Переходили оне (девицы, — Г. К.) с коленей на колени мужчин, которые делали между собою шутку, один от другого таковую ёрзу переманивали к себе» (Зап. Давилова, 1771, с. 69).

Не менее важно для исследования наличие точной датировки, обычной в этой группе памятников. Изучение записок, дневников и писем подтверждает близость разговорной речи различных социальных групп тогдашнего общества.

³¹ Слово *хадара* в словарях XVIII в. не фиксируется. Издатель писем А. Барсуков дает к слову *хадара* такое примечание: «Известная пословица „не левой ногой сморкается“. У Орлова вместо нога хадара» (Письма братьев Орловых П. А. Румянцеву. СПб., 1897, с. 40). В Словаре Даля см. слово *ходырка*: «шуточное — нога»: «четыре ходырки — две растопырки» (т. IV, с. 508). Ср. близкий по смыслу оборот в «перевернутой» поэме Осипова:

И Турн не выкидок собою,
Не левой чистит нос ногою;
Но вместе за людьми бредет.

(Осипов, Епейда, с. 101)

³² Выражение «бить шабалу» означает здесь болтать. Словарями XVIII в. оно не фиксируется. Вероятно, оно было свойственно вариациям разговорной речи, близким к народным говорам. Ср. у Даля: «Шабалу (или шоболы) бить, слоняться без дела и балагурить, баклуши бить» (т. IV, с. 1384).

При сопоставлении материала памятников литературного языка и не литературных памятников возможно в принципе выявление вошедших в литературный язык слов народно-разговорного источника, широко распространенных также и в разговорной речи, и лексики, принадлежащей этому богатейшему источнику, встречающиеся только в том или ином памятнике, а также выявление слов и групп слов, свойственных лишь разговорной речи. Нас интересует первая из этих проблем. Остаточный за ее пределами материал используется как негативное подтверждение соответствующих положений работы. Но он, безусловно, будет полезен при дальнейшем изучении русской разговорной речи второй половины XVIII столетия.

7.01. Важнейшим источником при изучении просторечия являются словари. Для второй половины XVIII в. это словари преимущественно иноязычно-русские, в конце века — также и русско-иноязычные, например «Российский, с немецким и французским переводами словарь, сочиненный Иваном Нордстетом», «Новый российский-французско-немецкий словарь» И. Гейма (1801—1802) и др.

Среди иноязычно-русских словарей выделяется полнотой своего состава Французско-немецко-латинско-русский словарь Сергея Волчкова, выдержавший в XVIII столетии несколько изданий (1-е изд. — 1755 г.), а также Англо-русский словарь Жданова (1775).

Русская часть иноязычно-русских словарей часто содержит почти исчерпывающий подбор слов, соответствующих по значению переводимому слову или выражению. Просторечие получает в русскую часть широкий доступ. Вот некоторые извлечения из словаря С. Волчкова: «C'est un mauvais avocat, qui crie boacour... Худой тот адвокат, стряпчий, который много кричит, а ничего годного, путного, важного, умного не скажет, пустой говорун, беспутный крикун, шумила, болтун» (т. I, с. 191); «Barquigneux, barquineuse... Щупец, пишела, а не купец. Плохая покупательница» (там же, стр. 222); «Belitre, m. geueux... Нищий, прошак, жебрак» (там же, с. 243); «Plus je me presse, me j'avance... Чем больше спешу, то больше отстаю; назади остаюсь; чем скорее делаю, тем меньше успеху (спорыньи) в деле моем вижу» (т. II, с. 709).

Из словаря Жданова: «to Dodge, ing, ed. Коварничать, хитрить, лукавить» (с. 145); «f. Drinker. Питок, пьяница, пьянюга» (с. 150); «f. Drudging-box. Мучница, скрынка с решетчатой крышкою для муки» (с. 152); «u Dull (stupid). Глупый, одурелый, ошалелый» (с. 152).

В иноязычно-русских словарях того времени заметно стремление к введению в русскую часть большого числа синонимов и аналогов в целях облегчения перевода различных в стилевом отношении текстов на русский язык. «Изволите ж ведать, господа, — предупреждает автор Польско-русского словаря, — что и

для облегчения вашего труда трудился, и перевел вам польский словарь тройственным штилем, высоким, средним и низким, ради разных переводимых материй. Ежели Вы Езоповы фабулы переводить будете высоким штилем, то равно погрешите, как высокую материю площадным. Предупеждаю вас 1) что я везде в моем сем переводе положил синонимы, т. е. тождественности: наприм. Diabeł, дьявол, чорт, бес, демон, злой дух, ангел сатанин и проч.» (Кондратович, Польско-русский словарь. К читателю).

Русская часть этого словаря содержит немало интересных соответствий. Приведем некоторые из них: «Łupie, łódzie miasta обдираю, расхищаю, оголиваю, обнажаю, разоряю» (с. 66); «Na-szúnies, нашский, нашестранец, тутошний» (с. 82); «Krąę, краду, ворую, подцепляю, тяпаю» (с. 52); «Krasomówca, вития, ритор, краснослов, краснойбай» (с. 52).

Кроме пополнения знаний о составе лексики народно-разговорного источника словари такого рода дают обширный материал для понимания синонимии той поры, межстилевой и внутрителиевой, и особенностей соответствий аналогов.

Особенно важны для изучения просторечной лексики материалы единственного толкового словаря XVIII в. — Словаря Академии Российской, имевшего своим основанием стилистическую теорию Ломоносова.³³

Изучение представленной в этом словаре лексики разговорного источника в сопоставлении с предварительным словником к нему дает возможность судить о принципах отбора и, стало быть, в известной мере и о формировании норм русского литературного языка в конце XVIII столетия. Об этом свидетельствует сопоставление состава лексики с пометами «просторечное» и «простонародное» в предварительном словнике и в словаре. В его первое издание не вошло, например, около 30 таких слов (на букву В), вошедших в Аналогические таблицы, большая часть которых могла быть локально ограниченной, например *баланси́ться*, *балахрыст*, *балахрыститься*, *баско*, *бесперечь*, *блажея*, *близня*, *блошниться*, *блудень*, *болеготею*, *босомыга*, *братень*, *булычь*, *буснить*, *бухвостить*, *бухвоощенья*.

За пределами Словаря остались и некоторые просторечные производные слова, такие как *бабенка*, *бабик* 'бабник', *безсумнительно*, *блескотня*, *бородуля*, *бухатель* и др.

Слов, относящихся к просторечию и «простонародной» лексике, не фиксируемых Аналогическими таблицами, но включен-

³³ Состав просторечной и «простонародной» лексики в Словаре Академии Российской охарактеризован в работе: Ю. С. Сорокин. Разговорная и народная речь в Словаре Академии Российской. — В кн.: Материалы и исследования по истории русского литературного языка, т. I. М.—Л., 1949. Сопоставление с Аналогическими таблицами I и II изданий САР дает возможность судить о принципах отбора такой лексики и о различиях в подходе к отбору в конце XVIII в. и в первые десятилетия XIX в.

ных в Словарь, совсем немного (на букву Б это только слова: *буркать, буровить, бурчать, бухаться, бишь, быллой*). Обращают на себя внимание частые расхождения в пометах между Аналогическими таблицами и Словарем. В отношении к народно-разговорным словам на букву Б пометы «просторечное» и «простонародное» совпадают лишь в 11 случаях, зато расхождений более 30. Так, оставленные в Аналогических таблицах без помет слова *балагур, бедняжка и бедняк, белобрысый, белоручка, бывальщина, былль* получили в Словаре самую сильную помету — «простонародное». Слова *баламут, богомол*, данные в Аналогических таблицах с пометой «простонародное», вошли в Словарь без помет. Но слова *бережь, бубенить, быт*, не сопровождаемые пометами в Аналогических таблицах, вошли в Словарь с пометой «просторечное». Слова *балаканье, балакать, батя и батька, бедокур, бекрень, блажь, бородач, бояренок, бражничать, брезгун, бурлить, буянить, быстряк*, включенные в Аналогические таблицы с пометой «просторечное», получили в Словаре помету «простонародное», а слово *бекрень* — «народное».

Все это говорит о зыбкости границ лексики с пометами «в просторечии» и «простонародное» в единственном многотомном словаре изучаемого времени, отразившем объективные особенности процесса социальной дифференциации лексики разговорной речи. Вместе с тем изучение изданий Словаря Академии Российской дает в руки исследователя материал, на основании которого можно судить о положении функционально-стилистического просторечия в литературном языке и об особенностях процесса нормализации литературного языка.

Для второго издания Словаря характерно значительное расширение состава лексики народно-разговорного источника. Поэтому во второе издание введен целый ряд просторечных слов. Это существительные *безурядица, бормота, выпука, загул, зайцы* (водяные валы с пеной), *закут, заморыш, заротчик, изтопки, корочун, линючка, летун, миги* (глаза), *непосед и непоседка, неслух, нищеврод, олух, писака, плошина, полетай, полтиняга и полтиняжка, пронюхивание, стыдовище, уразина, чудник, чужак, шагала*; прилагательные *веденский*, в простор. *веденский, загульный, немудрый*; глаголы *вараксать, кучиться, малевать, мститься, намахивать* 'походить на другого', *околевать, паут* 'служит, благоприятствует счастье, удается кому', *припенять, припугивать — припугнуть, продуматься, улепетывать, улызывать — улызнуть, фискалить*; наречия *дотуда, молчком, моркотно, намази, незадаром* 'не корыстно, не слишком хорошо', *одиожды, кроме*.

В ряде случаев во II издании полнее представлены просторечные значения нейтральных в основных значениях слов. См., например, в существительных: «корга... 3) В простореч. Старуха, старая баба» (ч. 2, с. 301); «мотушка... 2) В просто-

речни называется легкомысленный, неосновательный человек» (ч. 3, с. 866); «мутовка... 2) В просторечии называется уподобительно неосновательная и болтливая женщина» (ч. 3, с. 899); «пекло... 3) В просторечии значит тяжкую, непосильную работу» (ч. 4, с. 821) и др.; в глаголах: «жалить... 2) * В просторечии: колкими, оскорбительными словами кого огорчать, причинять нечто неприятное» (ч. 2, с. 387); «зазноблять... 2) В просторечии: поселить, произвести в ком сильную любовь» (ч. 2, с. 576); «курить... 3) В просторечии: шалить, делать шалости» (ч. 3, с. 491); «ломиться... 2) В просторечии насильственно входит куда» (ч. 3, с. 602) и др.

Значительно пополнен во II издании состав слов с пометой «простопародное». Это существительные *беспорядица, верзило, виноградье, вишляй, вышник, гнедко, дока, жердило, жупан, забулдыга, залыгало, замарайка, замора, заплатник, застолица, заходник, здоровяк, злокоман, зубач, зуборвач, зубоскальство, зюзя, изгибало, изгул, изнаница, избычай, истоплево, кашлюн* и др.; прилагательные *взбалмочный, забобонный, забулдыжный, заломный, запазушный, зашелудивелый, злокоманный, изгорбатый, изотомелый, имовитый, лысастый* и др.; глаголы *базарить, ватажиться, врючивать, дрянить, дубасить и отдубасить, жигнуть, загнать, забеситься, залопать, заобыкать — заобыкнуть, запыривать — запырять, захайлить, захаять, зашелудиветь, зноить, зубоскалить, извешаться, изгорбатить, изгорбиться, изгуляться, издоловиться, исколесить, исколупать, искоробить, измотаться, измыкаться, изневежничаться, избыкать, исполосовать, испосесть, испохабничаться, испроториться, изработаться, исскудать, исслинить, иссложиться, исслюниться, истаскаться, исшататься, клонатить, козачить* и др.; наречия *докамест и покамест, исполать, накарачень, на корачни, напоследи, напредки, насбалмашь, наслыхом, оземь, потайком, потамест*. См. также введенные во II издание «низкие» слова: *карапузик, колышка, лафа, ломовик, лытун, лытунья, лысгач, малец, манька 'женская муфта', махотка, малютка, маята* и др. Всего введено во второе издание более 400 просторечных и простонародных слов и значений. Не вошли в это издание лишь немногие слова этой категории, представленные в I издании. Это слова *блуждать, бух, бытний, бычиться, головолом* (во II издании дано лишь одно значение: название травы *Cicuta*, а просторечные значения — 1) говорится о тех предметах, которые требуют великого, крайнего внимания; 2) о крепких напитках — не фиксируются), *крадун* и *крадунья, набухивать — набухать, отшлепать* (1. В простореч.: говорится об обуви: износить), *позариваться, прогорланить, снадобье* (1. Начинка, приправа в кушаньях. 2. Лекарственный состав), *спозанку, чудесить* — всего 13 слов.

Авторы Словаря не могли не учитывать широкого обращения к такой лексике в произведениях Державина, Капниста, Крылова,

II. Долгорукого и др. и употребительности целого ряда таких слов в разговорной речи значительных групп общества. С другой стороны, второму изданию свойственна тенденция к известной стилистической переоценке лексики в определенном направлении. Целый ряд слов, данных в I издании с пометой «просторечное», получает в нем более «спильную» помету — «простонародное». См. слова *бочениться, бухать, ведьма, вертопрах и вертопрашка, звездить, зубастый, колеть, конать, кувыркать, кукать, куксить, наблошниться, нахлобучивать, насуслиться, опростоволосить, осерчать, подзаривать, проказить, напроказить, разбодриться, скряжничать, слоняться, оногда и оногдась*. См. также глаголы *исколеть, исплутать, истаскать, наплутаться, наслоняться, натаривать, нашколить*, вошедшие во II издание Словаря с пометой «простонародное», тогда как в первом издании соответствующие бесприставочные глаголы *колеть, плутать, слоняться, тарить, таскать, школить* имеют помету «просторечное», распространяющуюся и на производные от них образования. Помету «просторечное» и даже «простонародное» получает целый ряд слов, данных в I издании без помет. См., например, вошедшие во II издание с пометой «просторечное» слова: *вполне, долой, жадный, заговорщик, заносчивый, затыжка, наотрез, ненароком, неряха, приклебатель, пустяк, рогозей и рогозея, тотчас, (через) чур, шашни*; с пометой «простонародное»: *вышка 'терем, светлица', калекa, коли, крыж 'крест', ласа, люлька, ой, ретивый и ретиво*, а также и некоторые производные слова, такие как *бесхлебный, замашистый, крохотный и крошечный, мешанина, попереги, потуда и посуда, свойски и по-свойски* и некоторые другие.

Более всего такой пересмотр коснулся глаголов бесприставочных и приставочных. См., например, бесприставочные глаголы *каверзить, калечить, копать, колченожить, коротать, котельничать, кубарить, маять, мозолить, мороковать, мясничать, паршиветь, хикать, цапать*; глаголы приставочные *выголить, заковать, замуговаться, заргачиваться, затыкать, зачуть, изваживать — извадить, изваживаться, изводить, изворочать, измошенничаться, испакостить, исплутоваться, изругать, изрысаться, исшамиться, исшаркать, набожничать, набрюзжать, навалаться, навизжать, навораживать, навыйтсья, нагулять, надосаждать, наклепать, намалять, намошенничать, нанюхаться, напихивать — напихать, наплевывать, наплутовать, напрыгаться, напячивать, наразумливать, насморкать, натопыриться, натручать, нахмуривать, нахмуриваться, нахохливать, нахохливаться, наянитьсья, обезденежить, обезживотить, опруживать, отбояривать — отбоярить, отзвонить, отшатиться и отшатнуться, перегулять, перешарить, подтяпать, пожаться, поряжать, приохлиться, раздюжить, разнюхать, раскалякаться*.³⁴

³⁴ В этот перечень не входят данные в первом издании без помет

Из сопоставительных данных двух изданий Словаря Академии Российской можно сделать следующие выводы.

1. Сравнение состава изучаемых рубрикаций является подтверждением процесса демократизации литературного языка. Именно поэтому во втором издании Словаря значительно богаче состав слов с пометой «в просторечии», пометой, ограничивающей сферу употребления в литературном языке, но отнюдь не запретительной.

2. Расширение состава слов с пометой «простонародное» во втором издании Словаря являлось отражением процесса сближения литературного языка и разговорной речи различных социальных групп населения, освоения ресурсов разговорной речи писателями при постепенном сложении принципов применения, о чем свидетельствует, например, литературная практика таких писателей, как Фонвизин, Державин.

3. Приведенные данные говорят также и о том, что, стремясь к объективной стилистической характеристике лексики народно-разговорного источника, авторы Словаря испытывали на себе влияние противоборствующих литературных школ и направлений. И если большая широта включения просторечия в Словарь явилась закономерным отражением демократизации литературного языка и в известном плане отражением воззрений и литературной практики Новикова, Фонвизина, Державина и др., то в подходе к стилистической интерпретации привлекаемого материала не менее явно проступают ограничительные тенденции карамзинской школы. В этом нет ничего удивительного. Словари, особенно многотомные толковые, всегда являются зеркалом языкового развития определенной эпохи. Именно поэтому они всегда были и будут ценнейшими источниками, из которых мы черпаем знания о прошлых и современных нам состояниях языка.

Таким образом, подбор памятников при изучении функционально-стилистической категории просторечия должен быть широким и разнообразным. Это разнообразие мотивируется спецификой категории и задачами исследования. Изучение просторечия включает описание различных особенностей его состава. Так, непременно должны быть выявлены генетические особенности просторечия. Широкий и разнообразный круг источников должен стать основанием для суждения о характерных предметно-понятийных и лексико-семантических группах слов, составляющих просторечие, для определения тенденций соотношения в составе изучаемой категории важнейших лексико-грамматических категорий, для выявления присущих просторечию типов лексических значений. Материал, извлеченный из многочисленных и разнообразных источников, должен стать базой для суждения об особой роли оценочности для просторечия и способствовать выявлению

производные глаголы при непроезводимых с пометой «простонародное», так как в этих случаях помета, видимо, относится ко всему гнезду.

типичной для него оценочной гаммы. Только на основании фундаментального материала может быть воспроизведена картина широкой словообразовательной вариантности просторечия, гармонирующая с характерной для русского языка XVIII в. вариантностью, присущей всей его лексической системе. Только на основании обширного материала может быть реализована возможность постановки и поиска решения проблем, связанных с функционированием просторечия: вопроса прикрепленности просторечия к определенным стилям, возможностей для просторечной лексики вхождения в контексты различной стилистической тональности, особенностей синтеза просторечия и книжных слов в простом стиле конца XVIII столетия, по-разному понимаемых и преломляющихся в литературной практике представителей различных литературных направлений и школ.

Особенно важен широкий и многообразный материал для осмысления роли просторечной лексики в формировании словарного состава литературного языка, преломлявшегося в сложных процессах семантической и стилистической дифференциации внутри аналого-синонимических рядов слов. Именно на этом отрезке истории формирования словарного состава русского литературного языка можно наблюдать стилистическую нейтрализацию в противоположении с постепенным сгущением просторечной тональности слов, результатом которых было вхождение ряда ранее просторечных слов в состав литературного языка и отход к периферии литературного языка, а иногда и выход ряда слов за его пределы. В это время, характеризующееся также сложением ряда терминологических систем, ряд просторечных и областных слов обнаруживает тяготение к таким системам, что выражается в постепенном стирании у них стилистической тональности или утрате локальной приуроченности.

Не менее важна для исследований историко-стилистического плана проблема собирания и организации выразительных средств литературного языка, рассмотрение которой невозможно без оценки возможностей русского просторечия.

Весь этот сложный круг тенденций и процессов, характерных для второй половины XVIII в., общих для русского языка того времени, но по-своему преломляющихся в пределах просторечия, можно поставить и отчасти осветить лишь на большом, целесообразно подобранном и разнообразном материале, принципы отбора которого излагались выше. При этом всегда следует иметь в виду, что важнейшим условием исследования функционально-стилистического просторечия является пристальное внимание к фактам отражения в памятниках разговорной речи, что предполагает соответствующее отношение к отбору источников. Извлеченный из таких источников материал, в ряде случаев остающийся за пределами исследования, является необходимой основой важных для работы суждений и обобщений.

ГЕНЕТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ПРОСТОРЕЧИЯ



1.01. Одним из неисследованных вопросов, включаемых в проблематику просторечия, является вопрос о составе изучаемой категории в генетическом аспекте.

Рассмотрение широкого и многообразного круга просторечных слов с точки зрения генетического источника дает возможность установить в их составе наличие различных групп, определить их роль в кругу просторечной лексики, выявить признаки, объединяющие генетически различные слова в формирующейся категории. Для всего этого необходимы серьезные этимологические разыскания, включающие весь состав просторечных слов второй половины XVIII в., наличие словарей русского языка древнерусского и среднерусского периодов. Такими пособиями мы пока не располагаем. Этимологические разыскания по лексике русского языка, значительно продвинувшиеся за последнее время, дают в руки исследователя большой, но не исчерпывающий материал.¹ Это обстоятельство не может не сказаться на наших суждениях и предположениях, которые будут уточняться по мере дальней-

¹ При определении отношения слова к той или иной группе по генетическому признаку мы основывались на данных этимологических словарей русского языка, а именно: А. Преображенский. Этимологический словарь русского языка. М., 1910—1914, 1949; M. Vasmer. Russisches etimologisches Wörterbuch, Bd. I—III. Heidelberg, 1953—1958; М. Фасмер. Этимологический словарь русского языка, т. I—III. М., 1964—1971; Н. М. Шанский, В. В. Иванов, Т. В. Шанская. Краткий этимологический словарь русского языка. Изд. II. М., 1971; Этимологический словарь русского языка, вып. I—III. Изд. МГУ. М., 1963—1968. В настоящее время словарь М. Фасмера (русское значительно дополненное и уточненное издание) охватывает буквы А—С, Этимологический словарь МГУ — буквы А—В. Особенно важная для нас часть 8-я, в которую предположительно войдут слова областные (а целый ряд просторечных слов в дальнейшем стал достоянием народных говоров), будет завершать это безусловно важное издание.

В своих суждениях мы опираемся на названные выше пособия. Кроме того, мы привлекаем имеющиеся исторические словари и прежде всего «Материалы для словаря древнерусского языка» И. И. Срезневского, «Материалы для терминологического словаря древней Руси» Г. Е. Кочина (М., 1937), а также «Материалы для словаря древнерусского языка» А. Дювернуа (М., 1824). Самостоятельные этимологические изыскания в наши задачи не входят.

шего этимологического изучения словарного состава русского языка и развития русской исторической лексикографии.

Состав просторечной лексики русского языка второй половины XVIII в. условно можно разделить на две большие группы: 1) русская лексика; 2) слова иноязычного источника. Среди русских слов можно назвать слова общеславянские, самые древние, хотя сравнительно немногочисленные, и слова восточнославянские, сохранившиеся в русском языке как отражение языковой общности восточных славян, слова собственно русские и слова, вошедшие в просторечие из русских диалектов.

Особое положение в кругу просторечных слов занимают сравнительно немногочисленные слова церковнославянского происхождения, пришедшие из языка родственного, в течение очень долгого времени имевшего важное значение для известных типов литературного языка древней Руси и средневековья и игравшего важную роль в процессе формирования русского литературного языка нового времени.

Контакты русского языка с различными языками также отразились на составе просторечия, вобравшего в себя целый ряд слов греческих, латинских, тюркских, немецких, французских, польских, украинских и др. и включающего ряд образований с русскими формантами от иноязычных корней.

1.02. Основную массу просторечных слов составляли слова русские. Изучение просторечной лексики дает возможность предположить специфические особенности, распространяющиеся на все входящие в нее слова вне зависимости от их генетической принадлежности. Просторечная лексика обладала, как известно, особой стилистической сниженностью. Для второй половины XVIII столетия она складывалась под влиянием двухмерных противопоставлений: генетического, церковнославянского — русского, и чисто стилистического, высокое — низкое. В последнее десятилетие XVIII в. чисто стилистическое противопоставление постепенно становилось трехмерным: высокое — нейтральное — низкое. Противопоставление нейтральное — низкое часто лежало в основании отбора речевых средств школой Карамзина, так же как и эстетический критерий «вкуса» дворянского салона, которому не импонировала стилистическая сниженность просторечной лексики. К тому же противопоставления генетического и стилистического плана при теоретическом подходе к просторечной лексике осложнялось еще и аспектом социальным: просторечие — слова со сниженной тональностью, свойственные разговорной речи всех социальных групп общества; «простонародные» слова — слова, характерные для разговорной речи только простого народа (крестьян, городских мещан, ремесленников).

Из русских слов, принадлежавших во второй половине XVIII в. просторечию, можно выделить группу общеславянских слов — древнейших в словарном составе русского языка,

осмыслявшихся стилистически при формировании русского литературного языка во время сложения русской нации.

Они сравнительно немногочисленны и не поддаются систематизации. Таковы слова *баба, балагур, басня, батрак, батя, брезгать, буркать, быт, валять, ведро, ведьма, верещать, вопить, ворожить, гаркать, даль, дичь, доконать, дюжий, жадный, желудок, жрать, каверза, каяться, кляча, корячить, кочан, кургузый, лад, лакомый, лопать, марать, мешкать, морочить, мчать, норов, норохтиться, нуда, онуча, очнуться, паскуда, пихать, плюхнуть, притча, пузо, свадьба, свара, тужить, тюкать, уйма, хапать, цыкать, шалый, шархануть, шибать* и др.

Выявлен ряд восточнославянских по происхождению слов, которые в XVIII в. квалифицировались как просторечные и «простонародные». Это, например, слова *докука, егоза, ерепениться, жгут, канючить, кишеть, костить, крыша, кукишь, лунка, мастак, ого, парень, плутать, польмя, пустельга, раздолье, тупица, удалой, чваниться* и др.

1.03. Вошедшие в словарный состав русского языка и являющиеся его существенной частью, слова общеславянские и восточнославянские стали базой для образования многочисленных русских слов, в том числе и просторечных.² См., например, отменные глагольные образования, такие как *бычиться, ершиться, егозить, сорочить, мудрить* и др., приставочные образования *вопить—завопить; ворожить—наворожить, заморочить, приворожить; гаркать—загаркать; ерепениться—взъерепениться, зерепениться; жрать—пожрать, нажраться, обожраться; марать—замарать, обмарать; морочить—заморочить, обморочить; мчать—домчать, помчать; переть—припереть; шаркать, шархануть—ошархануть* и т. д.³

Не менее важна роль общеславянской и восточнославянской лексики как основы для образования экспрессивно-характеризующих и предикативно-характеризующих значений слов, характерных для данной стилистической категории.⁴ Это глаголы в переносных значениях, такие как *брякать, бухать, звякать* 'говорить что-л. не подумав', *городить* — во фразеологически ограниченном значении *городить чепуху, ерунду, чушь, пыль* 'говорить что-л. несообразное со здравым смыслом', *брехать* 'говорить неправду,

² Сведения о данных генетических слоях русской лексики содержатся в работах: А. А. Шахматов. Введение в историю русского языка. Пгр., 1916; Ф. П. Филин. Лексика русского литературного языка древнейшей эпохи. М., 1949; П. Я. Черных. Историческая лексикология русского языка. М., 1956, и др.

³ Исследованию новообразований русского литературного языка XVIII в. посвящена работа И. М. Мальцевой, А. И. Молоткова, З. М. Петровой «Лексические новообразования в русском литературном языке XVIII века» (в печати).

⁴ Подробнее см. ниже, гл. IV.

врать', *трещать* 'быстро говорить', *валять* 'делать что-л. быстро, но кое-как' и другие, характерные для просторечия.

Укажем также имена существительные в характерных значениях лица по какому-либо признаку: *веха* (о высоком человеке), *жердь* (о тонком высоком человеке), *пень* (о глупом человеке), *гусь* (о человеке пронырливом), *угар* (о безрассудно смелом человеке). См. и другие существительные в переносных значениях: *рыло* (о некрасивом человеческом лице), *лапы* (о больших руках и ногах), *пыль* (о чем-л. несообразном, неосновательном). Например: «[Капелькин:] Бывало, подвеселюсь с друзьями, начнем играть в жмурки... нахлучат мне колпак по самое рыло» (Веревкин, Точь в точь, с. 38); «К больному лекарь шел, больной в жару: Готов рецепт. Я денег не беру, Он едак говорит, и протянул он лапу» (Сумароков, Больной и медик, с. 235); «Находился я... в молодости моей несколько лет в команде еще гораздо вздорнейшего и вспыльчивейшего генерала и такие пыли не только видал, но к ним так привык» (Болотов, т. III, с. 978).

Для обозначения неопределенного множества для просторечия характерны слова *тьма*, *беда*, общеславянские в основном значении: «[Скрягин:] Пять тысяч! как тебе не стыдно, етакую беду скоро ли отдать... сот пять только» (Княжнин, Скупой, с. 314); «Другой Чиновный был, и тьмы имел он в сундуке Червонцев и рублей» (Попов, Два вора, с. 29); «Чтож? слушателей тьма стекался» (Дмитриев, Лиса-проповедница, с. 11).

Ряд общеславянских по происхождению слов входит в просторечие преимущественно в бранном употреблении (см. слова *бес*, *ведьма*, *черт*).

Все сказанное выше, а также и то обстоятельство, что древнейшие по происхождению слова (общеславянские и восточнославянские), осмысляемые в XVIII в. как просторечные, в своих исходных значениях и создававшихся гораздо позднее производных, чаще переносных, значениях входили в характерные для просторечия лексико-семантические группы и синонимические ряды, были членами антонимических противоположений, говорит об их освоении русской народно-разговорной речью и об органическом вхождении в формирующуюся функционально-стилистическую категорию — просторечие.

1.04. Собственно русская лексика имеет ряд фонетических признаков, для нее характерен целый ряд форм словоизменения, а в области словообразования установлены характерно русские аффиксы. Но просторечию присущи лишь некоторые слова с такими признаками, и только за счет действия немногих таких признаков создается характерная для просторечия стилистическая сниженность. Большая же часть признаков собственно русской лексики имеет широкий диапазон действия и охватывает разные стилистические категории русских слов.

Так, в составе собственно русской лексики второй половины

XVIII в. было более шестидесяти слов с полногласием. Из них для просторечия характерны лишь слова *беремя, жеребей, норов, хоронить* 'хранить' благодаря характерному фонетическому облику и различиям семантического объема полногласного и неполногласного слова. Некоторые такие слова, например *морок, солонкий, хоробрый*, были и тогда достоянием диалектов, хотя и встречались изредка в памятниках того времени. Из русских слов с *ч* из *kt* только слово *мочь* в конце века утверждается в составе просторечия благодаря особенностям сочетаемости. Из слов с *ж* из *dj* для просторечия было свойственно лишь слово *невежа* благодаря семантической дифференциации со словом *невежда*.⁵

Грамматическая нормализация русского языка XVIII в., связанная с именем Ломоносова, основывалась на наблюдениях над многообразным материалом живой разговорной речи, памятников различных жанров, на глубоком знании церковнославянского языка. «Ломоносовым систематизированы фонетические и грамматические различия между высоким и простым стилями, причем в простой слог был открыт широкий доступ грамматическим формам живой устной речи, не носящей узко областного оттенка (например, формам типа *желаньев, блекляе* и т. п.)».⁶ Но «Российская грамматика» не рекомендует для простого стиля ни резко просторечных, ни областных форм. Уместные и предпочтительные в простом стиле грамматические формы (окончания род. пад. ед. ч. имен существительных мужского рода на *-у*, окончание прилагательных мужского рода в им. пад. ед. ч. на *-ой*, сравнительная степень прилагательных на *-ея*, причастия на *-учий, -ючий*, деепричастия на *-учи, -ючи* и др.) относятся ко всему лексическому составу этого стиля, включающего предпочтительно русские слова, слова, общие для русского и славянского языков, в том числе просторечные. Отмечаемая в ряде работ непоследовательность в отнесении к просторечию и «простонародной» лексике в словарях того времени целого ряда слов по словообразовательным признакам, например существительных с суффиксами *-як, -ун, -ик, -ник, -ач, -тай, -ыш, -ан (-ян), -ило, -ень, -арь*, некоторых бессуффиксальных образований типа *бережь, гладь, глубь, тишь*, отглагольных существительных на *-ня*, отыменных глаголов (таких как *вракать, гулявель, вековать, хомутать*), глаголов на *-ничать* и др., говорит не столько о субъективизме авторов словарей, но более о том, что словообразовательные группы просторечной лексики только намечались.⁷ И все же, учитывая сказанное выше, при анализе состава просторечной лексики необходимо внимательное отношение к фонетическим и словообразовательным осо-

⁵ Подробнее см. ниже.

⁶ В. В. Виноградов. Вопросы образования русского национального литературного языка. — ВЯ, 1956, № 1, с. 15.

⁷ Ю. С. Сорокин. Разговорная и народная речь в Словаре Академии Российской. — В кн.: Материалы и исследования по истории русского литературного языка, т. I. М.—Л., 1949, сс. 121—123.

бенностям русского слова того времени и к намекающей тенденции разделения словообразовательных групп слов между формирующимися стилистическими категориями. В ряде случаев их следует рассматривать и как свидетельство принадлежности слов русскому языку, и как проявление процесса стилистической дифференциации. Стилистическая сниженность просторечной лексики создавалась и за счет семантических особенностей слов, включавшихся в нее. Одной из них была специфическая конкретность значения, противопоставленная абстрактности значения вошедших в литературный язык того времени слов церковнославянского источника.

2.01. Осознание дублетности русских и церковнославянских слов, например слов с полногласием и неполногласием, характерно для первой половины XVIII столетия. «Противно же тому у нас во многия слова главные буквы против славянского в середине прибавили, — констатирует Татищев, — яко пишут: голод, мороз, город, порох, дерево, беремь вместо глад, мраз, град, прах, древо, бремь» (Татищев, Разговор двух приятелей с. 54).

Но сам процесс стилистического размежевания большей части полногласных и неполногласных пар произошел ранее, и к середине XVIII в. такие слова, как *болото, борода, берег, волос, ворон, воробей, голова, город, голос, дерево, золото, колодезь, колос, корова, короткий, коростель, молодой, молоко, молот, мороз, полотно, порох, соловей, солома, сорочка, холод, череда* и др., были нейтральными, а их церковнославянские дублеты прочно закрепились за жанрами высокого стиля. Семантическое размежевание по конкретности и отвлеченности можно наблюдать на истории соотношений лишь некоторых церковнославянских и русских дублетов с характерными расхождениями в смысловом объеме.

Так складывались стилистические отношения, например, слов *беремь—бремь* в русском языке второй половины XVIII в. В середине века оба слова в значении 'тяжесть, ноша' часты в памятниках низкого стиля. Об этом свидетельствуют следующие примеры:

Лошак большое бремь нес:
А именно телегу вез:
Грузна была телега.

(Сумароков, Высокомерная муха, с. 156)

«На чужой спине беремь легко» (Курганов, Пословицы, 1770, с. 115).

Возможно использование обоих дублетов и в значении, производном от основного. См.:

У кобеля взяла, для нужды, сука ларь.
Просила так: пожалуй, государь,
Пусти меня в нево, на время,
Поколь мое пройдет беремь.

(Сумароков, Кобель и сука, с. 92)

«Наконец настал час разрешения жены моей от бремени» (Болотов, III, с. 343).

Но у слова *беремя* издавна было и конкретно-бытовое значение, так отраженное в Словаре Волчкова: «Охалка, ноша; беремя щеп или мелких дров» (1765, ч. I, с. 296). Именно в этом значении оно часто в соответствующих контекстах:

Дров пасек старик в лесу:
А связав в беремя
Поднял на плеча.

(Тредиаковский, Старик
и смерть, с. 205)

Медведь, добычу взяв в беремя,
Послушайте, сказал: коль всем нам части брать,
То мало этого всем голод нам унять.

(Державин, Медведь, лисица и волк, 1762, с. 423)

Но в самое приятно время,
Когда рука богини сей
Схватя лилей и роз беремя
Держала у груди своей...
Ириса к ней тогда влетела.

(Осипов, Енейда,
ч. IV, с. 432)

«Мастерова жена... принесли для гостей целое беремя чистеньких портяночек» (Березайский, с. 207); «Он принес беремя дров и хотел класть их в камин» (Карамзин, Деревенские вечера, сс. 105—106).

Переносные и образные употребления слова *беремя* возможны лишь в этом значении в сниженных контекстах:

Лиса ему в ответ: Нет, кум, не время
Твоих фельдъегерей мне ждать;
Осталось дел беремя.
Прости! — и, хвост поджав, пустилася бежать.

(Озеров, Петух и лисица, с. 395)

«[Кохтин:] На шее у меня дел целое беремя» (Капнист, Ябеда, с. 107).

В то же время складывались и переносные и образные употребления слова *бремя* от значения 'тяжесть, отягощение', свойственные преимущественно высокому стилю. См., например:

Избавь, низвергни наше бремя,
Воздвигни нам Петрово племя,
Утешь, утешь своих людей.

(Ломоносов, Ода II, с. 58)

«[Клердон:] Я воздыхаю под бременем своих благополучий» (Елагин, Безбожный, с. 69); «Я признаюсь, Слышателие! что я здесь под бременем своего слова ослабеваю» (Флешье, Слово похвальное, с. 137).

Тенденция различения слов *бремя*—*беремя* по значению характерна уже для 60—70-х годов. См., например, в одной из басен:

С таво часа игрок закаялся играть,
Свалил с себя такое бремя,
И зделался писец,
Наружу выводил дел многих время
Описывая страсть в игре, и наконец,
Припутал игроков тут целое беремя,
Показывая им себя за образец.

(Игрок, с. 81)

Их семантико-стилистическое размежевание правильное отчасти к концу XVIII—началу XIX в., когда слово *беремя* утвердилось в его реально-бытовом значении, а в отвлеченном — его церковнославянский дублет. Так, у Карамзина встречаем: *беремя дров* (пример см. выше), но *бремя грехов* (ПРП, ч. III, с. 67), *жизни бремя* (Соч., ч. I, с. 83), *старца, угнетенного бременем лет* (ПРП, ч. IV, с. 3), (под) *бременем общего презрения* (Деревенские вечера, с. 145), *от земного бремени* (ПРП, ч. I, с. 171), *сложить с себя бремя, которое тяготило его день и ночь* (Деревенские вечера, с. 166); у Державина: *от бремя дел* (Соч., ч. I, с. 50), *несет свое всяк в свете бремя* (Соч., ч. I, с. 174); у Радищева: *бремя мглы* (Песнь историч., с. 77), *бремя налогов* (Путешествие, с. 282), *в ношении тяжкого бремени правления* (там же, с. 70), *бремени предрассуждения* (там же, с. 339), *облегчить бремя* (там же, с. 84), *сложив с сердца... несносное бремя* (там же, с. 284).

Сочетание слова *бремя* со словами реально-бытового плана или применение при описании бытовой ситуации к концу века воспринимается как средство комического эффекта, что еще ярче выявляет его книжный колорит. См.:

Почто Витиев правил
Мне вьючить бремена?
Премудрость я оставил:
Не надо мне она.

(Державин, Анакреоновое
удовольствие, с. 138)

«Фалалей поворотился сильно, свергнул бремя, в грязи его давившее, и, вскочив, помчался домой, вымаранный в грязи, как черт, без шляпы» (Радищев, Памятник дактилохореическому витязю, с. 73).

Таким образом, процесс их семантико-стилистического размежевания заканчивался уже в XVIII столетии, и слово *беремя* отошло в состав просторечия, хотя словари того времени не фиксировали их разграничения.

Иначе происходило семантико-стилистическое размежевание слов *жеребий*, *жеребий*. Во второй половине XVIII в. оба они имели

предметно-обобщенное значение 'предмет с меткой среди множества себе подобных для установления права на что-л., порядка, очереди' (чаще в сочетании с глаголами *кидать, метать*), производное от него — 'выбор, очередь' (преимущественно в сочетаниях с глаголами *пасть, выпасть*), носящее отвлеченный характер. Оба слова в этих значениях встречались в памятниках различных стилей: «Храбрые витязи! — сказал он: „не хочу, чтобы смерть одного из вас простерла траур на окончание наших потех: киньте жребий!“» (Танкред и Галатея, с. 200); «Тот, которому по жребию достается дальное поле, уже много теряет перед другим, подле жила пашущим» (Лепехин, ч. I, с. 91); «Пал жребий, чтоб сперва Борею опыт дать, Который изо всех стал сил своих свистать» (Тредиаковский, Солнце и Борей, с. 192); «[Служивой:] Мы кинем жеребей, кому ты достанешься» (Аблесимов, Счастье по жеребью, с. 67); «Офицеры гвардии жеребей метали, которым баталионам и ротам туда идти» (СПб ведомости, с. 498): «На него пал жеребий» (Ломоносов, Материалы к Российской грамматике, с. 619).

Такая же картина употребления дублетов и в значении 'участь, доля': «Я не только на людях тех, угрожаемых бедством, Не сожалел, но завидовал жребию оных» (Тредиаковский, Тилемахида, с. 33); «[Флориза:] Такие жеребьи ныне очень редки, чтоб достаточные люди женились на скудных девках» (Сумароков, Рогоносец, с. 14).

Слово *жеребий* к середине XVIII в. имело еще одно производное значение, несвойственное неполногласному дублету *жеребий*, — 'доля, пай, надел, доставшийся по жеребьевке'. Это значение было тесно связано с народным бытом. См. в Полном своде законов: «В ноябре месяце, когда начинают вымолачивать хлеб, собирать с обывателей ежегодно по числу жеребьев, по которым они раскладки чинят» (ПСЗ, 1765, т. XVII, с. 167). См. также: «Но дело не о том, пора делить зверя На равны жеребьи измеря» (Сумароков, Лев, корова, овца и коза, с. 44); «[Афросинья Сысоевна:] Так поэтому и в деревеньках-та твоих его милости (дяди Доблестина, — Г. К.) жеребий?» (Веревкин, Так и должно, с. 227); «Зазвали отца моего в свое собрание и принудили его волею или неволею дать на себя запись такову, чтоб быть довольну одним четвертым жеребьем матери своей» (Зап. Данилова, 1771, с. 19).

Можно полагать, что фонетические особенности слова *жеребий* и наличие значений, тесно связанных с народным бытом, содействовали сначала его закреплению в составе просторечия, а потом сохранению его в словарном составе народных говоров. Наличие в литературном языке слова *жеребий*, частично затронутого процессом нейтрализации (в 1-м значении), но не утратившего своего книжного колорита, закрепляло это размежевание.

Приведенный нами материал показывает, что состав русской просторечной лексики представляет собою сложное образование.

В формирование его внесли свой вклад и древнейшие слои русской лексики — лексика общеславянская и восточнославянская, и генетические слои более позднего времени.

В процессе сложения просторечия, относящегося ко времени формирования русского языка, определялись его специфические черты и основные линии формирования. Просторечная лексика включала в свой состав преимущественно слова с конкретными значениями. Семантико-стилистическая дифференциация некоторых дублетов (славянских и русских) шла по линии разграничения конкретности и абстрактности значения.

2.02. Слова конкретно-бытового значения были одной из групп просторечной лексики. Большая часть состава просторечия при преимущественной конкретности значения характеризовалась и наличием оценочности. Лишь немногие просторечные слова обладали абстрактным значением, но также характеризовались оценочностью, присущей категории просторечия.

Процесс размежевания дублетов реализовался таким же образом, как разграничение слов церковнославянского источника, прошедших нейтрализацию, с характерным отвлеченным значением и слов русских отвлеченного значения, но с включенной в его состав оценкой. Немногочисленным таким словам в составе просторечия почти всегда присуща отрицательная оценка, преимущественная для слов этой категории. Широкое употребление их в живой разговорной речи привело к закреплению в строго определенных устойчивых контекстах и фиксации их сочетаемости, что в свою очередь обусловило их вхождение в состав просторечия в характерных устойчивых сочетаниях (см. слова *мочь*, *ворог*, *полон*).

В процессе живого употребления в разговорной речи возникали отклонения от привычных контекстуальных связей слов конкретного значения, их переносные и образные применения. Образно-типическое обобщение, лежащее в основе таких применений, неразрывно связано с народной оценкой предмета, явления, процесса, было очень важно для формирования специфических типов значений слов, включавшихся в состав просторечия.

Оценочность просторечных слов разнохарактерна и многолика, что связано с многообразием отражаемой реальной действительности в словах, относимых к данной категории, с множественностью форм отражения, с несформированностью некоторых таких форм.⁸ Однако важнейшее ее значение не подлежит сомнению.

Взаимодействие фонетического, семантического и оценочно-стилистического факторов характерно для размежеваний дублетов *нрав—норов*. Словарь Академии Российской характеризует

⁸ См. ниже, гл. VI.

слова разного семантического объема и стилистической отнесенности.

Нрав... 1) Природная или приобретенная склонность, расположение к чему-нибудь добродушному или порочному.

2) Обыкновение, обычай, введенный употреблением в каком-либо народе; образ, поступок, принятый каким-либо народом.

Норов... простонар. Обычай. С норовом. Во образе наречия говорится об упрямых лошадях.

(САР, ч. 4, сс. 558—559 и 561)

Эти значения могут быть подтверждены следующим материалом: «Если это не твердый характер, так по крайней мере упрямый норов» (Письмо Дмитриева Тургеневу, с. 18); «Что ни город, то норов, что ни село, то обычай» (Курганов, Пословицы, с. 123); «Ну! нечего сказать, — подумал я сам в себе тогда, — что город, то норов, и пословица сия справедлива» (Болотов, т. I, с. 953).

Существовало и еще значение слова *норов* — ‘упрямый нрав’, проявлявшееся чаще всего в устойчивом сочетании с *норовом*. Очевидно, это значение имеется в виду в Аналогических таблицах: «норов... худой нрав» (ч. II, с. 258). Вопреки Словарю Академии Российской устойчивое сочетание с *норовом* (об упрямом) распространяется в то время и на человека. См., например: «Высокой, толстой боров Был добрая свинья, да лишь имел он норов» (Сумароков, Боров и медведь, с. 274); «[Назойлов:] Что мне нужды до твоей головы, я даже знаю, что ты с норовом» (Судейские именины, с. 83); «В дороге складнее поспешать на почтовых клячах, нежели карабкаться на пегаса, когда он с норовом» (Радищев, Путешествие, с. 369).

Явно суженное значение слова *норов* ‘упрямый нрав’ по сравнению с основным значением церковнославянского дублета характерно еще и наличием оценки. Оно предположительно может рассматриваться как результат сужения былого более широкого значения слова *норов*, бывшего равным основному значению слова *нрав*.

Следы наличия в прошлом у слова *норов* более общего, не содержащего момента оценки значения сохранились в пословице: «Жена мужа не бьет, а под свой норов ведет» (Курганов, Краткие повести, 1770, с. 111). Ср. у Барсова: «Жена мужа не бьет, а под свой нрав ведет» (Собрание пословиц, с. 68). О большей семантической близости дублетов в прошлом говорит и наличие прилагательного *нравный* со значением ‘имеющий непостоянный, крутой нрав’, в то время по показаниям словарей нейтрального, но явно принадлежащего просторечию. «Слух есть, некогда сей бог нравный увязался, Да в несносный врпнет наших стихотвор-

цев труд» (Тредиаковский, Наука о стихотворстве, с. 18); «[Княгиня:] А как он человек нравный и коего не можно скоро уговорить, так я... не приказала к себе никого пущать» (Попов, Немой, с. 35); «На конь вскочнешь — конь тих, не правен, И вихрем мчится под тобой» (Державин, Атаману войска Донского, ч. II, с. 287); «Родительница моя была женщина хотя добросердечная, но нравная и неуступчивая» (Болотов, т. I, с. 148).

В нейтральном слое прилагательному *нравный* соответствовало по значению сложное прилагательное *своенравный*. См.: «Девица лет осмнадцать, лицом не дурна, не глупа, не самолюбива, не своенравна» (Трутьев, 1770, с. 23); «Гордые люди суть обыкновенно своенравны, ссорливы и насмешливы» (Эмин, Приключ. Фемистокла, с. 64); «Будучи не в состоянии управлять собою, была она вдруг и жестока и своенравна: два порока, часто соединяющиеся вместе» (Дельфина, с. 23).

Семантико-стилистическое размежевание слов *нрав*—*норов*, относящееся, вероятно, к концу XVII и XVIII в., происходило по линиям отхода в просторечие слова с русской огласовкой с суженным значением, включающим момент оценочности. В производном прилагательном от нейтрализовавшегося уже слова *нрав* решающее значение в размежевании имела противопоставленная ему книжная форма словосложения.

2.03. Большое значение в формировании состава просторечия имела сложившаяся в живой разговорной речи лексическая сочетаемость русских слов. В целом ряде случаев принадлежность слова просторечию поддерживалась тем, что оно входило в устойчивые сочетания, сложившиеся в разговорной речи. Более наглядно это можно показать при анализе разграничений некоторых дублетных пар русской и церковнославянской лексики. Как уже говорилось, из слов с русским *ч* из *kt* в составе просторечия к концу XVIII столетия утвердилось слово *мочь*. Его славянский дублет *мощь* в том же отвлеченном значении занимал полунейтральное положение: он уже не был ярким функциональным славянизмом, широко входил в средний стиль, но книжный характер его еще сохранялся. Впрочем, и русское слово *мочь* в свободном употреблении изредка встречается в высоком стиле середины века: «Последню мочь его голодна мудрость склонит, И горду мысль его сильней огня прогонит» (Ломоносов, Ода II, с. 64); «[Дмитрий:] Внимать извергов сих не станет больше мочи: Представь мне Шуйскова и с дочерью пред очи» (Сумароков, Дмитрий Самозванец, с. 76).

В низком стиле и отчасти в среднем стиле оно преимущественно употребляется в составе устойчивых сочетаний *нет мочи*, *не в мочь*, *что есть мочи*, *во всю мочь*, *изо всей мочи*, *через мочь*, *сколько есть мочи*: «Супруга верезжит во всю супружню мочь» (Сумароков, Супруг и супруга, с. 264); «[Василий:] Нет мочи более терпеть: отпою ему хорошенько» (Лукин, Мот,

с. 92); «От головы мочи нет» (Письмо Румянцевой Румянцеву, 1 IV 1766, с. 53); «Да уж как пришло не в мочь, так ты над нами смилуйся: наше дело крестьянское» (Копии с отписок, с. 235); «Она, встав через великую мочь, шаталась дни с три в отчаянье» (Несч. Никанор, с. 20); «При мне-та так уж через мочь говорила» (Живописец, с. 189); «Все, сколько нас вокруг его ни стояло, смеялись над ним из всей мочи» (Апулей, Золотой осел, ч. I, с. 60); «Бьются они, сколько есть мочи» (Крашенинников, т. III, 1755, с. 183); «(Сыр) кладут в холщевой рукав и дают оной между двумя досками сколько есть мочи» (Лепехин, ч. I, с. 150).

В свободном, не связанном употреблении оно было нейтральным и встречалось наряду с церковнославянским дублетом *мощь* даже в одном произведении в возвышенных контекстах:

Где ты славянов храбра сила?
Проснись, возстань Российска мочь.

(Дмитриев, Освобождение
Москвы, с. 12)

Еще Пожарский мечет гром;
Везде летает он орлом;
Там гонит, здесь разит, карает,
Удар ударом умножает,
Колебя мощь литовских сил.

(Там же, с. 14)

Аналогичны причины сохранения в составе просторечия слова с полногласием *ворог*, во второй половине XVIII в. широко представленного в низком стиле почти исключительно в составе устойчивых сочетаний, пословиц и поговорок.⁹ См., например: «[Бригадирша:] Закажу и другу и ворогу итти замуж» (Фонвизин, Бригадир, с. 79); «[Удальцов:] Да, полно, вы, осударь, и мухе не ворог» (Веревкин, Точь в точь, с. 17); «[Лука:] Так, барин, нет ни одного человека без ворога» (Попов, Бурлин, 1772, с. 209); «[Хамкина:] Везде, всегда, как ныне ведется, так в старину бывало — без денег в город — сам себе ворог» (Судейские именины, 35); «Микеха ответствовал... кратко, что этой ужести не выдывал, и что с сих пор закажет и другу и ворогу... ходить в Пугниво» (Березайский, с. 202).

Почти исключительно в тавтологических сочетаниях *огонь и поломя, огнем и полем* вошло в состав просторечия слово *поломя*. См. в поговорке: «Из огня да в поломя попал» (Курганов, Краткие повести, 1777, с. 112). У Болотова: «(Зять) увидел себя вдруг объатым огнем и полем» (Болотов, ч. I, 998); «Терпя,

⁹ В I издании САР в статье на слово *враг* дано примечание: «просто же ворог» (ч. 1, с. 871); во II издании слово *ворог* дано отдельной статьей с пометой «простонародное» (ч. 1, с. 671).

терпя, захохотали тогда и мы во все горло; ибо нам сие еще того смешнее показалось. И тогда загорелся огонь и поломя. Учитель наш вздурился, сие увидев» (там же, с. 190). Ср. у Державина: «[Сидоровна:] Девку с парнем покидать одну, как огонь с соломой, — после не угасишь»; «[Пивкин:] (с насмешкою) Да и конвой-то какой: от эдакого полымя в минуту вспыхнет» (Державин, Дурочка, с. 441).

Вхождение указанных слов в установленные сочетания, утвердившиеся в живой разговорной речи, имело большое значение для закрепления в просторечии ряда слов и особенно в сложении круга фразеологических оборотов и выражений, присущих просторечию.¹⁰

2.04. Значительную часть просторечной лексики составляют собственно русские слова. Кроме описанных выше слов — дублетов по отношению к соответствующим церковнославянским словам, нейтрализовавшимся к XVIII столетию, просторечие включает массу русских слов, трудно поддающихся классификации. В качестве примеров можно привести такие слова, как *балаболка*, *балагур*, *баламут*, *барахло*, *барин* (о высокомерном человеке), *бахвал*, *бедакур*, *бестолочь*, *бишь*, *бука*, *болгата*, *болтовня*, *вдургорядь*, *вдрызг*, *верзилка*, *взбучка*, *вздор* и *вздорный*, *вишь*, *волонкита* (о человеке), *волынить*, *волынка*, *вольготный*, *воструха*, *вояка*, *вполне*, *враки*, *враль*, *второпях*, *дескать*, *дотошный*, *дошлый*, *дубина* (о человеке), *дурында*, *жеманный*, *замашка*, *замухрышка*, *избочениться*, *исподтишка*, *карабкаться*, *карежить*, *касатка* (в обращении к девушке, молодой женщине), *квельный*, *кикимора*, *копошиться*, *краснобай*, *кромсать*, *кропотливый* 'ворчливый, суетливый', *кукситься*, *кулек*, *культяный*, *кутить*, *кумекать*, *ледащий*, *леший*, *лихорадка*, *лопоухий*, *люлька*, *маета*, *мороковать*, *маячить*, *мельком*, *мурлыкать* 'тихо напевать', *мямлить*, *навверняка*, *назойливый*, *намедни*, *намекать*, *настежь*, *насупиться*, *нахал*, *нахрапом*, *небось*, *несуразный*, *несусветный*, *неуклюжий*, *обиняк*, *околесица*, *олух*, *опрометом*, *орава*, *остолоп*, *осточертеть*, *охальник*, *пентюх*, *передряга*, *пигалица*, *пиликать*, *пичкать*, *поделом*, *полоумный*, *пострел*, *потасовка*, *прикорнуть*, *приспичить*, *притулиться*, *пройдоха*, *прощельяга*, *пыжиться*, *пырять*, *разбитной*, *раскошелиться*, *растяпа*, *ретивый*, *рехнуться*, *ротозей*, *рыпаться*, *рыскать*, *рьяный*, *рявкать*, *сброд*, *свора* (о сборище людей), *сволочь*, *скалыга*, *скряга*, *скупердяй*, *сморозить*, *суда-*

¹⁰ Изучение просторечной фразеологии того времени представляется нам особой задачей, не входящей в план этого исследования. У него свой предмет, своя проблематика и обширный, еще не введенный в научный оборот, материал. Мы лишь привлекаем такой материал по мере необходимости. Сама проблема и ее частные аспекты, например исторические изменения семантической валентности просторечных слов, их значений, ведущие к созданию устойчивых оборотов, представляет значительный интерес для истории русского языка.

чить, тарарам, тарарахнуть, тараторить, тары бары, тетеря (о человеке), тихомолком, тишком, толчея, топыриться, тормашки, тормошить, тотчас, трахать, тренькать, трепыхаться, тряпка (о человеке), турусы, таять 'выпивать хмельное', угар (о человеке), угомонить, угораздить, улепетывать, ухарь, ухват (о человеке), фефела, фитюлька, харя, хаять, хлипкий, хлобыстать, хохлиться, хрыч, цыпочки, чебурахнуть, чекрыжить, чепуха, чокать, чурбан (о человеке), чучело, чушка (оба слова в применении к человеку), чушь, шалопай, шалопут, шарить, шашни. шлендать, шляться, шмякнуть, шушера, щекотать 'быстро говорить', щелкопер, юлить, ютиться и многие другие.

3.01. Наши сегодняшние знания о русских диалектах средневековья и XVIII столетия не позволяют с необходимой полнотой охарактеризовать вклад этого источника в формирование просторечия. Мы вынуждены ограничиться фиксацией немногих слов, вошедших в просторечие из диалектов при посредстве общей разговорной речи. Будущие исследования, несомненно, пополнят и уточнят состав таких слов.

В кругу слов диалектного источника в силу известных исторических причин занимает лексика, ранее принадлежавшая севернорусским говорам. В соответствии с этим можно считать словами, пришедшими в просторечие из диалектов, слова: *ан*, *аргачиться* и *ргачиться*, *брызги*, *буркалы*, *втемяшить* и *втемяшиться*, *вякать*, *голытьба*, *голытепа*, *горлопан*, *дурында*, *ерепениться*, *жить*, *жиять*, *забудыга*, *инда*, *кочевряжиться* и *закочевряжиться*, *кулички* (в выражении *у чорта на куличках*), *лебезить*, *ляд*, *меледа*, *мелюзга*, *очунуться*, *подтибрить* и *стибрить*, *постылый*, *пропуха*, *ражий*, *рожа*, *рохля*, *рявкать*, *сбагрить*, *сквалыга*, *судачить*, *сутолока*, *трухнуть*, *чекрыжить*, *на юру* и ряд других.

Материалы памятников второй половины XVIII столетия в некоторых случаях позволяют уточнить время вхождения некоторых таких слов в функционально-стилистическую категорию — просторечие. Так, широко распространено в памятниках слово *буркалы* 'глаза', считавшееся вошедшим в литературный язык из диалектов в XIX в. Можно подтвердить это рядом примеров из памятников той поры: «[Лесник:] Да выколи пожалуй свои буркалы, чтоб они меня не соблазняли» (Николев, Розана и Любим, 1776, с. 7); «[Кутейкин:] Филин треклятый! Што ты буркалами похлопываешь?» (Фонвизин, Недоросль, с. 96); «[Фолет:] Там ты видишь алебастровую головку... там такую манерную кралечку, что чуть буркалы мелькают из под бровей» (Крылов, Американцы, 1789, т. II, с. 240);

Сказал — и буркалы под крышку
Все под лоб с корнем закатил,
Едва стучало в нем сердшишко,
Бпенье пульс остановил.

(Котельницкий,
Окончание Енеиды, с. 477)

Но дурь Платона не прервалась:
Он ни вперед тут, ни назад,
Уставя буркалы на Эгну.

(Люценко, Похищение
Прозерпины, с. 535)

«[Пролаз:] Ваши очки не надобны, у меня свои хорошие буркальцы» (Голицин, Отец невидимка, с. 48).

Можно предположить, что уже в конце XVIII столетия, потеряв локальную ограниченность, в просторечие постепенно входили слова *облапошивать*—*облапошить*, *опростоволоситься* 'опшиться'. См., например: «[Сенька:] Животики надорвешь, смеючись, как он их [купцов] облапошивает, а на утро смотришь и пусты карманы» (Чернявский, Купецкая компания, с. 168); «[Агафья:] Неужто он опростоволосился в первый раз, и на ночь не запер ворот» (Княжнин, Притворно сумасшедшая, 1786, с. 202). Не случайно словом *опростоволоситься* в данном значении пользуется Загоскин при стилизации речи персонажей в историческом романе: «— Ах ты, дура неповитая! Ну те ли времена, чтоб продавать горшок молока по пяти алтын? Мы нигде меньше рубля не платили. — Как так, батюшка? — Да так. Опростоволосилась, голубушка, вот и все тут» (Загоскин, Юрий Милославский, с. 68).

Вероятно, в самом конце XVIII в. в изучаемую функционально-стилистическую категорию включаются слова *отлынивать*—*отлынять*, *обмишулиться*. См. некоторые подтверждающие примеры.

И поистине ты, попадя, не смыслишь
и дела не знаешь:
и рад бы шел да простился,
да со многими людьми разбранился;
как мне не гулять,
а от цепи не отлынять.

(Хождения попа Саввы, с. 110)

«[Честон:] Я тебе приказываю, ступай явись к своему месту и отнюдь не думай как-нибудь отлынивать. Я тогда поступлю с тобою иначе» (Кокошкин, Поход под шведа, 1790, с. 59); «(Некоторые жители) не заботятся о будущем, но ищут как бы погулять и отлынять от трудов» (Державин, Мнение, с. 263). См. также в ранних произведениях Грибоедова: «[Звездов:] Наказать ему крепко-накрепко, чтоб Фомка плотник не отлынивал от оброку» (Студенты, с. 12). Не случайно слово *обмишулиться* у Суворова: «Стреляй редко да метко, штыком коли крепко, пуля обмишулится, штык не обмишулится: пуля дура, штык молодец» (Суворов, Разговор с солдатами, с. 92).

Приведенные примеры свидетельствуют о том, что диалекты,

питая общую разговорную речь, являлись также источником пополнения функционально-стилистической категории просторечия. По мере расширения исследований по исторической диалектологии русского языка XVIII столетия должно быть выяснено более точно значение этого источника.

Другая группа слов диалектного источника, часто встречающихся в литературных памятниках низкого и отчасти среднего стиля и в не литературных памятниках, подтверждающих их довольно широкое распространение в разговорной речи, составляла с самого начала периферийный слой данной категории, к концу века постепенно уходящий из нее в область разговорной речи, а затем в народные говоры. В литературном языке она так и не прижилась: ее вытеснили более распространенные и наиболее приспособленные к существованию в просторечии синонимы и аналоги. В качестве примеров таких слов можно привести слова: *ась*, *ахид*, *ажно*, *барабошить*, *бесперечь*, *благой* 'плохой', *дурной*, *бузовать* 'жестоко бить', *буровить*, *варакать* и *наваракать* 'кое-как написать', *вареги*, *вахлять* и *свахлять* 'сделать что-л. быстро и плохо', *вестимо*, *вылещать* 'выпрашивать, вымогать', *выстарок* и *остарок* 'постаревший человек', *гожий* 'хороший', *гораздо* 'очень', *гулять* 'пить, кутить', *дуван* 'добыча', *дуванить*, 'делить добычу', *дубец* 'розга, прут', *дутик* 'тот, кто дуется, полный в лице', *жемок* 'что-л. вязкое в руке', *жигнуть* 'ударить', *жукнуть* 'издать какой-л. звук', *замать* 'трогать', *звяки* 'пустые разговоры, сплетни', *звякать* 'говорить пустое, сплетничать', *зюзя* (о пьяном человеке), *кобениться* 'ломаться', *калякать*, *колотырить* 'торговать мелочью; сплетничая, ссорить', *колошматить*, *кудес* 'проказник' и *кудесить*, *курить* 'смущать, ссорить', *лих* — частица, *лабзиться* 'ласкаться', *лихоманка* 'лихорадка', *лопоть* 'изношенная одежда', *лылы* (в выражении *поддеть на лылы* 'обмануть, подвести'), *лытать* 'слоняться', *лытки* 'коленки', *меледа* (о хлопотном), *нарохтиться* 'навязываться', *насуслиться*, *натаривать* и *натореть*, *нахлостаться*, *неминуная* (о смерти), *огурь* и *огурник* (о непослушном человеке), *одрань* 'худая лошадь, кляча', *окачуриться* 'умереть', *оклематься* 'выздороветь, оправиться от болезни', *ономнаться*, *отвалять* (бока), *отвохрить*, *отпачотить*, *отсочить* 'сильно побить', *охреян* (о грубом, неотесанном человеке), *очесливый* 'совестливый', *поботухи* 'побой', *помога*, *потягушки* 'гримасы', *побаска* и *прибаска*, *привязень*, *пропастной* (в бранном употреблении), *прокуда*, *прокурат* 'проказник', *прындик* (о юрком, вертлявом человеке), *скосырь* 'франт', *смурий* 'серый', *собить* 'беречь для себя', *суслить* и *высуслить*, *газять* 'бранить, выговаривать', *тороватый* 'щедрый', *трелюд* 'ломака', *трелюдиться*, *улещать* 'уговаривать', *утямиться*, *чивый* 'щедрый', *шилъничать*, *янька* 'самохвал' и целый ряд других.

4.01. Свой вклад в просторечие внес и церковнославянский язык. Установившиеся в течение веков отношения церковносла-

вянского языка — языка высокой письменности — и русского языка — языка письменности деловой, обслуживающей повседневные нужды людей, языка живого общения оказывали решающее влияние на отбор языкового церковнославянского материала и определяли пути его вхождения в просторечие. Ореловскости, торжественности церковнославянской лексики был закреплён принадлежностью её высокому стилю и в XVIII столетии, а во второй половине его ограничен строгими рамками соответствующих жанров. Прямой путь «опрошения» и продвижения в просторечие был для неё затруднен. Однако в словарях XVIII в. хотя и редко, но встречаются слова с пометой «славянское» с любопытными дальнейшими стилистическими комментариями. Такие слова, как правило, — слова широкого употребления, частые в сниженных контекстах, обладающие в них типичной просторечной стилистической окраской. Иногда к просторечию относят отдельные формы слов.

Слово *благодарствовать* в Словаре Академии Российской сопровождается следующим замечанием: «В российском языке в просторечии глагол сей употребляется в первом токмо лице настоящего времени. Благодарствую за посещение, за угощение» (САР_I, ч. 2, с. 470). В других случаях в словах с пометой «славянское» выделяются просторечные значения. Так, в церковнославянском слове *благодать* в том же словаре дается значение: «б) В просторечии берется иногда вместо обилия, избытка, довольства» (САР_I, ч. 2, с. 432). См. также: «оттоле... 1) В слав. с тех пор, с того времени. 2) В просторечии значит то же, что оттуда, из того места» (САР_I, ч. 4, с. 682); «Огревать... Славянское. 1) Согревать, сообщить чему теплоту. 2) В простонародном употреблении значит в виде недост.: ударить кого больно, дать сильный удар» (САР_I, ч. 4, с. 206); «Говею... 2) В просторечии: долго не принимаю пищи» (САР_I, ч. 2, с. 159); «Крещу... 2) В просторечии. Делаю на себе или на других изображение креста» (там же, ч. 3, с. 940); «Всяко... 2) В просторечии. Неодинаково, так и сак» (там же, ч. 1, с. 666).

Просторечное производное значение фиксируется в слове *мытарь*, также имеющем помету «славянское»: «Мытарь... 1) В сл.: собиратель мыта. 2) В просторечии: кто чрез разные обманы разными оборотами снискивает, добывает, достает что-либо» (САР_I, ч. 4, с. 356). Слово в данном значении, так же как и производные от него, например *мытарный*, *мытарить* 'поступать несправедливо, обманывать', *промытарить* и *размытарить* 'мотовски расточить что-л.',¹¹ часты в характерных контекстах низкого и среднего стилей: «[Хамкин:] А дворянчик ат етот... деревушку то проиграл в карты, а денежки то бы размытарил» (Су-

¹¹ Определение взято из САР_I, ч. 4, с. 356.

дейские именины, с. 30); «[Гадало:] Чего иного сказать, как то, что он мытарь: злая и ненасытимая пьяница» (Попов, Отгадай, не скажу, с. 26); «Весьма успел командир мой друзьям и приятелям своим раздать и размытарить (хлеб, — Г. К.) почти невозвратно» (Болотов, т. IV, с. 137).

См. также образования с префиксом *раз-* *разблаговестить*, *рас-супружиться*, не вошедшие в Словарь Академии Российской. «— Так разве ты это повсюду разблаговестишь, а то, почему кому узнать о том» (Болотов, т. II, с. 474); «Но супружество сие что-то ей не понравилось, но пожив год или менее в оном, вздумала она рассупружиться» (там же, с. 790).

Единичны случаи стилистического разграничения однокоренных образований, в которых принималось во внимание, по-видимому, и генетическое различие формантов. См. *благий* — славянское 'добрый, хороший' (САР, ч. 1, с. 212), но *благой* — простонародное 'упрямый, своенравный, неугомонный' (там же, с. 213). Эта разница так понимается Ломоносовым: «Наконец ругательский титул: „благий учитель!“ Благий по-славянски добрый знаменует, и по точному разумению писаться надлежит до божества, как оное свидетельствует: „Никто же благ, токмо один бог“. Я не сомневаюсь, что А[лександр] П[етрович] боготворить таким образом себя не позволит. Итак, одно нынешнее российское осталось знаменование: „благой“ или „блажной“: нестерпимая обида!» (Письмо Ломоносова Шувалову, октябрь 1763, с. 493). Сумароков же относил к простонародной лексике и церковнославянскую форму слова *благий*: «Слово благий знаменует у черни и у невеж дурный» (О правописании, с. 29).

Однако внимательное рассмотрение приведенного материала позволяет предположить, что в большей части случаев можно говорить о значениях слов, развившихся уже в русском языке в стихии русской разговорной речи.

В других случаях два церковнославянских по происхождению слова — корневое и производное — вовлекаются в процесс стилистического размежевания. Одно из них сохраняет преимущественную высоту, другое приобретает тенденцию к опрощению и в дальнейшем становится просторечным. В этом отношении показательны слова *супруг*—*супружник*. Слово *супруг* сохранило на протяжении XVIII столетия ореол высоты. Обычно употребление его в оде, трагедии, высокой ораторской прозе. Производное слово *супружник* (ж. р. *супружница*) в середине века характерно и для высоких, и для низких жанров. См. у Сумарокова:

О как, о как нам к вам, к вам боги не гласить!
Умилосердитесь и обратите ухо:
От солнца одного в болоте стало сухо:
А если народит супружник новой чад,

Несносной жар нас резнет.
Болото будет ад,
И весь наш род исчезнет.

(Солнце и лягушки, с. 32)

[К с е н и я:]

Супружницу ль такой супругник пощадит,
Который и себя по нужде не вредит?

(Дм. Самозванец, с. 108)

В конце XVIII—начале XIX в. оно возможно в нейтральных и разговорных контекстах, и в этом проявляется тенденция его к переходу в сферу просторечия: «Истину сказать, молоды еще ваши супругники, и, по мнению моему, не довольно еще зрелы для важного размышления о взаимных обязательствах и сопряженных с ними следствиях» (Письмо Кутузова Трубецкому, 1791, с. 173);

А как озрелся взад, совместника увидел,
Которого пред сим недавно он обидел,
Супружницу его в любовь себе склонил,
И пару пирогов за то ей подарил.

(Чулков, Плачевное падение
стихотворцев, с. 231)

«В пользу и удовольствие некоторых кандидатов супружества и действительных супругов, хотелось мне по крайней мере частичку сего сочинения пустить по рукам» (Мои свадебные похождения, с. 30); «И в таком-то точно положении нашел я тогда сию злополучную чету супругов» (Болотов, т. III, с. 50). Окончательное утверждение слова в просторечии следует отнести уже к XIX столетию.

Некоторые церковнославянские слова вошли в просторечие только в бранном употреблении. См., например, слова *урод*, *треклятый*, *окаянный*. Немногочисленность церковнославянских слов в составе просторечной лексики объясняется своеобразием их соотношения на путях формирования русского литературного языка и специфическими чертами лексики церковнославянского и русского источников.

Литературный язык XVIII в. воспринимал церковнославянскую лексику как лексику высокую, торжественную. Такая стилистическая тональность не импонировала просторечию с характерной для него прямо противоположной тональностью сниженности, выражающейся определенной гаммой оценочности.

Освобожденная от слов обветшалых, церковнославянская лексика сохранила для литературного языка многочисленные слова преимущественно отвлеченного значения. Лексика народно-разговорного источника была противоположна ей и в этом плане, обладая богатыми ресурсами слов конкретно-бытового значения. Разнообразные ее лексико-семантические группы и синонимиче-

ские ряды могли пополняться лишь за счет материала, более близкого по семантической и стилистической линиям, выдерживающего трансформации, типичные для этого стилистического слоя. Такие преобразования могли выдержать лишь немногие церковнославянские слова, допускающие изменения семантического объема, и немногие основы, имеющие возможность вовлечения в процесс словообразования по характерным для просторечия моделям. Сопротивление материала церковнославянского языка этим процессам было устойчивым.

5.01. В состав просторечия входили слова, заимствованные в разное время из различных языков, прочно вошедшие в русский язык и пережившие процесс освоения данной категорией. Чаще они были заимствованы устным путем. Но и устные заимствования, и заимствования через памятники, книжного порядка, претерпевали преобразования в процессе освоения живой речью.¹² Просторечие содержит ряд слов греческого происхождения. См., например, *грамотей* (греч. γραμματέα — вин. п. ед. ч. от γραμματέας 'писец') — человек грамотный, получавшее в XVIII в. экспрессию пренебрежения: «[Стародум:] Я слышал об его учителях, и вижу наперед, какому грамотею ему быть надобно, учась у Кутейкина» (Фонвизин, Недоросль, с. 161). См. также у Долгорукого: «Пустое непотачь! — Хоть я не грамотей, Дай сроку, как женюсь, и я взведу детей» (Семира Болеславна, с. 484); «Ямщик грамотей в широварах хвастает своим капиталом» (Радищев, Дневн. путеш., 1797, с. 317).

В ряде случаев можно говорить о просторечных производных образованиях от заимствованных греческих слов. Таковы *грамотка* 'письмо' от *грамота* (греч. γραμμάτα 'документ, знакомство с письмами, письмена'), квалифицируемое Сумароковым как простонародное: «Письмо, что грамоткой простой народ зовет, С отсутствующими обыкну речь ведет» (Эпистола о русском языке, с. 333). См. также: «Что может петиметр смешней сего сыскать, Который не обык и грамоток писать» (Елагин, Сатпра на петиметра и кокеток, 1755, с. 120); «За коротенькую граматку спасибо, а длинные я всем роздал большим» (Письмо Львова Державину, 23 III 1786, с. 448).

Слово *насандалить* (в сочетании *насандалить нос* 'напиться пьяным') образовано от глагола *сандалить* — от заимствованного из греческого слова *сандал* 'красная краска' (от греч. σαῦταλον 'дерево сандал'). Глагол в сочетании употребляется пространительно: «Насандалив довольно носы, встали мы из-за стола по обыкновению пьяниц, только благородных, а не под-

¹² Среди слов простонародных, обозначающих реалии простого быта, отмечают исследователями заимствования из греческого языка: *гайтан* (γαϊετάριον), *гомза* (возможно, из греч. γεμο 'я полон') (Фасмер. Этимологический словарь русского языка, т. I, сс. 384 и 435).

лых» (Чулков, Пересмешник, с. 25); «[Сидоровна:] Насандалил нос, да и колобродит. Мерещится, видно, в глазах; пьяному море по колено» (Державин, Дурочка, с. 448).¹³

Ряд производных образований вошло в то время в просторечие из разговорной речи просвещенного общества — литераторов и любителей литературы. Так, часто в памятниках слово *рифмач*, производное от *рифма* (от греч. ῥῆμῶς 'такт, мерное движение'), в значении 'плохой стихотворец' надделено экспрессией пренебрежения. Оно часто в памятниках того времени: «[Альцест:] Я всегда говорить стану, что они (стихи, — Г. К.) дурны и что рифмач, которой их делал, виселицы достоин» (Елагин, Мизантроп, с. 56); «О как не жаль тебя, мой беденький рифмач! Как перцу зададут, тогда мой друг не плачь» (Ответ на стихи, 1801).

От заимствованного из греческого слова *стих* (στίχον 'ряд, строка, стих') в том же значении, что и слово *рифмач*, вошло в просторечье слово *стихач*. См. в журнале: «Сего же имени закрытый здесь мудрец Столб глупых стихачей, наставник и отец» (Трутень, 1769, с. 40). В ирои-комической поэме: «Запели стихачи на свой негодный лад, Смутились тогда ученые там души, А музы, Аполлон заткнули тотчас уши» (Чулков, Плачевное падение стихотворцев, с. 28).

Ср. образования *стихокропатель*, *стиховраль*, представляющие словосложения генетически разных основ: «Стихокропатели в то время надувались, Чтоб зрителям они важны показались» (Чулков, Плачевное падение стихотворцев, с. 16); «То подлый стиховраль, в котором без рожденья Иль смерти богача, нет силы вообренья» (Дмитриев, Послание от Попа, с. 81).

Отметим также группу слов, греческих по происхождению, вошедших в русский язык через церковнославянский, включенных в просторечие лишь в особом употреблении. Таковы слова *ахид*, *аспид*, *варвар*, *дьявол*, *сатана*, а также латинское слово *бестия*, закрепившиеся в бранном употреблении. Некоторые из них имели просторечные производные: *варварка*, *дьявольщина*, *осатанеть* и др. Заимствования из греческого языка претерпели изменения в семантическом плане. В состав просторечия они входили только в характерных для него значениях. См., например, *мамон* 'пузо, желудок' (через греч. μαμόνᾱς 'имущество, богатство' из др.-еврейск.):¹⁴ «Будешь дрожать и вздыхать, как мамон заметет: полно есть ли у вас что и пообедать» (Новиков, Похождение Ивана, с. 139).

¹³ Словарь Академии Российской дает слова *санда* 'дерево', *санда-лить* 'красить сандалом' *насандалить* 'выкрасить сандалом' и *насандаление* 'выкрашивание сандалом' (САР_I, ч. 5, с. 336).

¹⁴ М. Фасмер. Этимологический словарь русского языка, т. II, с. 566.

Комедия — смешное забавное происшествие (от греч. *κωμῳδία* через лат. *comœdia* и польск. *komedia*, XVIII в.):¹⁵ «Не успел он его (приказ, — Г. К.) прочесть, как началась наша комедия: ни с другого слова, вскоча, матерном он и полковника и всю полковую канцелярию» (Болотов, т. I, с. 344).

Каторга — о невыносимо тяжелой жизни (от греч. *κάτεργον* 'галера, принудительный труд').¹⁶ См. у Елагина: «[Селимена:] Я тогда на каторге, когда она жалует у меня гостить» (Мизантроп, с. 44); «(Я) принужден был опять садиться на лошадку свою и опять скакать возле колеса генеральской кареты. „Господи!“ думал я тогда. „Ну, если все так то, так это будет сущая каторга?“» (Болотов, т. II, с. 187).

Содом 'шум, брань' и 'шумная толпа, гульба' (от греч. *Σόδομα* и *Γόμορρα*):¹⁷ «Мужчин ли где кружок сойдется, Там беспорядок и содом» (Долгорукий, В последнем вкусе, с. 159); «Поди в другой ты дом, А мне не поместить, ей, ей такой содом» (Дмитриев, Пустынник и фортуна, с. 75); «Уж солнце луч свой упирало В поля, селенья, в каждый дом, Как будто пальцем в глаз совало, И разбудило птиц содом» (Осипов, Енейда, с. 505).

См. также образования *содомный*, *содомить*, характерные для просторечия: «[Скотинин:] Вишь ты, здесь содомно. Через час места приду к тебе один. Тут дело и сладим» (Фонвизин, Недоросль). См. в Словаре Академии Российской: «Содом... простонар. Шум, крик» (САР, ч. 6, с. 342); «Содомить... простонар. Шуметь, кричать, делать шум» (там же, с. 342).

Известную роль играло переоформление греческих слов и выражений при заимствованиях и их переосмысление. Искорженная передача греческого сочетания слов *κύριε ἑλευσόν* 'господи помилуй' послужила основанием для образования глагола *куролесить* и слов *куролес*, *куролеса*. Они, как свидетельствует Сумароков, рассматривались как простонародные. «Многие слова превращаем мы совсем во противоположное. Кирне, Елейсон и Аллилуйа: претворила невежественная чернь в Куралесу и Алелюю, чему и благородныя следуют: Он поет куралесу и несет алелю» (О правописании, с. 28).

Широкое распространение получили и однокоренные с ними образования: «(Пьяный Микеха) колобродил, блажил, куролесил до тех пор, покуда мочь была» (Березайский, с. 184); «Русский так накуралесит, Что Европа нос повесит» (Николев, Русские солдаты, с. 31); «[Слезников:] Такого как Капнист ей-ей Я в век не видел куролеса» (Капнист, Металог трагедии «Гипенвра», с. 443).

¹⁵ Там же, с. 301.

¹⁶ Там же, сс. 210—211.

¹⁷ M. Vasmer. Russisches etimologisches Wörterbuch, Bd. III, с. 687.

См. также представляющее переоформление и переосмысление греческого ὑποχονδρία 'часть тела ниже грудной кости', заболеванием которой старая медицина объясняла меланхолию,¹⁸ слово *хандра*, которое считали нужным объяснять и в конце XVIII в. См. у Долгорукого: «Печаль как аспид не сосала Души незлобливой моей, Хандра¹⁹ ума не посещала; О я и незнаком был с ней» (Долгорукий, Старинка, с. 26).

Ср. редкое, но встретившееся в письмах образование *ипохондричать*: «Теперь, при выздоровлении его имеет он... другую болезнь, ипохондричает слишком. В первый день своего приезда почти ничего не говорил со мною» (Письмо Колокольникова Лопухину, 1791, с. 129).

Особую группу составляют слова, представляющие переоформление и переосмысление греческих по происхождению имен собственных, вошедших в христианский обиход. Таковы *фалалей* и *фаля* от собственного имени *Фалалей* (греч. Φαλλελαῖος 'простак', 'глупец'): «То-то сущий фалалей и годился бы по нужде в шуты и дураки» (Болотов, ч. III, с. 76). «[Лука:] (показывая на Хамкина): Едакой болван! едакой фаля! Забудь посмотреть в святцы» (Судейские именины, с. 16).

См. также *филя* и словосложение *простофиля* — от собственного имени Филипп (греч. Φίλιππος) — в том же значении. См. наставления Державина привратнику: «Не брать из имреков пасквилей, Цидул, листов, — не быть впредь филей, Даю сей вратнику приказ» (Приказ моему привратнику, сс. 326—327); «Но простофиля от того не умудрился, а написал еще за то на нее сатиру» (Чулков, Начало пустословия, с. 88); «А овцы, сущи простофили, В залого отпустили Собак, своих друзей И старых сторожей» (Озеров, Волки и овцы, с. 394).

Фефела — от собственного имени Феофила (греч. Θεόφιλος) — в том же значении: «Жениху по виду его дайте хотя и несправедливое, однако не обидное и смешное прозвище, как например: „гайдук, кирик, разгильдяй, фефела, простофиля и набитая чучела“» (Карманная книжка, с. 60); «Всем сверстницам своим фефелам Она в диковинку была, И ни одна из них узорам Таким навикнуть не могла» (Котельницкий, Окончание Енейды, с. 478).

Фофан — от собственного имени Теофан (греч. Θεοφάνης) — в том же значении: «[Макрида:] Вы можете полагаться на мою вечную верность, а мой постыдной и скаредной фофан муж... [Крохоборов:] Повеса, негодная, непотребная, так-то ты порочишь меня и дом мой» (Веревкин, Именинники, с. 275). См. также в пословице: «В нынешних обрядах и фофаны в чести» (Барсов, Собрание пословиц, с. 36).

¹⁸ М. Фасмер. Этимологический словарь русского языка, т. II, с. 137.

¹⁹ В моем лексиконе так называется ипохондрия (примечание Долгорукого).

Для просторечия второй половины XVIII в. характерны некоторые слова, стоящие на середине пути от имен собственных к нарицательным. Не обладая значением нарицательных слов, они уже демонстрируют определенное смещение — связь собственного имени с определенным качеством человека, им называемого, не совпадающую с первичным значением этимона, сложившуюся в процессе переосмысления имени в народно-разговорной речи. Такие примеры немногочисленны, но характерны для просторечия того времени. Таково имя собственное *Хавронья* от *Феврония* (греч. *Φεβρωνία*). Оно употреблялось как имя собственное, но и как имя грубой, невежественной и глупой женщины, например в пословице: «Баба Хавронья сбила с подворья, воля господня, не быть без подворья» (Барсов, Собрание пословиц, с. 5). В комедии Матинского «Санкт-Петербургский гостинный двор» Хавронья — дочь купца Сквалыгина, грубая, неотесанная девушка. Ср. у Державина: «Хавронья много раз к замужеству соглашалась, Но свадьба и поднесь ее не совершалась» (На Хавронью, с. 371).

Обозначение этим именем свињи встречается уже в XIX в. в баснях Крылова: «Ну что ж, Хавронья, там ты видела такого? Свињу спросил пастух» (Крылов, Свинья, с. 190).²⁰

См. также *Емеля* — от имени собственного Емельян (из греч. *Ἐμελιανός* — от лат. *Aemelianus*), по мнению Фасмера, испытало влияние слова *пустомеля*.²¹ В пословицах — «болтун, пустомеля»: «Мелл Емеля, твоя неделя» (Барсов, Собрание пословиц, с. 130).

Елисей (из греч. *Ἐλισσαῖος*) — в диалектах «плут, льстец». В этом смысле характерны название ирон-комической поэмы В. Майкова «Елисей, или Раздраженный Вакх» и ее плутоватый главный герой. Ср. также *елисеиться* «подольщаться»: «Они высокопочитаемые господа генералы с обеих к ней сторон елисеились, а она, поворачиваясь на обе стороны, делала им одними усмешками отвращения знаки» (Зап. Бибилова, с. 67).

5.02. Значительная группа просторечных слов является заимствованной из польского языка или через польское посредство. Это слова *баласы*, *базгалы*, *бутор*, *грубиян*, *гурьба*, *забияка*, *забобы*, *завязтый*, *заядлый*, *каналъ*, *кляуза*, *смак*, *шуровать*, *шурмовать*, *шкода* и *шкодить*, *шалбер* и *шалберить*. К словам, вошедшим через польское посредство, относят слова *гвалт*, *пач-*

²⁰ Русскую огласовку *Хавронья* Фасмер сравнивает с греч. *χοιρούνη(ο)ν* «свинья» (М. Vasmer, III, с. 225). Ср. у Савинова: «Феврония стала Хавроньей, а Хавронья значит свинья: Отдали Хавронью за Ховрина сына» (Народная этимология на почве русского языка. — РФВ. Варшава, 1889, ч. 1, с. 50).

²¹ М. Фасмер. Этимологический словарь русского языка, т. II, с. 19. М. Савинов сближает имя *Емеля* со словом *молоть* (Народная этимология... с. 19), а имя *Елисей* — со словом *елесить* «льстить» и так определяет его значение: «пролаз, пройдоха, хитрец» (там же, с. 40).

кать, шельма — из немецкого через польский, шабаш — из еврейского через польский.²²

От некоторых из них находим в просторечии и производные слова. Так, от слова *балясы* образовались *балясник*, *балясить* и *балясничать*; отметим еще *базгальничать*, *забиячить*, *забобонщица*, *кляузничать*, *смачный* и *рассмаковать*, *шалберить* и *шалберничать*, *пошалберить*, *шалберовать*.

Просторечие располагает также группой слов, пришедших из французского и немецкого языков, и некоторым числом образований от основ французских и немецких слов. См., например, *галиматья*, *шуры муры*, *кураж* — из французского языка; *квит*, *финт* — из немецкого; *азартничать*, *амуриться*, *дебоширничать*, *деликатиться* и переоформленное *великатный*, *великатство*, *куражиться*, *курьезничать*, *транжир*, *транжирить* и *протранжирить*, *сурьезничать* — от основ французских слов; *мастерить*, *смастерить* и *смастетерить*, *фантоватый*, *финтить* — от основ немецких слов.

Изучение слов иного языкового источника, вошедших в просторечие, и слов, образованных от основ иноязычных слов, вошедших ранее в русский язык, позволяет предполагать различные пути приобретения необходимой стилистической сниженности. В ряде случаев (особенно в словах, вошедших из польского языка) она была присуща слову иного языка в виде объективной оценки предмета, действия, ситуации, входившей в значение слова. См., например, слово *шалбер* (польское *szalbięz* 'плут') 'плут, бездельник, гуляка': «Услужник был шалбер, как пришла бедная жена, вместо губ поцеловала в доску, шалбер, приподняв ее, толкнул губы к губам» (Друковцев, Сова, с. 11). Сниженность лишь несколько смягчена в других образованиях от этого слова — *шалберить* 'болтать, пустословить' и *пошалберить* и усилена формантом *-ничать* в глаголе *шалберничать* 'заниматься пустяками, бездельничать': «[Марина:] К тому ж пригожо ли... Ну есть ли только след Шалберить с холостым Девчонке в двадцать лет» (Николев, Самолюбивый стихотворец, с. 70); «Стоял он все у печи и шалберил совсем не кстати и так, как жениху в таком случае нимало не пристало» (Болотов, т. II, с. 1031); «[Лизетта:] Куды как батька торопок ныне стал, пошалберь еще с нами чем-нибудь» (Награжденная хитрость, с. 17); «— Какая чорту пужда! а так, небось, хочется пошалберить и повидаться?» (Болотов, т. II, с. 217).

В других случаях нейтральное в языке-источнике слово в русском языке приобретает постепенно просторечную тональность, чему содействуют разные условия: частое употребление в соот-

²² Рассмотрение характера и путей заимствования, а также их датировка не входит в задачи нашего исследования. Об этом см. в кн.: Е. Э. Биржакова, Л. А. Войнова, Л. Л. Кутина. Языковые контакты и заимствования. Л., 1972.

ветствующих контекстах, проявление возможности выступать в формах, свойственных просторечию, закрепление в устойчивых сочетаниях определенного значения. Примером может служить французское слово *кураж* 'смелость, храбрость', осваивавшееся просторечием именно этими путями. С середины XVIII в. оно часто в памятниках низкого стиля.

См. в комедиях: «[Пролоз:] О! лютая измена! Я признаюсь, что я теряю весь кураж» (Княжнин, Чудаки, с. 23—24); «[Наборщик:] Ну! я исправлюся... тебя в моей вине... Исправся ж барин ты... имей кураж ответный!» (Николев, Самолюбивый стихотворец, с. 61).

В сатирических стихах: «Лишь дело кончилось — пришел его кураж, Вскочил, помчался вдруг коня быстрее, На неприятельской явился батарее» (Горчаков, Беспристрастный зритель, с. 135).

В 70-х годах в разговорной речи реализуется возможность употребления его в родительном падеже с окончанием *-у*, свойственным, согласно «Грамматике» Ломоносова, словам русским (с. 457): «Не жалели мы всякой день раздавать всем работникам вина для куражу и одобрения» (Зап. Данилова, 1771, с. 80). К этому времени сложился характерный для разговорной речи фразеологизм *быть под куражом* 'быть пьяным'. См. у Болотова: «Некоторые из господ были очень под куражом» (Болотов, т. IV, с. 881).

О закреплении слова в составе просторечия свидетельствует и наличие образований *куражить* и *куражиться*, также просторечных. См. *куражить* 'придавать смелости' в записках: «И хотя соглашался я с чувством благодарности, должно истину сказать, что в то время такое почтенных и благоразумных мужей обращение юность куражило» (Зап. Добрынина, с. 214).

Типичным является появление просторечной сниженности во вторичных образованиях с характерными русскими, свойственными живой разговорной речи формантами. Так, стали просторечными глаголы *азартничать*, *дебоширничать*, *курьезничать*, *сурьезничать*, *секретничать*. Последний дан еще в Словаре Академии Российской без пометы (САР, ч. VI, с. 242), однако характерен для памятников, ориентированных на разговорную речь: «(Писарев) начал мне пенять и выговаривать, для чего я от него секретничал и не дал ему знать прежде и с ним не посоветовал» (Болотов, т. II, с. 471); «[Граф:] Как же ты скучен и несносен, все серьезничаешь, перестань таиться, объяви нам свои сердечные хлопотышки» (Перемена в нравах, с. 83).

В других случаях в образованиях от основ усвоенных иноязычных слов при помощи стилистически индифферентных формантов мы имеем дело с усилением отрицательной оценки. Так обстояло дело со словами *амуриться* и *каверзить*. От слова *амуры* 'любвные интриги' на русской почве был образован глагол *амуриться*.

Само слово было обычным в разговорной речи, а его вариант — *амур* встречается в разговорных контекстах в форме родительного падежа единственного числа -у, свойственной разговорной речи: «[Сын:] Да на что он становился на колени. [Бригадирша:] Я почему знаю, Иванушка. Неужели это для амуру! Ах! он проклятый сын!» (Фонвизин, Бригадир, с. 48).

Слово *амуры* и просторечный глагол *амуриться* различаются по интенсивности оценки, более сильной в глаголе: «[Сын:] Матушка, он с тобою амурится! Разумеешь ли ты хотя это?» (Фонвизин, Бригадир, с. 47); «[Глупон:] Благородному человеку нужно, чтоб умел танцевать, амуриться с женщинами, играть в карты: вот прямо благородная наука» (Обман за обман, с. 193); «Все уже разъехались и легли домашние спать, когда образумилась боярыня и начала со мною амуриться» (Чулков, Начало пустословия, с. 74); «Я сам надену фрак, что мой отец носил, Когда по сторонам амуриться ходил» (Долгорукий, Семпра Болеславна, с. 465).

5.03. В составе просторечной лексики того времени есть группа тюркских по происхождению слов. В отличие от предыдущих групп слов, заимствованных в разное время из других языков и постепенно включавшихся в просторечие, среди тюркизмов по происхождению можно выделить ряд слов-названий бытовых реалий, что вполне объяснимо как длительностью контактов русского и тюркских народов, так и их специфическими особенностями.²³ См., например, слова *болван* 'идол, истукан', *калита* 'мешок', *киса* 'карман', *кочан*, *лачуга*, *люлька* 'трубка', *торба* 'мешок', *чушка* 'свинья' и некоторые другие.

Но большая часть слов тюркского источника, вовлеченных в сферу просторечия, во второй половине XVIII в. характеризовалась отрицательной оценочностью. Так, к слову *голова* существовали просторечные синонимы *башка* и *болван* тюркского происхождения, одно из них в основном, другое в производном, вероятно, возникшем на русской почве значениях: «Чтобы сжать или скосить траву, ему этого не пришлось в башку или голову» (Березайский, с. 134);

«Давно я мысль сию имею,
Чтоб чкнув сломить башку Енею,
И с ним попробовать мне сил».

(Котельницкий, Окончание
Енеиды, с. 514)

И сами богг. мно, избрали
Тебя, лишь только не назвали,
Чтоб Турну ты сломил болван.

(Там же, с. 507)

²³ См.: А. И. Соболевский. Русские заимствованные слова. Курс лекций. СПб., 1907, сс. 58—80.

«[Трусичкой:] Забрала себе в болван, што она недостойна глядеть на людей, побывав в руках у воров» (Вережкин, Точь в точь с. 13).

См. также слово *карга* 'старуха' — значение возникло, вероятно, в русском языке, характерно экспрессией грубости: ²⁴ «Старая карга... изволила на зятя моего разгневаться» (Болотов, т. IV, с. 477); «Но пусть, что корга ни ворчала И что нам здесь ни наболтала, Готов то видеть над собой» (Осипов, Енейда, ч. III, с. 347).

В синонимическом ряду *вьюга*, *метель*, *буран*, *кутерьма* простонародным признавалось в Словаре Академии Российской слово *кутерьма* (САР_{II}, ч. 3, с. 500).²⁵ Оно входило в производном значении и в синонимический ряд *суета*, *суматоха*, *сумятица*, *сутолока*, *толчея*, хотя и не фиксировалось в этом значении словарями. См. у Державина:

И наконец уж так устал,
Что, закружась, запнулся,
Упал и растянулся
И там во всем дому
Такую поднял кутерьму,
Что описать и не можно никому.

(Жмурки, с. 440)

Друг другу с сердцем рвут кадык
И требушину выпускают
В виски, в пахи, в носы качают,
И черт знать, что за кутерьма.

(Котельницкий,
Окончание Енейды, с. 523)

В производных, предположительно возникших в русских народных говорах значениях вошли в просторечие слова *балда* 'глупец', *бирюк* 'нелюдимый человек', *тумак* и *тулумбас* 'удар', *байбак* 'лентяй, неповоротливый человек', *ералаш* 'беспорядок' и др. Глаголы *кутермиться* 'копошиться', *суетиться*, *якшиться* и *якшаться* 'дружиться' представляются как образования от основ тюркских слов. Они входили в общую разговорную речь через пограничные татарско-поволжским языкам русские народные говоры.²⁶

²⁴ Слово *карга* 'ворона' распространено в тюркских языках и входит в состав некоторых русских диалектов. См.: Н. К. Дмитриев. О тюркских элементах русского словаря. — Лексикографический сборник, вып. III. М., 1958, с. 25.

²⁵ От казахского *котарма* 'помощь, для оказания которой всадники скажут со всех сторон': Н. К. Дмитриев. О тюркских элементах..., с. 28.

²⁶ *Якшаться* — от слова *якши* 'хороший', широко распространенного в тюркских языках: Н. К. Дмитриев. О тюркских элементах..., с. 37. Словарь Академии Российской фиксирует только слово *якшаться* с пометой «простонародное» (САР_{II}, ч. 6, с. 1454).

[Т о р о п:]

И вправду коль сказать, то так и сяк
На сердце кутермится:
Но с ними не храбриться
Нельзя никак.

(Державин, Добрыня, с. 192)

Поди, поди, она ей говорила
И с нами не якшись;
Поди и побегу во всю досочью рысь,
Поколе будет спла.

(Муравьев, Половица, с. 10)

«[Василий:] Я, кажется, никогда не якшался с вашей братьей, и если бы вправду мой барин хотел уехать, то бы я тебе того ни за какие не сказал бы подарки» (Лукин, Мот, с. 92); «Не больно с Турном ты якшайся, В родню к нему не вдруг вплетайся И свадьбы сей не затевай» (Осипов, Енейда, с. 418).

Вероятно, через русские говоры, граничащие с татаро-поволжским и чувашским языками, вошло в общую разговорную речь, а потом и в функционально-стилистическую категорию — просторечие слово *бельмес* в устойчивом сочетании *ни бельмеса не знать* 'не знать ничего'.²⁷ См. у Николева: [Евнух:] Ха, ха, ха! ты, брат, прихвастнул. Я вижу ты ни бельмеса не знаешь» (Николев, Финикс, сс. 191—192).

Обзор просторечной лексики в генетическом плане показывает главенствующее положение в кругу ее русских слов и сравнительно немногочисленность слов иного языкового источника.

В просторечии в различной мере представлены все генетические пласты русского языка, в том числе и древнейшие слова и группы слов, — слова общеславянского и восточнославянского происхождения, вошедшие в данную категорию как в некоторых основных, так и в производных значениях, сложившихся, вероятно, позднее, уже на русской почве. Значительную часть просторечия составляют слова собственно русские, а также слова диалектного происхождения.

Слова иного языкового источника, вовлеченные в данную функционально-стилистическую категорию, вошли в русскую разговорную речь в исследуемое время путем устного заимствования (см. заимствования из польского, немецкого, французского языков), в предшествующее время (большая часть тюркизмов) или при посредстве книжной письменности (см. образование просторечных слов от основ греческих по происхождению слов при посредстве церковнославянского языка). В ряде случаев можно

²⁷ Из татарского *бэлмәс* 'не знающий': Н. К. Дмитриев. О тюркских элементах..., с. 20. Из тат., тур. *bilmäs* 'он не будет знать' от *bilmäk* или тур. *bilmäz* 'несведущий' (М. Фасмер, т. I, сс. 149—150).

предполагать вовлечение тюркских слов в состав разговорной речи через посредство русских диалектов.

Общая разговорная речь принимала также слова и выражения, свойственные определенным социально-профессиональным группам общества (см. слова *рифмач*, *стихач* и ряд других).

Показаниями освоенности слов иного языкового источника следует считать: а) наличие аффиксальных образований от данных слов, характерных для русской разговорной речи того времени (таких как *грамотей*, *размытарить*, *рассупружиться*, *забобоницина*, *серьезничать*, *секретничать* и т. д.); б) проявление расширения семантического объема слова в направлении формирования производных значений (см. *болван*, *карга*, *шалберить*, *кутерьма* и др.); в) переоформление и переосмысление слов и выражений иного языкового источника (см. *куролесить*, *фаля*, *филя*, *хавронья*, *емеля* и т. д.); г) закрепление употребления таких слов в несвойственных им ранее (а иногда и недопустимых для них) ситуациях (см. *аред*, *окаянный*, *треклятый* в бранном употреблении).

Слова иного языкового источника, прочно освоенные русской разговорной речью, постепенно становились достоянием функционально-стилистического просторечия.

О НЕКОТОРЫХ СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ОСОБЕННОСТЯХ ПРОСТОРЕЧИЯ



1.01. Особенности просторечия в плане словообразования рассматриваются нами с лексикологической точки зрения.¹ При неизученности истории просторечия на предшествующих этапах развития русского языка мы не ставим задач выделения присущих его источнику моделей и новообразований второй половины XVIII в. Не преследуется цель описания всех типов и моделей, наличествующих в пласте просторечия, а выделяются только наиболее типичные из них. Поэтому наше внимание сосредоточено на словах типичных словообразовательных моделей имен существительных и глаголов, отличающихся особым разнообразием. Нас интересовали также такие образования, которые свидетельствуют о вовлечении просторечия в орбиту словообразовательных процессов, характерных для литературного языка, точнее, для отвлеченной, преимущественно книжной лексики, какими являются образования от просторечных основ с книжными аффиксами *-тель*, *-ость*, *-ние* и *-ство*.

Особое внимание привлекает широкая словообразовательная вариантность в просторечии с характерной для нее недостаточностью семантической и стилистической дифференциации вариантов как проявление характерной особенности словарного состава русского языка в разных формах его существования.

Ко второй половине XVIII в. в основном определился состав типичных для просторечия словообразовательных моделей слов. Среди них исключительным разнообразием отличались имена существительные. Более яркую картину дают существительные, обозначающие лицо по присущему ему качеству, признаку (обычно отрицательному), характеризующему действию, образо-

¹ О необходимости разграничения собственно грамматического и лексикологического подхода к изучению словообразования см. в работе Ю. С. Сорокина «Развитие словарного состава русского литературного языка в 30—90-е годы XIX века» (Л., 1965, сс. 180—182).

ванные от именных и глагольных основ. Таковы существительные с аффиксами *-ай, -яй, -тяй* (*замотай, полетай, разувай, шибай, урывай, визляй, кисляй, негодяй, ширяй, слюнтяй и слинтяй, скупентяй* и др.), *-ак, -як, -чак* (*зубак, плешак, мастак, простак, русак, рыжак, тощак, бедняк, быстряк, гниляк, голяк, здоровяк, мерзьяк, мозгляк, остряк и востряк, резвяк, мокряк, прошак, ровняк, рыляк, чужак, весельчак, смельчак*), *-ан, -ян* (*брюхан, горлан, губан, зубан, лобан, пузан, ушан, стриган, буян, грубиян, охреян*), *-(а)ль* (*враль, жраль, мараль* 'кто худо пишет, мараает бумагу', *тахаль*), *-ач* (*бородач, головач, зубач, космач, плевач, рифмач, рубач, сморкач, торгач*,² *усач, хохляч*), *-аш, -яш* (*мордаш, торгаш, кругляш, кудряш*), *-ей* (*грамотей, дуралей, богатей*), *-ень* (*блазень, блудень, валень, гадень, дурень, злыдень, лежень, неповоротень, огрызень, огурень, околотень, привязень, прихвостень, связень, сидень, сморщень, телепень, увалень, удалень, ходень*), *-уй* (*обалдуй, пототуй, телелуй*), *-ун, -юн* (*болтун, брезгун, дерун, жрун, крадун, лытун, мигун, перхотун, плаксун, сапун, шатун, гомоюн, горюн, кашлюн, шевелюн и многие другие*), *-ыш* (*гладыш, голыш, дугыш и надугыш, заморыш, крепыш, нахлестыш, оглодыш, огорельш, останыш, перевертыш, черныш*); *-арь* (*бахарь, гнусарь, мытарь, штукарь*), *-ец* (*дыхлец, емец, поганец, сорванец, мерзавец, прошлец*), *-ок* (*крючок, остарок, сигунок*), *-ик, -ник, -чик, -щик* (*дугик, прындик, пагубник, заводчик, смутник, сплетник, поперечник, затейщик, гудильщик, обайщик, опивальщик, поздравельщик, цанальщик*), *-ырь* (*скосырь, немтырь*).

Симптоматично, что имена существительные аффиксального образования, обозначающие лицо, сопровождаются в Словаре Академии Российской разными пометами, даже если они образованы при помощи одного и того же аффикса. См., например, в САР: *огрызень, околотень* — с пометой «просторечное», *блазень, дрочень* — «простонародное», *лежень, увалень, сидень* — без помет.³

Но такая же картина наблюдается и в предварительном словнике этого Словаря — Аналогических таблицах, относящемся к началу 80-х годов, причем этот словник и Словарь нередко расходятся между собой в пометах. Например, слова с аффиксом *-ыш* — *голыш, надугыш* даются в Словаре с пометой «простонародное», *крепыш* — «просторечное», а слово *дугыш* — без пометы. В Аналогических таблицах не сопровождаются пометами слова *крепыш* и *надугыш*, слово *голыш* дается с пометой «про-

² См., например, у Княжнина: «Отправились бессмертны торгачи В столицу славную на рынок» (Меркурий и Аполлон, с. 551).

³ Указание на это и разнообразны примеры см. в работе Ю. С. Сорокина «Разговорная и народная речь в Словаре Академии Российской» (в кн.: Материалы и исследования по истории русского литературного языка, т. I. М., 1949, с. 143 и след.).

сторечное», а слово *дутьиш* — с пометой «простонародное». В Словаре слова с аффиксом *-як* — *мерзляк, особняк* даются с пометой «просторечное», *бедняк, голяк, остряк, гниляк* — «простонародное», *резвяк, скудняк, простак* — без помет. В Аналогических таблицах только слово *резвяк* имеет помету «простонародное», остальные указанные слова даются без помет. Эти примеры можно было бы продолжить. При некотором различии в стилистическом восприятии словарного состава авторами Словаря и Аналогических таблиц такие примеры можно понимать и как свидетельство избыточности критериев стилистической окраски просторечной лексики того времени.

К ним примыкают существительные среднего рода аналогичного значения с аффиксами *-ило* (*бурило, гвоздило, жердило, зубило, изгибало, огибало, прихлебало, шумило, шутило, щетило, юркало*), *-ко* (*бранько, прытко, смело* и др.). См., например: «[Безотвязный:] Ну, господин бранько! Вот и конец вашему великательству» (Лукин, Мот, с. 74); «[Андрей:] Эта великатная речь меня кольнула. О господин прытко! Увидим, кто из нас хитрое» (Лукин, Разумный вертопрах, с. 307); «[Фадей:] Ага, господин смело! Я вижу, что захотелось тебе в подлинну кулаков моих отвесть» (Лукин, Награжденное постоянство, с. 163); «Чван, на, м. спеско» (Аналогические таблицы, ч. 5, с. 145).

К просторечию относились и существительные общего рода со значением лица по характеризующему его качеству, признаку или действию. В памятниках этого времени встречаются просторечные имена существительные с именными и глагольными основами с суффиксами *-ага, -яга* (*бедняга, бродяга, волочага, лентяга, мильяга, побродяга, скупяга, хитряга, шуряга* и др.), *-уга, -юга* (*едуга, ворюга, мастерюга, жадюга, пьянюга, хитрюга*), *-ака, -яка* (*дремака, зевака, кусака, пияка, прошака, резака, чесака, щипака, гуляка, забияка, кривляка, раскаряка, сидяка*), *-ыга* (*забродыга, забулдыга, мотыга и замотыга, торопыга*), *-ала* (*ерыкала, куликала, обирала, обедала, оплетала, подбирала*), *-оха* (*запивоха, завироха, обироха, прибироха, подбираха, припивоха*), *-к-* (*выскачка, ерошка, лакомка, недотыка, неженка, неумывка*), *-уша* (*глупуша, копуша, горюша*).

См. также одиночные аффиксальные образования, такие как *косыня, тупица, гулена, бластена, перetyка* 'ловкий человек, дедец', *пустельга, толпега, бородуля* и др.

В различных значениях входили в просторечие имена существительные с аффиксом *-щина*. Они встречаются в значении лица с эмоциональной окраской презрения. См., например, разъяснение значения одного из таких слов в Лексиконе Волчкова: «*Campanard, campanarde, mot de mepris, comme provinciale* ... презрительное слово у придворных, у граждан и у армейских, коим таких деревенских селева, а иные деревенщина называют» (Словарь, I, с. 350).

Вот также некоторые контексты из памятников: «[Лизета:] Да вот и слуга господина д'Орвиля, тот самый деревенщина, который шутками своими недавно вас позабавил» (Вторично вкрапшаяся любовь, с. 11); «Деревенщина... стропла лицом разныя потягушки» (Березайский, с. 216).

Слова с этим аффиксом обычны для просторечия в собирательном значении. Так, Словарь Академии Российской фиксирует *братовщина* 'складчина, община живущих по-братски', *дедовщина* 'наследие или имение, оставшееся после деда'. В памятниках встречается ряд других таких слов. См.: «[Прощелыга:] Фертники и всякая сборная братия уговорила Фоку Фалаленча бросить посадчину, искать дворянства или по крайней мере офицерства» (Обман за обман, с. 185).

С аффиксом *-щина* входили в состав просторечия немногочисленные слова отвлеченного значения, такие как *бесовщина*, *бестолковщина*, *бывальщина*, *видальщина*, *дьявольщина*, *забобонщина*, *забубенищина*, *небывальщина*, *невидальщина*, *провальщина*, *сумбурищина* и некоторые другие: «[Угар:] Всю ночь напролет читал какую-то дьявольщину. Прежде посмеивался с час места, а потом взял другую книгу и обратясь к стене начал плакать» (Веревкин, Так и должно, с. 13).

1.02. Среди немногих моделей существительных отвлеченного значения, характерных для просторечной лексики, следует отметить имена действия с аффиксом *-к-*, такие как *стычка*, *перебивка*, *перебранка*, *побранка*, *переговорка*, *расстройка* 'ссора с бранью' и т. д.

Часты в памятниках отглагольные существительные общего результативного значения, см. *извадка*, *свычка* 'привычка', *поблажка*, *погудка*, *выгаска*, *гонка*, *погонка*, *нахлобучка* 'выговор', *катка*, *поволочка* и др. Они широко употреблялись в памятниках низкого стиля, записках, мемуарах, некоторые из них — в соответствующих контекстах простого стиля конца века. Вот некоторые примеры: «М. В. Приклонск. нередко такие вытаски дает А. И., что дело доходит до святайшего синода» (Фонвизин, Письмо сестре, 1770, с. 351); «У малова была извадка, Иль может быть и страсть: Охотник был он красть» (Сумароков, По трудах и покой, с. 146); «Кроме того имел я в сию осень паки перетурку» (Болотов, т. I, с. 936); «А я лишь ту его погудку Переверня в смешную шутку На русский лад поворотил» (Осипов, Енейда, с. 328); «Все стали уже на меня полагаться и вверять мне судьбу своей округи и всех своих жительство, и оставалось мало таких, которые имели б еще недоверку» (Болотов, т. III, с. 248).

Специфичными для просторечия были отглагольные имена с аффиксами *-ня*, *-отня*. Аналогические таблицы фиксируют, например, слова *блескотня*, *смахотня*, *стрекотня*, *стукотня*, *пи-*

скотня, топотня, трескотня, и только первое из них сопровождается пометой «прост.» (ч. 1, с. 91).

В САР находим: *возня, воркотня, лопотня, пискотня, скрипотня, таскотня, топотня, хлопотня, хохотня*. И только при слове *таскотня* дана помета «прост.» (САР₁, ч. 6, с. 35).

Однако отчасти жанр памятников, в которых встречаются слова этой группы, а более всего характерные контексты, в которые они входят, позволяют утверждать их принадлежность просторечию. См., например: «Я пустой болтни и самохвальства не люблю слышать. И по сие время ужились мы в единоподушны» (Письмо Ломоносова Шувалову, сс. 718—719); «Графу Задунайскому взбрело на ум жаловаться на худое состояние войск, но и то правда, что в рассуждении старости лет не всяк его сия-ву поверит. Впрочем, все это брехня» (Зап. Гарновского, 1787, с. 23); «Навык к труду, от гульни отврат и от праздности вредны» (Тредиаковский, Тилемахида, с. 76); «Его величество зачал точить получше и мы как настоящие токари грамотню опять подняли» (Зап. Порошина, с. 16); «Какое началось тогда тресканье и лопатня» (Болотов, т. I, с. 116); «[Способа:] Земля пустила стон от топота коней, Ужасна трескотня по лесу раздалась» (Державин, Добрыня, с. 169); «[Фирлюшков:] Я видел комедии, и точь в точь они описаны. Какая была хакатня» (Екатерина II. Именины г. Ворчалкиной, с. 62); «[Вакула:] Так, слышь, у них теперь чихотня, А что еще смешней — такая беготня, Что наши молодцы их только окружили, Так немцы, слышь ты, все и ружья положили» (Крылов, Поддипа, с. 625); «Вдруг грянуло опять с полночи И вихрь с свистнею загудел» (Котельницкий, Окончание Енейды, с. 508); «Откланявшись с своей гуднею, Пойдем-ка мы домой с тобою Свои тож силы подкреплять» (там же, с. 534).⁴

Ряд отвлеченных имен существительных, типичных для просторечной лексики, включал образования с аффиксом *-ица*. В памятниках второй половины XVIII в. находим, например, *безгодица, безпорядица, безурядица, безхлебица, былица* и *небылица, чевидиница, несогласица, нелепица, околесица* и *околесница, куро-иесица* и некоторые другие. См. некоторые примеры: «[Угар:] Нет, права скажи голубушка, что за невидицу на себя взвопишь?» (Веревкин, Так и должно, с. 178); «[Честон:] Что скажете? [Чвапкинна:] Кто? я? да ето небылица. Он знатный

⁴ Любопытно, что Грибоедов, широко пользуясь словами этой модели «Горе от ума», все же устраняет некоторые из них из окончательной редакции комедии при наличии возможностей замены нейтральным словообразовательным вариантом. См., например: «[Лиза:] Смотрите на ясы, повыгляньте в окно: Валит народ по улицам давно; А в доме стук, юдья, метут и убирают» (Горе от ума, ранняя редакция 1822—1823 гг., с. 371). В окончательном тексте видим: «А в доме стук, ходьба, метут и убирают» (там же, с. 71).

граф. Видна и по полету птица» (Княжнин, Хвастун, с. 134); «[Советница:] Они и они. [Бригадирша:] Что за околесница? Они и они» (Фонвизин, Бригадир, с. 86); «И увидев тогда вдруг такую разнообразицу, не могли мы довольно начудиться и насмотреться» (Болотов, т. II, с. 194); «И я радовался..., что мне вздумалось сие сделать, ибо без сего вылились бы великие беды и куралесица ужасная» (Болотов, т. III, с. 247); «[Лиза:] Как он морщится. Какая на харе его разноголосица» (Княжнин, Притворно сумасшедшая, с. 244).

Отметим немногочисленные имена существительные чаще женского рода, безаффиксные, отвлеченного и обобщенного значения, такие как *бережь* и *небережь*, *быль*, *глубь*, *гладь*, *блажь*, *голь*, *дичь*, *дороговь*, *дурь*, *жаль*, *таль*, *торопь*, *шаль*, а также отвлеченно-собирательного значения, такие как *дичь*, *негодь*, *скоромь*, *пожить* и (*пажить*) и др.: «Докладывал по записке Мильотия о Venus Medicus, находящейся в гроте Летнего сада, что статуя редкая, но не в бережи и худыя руки к ней приделаны» (Храповицкий, Дневник, с. 413);⁵ «[Чванкина:] И ты туда ж. Ты забрала опять старинну блажь» (Княжнин, Хвастун, с. 134); «[Болтай:] Брат Макей! нечево взять. Видно нам только двум остаться в голях» (Княжнин, Сбитеньщик, с. 296); «От великаго стыда и жалю подхватил он нож и хотел ее (дочь, — Г. К.) того ж часу заколоть» (Зап. Острогорского, с. 19); «И во всем превеликая и неописанная дороговь, а особливо о провизии и деревянном строении» (Зап. Бибикова, 1769, с. 71); «(Боярыня) забыла про середу — кушала скоромь» (там же, с. 60); «Все заглохло и заросло всякой дичью и негодью» (Болотов, т. III, с. 458); «И грабли деньги и всякую пажить» (Письмо Шишковского Державину, 13 VIII 1774, с. 170); «Слоняюсь все один, ни бабы, ни детей. И некому следить за пажитью моею» (Долгорукий, Семира Белеславна, с. 463); «Огрязем там, что нам не выдраться будет и мы всю пожить свою подмочим и попортим» (Болотов, т. II, с. 145); «[Влас:] То так, Матюха! Я знаю, что ты всему смышлен, да голова-то твоя забеглая! степени-та в тебе нет» (Плавильщиков, Бобыль, с. 435).

Обзорные наиболее распространенных словообразовательных моделей имен существительных в кругу просторечной лексики показывает их многообразие и многочисленность в характерной для категории конкретной оценочной лексике и относительную бедность слов таких моделей в лексике отвлеченного плана. Так проявилась семантическая специфика просторечия, концентрирующего в своем составе слова преимущественно конкретного плана.

⁵ Ср. слово *небережь* в одном из определений САР: «Наваляться... простонар. Оставаться без внимания или быть в небережи, брошену чрез долгое время» (САР_{II}, ч. 3, с. 986).

2.01. Для 70—90-х годов характерен ряд процессов, приводящих к пополнению состава просторечной лексики за счет словообразования. В это время просторечие имело широкие и многообразные связи с различными стилистическими слоями формирующегося литературного языка. Характерные для них языковые процессы затрагивали и этот обширный круг лексики.

В области словообразования это сказалось прежде всего в образовании целого ряда слов с необычайно продуктивными в то время в литературном языке книжными суффиксами: *-тель, -ние, -ство, -ость*.

При этом образования с аффиксом *-тель* сравнительно редки. В памятниках второй половины XVIII в. встречаются слова *бухатель, окорнатель* (Аналогические таблицы), *подбегатель, прихлебатель*: «[Селимена:] Я уже освобожу вас от всех этих подбегателей, которые безотлучно ходят за мной» (Лукин, Ревнивый, с. 247); «[Пролаз:] Вест и любви хоть не чувствуют городския девушки, а любят иметь прихлебателей за хвостом» (Дашкова, Тоисеков, с. 261).

Почти без ограничений образуются отглагольные имена на *-нье* (и *-ние*) от просторечных глаголов. Так, уже в Словаре Кондратовича находим: *кувяканье, обморачивание, окорнание, хлыпанье* и др. В Аналогических таблицах отглагольные существительные даются почти от каждого просторечного глагола. См.: *алтынничанье*, простонар. (ч. 1, с. 9); *алырничанье* (там же, с. 10), *вельможничанье* (там же, с. 156), *бухвоцение* (там же, с. 131), *бубенье* (там же, с. 125), *двоильничанье* (там же, ч. 4, с. 408), *казанье* (там же, с. 743), *казоканье* (там же, с. 744), *канючение* (там же, с. 754), *кувяканье* (там же, с. 858), *кудаченье* (там же, с. 859) и многие другие.

Некоторые из них вошли в Словарь Академии Российской. См., например, существительные *жранье, балаканье, валанданье, вяканье, гузанье, каляканье, лабженье, лытанье, морокование, мясничанье, нуканье, обалтывание, понеделничанье, посыкание, юркание*.

Частым употреблением таких образований отличаются и некоторые памятники. См.: «Тиран сей, пользуясь моим остолбенением, Чтоб умертвить меня тетради толстой чтеньем, В кафтанну петлю мне свой перст загнул, как крюк» (Княжнин, От дяди стихотворца Рифмоскрипа, с. 531); «Препровождал я время свое в распеванье и тананакании любовных песенок» (Болотов, т. I, с. 200); «[Сосед:] Вместо прежнего казоканья сделался так смирен, как овечка» (там же, т. II, т. 701); «И какое ни началось чекрыженье и полосование бород, но — невероятное почти дело: ни один из них не сделал и косой мины» (там же, т. III, с. 994); «Предлежащая мне езда к наместнику возбудила во мне опять желание к смастерению опять чего-нибудь, чем наместника можно подарить» (там же, с. 1197).

Они встречаются в различных памятниках низкого и среднего стиля, а впоследствии в простом стиле: «Он был великий мастер играть на волынке; ...и до горлодрания охотник превеликий» (Чулков, Начало пустословия, с. 33); «За сим народным колоброджением не смогли мы собрать подвод; при том ехать с пьяными проводниками не великая бы была утеха» (Лепехин, ч. I, 1771, с. 85); «Кто любит таканье и слушает льстеца. Тот хуже всякого бывает подлеца» (Дашкова, Послание к слову так, с. 21); «Прими, любезный друг, Сне мое кропанье» (Востоков, Письмо о счастии, с. 32).

Несмотря на окказиональность целого ряда таких образований, нельзя отрицать продуктивности отглагольных существительных на *-нье*, *-ние* и в сфере просторечной лексики.

Отражение процессов, характерных для русского литературного языка, в области просторечной лексики сказывается и в образовании от основ просторечных слов — имен существительных с суффиксом *-ство*. Уже в Польско-русском словаре Кондратовича находим такие слова, как *картежество*, *пригожество*, *робчество*, *жидоморство*. Показательны слова с суффиксом *-ство*, вошедшие в Аналогические таблицы, такие как *алырство* 'мошенничество, обман', *живодерничество*, *забиячество*, *забулдыжество*, *прокуратство*, *скряжничество*, *хорошество*, *шишмонничество*, данные с пометой «простонародное», *огурьство* — с пометой «прост.», *обдальство* (помета дана при слове *обдало*... прост. обманщик — т. II, с. 269). Некоторые из таких слов фиксируются в Словаре Академии Российской. См., например, *пустомельство* с пометой при первом слове гнезда: «*пустомелю*... В прост. вру, пустое говорю» (ч. 4, с. 89), *зубоскальство* — с пометой «простонародное» (САР_{II}, ч. 2, с. 922).

Для просторечных слов с суффиксом *-ство* характерно широкое распространение в памятниках низкого, среднего, позднее простого стиля и в памятниках, ориентированных на непосредственное отражение разговорной речи.

Примеры: «[Милана:] Только обнадейте меня, что вы на меня не гневаетесь! что вы меня так же любите! [Ветромысла:]... Без раздобарства! к делу, к делу!» (Победа невинности, с. 59); «[Слабоумова:] Деревенские жители, не знающие света, называют все это сумосбродством, непостоянством, вертопрашеством, однако как ето мило!» (Свадьба г. Промоталова, с. 56); «[Вестникова:] Это называется по-нашему взбалмошество и бестолковщина» (Екатерина II, Вестникова с. 205); «[Софья:] Как не стыдится он казаться меж людей, Имея гнусное бездельство за душой?» (Капнист, Сганарев, с. 430); «Она свое пригожество знает, Но очень мало дорожит» (Долгорукий, Параша, с. 224); «К воровству и обманству мало склонные и от большей части правдивые, а до убийства и самоубийства охотники» (Крашенинников, с. 701); «Можно по материи и дело ви-

деть, что делалось в пьянстве забиячество» (Письмо Румянцева сыну, 27 III 1747); «То им в страх, а прочим к воздержанию, а обывателям по отвращению пустых слухов и болтовства» (Письмо Ельчина Державину, мая 1774, с. 88); «Возможно ли снести царю мужичество, и тою рукою управлять топором, в коей держал скипетр?» (Эмин, Приключ. Фемистокла, с. 80); «Ласковость, приятность и разговор зделались ему болтовством и таким обхождением, которое королеве совсем непристойно» (Печальные следствия непостоянства, с. 48); «Пришло мне наконец в голову, что когда не можно ничего силою против наглости и наянства сих злодеев (воробьев, — Г. К.) успеть, то не будет ли удачнее какая-нибудь хитрость и обман» (Сельск. житель. с. 202); «Не держатся они ее затей, И змейки головной шукарства ненавидят» (Николев, Сон, с. 45); «И тут то прямо доказал он мне и невежество свое и грубость и ахреянство» (Болотов, т. III, с. 599).⁶

В процессе формирования словарного состава литературного языка в него входили слова этой модели с основами, обладающими собственной оценочностью, такие как *буянство*, *дурачество*, *пронырство* и др.

Что касается аффиксальных образований с *-ость*, то они более редки в сфере просторечия, чем образования с *-ние* и *-ство*. Немногочисленны они и в словарях того времени. Так, в Польско-русском словаре Кондратовича находим лишь слова *досужность*, *серчавость*, *косматость*, *удалость*. Словарь Академии Российской фиксирует *огурливость* 'ослушание, упрямство' (САР_{II}, ч. 4, с. 208), *очесливость* 'вежливость' (там же), *приморчивость* разборчивость в пище, питье, брезгливость' (там же, ч. 5, с. 362).

Образованные чаще от основ прилагательных с суффиксом *-лив-* с яркой оценочностью, они характерны для памятников низкого стиля, простого стиля конца века, для записок, писем, дневников. Приведем некоторые примеры: «[Полист:] Или вертливости не знаешь колеса, На коем щастие слепое здесь кружится» (Княжнин, Хвастун, с. 127); «Кто не сносил никогда брюзгливости злой жены, тот не может чувствовать во всей силе приятностей обхождения с доброю» (Осипов, Не прямо в глаз, с. 73); «В отчаянии своем принужден был принять в мою пронырливость» (Лесажа, Повесть о хром. бесе, с. 44); «Сей изверг с крайнею торопостию побегал из Алатыря по саранской дороге» (Письмо Голицина Державину, 1774, с. 156); «По смятности его рассказов для меня его похождения непонятная загадка» (Письмо Державина Мансурову, с. 70).

Для некоторых просторечных образований на *-ость* харак-

⁶ Ср.: «Охреян... Слово низкое, значит необразованного и грубого человека. Охреян охреянном» (САР_{II}, ч. 4, с. 782).

терно наличие словообразовательных вариантов на *-ство*, большая часть которых закрепились в дальнейшем в просторечии. См.: *забиячливость* и *забиячество*, *наянливость* и *наянство*, *огурливость* и *огурство*, *пронырливость* и *пронырство*, *дурачливость* и *дурачество*. Некоторые из них, такие как *неряшество* и *неряшливость*, позднее включались в процесс нейтрализации.

3.01. Не менее разнообразны просторечные аффиксальные образования в кругу глаголов. Специфической их особенностью является сравнительная немногочисленность суффиксальных образований при большем многообразии префиксальных. Наиболее характерны для просторечной лексики отымненные глаголы на *-ничать*, обозначающие отрицательно оцениваемые действия и обладающие эмоциональной оценкой презрения и насмешки. Уже в Польско-русском словаре Кондратовича находим такие глаголы, как *дородноичать*, *картежничать*, *коварничать*, *постоянничать*, *скоморошничать*. Эта группа глаголов вошла в Словарь Академии Российской и, гораздо шире, в Аналогические таблицы.

В них зафиксированы глаголы:

алтынничать (САР_{II}, ч. 1, с. 241, простонар.);
алырничать (АТ, ч. 1, с. 10, простонар.);
баклушничать (САР_{II}, ч. 1, с. 87, простонар.);
баясничать (САР_{II}, ч. 1, с. 95, в простор.);
бражничать (САР_{II}, ч. 1, с. 310, простонар.);
бездельничать (САР_{II}, ч. 2, с. 910);
бездушничать (САР_I, ч. 2, с. 828);
важничать (АТ, ч. 1, 139);
вельможничать (АТ, ч. 1, с. 156);
вертопрашничать (САР_I, ч. 1, с. 369);
верхоглядничать (САР_{II}, ч. 1, с. 455);
греховодничать (САР_I, ч. 2, с. 369, простонар.);
долгоязычничать (АТ, ч. 1, с. 466);
душевредничать (АТ, ч. 1, с. 509; САР_{II}, ч. 2, с. 294, в простонар.);
каверзничать (САР_I, ч. 3, с. 353);
костырничать (АТ, ч. 1, с. 828);
криводушничать (АТ, ч. 1, с. 842);
малодушничать (АТ, ч. 2, с. 59);
мошенничать (САР_I, ч. 4, с. 281);
набожничать (САР_I, ч. 1, с. 257);
намошенничать (САР_I, ч. 4, 281);
нашилничать (АТ, ч. 2, с. 221);
наянничать (АТ, ч. 2, с. 222, прост.);
нахальничать (АТ, ч. 2, с. 216);
невесничать (САР_I, ч. 1, с. 974, в простор.);

повесничать (САР_{II}, ч. 4, с. 1191, простонар.);
постоянничать (АТ, ч. 3, с. 248);
позабничать (АТ, ч. 3, с. 261);
похлебничать (АТ, ч. 3, с. 262);
прелестничать (АТ, ч. 3, с. 296);
проказничать (АТ, ч. 3, с. 411);
пышничать (САР_I, ч. 5, 1243);
самовластничать (АТ, ч. 4, с. 110);
самовольничать (АТ, ч. 4, с. 110);
самохвальничать (АТ, ч. 4, с. 114);
своеобычничать (АТ, ч. 4, с. 127);
своенравничать (АТ, ч. 4, с. 127);
скиляжничать (АТ, ч. 4, с. 154);
скромничать (АТ, ч. 4, с. 165);
скряжничать (САР_I, ч. 5, с. 502, простореч.);
смиреничать (АТ, ч. 4, с. 185);
смутничать (АТ, ч. 4, с. 245);
степенничать (там же, с. 260);
странничать (там же, с. 269);
суеверничать (там же, с. 284);
сумасбродничать (там же, с. 287);
угодничать (там же, с. 16);
умничать (САР_I, ч. 6, с. 432; употребляется
 в худшую сторону);
чудесничать (АТ, ч. 5, с. 166);
чудотворничать (АТ, ч. 5, с. 179);
шашничать (АТ, ч. 5, 188);
шильничать (САР_I, ч. 6, 885, в прост.);
ябедничать (АТ, ч. 5, с. 231);
язычничать (АТ, с. 236);

См. также в памятниках: «...озорничать и буянничать не рассудилось за благо» (Березайский, с. 153); «Щеголи... везде обезьянничают, везде почитают себя умные всех» (Осипов, Не прямо в глаз, с. 37); «[Советница:] Неужели ты меня мотовкой считаешь, батюшка? Опомнись. Полно скиляжничать» (Фонвизин, Бригадир, с. 50); «Как страннику в пути встречаться Со многим должно, и итти, И на горах и под горами, Роскошничать и глад терпеть: Бывает так со всеми нами, Премены рока долг наш зреть» (Державин, На возвращение, 1797, с. 234); «[Агафья:] Я также имею сильные причины с вами вместе не сумасбродничать» (Княжнин, Притворно сумасшедшая, с. 210).

В другом значении — ‘заниматься чем-либо как профессией’ отыменные глаголы на *-ничать* еще не осознавались как просторечные глаголы, хотя их просторечность можно предположить. См. в Польско-русском словаре Кондратовича: *барышничая* ‘прибыточествуя’ (с. 253), *прикащичая* (с. 213).

При некоторых из них в Словаре Академии Российской и в Аналогических таблицах даются пометы «просторечное» и «простонародное». См., например:

бабничать 'повивать' (САР_{II}, ч. 1, с. 75—76, в прост.);

блинничать (САР_{II}, ч. 1, 228, простонар.);

вегошничать (АТ, ч. 1, с. 163);

голубятничать (САР_I, ч. 2, с. 192, простонар.);

гончарничать (АТ, ч. 1, с. 372);

горшечничать (АТ, ч. 1, с. 369);

дворничать (АТ, ч. 1, с. 410);

домовничать (АТ, ч. 1, с. 469);

домоседничать (САР_I, ч. 2, с. 728);

котельничать (САР_I, ч. 3, с. 875);

кухарничать (САР_{II}, ч. 3, с. 501, простонар.);

мясничать (АТ, ч. 3, с. 150);

нищевродничать (САР_{II}, ч. 3, 1404, простонар.);

столярничать (САР_{II}, ч. 6, с. 518);

харчевничать (АТ, ч. 5, с. 113);

ярыжничать (АТ, ч. 5, с. 240).

Следует отметить также глаголы со значением 'делать что-л. в какой-н. отрезок времени'. Таковы глаголы *понеделничать* и *пятничать* 'поститься по понедельникам, по пятницам', *праздничать*.⁷

3.02. Среди просторечной лексики многочисленны отыменные глаголы, образованные от основ просторечных имен существительных и прилагательных, обладающих собственной или эмоциональной оценочностью, традиционно употреблявшихся в определенной среде.

См. фиксируемые Аналогическими таблицами и САР глаголы: *верезжать* и *верещать*, *вракать*, *дрянить*, *дюжеть*, *звякать*, *калякать*, *шалеть*, *бубенить*, *буянить*, *возгриветь*, *горланить*, *егозить*, *жилить*, *каверзить*, *казачить*, *колобродить*, *кудесить*, *куролесить*, *проворить*, *раздобарывать*, *треушить*, *тузить*, *юлить*, *гуторить*, *дуванить*, *комшить*, *жгутить*, *прокуратить*, *рюмить*, *суторить*, *урочить*, *хабарить*, *хайлить*, *шелыганить*, *шишиморить*, *юрить*.

Приведем отыменные возвратные глаголы, такие как *баландаться*, *балахреститься*, *блосниться*, *нахалиться*, *наяниться*, *огуляться*, *сутолчиться*, *чечениться*, *чурбаниться*.

4.01. Но в среде просторечной лексики во второй половине XVIII в. было немало глаголов префиксального образования от соответствующих просторечных бесприставочных глаголов. Вот, например, глаголы с приставками *вы-* и *из-* со значением полной пространственной и результативной исчерпанности действия, та-

⁷ Все эти глаголы даются в Аналогических таблицах без помет. Глагол *понеделничать* фиксируется в САР_I и САР_{II} без помет (САР_I, ч. 2, с. 913 и САР_{II}, ч. 4, с. 1497); глагол *пятничать* входит в САР с пометой «простонародное» (САР_I, ч. 4, с. 1270, САР_{II}, ч. 5, с. 758).

кие как *выбарышничать, выжрать, вылежать, вытурить, исколеть, исколеть, иззябнуть, исколупать, излытать* 'исходить разные места', *измусолить, испакостить, исплутать, истаскать, исшаркать*.

Можно привести также просторечные глаголы с приставкой *за-* со значением начала действия. См: *забаять, загорланить, завякать, заколобродить, закуликать, закурить, залопать, захаймить* 'начать кричать', *захаять, зачуять* и др.

С приставкой *на-* со значением множественности действия: *наболтать, наблажить, наблошнить, набрюзжать, награбаздать, назаимовать, назуживать, наклепать, накутить, налаять, наругать, напакостить, напенять, напихать, напищать, наплутовать, напрокурать, насовать, нахапать, нахвастать, нахламить, нашелушить, нащечить*.

С приставкой *под-* со значением 'побудить кого-л. к действию' (обозначенным основой в переносном значении): *подзаривать* 'приводить словами в задор, в сердце' (САР₁, ч. 3, сс. 19—20), *подбить, подгважживать, подгваживаю* (прост. наговариваю, наущаю — АТ, ч. 3, 139), *поджечь* 'восстановить против кого-л.', *подзуживать*; со значением действия, направленного против кого-либо (при переносном значении): *поддеть, подъесть, подкусить, подловить, подтенегить, подтетерить* и др.

С приставкой *про-* со значением заполнения какого-либо промежутка времени действием (обычно оцениваемого отрицательно): *пробегать, проболтать, проглазеть, прокалякать, пробрать* и др., а также со значением заверченного действия: *продуванить* 'нерасчетливо истратить', *продырить* 'износить до дыр', *прозевать, промотать, промолоть* 'прочитать бегло', *протурить*.

С приставкой *раз-* (*рас-*) со значением исчерпанности действия: *размытарить, раскиснуть, раскуликать, расхаить, расчухать, раздородничать, раздюжеть, распропасть* и др.

С приставкой *у-* со значением доведенного до результата действия: *убаять, ублажать, уделать, удобрить, удумать, умучить*, а также со значением удаления: *улепетывать, улынивать, улыгнуть*.

Отнесенность всех этих глаголов к просторечной лексике мотивирована семантически: основы их обладают возможностями развития характерных для просторечия значений, прямых и переносных, а также оценочности, собственной и эмоциональной; префиксы, обозначая направление, цель, интенсивность действий, названных основой, создают разнообразие и разветвленность просторечной глагольной лексики.

4.02. В составе просторечия немало глаголов префиксально-суффиксального образования. Таковы собственно-возвратные глаголы (не страдательные и не взаимного действия) с различными префиксами. Это глаголы с приставкой *за-* с начинательным значением и значением выхода действия из обычной нормы (по времени и степени вовлеченности в него предмета): *забала-*

каться, забеситься, задивиться, зартачиться, захлюстаться, зачваниться, заяржиться.

С приставкой *из-* со значением действия, создающего привычку или свойство (обычно отрицательное) в результате постоянного повторения: *извериться, извертеться, извешаться, изволожиться, извольничаться, извороваться, изгорбиться, изгуляться, издоложить, излытаться, измотаться, измошенничаться, измыкаться, изневежничаться, изплутоваться, изпохабничаться, изпроториться, изработаться, изрыскаться, изслоняться, изслониться, изтаскаться, изшалиться, изшататься.*⁸

С приставкой *на-* со значением полного удовлетворения действием самого действующего лица: *наваляться, навываться, надержаться* 'пробыть где-л. известное время', *надрыхнуться, наежиться, набраться, набобаться, накалякаться, накатиться* 'напиться до бесчувствия', *наколотся, налопаться, налытаться, намыкаться, нанюхаться, напрыгаться, нарыскаться, наскакаться, наслоняться, насуслиться, натянуться* 'напиться до пьяна', *нахлестаться* 'напариться в бане', *нахлюстаться.*

С приставкой *раз-* со значением интенсивного действия: *разблажиться, разбодриться, развиляться, раздивиться, размолоться, раскалякаться, растаскаться, расхорохориться.*

5.01. Характерны для просторечия глагольные междометные образования, обозначающие скорые действия, такие как *глядь, хват, цап* и т. п.⁹ Они часты в различных жанрах низкого стиля и в соответствующих контекстах простого стиля конца XVIII—начала XIX столетий. Вот некоторые подтверждающие примеры: «Кто, лев спросил, тебя учил делить так, Что ты мне едак услужила. Лиса туда сюда хвостиком верть, Ответствует ему: о слова смерть» (Сумароков, Раздел, с. 149); «Кучер мой полез с козел, чтоб поправить, но бултых на землю» (Болотов, т. II, с. 828); «Меж тем уже в подъезд коляску подвезли; Мы прыг в нее тотчас — тряхнули — покатали» (Долгорукий, Пир, с. 384); «Итак не долго думая, ров-таки я что было мочи, и сорвала тем со стены всю полку» (Болотов, т. II, с. 1005); «[Ханжанин:] А он ничего не говоря сов мне в руку бумажку» (Екатерина II, О, время, с. 10); «Я таки не долго думая, вскочила и, накинув на себя платышко, черк к церкви» (Болотов, т. II, 1004); «Князь Ветров шарк ногою» (Дмитриев, Картина, с. 123);

⁸ Эти глаголы даются в написании того времени.

⁹ Ломоносов рассматривал их как глагольные образования, свойственные только простому русскому языку и имеющие «силу деепричастия» (Русская грамматика, § 427. — АСС, т. VII, с. 539). У А. А. Шахматова и А. М. Пешковского они квалифицируются как глаголы ультрамгновенного вида (А. М. Пешковский. Русский синтаксис в научном освещении. Изд. 7. М., 1956, сс. 199—200; А. А. Шахматов. Синтаксис русского языка. Изд. 2. Л., 1941, с. 472). Нормативная «Грамматика русского языка» рассматривает их как переходную группу между глаголом и междометием и называет глагольными междометиями (Грамматика русского языка. М., 1952, § 760, с. 491 и § 1019, с. 679).

«Тогда, поднявшись легонько, Он шарк проворнее тихонько На четвереньках из куста» (Людченко, Похищение Прозерпины, с. 600); «[Лиза:] Сегодня ввечеру я дам серенаду. Музыку беглую сочиню: адажио, анданте, ничего не помешает, — я этим беды прибавлю, а fuga — шмык через забор» (Княжнин, Притворно сумасшедшая, с. 244).

Ср. в баснях В. А. Жуковского (1806): «Растешился (крот, — Г. К.), катит и прямо бряк в силки» (Сурки и крот, с. 32); «Мартышка верть глазами, И, веря (как и все) приветника словам, Опять играть» (Мартышка и лев, с. 31); «Нагнулся... Вот опять хвост, лапки, нос с усами, Хватъ-хватъ! Котями цап-царап! Дал промах, сорвался и бух на столик с рамы; Кота же нет как нет» (Кот и зеркало, с. 31).

Несомненно, входят в состав просторечия глаголы с аффиксами *-ануть*, *-ануться*, характерные для традиционных для просторечия памятников. Вот примеры употребления некоторых из них: «Поздно трусить!... Столкнулся... Соблазнила сатана! Кто ж так сильно окунулся, Что вспрыгнул Лиман со дна» (Николев, Русские солдаты, с. 28); «Одевшись поранее, черкнул за реку, в квартиру наместника» (Болотов, т. IV, с. 155); «О если б был я помоложе, Как раз бы с вами стеганул» (Котельницкий, Окончание Енейды, с. 509); «[Аксен:] Лишь я к гнезду, а ворон-та слеталось такая пропасть, что и видимо и не видимо, и все надо мною летают и каркают: а матка-та как меня долбанет в голову, чуть было я с сосны не свалился» (Плавильщиков, Бобыль, с. 422).

6.01. Наряду со словами перечисленных выше моделей, памятники XVIII в. содержат и такие, для которых принадлежность просторечию определилась значительно позже, хотя слова этих моделей образовались в разговорной речи, были характерны для низкого и среднего стилей и исключены в стиле высоком.

Тяготение к просторечию характерно, например, для глаголов с аффиксами *-а-*, *-ива-*, *-ыва-* со значением многократного действия.¹⁰ Это можно продемонстрировать на следующих примерах: «Не хаживал я в те беседы и пиры, Которые живут без карточной игры» (Майков, Игрок ломбера, с. 12); «[Советник:] Ха-ха-ха! Я сам игрывал, бывало, и, помнится мне, при всякой карте разные забавы» (Фонвизин, Бригадир, с. 88); «[г-жа Простакова:] Я, братец, с тобою лаяться не стану. (К Стародуму). Отроду, батюшка, ни с кем не бранивалась» (Фонвизин, Недоросль, с. 138); «(Птицы) назад уже не прилетывали» (Дефо, Робинзон Крузо, с. 101); «...а естли случалось, что такой рыцарь езжал без конюшаго, ... то онья (лекарства, — Г. К.) возил сам в чемодане» (Сервантес, Дон-Кихот, с. 26); «Вот твоя камера, — сказала она. — Малой, на которого месте ты имеешь

¹⁰ В САР эти глаголы даются в одной словарной статье с соответствующими первообразными и рассматриваются как их формы.

честь быть, также сыпал в ней» (Лесаж, Жиль Блаз, с. 54); «Я признаюсь, и я не без греха, Едал я и овец, едал и пастуха» (Княжнин, Мор зверей, с. 540); «Я начал лошадь мою потуривать и то и дело погонять» (Болотов, т. II, с. 287).

Характерно, что, например, Карамзин даже в дружеских письмах пользовался многократными глаголами очень редко и совсем избегал их в письмах полуофициальных и официальных. Так, их не встретилось в его 73 письмах А. Ф. Малиновскому, управляющему Московским архивом иностранных дел, но иногда он употреблял их в письмах И. И. Дмитриеву, связанному с ним многолетней и нежной дружбой. См., например: «Не можешь ли на несколько дней дать нам у себя в доме три или четыре комнаты, не более? Мы живали и в двух» (Письмо Карамзина Дмитриеву, 15 VI 1813, с. 175); «...Наташа напоминает о тебе, где ты у нас сживал» (там же, 19 III 1814, с. 179).

К числу глагольных образований, тяготеющих к просторечию и стоящих как бы между нейтральной лексикой и просторечием, следует отнести и глаголы с двойными префиксами со значением дополнительного действия, усиления или постепенного его разветвления. В словарях того времени такие глаголы представлены скупо, вероятно, благодаря легкости их образования. Аналогические таблицы включают, например, только группу таких глаголов с префиксами *пона-* без каких-либо стилистических помет.¹¹ Словарь Академии Российской (II издание) в этом отношении более щедр. В него вошли глаголы *повыдергать*, *повыскакать*, *понавыкать*, *понадвигивать*, *понадвигиваться*, *понакоплять*, *понакопляться*, *понаполнить*, *понаселить*, *понаселиться*, *понатереться*, *понатуживаться*, *пообождать*, *пообзнакомиться*, *пообноситься*, *поодичать*, *поотдирать*, *поотдираться*, *поотлежаться*, *поотмокнуть*, *пораздвинуть*, *пораздвинуться*; из них только глагол *понатереться* дан с пометой «в просторечии» (ч. 4, с. 1496). Между тем они часты в памятниках низкого и среднего стилей, в письмах, записках и мемуарах, позднее — в соответствующих контекстах простого стиля: «[Сквалыгин:] Коли не выдешь доброволь, так я все на улицу повыкидаю» (Матинский, с. 12); «Он несколько позаписался в своих еклогах» (Сервантес, Дон-Кихот, с. 64); «Он немного там позагулялся» (Болотов, т. I, с. 434); «Лисица же меня, мнит он, поизбодит» (Сумароков, Лисица и еж, с. 220); «А к тому же и людства при различных акциях кое поубыло, коих поизувечило» (Березайский, сс. 67—68); «Предлагали мне многия различные способы, чрез которые мог бы я понабить карманы» (Осипов, Не прямо в глаз, с. 2); «[Скрягин:] Можно искусненько и пообрезать» (Княжнин, Скупой, 326); «И между тем, как скот насыщался, поотдохнул немного и писатель повести» (Скаррона шутл. пов., с. 4); «[Фекла:] Я пойду попри-

¹¹ Аналогические таблицы, ч. 3, сс. 217—218.

браться, к нам будут гости, суседи-та вон» (Копиев, Обращенный мизантроп, с. 495); «Приди от дел попрохладиться, Поесть, попить, повеселиться» (Державин, Приглашение к обеду, с. 462); «Словцо свое сдержу. Ученый мой заснул, его поразбужу» (Трутенъ, 1769, с. 92); «[Ванька:] Ну, да пирог! Кабы да не страшно, так бы поразведался с ним слегка, а то право досадно» (Крылов, Пирог, с. 450); «Мы им скоро утолили жажду: однако нас несколько поразобало» (Лепехин, ч. I, с. 128); «Зеленые наружные листы (бутонов роз, — Г. К.) оборвать, а пишечки перетереть в руках, чтоб цветочные листки поразшеперились и горячая вода в них вникнуть могла» (Словарь поваренный, с. 318); «Я не мог утешиться, что дал себя обмануть или лучше сказать позбить спесь» (Лесажа, Жиль Блаз, с. 24).

Вероятно, в числе занимающих промежуточное положение между просторечием и нейтральной лексикой можно назвать существительные с аффиксом *-еж*, образованные от глаголов, такие как *дележ*, *галдеж*, *грабеж* и др., наречия, образованные от глагольных основ с аффиксом *-мя* и некоторые другие.

Это свидетельствовало о зыбкости границ просторечия и нейтральной лексики, о том, что при наличии определенных тенденций в русском языке XVIII в. еще не определились стилистические функции целого ряда слов, образованных по определенным словообразовательным моделям.

7.01. Обращает на себя внимание широкая словообразовательная вариантность просторечия, особенно яркая в именах существительных. Некоторые из вариантов приведены в словарях того времени. См., например, в Словаре Академии Российской: «*гудильщик* и *гудило*... простор. Кто нескладно, дурно поет, дурно, противно слуху на каком со струнами орудии играет» (ч. 2, с. 423); «*околесица* и *околесная*... в просторечии употребляемая: неосновательная, сплетенная речи, у коих ни начала, ни конца разобрать не можно; нелепица, вздор, чепуха» (ч. 3, с. 710); «*огурь* и *огурник*... простонарод., ослушник, упрямец» (ч. 4, с. 618); «*опивальщик*... *опивало*... и *опивоха*... простонар. Тот, кто опивает другого» (там же, с. 1250).

Показательный в этом плане материал содержат Аналогические таблицы. См., например, приведенные там образования: *алырник* и *алыря* с пометой «простонародное» (ч. 1, с. 10), *безгода* и *безгодье* без помет (ч. 1, с. 45), *богатина* с пометой «простонародное» и ссылкой «зри богач» (ч. 1, с. 95), *едуга* (ч. 5, с. 224) и *поедуга* (ч. 3, с. 268), *сѣдуга* — «простонар.», (ч. 4, с. 297); *обай* и *обайщик*, оба с пометой «просторечное» (ч. 2, с. 265); *прихвостень* с пометой «простонародное» и *прихвостись* — со ссылкой «зри прихвостень» (ч. 3, с. 380), *удалень* и *удалец* без помет (ч. 5, с. 20), *цапало*, *цапальщик*, *цапун* — все с пометой «простонародное» (ч. 5, с. 125), *дворенко*, *дворенцо*, *дворишко* — все с пометой «уничжительное» (ч. 1, сс. 409—

410), *доменцо* и *домишко* (ч. 1, с. 468), *стариченцо* и *старичишка* (ч. 4, с. 256) — с той же пометой.

Памятники значительно дополняют словари и в плане словообразовательной вариантности просторечной лексики.

В них встречаем: *болтанье, болгня, болтовство; безгода, безгодье; бедняк и бедняга; горюха и горюша; грамотей и грамотник; драчун и драчь; дурень, дуралей и дурылда; залыгала и залыгатель; затейник и затейщик; кропотуха и кропотунья; мотыга, замотыга; мотора и моторыга; несгода и несгодье; нелепица и нелепая; огрызень и огрыза; окоlesiца, окоlesiница и окоlesная; обирала, обироха и обиральщик; писака и писальщик; плутень и плутяга; плясея и плясавица; подбегала и подбегатель; скупяга и скупентый* и т. д.

Все это позволяет рассматривать словообразовательную вариантность как одну из причин многообразия и разветвленности просторечной лексики.

В дополнение к приведенному здесь материалу укажем еще некоторые образования от родственных основ в кругу имен существительных.

Бахарь и *басник*:¹² «Не верю как тебе я бахарю такому. Возьми скорый бобы и ну скорый из дому» (Майков, Елисей, с. 66); «И видит господин, что тот смехотворный басник, и спросил его: откуда ты, человек, и куды идешь?» (Повесть пахринской деревни Камкина, с. 101).

Волокита и *волочага*:¹³ «[А н д р е й:] Он, знать, молоденький щеголек, смазливенькой волокита, женской подлипала» (Лукин, Награжденное постоянство, с. 129); «[П р а в с к о й:] Этого плута волочага душа моя ненавидит» (Переплетчик, с. 24).

Красотка и *красавка* (производные от *красота* и *краса*): «[Р о з а н а:] А! Семен! Здравствуй! [Л е с н и к:] Здорово, красотка, здорово» (Николев, Розана и Любим, с. 11); «[С т е п а н:] Пустое, Власьевна, ты моя сударка, ты моя красавка» (Княжнин, Сбитеньщик, с. 211).

В отличие от имен существительных, входивших в просторечие, вариантность глаголов, к нему относящихся, более ограничена. Глаголам не свойственны аффиксы, вносящие эмоциональную оценку, в лексико-грамматической категории глагола редки суффиксы, усиливающие экспрессивность основы. Носителем качества и меры экспрессии в глагольном слове является обычно основа. Глагольный аффикс чаще всего нейтрален. Во второй половине XVIII столетия можно наблюдать лишь параллельные суффиксальные образования от некоторых именных, обладающих оценочностью основ с аффиксами *-ничать* и *-ить*. См.: *балагурни-*

¹² *Бахарь* — от *бахорить* 'болтать', производное от *баять*, ср. *баять. басня* (М. Фасмер, т. I, с. 136).

¹³ *Волокита...* от *волоку* (там же, т. I, с. 342). *Волочага*, вероятно, от *волочиться*.

чать и балагурить, каверзничать и каверзить, проказничать и проказить, чудотворничать и чудотворить, чудесничать и чудесить, данные в Словаре Академии Российской с пометами «просторечное» и «простонародное».

Глагольные приставочные образования того времени, относимые к просторечию, также почти не имеют просторечных словообразовательных вариантов. По отношению к ним можно говорить лишь о наличии нейтральных синонимических приставочных глаголов. См., например, синонимические соотношения просторечных глаголов с приставкой *у-* и соответствующих нейтральных: *угреться* — *согреться*, *удвинуться* — *подвинуться*, *удобрить* — *задобрить*, *удумать* — *надумать*, *умучить* — *замучить*, *упрыгаться* — *напрыгаться*, *урваться* — *вырваться* и др.

*

Таким образом, для второй половины XVIII в. характерно наличие в составе просторечия целого ряда слов аффиксального образования. Процесс формирования нормы литературного языка и определения границ просторечия, закреплением которого в области грамматической была «Российская грамматика» Ломоносова, содержащая также целый ряд указаний о стилистическом разграничении аффиксальных образований, характерен и для второй половины XVIII столетия. Он реализовался в сложении словообразовательных групп слов, допустимых лишь в низком, отчасти в среднем, впоследствии в простом стиле конца века. Но сама номенклатура таких групп еще твердо не установилась. Некоторые из них, например группы существительных аффиксального образования, обозначающие лицо по какому-либо признаку, уже определились как просторечные. В отношении других, например отглагольных имен действия на *-ня*, многократных глаголов с аффиксами *-ива*, *-ыва* со значением повторяемости действия, намечалась лишь тенденция к вхождению в просторечие, проявляющаяся в преимущественном употреблении в соответствующих стилях, жанрах и контекстах.

Колеблющимся был и состав таких групп. Колебания и непоследовательность в пометах к словам одной словообразовательной модели в Словаре Академии Российской при проверке их на контекстах позволяют предположить, что они в известной мере отражают зыбкость и неопределенность границ просторечной лексики с лексикой нейтральной.

В просторечии нашли свое отражение процессы, типичные для литературного языка. Этим объясняется довольно широкое распространение в его составе образований от основ просторечных слов отвлеченных имен существительных с книжными аффиксами *-ость*, *-ние*, *-ство*. В просторечии нашла свое отражение широкая словообразовательная вариантность при недостаточности смысловой и стилистической дифференциации вариантов.

СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ПРОСТОРЕЧИЯ



1.01. Обширный и многообразный состав просторечной лексики представляет большие трудности при его изучении в семантическом плане. Многообразие материала предполагает необходимость дифференцированного подхода к различным группам слов при его систематизации и классификации. Это не исключает установления общих признаков и основных линий формирования данной категории.

Отсутствие работ, посвященных изучению просторечия на широком материале, выдвигает на первый план необходимость общей характеристики его состава. Материал, имеющийся в нашем распоряжении, естественно, не охватывает просторечной лексики с исчерпывающей полнотой. В этих условиях мы выбрали путь описания важнейших тематических групп лексики, объединяемой данной категорией. Выбор данного способа описания мотивирован в известной мере и значительной разнородностью состава просторечия.

Исследование семантических особенностей просторечной лексики предполагает учет семантической специфики русского слова в XVIII столетии, в известной мере проявляющийся вплоть до конца века. Речь идет о некоторой синкретичности значения русского слова. Учитывая это, мы пытаемся установить семантическую специфику просторечного слова. Поэтому исследование сосредоточено на типах значений различных групп просторечной лексики, что в свою очередь предполагает внимание к семантическим особенностям однозначных слов, а также установление групп слов, производные нейтральные значения которых послужили базой для развития производных значений, включающихся в состав просторечия.

Вместе с тем для нас важно и установление путей формирования просторечных значений слов.

Существенным аспектом исследования является наблюдение соотношений системного характера в складывающихся внутри

категории микросистемах — в лексико-семантических группах, в аналого-синонимических рядах, в антонимических противопоставлениях. Соотношение просторечных слов в этих подразделениях рассматривается в общем контексте развития лексического состава русского литературного языка второй половины XVIII столетия, следовательно, содействует уточнению наших знаний об общих тенденциях развития словарного состава русского литературного языка, проявляющихся в разных формах в основных функционально-стилистических категориях. С другой стороны, выделение особых линий развития функционально-стилистических категорий рассматривается как особые преломления основных процессов развития словарного состава русского литературного языка. Тем самым создаются большие возможности для понимания причин стилистических перегруппировок в русском литературном языке исследуемого времени, так же как и внутренних перемещений в кругу просторечия.

1.02. Во второй половине XVIII в. в составе просторечия концентрировалась масса слов однозначных, а также слов, признаваемых просторечными только в значениях производных, образованных от непроизводных номинативных значений слов различными путями. Процесс концентрации и объединения лексики в составе просторечия характерен для всего исследуемого периода. Но он отнюдь не единичен. Одновременно с объединением слов по стилистической тональности в общий пласт и организации их внутри категории по различным признакам в просторечии того времени заметно действие различных, часто противоречивых тенденций. Объединение сопровождалось сложением синонимических групп по сходству значения, что в свою очередь вело к дифференциации в смысловом плане. В складывающихся синонимических группах намечались тенденции к разграничению с точки зрения качества и меры оценки. На основании перекрещивающихся процессов интеграции просторечия и его многогранной дифференциации определялись особенности функционирования различных групп просторечной лексики и возможности их взаимоотношений с нейтральным составом литературного языка. Литературный язык черпал из богатейшего источника просторечной лексики то, чего ему недоставало. При помощи слов, пришедших из просторечия, он обогащал нейтральный свой состав в смысловом плане, расширяя формирующиеся синонимические соотношения за счет слов, выражающих смысловые нюансы. В известной мере за счет просторечия складывались выразительно-изобразительные средства литературного языка.

Претерпевающая непрерывные количественные и качественные изменения, растущая и убывающая в одно и то же время масса просторечия кажется трудно ограничиваемой количественно. Но она обнаруживает границы в смысловом плане: она

распадается на определенные сферы, в пределах которых идет концентрация языковых средств изучаемой категории. Главнейшими из них были реально-бытовая сфера и сфера, центром которой был человек в его внешних и внутренних особенностях и проявлениях. Внутри указанных сфер намечается множество тематических групп, состав которых разнообразен в смысловом и оценочном планах. Это создает впечатление пестроты и безграничности, уже не раз отмечавшихся в исследованиях по истории русского литературного языка.

Для того чтобы установить, какие слова и группы слов, нейтрализуясь, входили в состав литературного языка, а также были вовлечены в процесс формирования выразительных его средств, постепенно становясь одной из важнейших частей будущего разговорного стиля, и какие группы слов с течением времени стали достоянием русских народных говоров, необходимо иметь отчетливое представление о составе сфер просторечия, названных выше, что и является предметом дальнейшего изложения.

2.01. Обширный круг слов, связанных с простым бытом, состоит преимущественно из слов — названий предметов. Распространенность в разговорной речи объясняет их широкое проникновение в памятники различных жанров. Ниже приводятся наиболее распространенные тематические группы такой лексики.

Слова — названия кушаний и напитков: *болтушка*, *заедки* 'лакомства', *калья* 'похлебка на огуречном рассоле', *кока* 'яйцо', *луковник* 'луковый пирог', *глазунья* 'вид яичницы', *крошево*, *папа*, *папуша* и *папушник* 'хлеб, каравай хлеба', *овсяник* 'хлеб из овсяной муки', *саламата*, *жемок* и *жемулька* 'пряник', *сусленик* 'пряник на сусле', *тюря*, *шаньга* 'лепешка с семенем', *юрега* 'сыворожка, остающаяся после битья сметаны', *варенуха* 'хмельной напиток'. К ним примыкают такие слова, как *гомзуля* 'большой ломоть хлеба', *крома*, *сукрой* 'ломоть', *укрух* 'краюшка', *паек* 'мера хлеба'.

Слова — названия одежды и ее частей: *гачи* 'концы у порток', *гуня* 'ветхое, дырявое платье', *жупан* 'кафтан', *зепь* 'карман', *зипун*, *азям* 'верхняя одежда', *сермяга*, *смурак* 'смурий кафтан', *волчура* 'волчья шуба', *понева*, *порты*, *шушун*, *шивороток*.

Слова — названия женских головных уборов: *повойник*, *подубрусник*, *подкапок*, *разлетаи*, *сборник*, *сорока* 'головной убор крестьянской замужней женщины', *ширинка* 'платок', *шлык* 'платок, носимый под кокошником', *треух* 'шапка теплая с тремя опускающимися ушами' и др.

К этим группам примыкают слова: *через* 'мешочек для денег, привязываемый к поясу', *тоболоц* 'сума, котомка'.

Слова — названия обуви: *боты, бахилы, валенки и валенцы, жоты, лапти, онучи и суконки*¹, *истопки* 'изношенная обувь', *упоки, черошни, чеботы*.

Слова — названия женских украшений: *соболек* 'круглый воротник из соболей', *начелок* 'лента, повязанная на голову', *подзатыльник* 'низанное бисером украшение у кокошника в его задней части'.

Слова — названия построек и их частей: *двоенка* 'изба из двух срубов с сенями посередине', *хибарка, подклет* 'нижняя изба и брачная ложница', *крыша, вышка, истобка, подволока и надызбица* 'чердак', *кут и куть* 'угол в избе', *казенка* 'пристройка к печи в избе с дверкою', *коник* 'лавка у входа в избу', *горнушка* 'угол с ямкой в русской печи, куда загребают жар', *опечек* и *шесток, ошосток, чело* 'передняя часть дымохода в русской печи', *закут* 'угол в избе и чулан', *светлица, светелка, приделок* 'пристройка к дому', *присенок* 'пристроенные сени или чулан в сенях', *каморка* 'маленькая комната'. К ним примыкают слова обозначающие пространство, место около каких-либо хозяйственных построек, такие как *задворье* 'пространство за крестьянским двором', *подоконье* 'место под окном', *прогалок и прогал* 'пустое место между избами', *проулок* 'переулок в деревне'.

Довольно многочисленны слова — названия различных бытовых реалий, например: *баран* 'рукомойник', *барыша* 'мешок для пороха', *киса* 'мешок', *баклага, виселка, грядка* 'вешалка', *доскан* и *досканец* 'табакерка', *дымник, жбан, жгут, клюка и ключка, колотило* 'орудие, которым колотят во что-л.', *кузовенька, кулек, лукно, лукошко, люлька* 'колыбель', *лутошка* 'очищенная от коры палка', *орясина, уразина* 'дубина', *рожон* 'шест', *голик* 'веник без листьев', *отымалка*² 'тряпка для того, чтобы брать горячие горшки, котлы', *паволока и паволочник* 'чехол, покрывало', *подголовок* 'изголовье', *светец, утирка и утиральник* 'полотенце', *коробья* 'сундук', *туяз* и *туясок* 'сосуд из бересты', *чепоруха* и *красоуля* 'чарка', *пошевенки, роспуски* 'сани различного рода', *домовище* 'гроб' и др.

Слова — названия народных музыкальных инструментов: *во-лынка, дуда, рыле*.

Просторечными были некоторые слова — названия животных, растений, связанные с окружающей человека природой. Вот, например, слова — народные названия растений и их плодов: *можжуха* 'ягоды можжевельника', *кочан, чабер* 'трава плакун', *леха* 'мелкая трава, мурава', *кашка* 'клевер'. Укажем ряд просторечных слов — названий животных: *цыба* 'коза', *кочет* 'петух'. См. также названия животных по их отличительному признаку: бу-

¹ См. у Травина: «Сносил одне крестьянския суконки, обуваясь в лапти» (Зап. Травина, с. 39).

² САР дает слово *отымалка* без пометы, но в Аналогических таблицах оно сопровождается пометой «простор.» (АТ, ч. 2, с. 414).

ланко, гнедко, чалко, савраско, серко, сивко, чубарко — слова — названия лошадей по масти; *мознатка* 'курица с мохнатыми ногами', *несушка* 'несущаяся курица', *сибирка* 'кошка голубой шерсти', *порожнянка* 'лошадь, идущая порожняком' и др.

Особо следует указать группы просторечных слов — названий предметов и явлений окружающей среды. Сюда относятся слова, обозначающие некоторые атмосферные явления, такие как *вёдро* 'сухая ясная погода', *жара* 'жаркое летнее время', *мокредь* 'сырая погода', *непогодь* 'бедствие', *ростопель* 'оттепель', *вьялица*, *заметь*, *кутерьма*, *кура*, *юра* 'метель', *куржека* 'иней', *гололедина*, *гололедка*, *гололедь*, *морок* 'туман, облако' и др.; слова, обозначающие различные формы рельефа: *грива*, *лбище*, *увал*, *угорок*, *палестина*³ 'ровное место', *высокуша* 'высокое место', *отвершек* 'ответвление оврага'; слова, обозначающие различные формы движения вод и морские ветры: *зайцы*, *беляки* 'валы с белой пеной', *моряна* 'ветер, дующий с моря на сушу', *наводь* 'наводнение', *половодь*; слова, обозначающие виды лесов, зарослей, кустарников: *липняк*, *листвяк*, *ольшняк*, *кустовняк* и *чапыжник*, *кулига* 'куртина', *трущоба* 'глухой лес, заваленный буреломом', *улесок*, *колок* 'перелесок'. К ним примыкают слова, связанные с суеверными представлениями о силах зла, окружающих человека, живущих в окружающем его мире, такие как *ведьма*, *домовой*, *баба-яга*, *кащей*, *кикимора*, *леший* и *лесовик*, *ляд*, *шатун*, *шишига* 'черт' и их эвфемистические заменители, такие как *люкавый*, *нечистый*, *нелегая* и др. Интерес представляет и группа слов — народных названий болезней, такие как *веснуха*, *лихоманка*, *лихотка*, *трясучка*, *трясуха*, *трясца* — виды лихорадок, *огневица* 'горячка', *лапуза* 'болезнь с сыпью на теле — краснуха или scarlatina', *матка* 'истерика у женщины', *сухотка* 'чахотка', *веред* 'чирей', *вахлак* 'шишка', *шишмола* 'большая шишка', *болятки*, *угин* 'боли в спине, в пояснице', *чемер* 'острая поясничная боль', *изурок* и *урок* 'болезнь оттого, что человека сглазили', *лихая болезнь* 'черная немочь', *пострел* 'паралич', *родимчик* 'пачкающая'.

Перечисленные выше тематические группы следует дополнить

³ Дано в САР с пометой «простонар.» (САР_{II}, ч. 4, с. 776). Ср. у Лепехина: «От сего места лес уже начал оскудевать, и наконец оказались безлесныя обширныя палестины, возвещавшие соседство города» (Лепехин, ч. I, с. 38).

⁴ См.: «Сии пособия есть бесценное сокровище при изуроках, пострелах и родимчиках» (Березайский, с. IX). Особо, но близко к этой группе слов стоят слова *мальхан*, *мальханщик*. См. в САР: «...мальхан. В простонародном употреблении называется мазь. Мальханщик... У простолудинов называется: кто умеет составлять мази; шарлатан» (САР_I, ч. 4, с. 27). У Лепехина: «Для разных мальханов, которых составы я вывести не мог, находился у муллы и мышьяк» (ч. I, с. 102); «Люди (в Арзамасе, — Г. К.) в болезнях своих полагают более надеяние на незаконно ко врачеванию рожденных, как то на старух, мальханниц, ворожей и прочая» (ч. I, с. 72).

словами обобщенно-родового и собирательного значения. Таковы слова *варево* 'кушанье, изготовленное варением', *дерун* (о горьких и крепких веществах, например хрене, перце), *горлопятина* 'кислые вяжущие овощи, например яблоки', *скормь* 'скромные кушанья', *мозголом* 'крепкие напитки', *лопоть* 'одежда', *виноградье* 'виноградные лозы', *бутор*, *быт* 'домашний скарб, пожитки', *исправность*⁵ 'утварь, мебель', *порохно* 'негодные вещи, предметы', *шушера* 'разные вещи, мелочь', *мелузга* 'мелкие вещи', *дрязг* 'всякий сор, нечистота', *всячина* 'всякие, разные предметы' и др. См. также: *даровщина* 'даром полученные вещи', *навальщина* 'то, что досталось кому-л. случайно, против воли', *меледа* 'вещь, работа, которую не скоро привести к концу можно', *мана* 'вещь, служащая для приманки', *мешанина* 'разнородные, разнovidные вещи, вместе смешанные'.⁶ К ним примыкают слова *нечисть*, *проклять*, *нежить* 'нечистая сила, существа потустороннего мира зла'.

Примыкающими к предметно-бытовой лексике являются слова, также связанные с бытом, такие как *свадьба*, *посиделки*, *толока*, представляющие собой названия характерных бытовых действий и процессов, а также слова: *заговины*, *святки*, *поддымки* и *поддымье* 'время, пора, когда черная изба топится' и др., обозначающие определенные промежутки времени. Однако слова отвлеченного значения немногочисленны в этой сфере просторечной лексики, и отвлеченность их особая, еще тесно связанная с конкретностью самой бытовой сферы. Приведенные выше слова представляют собой номенклатуру простого быта. Преимущественной пометой для них в Словаре Академии Российской была помета «простонародное». Их можно подразделить еще на две группы в зависимости от прикрепленности к определенной социальной среде. Так, характерными почти исключительно для крестьянской и мещанской среды являются такие слова, как *сермяга*, *смурак*, *понева*, *шушун*, *шлык*, *лапти*, *онучи*, *суконки* и др. Более широко, вероятно, были распространены слова других тематических групп, например слова, обозначающие различные постройки и их части, такие как *подклет*, *крыша*, *вышка*, *подволока*, *казенка*, *коник* и др.; слова — названия ряда бытовых реалий, такие как *люлька*, *лукно*, *лутошки*, *орясина*, *отымалка*, *утиральник*, *ропуски* и др.; слова, обозначающие различные явления природы, и т. п. Общие черты быта крестьянства и других социальных групп населения (купечества, мелкопоместного и среднепоместного дворянства), в ряде случаев одинаковый

⁵ «А в нем (в доме, — Г. К.) вся исправность: стулья и весь мебель» (Письмо Румянцевой сыну, с. 22).

⁶ В САРП слово *даровщина* дается с пометой «в просторечии» (ч. 2, с. 18), *мана*, *меледа*, *мешанина* — «простонародное» (ч. 3, сс. 692, 739, 986).

⁷ С пометой «просторечное» фиксируются лишь слова *выведеныш*, *домовице*, *жемulyка*, *цыба*.

уровень культуры и единое и мощное влияние языковой среды, наличие многочисленных линий соприкосновения в быту (например, крепостные дворы в домах дворянства разных степеней богатства и культурности, жившие в обычных крестьянских постройках и соответствующей обстановкой, утварью, не забывающие народных поверий и обрядов) были основанием широкого распространения такой лексики в речи различных слоев населения. Памятники второй половины XVIII в. сохранили об этом ряд свидетельств.

См., например, одну из ремарок в комедии конца века: «Театр представляет людскую белую избу. Посреди дверь; вправо: русская беленая печь с трубою до потолка, с широким жерлом, запечкою, подпечкою, горнушкою и казенкою, в которую вход окован железною решеткою; влево: коник с наложенными друг на друга перинами» (Державин, Дурочка, с. 450).

Слова — названия русских бытовых реалий нередки даже при описании иного быта. См., например, описание вхождения Гулливера в столицу страны лилипутов: «Балконы, окны первого, второго, третьего и четвертого жилья такожде окны в подклетах и на истобках, даже и самыя на кровлях жолубы, таким множеством зрителей были наполнены, что я без ошибки мог заключить, что сей город имеет жителей весьма не мало» (Свифт, Путешествия Гулливера, с. 78).

В «перелицованных» поэмах слова этого круга используются для создания сниженного бытового фона, на котором действуют боги, герои и нимфы:

«Мы все согласны!» — в знак желанья
Схватили (нимфы, — Г. К.) в скорости шлык —
«Готовы мы на все гулянья».

(Котельницкий, Окончание Енисыды, с. 476)

Вулкан тогда был в карауле...
С клюкой сидел в железном стуле,
Был неподвижен так, как пень.
Под клеть к Морфею закатился,
И в сон глубокий погрузился.

(Наумов, Ясон, с. 562)

Потом немного поколивши,
В чулан спустилась, как олень,
Кокошник матушкин схвативши
Скорее вздела набекрень.

(Люценно, Похищение
Прозерпины, с. 586)

Таким словам свойственно частое применение в памятниках в контекстах, включающих просторечные слова, относящиеся к другим группам и сферам. Характерная семантическая особенность их состоит в конкретности номинативных значений. В от-

личие от подавляющего большинства просторечных слов снижение их — сниженность особого рода. В языковом сознании эпохи их сниженность мотивирована социально — отношением к простому быту. Благодаря этому такие слова фиксировались словарями второй половины XVIII в. с пометой «простонародное» или на основании «простонародности» оставались за пределами словарей. Характерно и их положение по отношению к литературному языку. Лишь немногие из них, такие как *вышка*, *крыша*, *лунка*, *люлька* и др., стали достоянием литературного языка. Большая часть их постепенно вышла из употребления и сохранилась в народных говорах на правах этнографической лексики.

3.01. Центральное положение в кругу просторечной лексики занимали слова, связанные по значению с человеком: с его физическим строением, внешностью, с положением в семье, в обществе, с особенностями характера и поведения. Эта сфера просторечия отличается многообразием и разноплановостью входящих в нее групп слов. Здесь объединены слова, различные по мере и степени оценки, по особенностям соотношений внутри соответствующих лексико-семантических групп и аналого-синонимических рядов.

О многообразии и многогранности этой сферы просторечия могут дать представления приводимые ниже важнейшие группы входящих в нее слов.

1. Можно привести слова, обозначающие части и органы человеческого тела, такие как *башка* и *болван* 'голова', *виски* 'волосы', *рожа*, *рыло*, *харя* 'лицо', *оход* 'желудок', *пузо*, *живот*,⁸ *буркалы*, *зенки* 'глаза', *правша* 'правая рука', *чупрун* 'волосы передней части головы', *кортышки* и *закортышки* 'плечи', *горб* и *хребет* 'спина', *поджилки* 'подколенные жилы', *ляжка* 'бедро', *голяшка* 'голень' и др.

2. Назовем некоторые обозначения лиц по семейному положению, такие как *батьа*, *батька*, *папа*, *матка*, *хозяйка* 'жена', *хозяин* 'муж', *братень* и *братеник*, *большой*, *большак* 'старший в семье', *меньшак* 'младший в семье', *молодой* и *молодая* 'повобрачный и новобрачная', *новоженя*, *молодка* 'молодая замужняя женщина', *кум* и *кума* и др.

3. См. также слова, обозначающие человека по полу: *мужик*, *баба*.

4. Некоторые слова обозначают человека по возрасту: *малютка*, *махотка*, *малга* 'дитя', *малец* 'мальчик', *малый* и *молодец* 'юноша', *неостарок* 'нестарый человек', *середович* 'человек сред-

⁸ Слово *брюзо* в то время и в первые десятилетия XIX в. в значении 'живот' было нейтральным. См.: САР_I, ч. 1, с. 362; САР_{II}, ч. 2, с. 324. При слове *живот* в данном значении в САР дается указание: «в простом употреблении» (САР_{II}, ч. 4, с. 446). Слово *оход* квалифицируется как низкое (САР_{II}, ч. 4, с. 729), а при слове *пузо* дается помета «просто-народное» (САР_{II}, ч. 5, с. 772).

них лет', *остарок*, *выстарок* 'пожилой человек', *старина* 'старик', *ровня* и *ровняк* 'человек, равный по возрасту с кем-л.'

5. Ряд слов обозначает человека по профессии: *заходник*, *зубоврач*, *ложкомой*, *меняло*, *моряк*, *мытея*, *звездарь* 'астроном', *почтарь*, *скоморох*, *хлуд* 'водонос', *малой* 'слуга'.

6. Некоторые слова обозначают человека по имущественному, социальному положению: *батрак*, *казак* 'бедный крестьянин, работающий у другого по найму', *бедняк*, *бубен*, *заплатник*, *лозмотник*, *лапотник*, *голяк*, *голыш*, *захребетник* 'бедный человек',⁹ *богач*, *густ* 'богатый человек', *людцы* 'крепостные'.

Приведенные выше группы слов, объединенные по тематическому признаку, относящиеся к просторечной лексике, различны в стилистическом плане по видам оценки. В них входят слова стилистически сниженные с яркой оценкой грубости, фамильярности, презрения и пренебрежения (см. *баба*, *мужик* в значениях 'женщина', 'мужчина', *батька*, *матка*, *голыш*, *голяк*, *лозмотник*, *заплатник*, *лапотник*) и такие, сниженность которых поддерживается противопоставлением нейтральному или книжному слову (*моряк* — *мореходец*, *мореплаватель*, *молодец* — *юноша*), слова, в которых наличие сниженности можно объяснить характерностью словообразовательных моделей для просторечия (*богач*, *ровняк*, *почтарь*), и слова, обычные в крестьянской среде и поэтому в то время признаваемые сниженными (*батя*, *хозяин* и *хозяйка* в значении 'муж и жена', *братеник*, *большак*, *меньшак*, *молодка* и т. п.).

3.02. Центральное место в составе просторечной лексики занимают группы слов, характеризующие человека по внешнему виду, привычкам, привычным действиям, особенностям поведения и т. п.

1. Довольно многочисленны просторечные слова, обозначающие человека по его физическим особенностям, состоянию здоровья, внешнему виду.

Это слова, обозначающие человека по состоянию здоровья: 'здоровый человек' — *здоровяк*; 'больной' — *чахлый*, *хвилый*, *лядащий*, *некошный*; 'человек со слабым здоровьем' — *гниляк* и *гнилуша*, *дыхлец*, *мозгляк*; 'человек с изъянами в результате болезни' — *гнусарь* и *гнуся*, *глухарь*, *немтырь*, *левшак* и *люкша*, *кашлюн*.¹⁰

а) По внешнему виду, не зависящему от человека. Слова, обозначающие человека по росту: 'высокого роста' — *долговязый*, *добрый* 'статный и рослый', *величка*, *верзило*, *жердило*, *вежа*; 'низкого роста' — *крошечный*, *крохотный*, *карла*, *каплюжник*, *каранузик*, *мухортик*. По телосложению: 'крепкого сложения' — *дюжий*, *ражий*, *ширай*; 'толстый' — *толстомясый*, *гладкий*, *гладыш*,

⁹ САР так объясняет значение этого слова: «старин. простонар. неимущий крестьянин, питающийся у других работою на хозяйском иждивении; от бобыля тем разнствовал, что бобыли имели свои дома, а захребетники не имели оных, но жили как батраки. Слов. Татищ.» (САР_{II}, ч. 2, с. 796).

¹⁰ В Аналогических таблицах дано с пометой «простонар.» (ч. 2, с. 53).

дугыш, дугик, одугыш, телепень, толстуха, распадня, 'толстая, обрюзглая женщина', дrochenь 'толстый, но пустотелый ребенок'; 'худой, тощий' — ледащий, испитой, тощак, заморыш, мощи.

С выдающимися, более чем нормальными по величине какими-либо частями тела или лица: *бородастый, головастый, губастый, зубастый, лобастый, носастый, пузатый, рукастый, брюхан, бородач и бородуля, голован и головастик, губан, зубак, зубан, зубач и зубарь, лобан, носарь и носач, пузан*.¹¹

По цвету волос: *белобрысый, проседый, белянчик, белоночка, просед, русак* 'человек с русыми волосами', *рыжак* 'человек с рыжими волосами'.

По впечатлению, производимому внешностью человека на других людей: 'красивый' — *взрачный, баской, пригожий, смазливый, красик, красотка, красава и красавка, пригожайка*; 'некрасивый' — *благой, чудородье; 'уродливый' — калечный, изгорбателый, калека, короткошея, колча, культя, косыня; 'с изъянами кожи' — конопчатый, щедривый 'рябой'.*

б) По виду, зависящему от человека: 'грязный, неопрятный на вид' — *замарайка, неряха, неумывка, растрепан, пачкальщик и пачкун, отымалка*; 'кокетливо, модно одетый, нарядный' — *щегольливый, гоголек, фертик, грыв, хаз; с особенностями, чаще изъянами прически: стриж и стрижка 'стриженный человек'. ерошка, космач, хохлач и хохлуша.*

2. Слова, характеризующие человека по его привычкам, обычновениям.

По привычке много есть: *ненаеда, жрун и жраль, обжора, прожора, объедала.*

По обыкновению много пить (хмельного): *запивоха, опивало, опивоха и опивальщик, кулик и куликало, гвоздосос, пиворез, пиявица, пьянюга, пропойца.*

По привычке много говорить: *болтун, болтушка, басник, бахарь, говорок, говорун, балаболка, краснобай, лепетун и лепетунья, мутовка 'болтливая женщина', тараторка, щекотунья, пуштозвяк, пустомеля.*

По привычке говорить неправду: *враль и врун, завироха, повироха, залыгала, полыгало.*

По привычке быстро двигаться: *летун, полетай, шагала, шагун, быстрая, прытко, прыткунья, прыткуха.*

По обыкновению часто кричать, плакать, свистеть: *верезливый, верезга и верезгун; плакида, плакса и плаксун, рева; свистун.*

¹¹ В САР нет последовательности в стилистической квалификации этой группы слов. Так, прилагательные *бородастый, головастый, зубастый, носастый, рукастый* даются без пометы; *губастый, лобастый* — с пометой «простоносарь»; слово *головач* не сопровождается пометой, слова *бородач, головастик, губан, губач, носач, пузан* даются с пометой «простоносарь», слово *лобан* — с пометой «слово низкое».

По обыкновению щуриться, мигать: *жмура, шура, мигун.*

По привычке шалить, резвиться: *проказливый, прокудливый, блажливый 'неугомонный, шаловливый', воженный 'резвый, игри-вый', неугомонь, проказа, прокуда, бедокур, куролес, прокурат, пострел, блудняк и блудень 'шалун', баловень, сорви-голова.*

По привычке шуметь, буяннить, ругаться: *бурливый, горлан, грохотун, буян, хайло, бурлило, шумило, бранько, ерыкало.*

По привычке вести себя жеманно: *жеман, жеманиха, крив-ляка, чечениха.*

По наклонности заводить ссору, драку, ссорить и обижать других: *заедчивый, забиячливый, забияка, мироед 'обидчик,' за-жиги, баламут, колотырник 'сплетник', смутник, концевод, сво-раплет.*

3. Перечислим слова, обозначающие человека по его интеллек-туальным особенностям:

'умный' — *вострый; догад;*

'глупый' — *безмозглый, простофилеват, башка (о тупом чело-веке), балда, болван, глупыха и глупуша, дуралей и дурында, несмысль, олух, плошина, полудурье, пентюх, пень, пест, простак и простах, простофиля, тупица, фалья, филя, фофан, чурбан;*

'невнимательный' — *вислоухий, ротозей, разиня, рохля, во-рона;*

'сметливый и инициативный' — *затейливый, затея, затейщик, заводчик, штукарь.*

4. Обильно представлены слова, обозначающие человека по его нравственным качествам:

'скромный' — *смиреник;*

'гордый' — *спесивый, заносчивый; спеско, спесиха;*

'корыстолюбивый, скупой' — *скупяга, скупентяй, скряга, ка-щей, жидомор, ахид, изжилъ, хапун;*

'щедрый' — *тороватый, щедрохваст;*

'расточительный' — *мотыжный, мотыга, моторыга, замотыга, мотушка, мутовка;*

'смелый' — *залетный, удалый, залет и залета, удалъ и удалец, удалень, хват, угар, востряк 'резвый, смелый', смельчак и смелко;*

'трусливый' — *полошливый; трусиха и трусея;*

'веселый' — *балагур, весельчак, трелюд 'шутник', забавник, колотырник;*

'насмешливый' — *зубоскал и скалозуб;*

'сердитый' — *дугыш, дугик, сердитка;*

'злой, коварный' — *злыдня, злыдень и злыдарь, змея, змей, ехидна;*

'обидчивый' — *недотрога, недотыка, незамайка;*

'упрямый, непослушный' — *благой, блажной; зубастый 'не-уступчивый', огурливый 'упорный', блажь 'упрямый, избало-ванный ребенок', блазень, блажея, неслух, ослух, огурь и огурник, ерихонец, околотень 'упрямец, ставящий ни во что побои';*

‘необщительный’ — *особняк, дикарь*;
‘завистливый’ — *заркий, завидуций*;
‘ленивый’ — *лентяй, лентяга, валень, лежень, лытун, разгиль-
дй, байбак*;

‘расторопный’ — *досужий* ‘расторопный, способный ко всякому делу’; *мастак, мастерюга, дока*.

5. Можно выделить также группы слов, обозначающих качества человека, проявляющиеся по отношению к другим людям, и человека по таким качествам:

‘вежливый’ — *очесливый, учливый*;

‘грубый’ — *грубиян, огрыза и огрызень, охреян, хайло, горлан, халда* ‘нахальная, грубая женщина’;

‘нахальный’ — *набойливый, напрасливый, нахайливый, наянливый; нахал, наян, бесамыга*;

‘лстивый, угодливый’ — *изгбало, лизоблюд, подбегало и подбегатель, прихвостень, улещатель, ублажатель, подлипало*;

‘непостоянный’ — *вертопрашный; ветер, ветреница,¹² ветрогон, вертопрах, вслочага, вертушка, повеса*;

‘распущенный, развратный’ — *забубенный, забулдыжный, загульный; блудняк, гуляка, забулдыга, забродыга*.

К этой группе примыкают слова, обозначающие человека по отношениям с другими людьми: те, кто находится в любовных отношениях, — *полюбовник и любовница, сударик и сударка, миляк, зазноба, миляша, хахаль, любушка*; те, кто находится во враждебных отношениях, — *ворог, врагуша, лихоман*.

В приведенных группах слов, не исчерпывающих круг просторечной лексики, обозначающей качества человека и человека по качествам, обращают на себя внимание особенности соотношения существительных и прилагательных. Преимущественное положение в них существительных объясняется рядом причин. Среди них следует назвать широкие возможности образования просторечных имен существительных от соответствующих нейтральных (см. *здоровяк, гниляк, немтырь, толстуха* и др.) и от соответствующих глаголов (см. *плакида, плакса, плаксун, рева, блудень, буйан* и т. д.). Но не в меньшей мере преимущественное положение имен существительных в этих группах просторечной лексики зависело от семантических особенностей просторечного слова. Конкретность его значения диктовала выбор такой лексико-грамматической категории, для которой она более характерна. Преимущество было на стороне имен существительных, ибо имя прилагательное, обозначая качество, всегда содержит в значении элемент отвлеченности.

Особое значение имела и проявляющаяся здесь со всей яркостью присущая разговорной речи — источнику функционально-

¹² «Сказали, что граф Вахмейстер скучает в Москве. Il changera bientôt de place, сказал я... Он настоящий ветреница» (Храповицкий, Дневник, 1788, с. 162).

стилистического просторечия — и специфичная для целого ряда слов и групп слов данной категории семантическая емкость, наполненность значения, благодаря которой просторечное слово часто было равным по значению сочетанию слов. Это свойство можно продемонстрировать на словах *зевака* 'человек, праздно засматривающийся на что-л.', *разгильдяй* 'небрежный в делах человек', *рухнуть* 'упасть, распадаясь на части', *слоняться* 'ходить без дела' и т. д.

3.03. К сфере просторечной лексики, связанной по своему значению с человеком, относится ряд имен собирательного значения. Таковы слова, обозначающие собравшихся вместе людей, такие как *аrava*, *ватага*, *гурьба*, *свора*, *табун*.

Можно отметить и слова, обозначающие группу людей, объединяемых по какому-либо признаку, например по возрасту, социальному положению. См., например: *молодежь*, *холстежь*, *холостьба*, *деревенщина*, *засельщина*, *братовщина* 'община людей, живущих по-братски', *дичь* 'дикари', *голь*, *голытьба*, *голыгепя*, *сволочь*, *шушера*, *наброд*, *сбродня*, *знать* и др.¹³

Следует указать примыкающие к данной сфере отвлеченные слова, обозначающие некоторые действия человека, его качество и состояние.

Слова, обозначающие сложные действия и их результаты: *гули* 'гулянье', *бредни*, *враки*, *звяки*, *каляки*, *кляузы*, *колты* 'затруднения, хлопоты' и др., а также слова результативного значения: *нагоняй*, *напрягай* и др.

Ряд просторечных слов обозначал состояние. Вот, например, слова, обозначающие физическое состояние человека: *дремучка*, *спень*, *усталь*, *умора*, *упад* 'усталость'; некоторые слова, обозначающие его интеллектуальное и нравственное состояние: *сухота* 'беспокойство', *раздумье*, *передряга* 'смятение'; некоторые слова, обозначающие состояние беспокойства в обществе людей: *беспорядица*, *безурядица*, *кутерьма*, *суматоха*, *сутолока*, *содом* и др.

Ряд слов обозначал неблагоприятное состояние человека: *безгода*, *безгодье* и *безгодица*, *несгода* и *несгодье*, *притка*, *причина*.

Слова *судьбина*, *планида*, *година*, *талан* 'участь, доля' примыкают к перечисленным выше подгруппам.

Некоторые просторечные слова обозначают чувства человека. Таковы *кручина*, *жаль* 'тоска', *сердце* 'гнев', *зари* 'задор, зависть', *страм*, *сором*, *ззор* 'стыд'.

Специфичны для просторечной лексики слова со значением 'удар', причем данное значение является производным от слов предметного значения. См. *подзатыльник*, *подчепешник*, *погылица*, *туз*, *тулумбас*.

Некоторые отвлеченные существительные в составе изучаемого пласта обозначают то, что думает или высказывает человек

¹³ «Дым и звук, изшедшей из ружья моего, привел бедную стоявшую на берегу дичь в неописанное удивление» (Дефо, Робинзон Крузо, с. 44).

(не сообразующееся с истиной или несущественное). Таковы слова *ахинея, галиматъя, бредни, вздор, дразг, сумбур, пустяк, пустошь, пустошьга, нелепица и нелепая, околесица и околесная, чуха и чушь, пыль*, а также примыкающие к ним *блажь, сумасбродица, куролесица*.

Приведенные выше группы собирательных, отвлеченно-собирательных и отвлеченных просторечных слов, так же как и перечень групп слов конкретного значения, свидетельствуют о богатстве и разветвленности описываемой сферы просторечной лексики. В ней по выработанным в русском языке типам производных слов и характерным значениям объединялись и накапливались основные ресурсы просторечия. Слова конкретного значения играли важную роль в обогащении и пополнении состава просторечия.

3.04. К этой сфере относится также разнообразная глагольная лексика, обозначающая различные действия и состояния человека.

1. Многие глаголы обозначают действия человека, направленные на себя, и состояния, испытываемые им самим.

1. Можно назвать некоторые глаголы ощущения, например: *колеть* 'язбнуть', *нажигать* 'теплом доводить до раздражения' и др.

2. Отметим глаголы, обозначающие процесс приобретения человеком какого-либо физического качества, такие как *добреть* (и *раздобреть*), *раздородничать*, *раздюжить* 'толстеть, растолстеть', *мозгнуть* 'чахнуть, худеть', *тончать* (и *истончать*) 'худеть (и исхудать)', *исчавреть* 'исчажнуть'.

3. Сюда входят некоторые глаголы, обозначающие типичные состояния человека и переход его в такие состояния, например: *дрыгаться* и *выдрыгнуться*, *очнуться* и *очунуться*, *остолбенеть*, *опешить* 'войти в состояние неподвижности, замешательства от страха, неожиданности' и т. д., *издохнуть*, *околеть* 'умереть' и др.

4. Характерна для просторечия группа глаголов со значением 'есть': *жрать, лопать, трескать, убирать, уплетать, нападать; нажираться* (и *нажраться*), *обжираться* (и *обожраться*), *налопаться, обтрескаться*.¹⁴

5. Разнообразны глаголы звучания в значении 'издавать какие-л. звуки (названные основой)': *аукать, ахнуть, гулюкать, жужукать, талалакать, тараракать, фыркать, хихать и хихикать, хныкать*. К ним примыкают глаголы говорения, такие как

¹⁴ Глаголы *жрать, трескать, убирать, уплетать* чаще имеют значение 'есть жадно и много', но встречаются в памятниках и на правах просторечной параллели к нейтральному глаголу *есть*: «Мужик и пьет и ест, родился и умрет, Господский так же сын, хотя и слаще жрет» (Сумароков, О благородстве, с. 360); «Скотина, скитаясь без пищи, рада убирать и болотные травы, когда они только ей попадают» (Лепехин, ч. I, с. 108); «Зимой ж мерзлую (рыбу, — Г. К.) стружат ломтями и так трескают с великим аппетитом» (Зуев, Описание остяков, с. 38).

баять, балакать, калякать; 'говорить быстро' — *тараторить, трещать, сорочить, щекотать, тарантиль*; 'говорить медленно и неясно' — *мямлить, вякать*, а также целый ряд глаголов, содержащих указания на внешние особенности говорения.¹⁵

6. Разнообразны глаголы, обозначающие передвижение человека: *иттить (и пойтить)*; 'двигаться быстро' — *катить, лететь, лунить, нестись, взваривать, встряхивать*; 'начать быстро двигаться' — *ринуться, дернуть, махнуть, стрекнуть*; 'двигаться медленно' — *плестись, тащиться, брести*.¹⁶

7. Отметим также глаголы в значении 'жить с трудом, нуждаясь' — *биться, колотиться, мытариться, маяться*.

8. Довольно разнообразны глаголы, связанные по своему значению с трудовой деятельностью человека. См., например, некоторые глаголы конкретного трудового действия, такие как *воротить* 'поворачивать с одной стороны на другую', *додергивать* 'дотаскивать, доводить', *опруживать* 'опрокидывать', *гнать* 'рубить', *перетяпать* 'перерубить', *откроить* 'отрезать', *полосовать* 'рвать на части', *колупать и наколупывать* и др.

а) В эту группу входит ряд глаголов с общим значением 'делать', такие как *мастерить (и смастерить)*, *мастетерить*.

б) Она включает и глаголы, заключающие в своем значении характеристику темпа и качества действия: 'делать что-л. быстро' — *проворить (и спроворить)*, *свертеть, вахлять (и свахлять)*, *ляпать (и отляпать)* 'рубить и отрубить вдруг'; 'делать что-л. кое-как, часто при этом и быстро' — *вараксать (и навараксать)*, *черкать, махать* 'небрежно писать', *кромсать, корнать* 'кое-как резать что-л.', *кургузить* 'небрежно подрезать что-л., отрезывая больше, чем нужно', *варганить* 'худо играть на каком-л. инструменте', *кропать* 'шить кое-как', *ковырять, пачкать, ляпать* 'худо, неискусно делать что-л.', *приботать, приляпать* 'прибить, приделать дурно, не искусно', *промолоть* 'прочесть быстро, не вдумываясь', *сботать* 'сделать что-л. неуклюже, аляповато, грубо' и др.

в) В составе группы были также глаголы со значением 'научиться что-л. делать хорошо': *наблосниться, натерпеться, натереть (и понатереться, понатореть)*.

г) Особый разряд составляли глаголы, связанные с профессиональной деятельностью человека: *бабничать* 'повивать', *блинничать* 'торговать блинами', *голубятничать, кухарить и кухарничать, котельничать, мясничать, нищевродничать, извозить* 'заниматься извозом'.¹⁷

¹⁵ См. ниже, сс. 147—149.

¹⁶ О глаголах, характеризующих направление движения и его качества, см. ниже, сс. 145—147.

¹⁷ Приведенные здесь глаголы на *-ничать* даются в САР с пометами «просторечное» и «простонародное». Однако большая часть таких глаголов пометами не сопровождается. См., например: *водовозничать, водолазничать, столярничать, харчевничать* и др., данные в САР без помет.

Целый ряд глаголов связан по значению с занятием торговлей, куплей и продажей. См. *выбарышничать* 'получить выгоду, в покупке выторговать', *давать* 'платить за купленную вещь', *заворачивать* 'запрашивать излишне высокую цену', *утягивать* 'уторговывать в свою пользу', *лупить* 'брать очень дорогую цену'.

д) Укажем еще глаголы со значением 'сделать перерыв в работе, отдохнуть' — *сдохнуть*, *раздохнуть*.

9. Разнообразны глаголы со значением 'ничего не делать' — *кубарить* 'в безделье терять время', *лынять*, *лытать*, *отбывать*, *отдываться* 'стараться избежать работы', *баклушничать*, *шалберить*, *шалберничать* 'бездельничать', *слоняться* 'шататься без дела' и др.

II. Многообразна группа глаголов, связанных по значению с поведением человека.

См. глаголы в значении 'вести себя неестественно' — *жеманиться*, *кобениться*, *ломаться*, *чечениться*; 'буйно вести себя' — *бурлить*, *буянить*, *буянничать*, *головорезить*; 'шалить' — *блажить*, *блудить*, *проказить*, *барабошить*, *курить*; 'упрямиться' — *бычиться*, *ерошиться*, *ершиться*, *карячиться*, *копытиться*, *кочевряжиться*, *ргачиться*, *утямить* и *утямиться*; 'вести себя высокомерно, излишне гордиться' — *бариться*, *бояриться*, *дворяниться*, *чваниться*, *нестись*, *шириться* 'гордиться, высокомерствовать', *мурзиться*, *пузыриться*; 'вести себя нагло' — *нахалиться*, *наяться*, *наянничать*, *нахальничать*; 'показывать вид храбрости' — *хорохориться*, *ерошиться*; 'вести себя странно, несообразно' — *кудесить*, *чудесить* и *чудесничать*, *колобродить*,¹⁸ *куролесить*; 'вести себя как повеса' — *ветренничать*, *вертопрашничать*, *повесничать*.

III. Целый ряд просторечных глаголов связан по значению с предосудительными действиями человека. См., например, глаголы со значением 'обманывать' — *мытарить* и *мытарничать*, *облапошивать*, *оплетать*, *обдавать*, *обдывать*, *мошенничать*, *шильничать*; 'присваивать насильно чужое, воровать, обирать кого-л.' — *тибрить* (и *подтибрить*, *стибрить*), *тилискать* (и *тилиснуть*), *сбрить*, *сдуть*, *стянуть*, *цапнуть* (и *сцапать*), *лупить* (и *облупить*), *отжиливать*, *очистить*, *заграбить*, *заедать* 'присваивать чужое', *тяпнуть* и *подтяпать* 'украсть', *чакрыжить* 'насиленно отнимать, присваивать', *щечить* и *щечиться* 'украдкой, урывкой,

¹⁸ САР дает глагол с пометой «простонар.», так его определяя: «Говорится большею частью об упивавшихся, которые шалют, делают и говорят непристойное» (САР II, ч. 3, сс. 236—237). В памятниках *колобродить* 'вести себя буйно, странно, несообразно по разным причинам: в пьяном виде, от дурного характера и т. п.': «И он начал колобродить так, как колобродят пьяницы во плоти» (Чулков, Начало пустословия, с. 48); «[Корнилий:] «Матущка твоя колобродит, я под солнцем едакой бабы не видал» (Сумароков, Мать совместница, с. 73).

понемногу таскать', *грести* 'прибирать, присваивать себе'; 'пить хмельное, пьянствовать' — *куликать, бражничать, гулять*; ¹⁹ см. также глаголы *суслить, тянуть* в значении 'пить медленно'; *дернуть, клюнуть, хватить, клюкнуть* — 'выпить быстро'.

Назовем ряд приставочных глаголов: *закуликать* — в начальном значении; *высуслить* — со значением завершенности действия; *закуликаться, наклюкаться, натянуться, насуслиться* — со значением исчерпывающей полноты действия; *потягивать, покуривать, похлебывать* — со значением совершения действия время от времени; *перегулять* — со значением чрезмерности действия. Назовем также глаголы со значением 'бесполезно тратить, расточать' — *базарить, мотать* (и *проматывать, промотать*), *размытарить, промытарить, промахнуть, истрасти, иссорить* и *рассорить, уходить*, ²⁰ *транжирить*; 'скупиться' — *скряжничать*; 'подольщаться' — *липнуть, подлипать, подбегать*.

IV. В просторечии входили глаголы, связанные по значению с областью человеческих чувств, их проявлениями, их воздействием на человека, процессами, совершающимися под влиянием испытываемых чувств, взаимоотношениями, основанными на чувствах. Таковы глаголы *зазноблять* 'вызывать в ком-либо сильную любовь'; ²¹ *крушить, крушиться, сушить, сушиться, тужить, встужиться, вопить, реветь, рюмить, туманиться* 'становиться грустным, унылым' — связанные по значению с действием на человека чувства грусти, огорчения; *взбеситься, взбелениться, серчать* (*осерчать, рассерчать*), *насуниться, наежиться* 'падуться от неудовольствия' — связанные с чувством гнева, неудовольствия; *исполохаться, струхнуть, вструситься* — с чувством страха, растерянности; *казаться и показаться* 'понравиться', *взмилить и взмилиться* 'понравиться', *смытариться* 'вступить в любовную связь', *амуриться* 'быть с кем-либо в любовных отношениях', *елесеиться* 'ухаживать за кем-л.', *дрочить* 'нежить, ласкать', *лицеловать, ластиться, лабзиться* 'ласкаться', *миловаться* 'изъявлять взаимную любовь, ласкать друг друга' — с чувством любви, приязни.

¹⁹ В этом значении глагол *гулять* осознавался в некоторых кругах русского общества как «простонародный». С ярко выраженным социальным отношением встречаемся в следующих стихах:

Когда тебя дю фре увидя, очень рад,
И говорит, что он, свой делава променад,
Зашел к тебе на час, изволь ты ведать,
Что не гуляет он, а ищет пообедать.
Макар же коль сказал: гулял на праздник я,
То знай, что быв он пьян, валялся как свинья.

(Бахтин, Различия слова гулять, с. 55)

²⁰ «Уходить... 1) В низком просторечии относительно к вещи значит: промотать» (САР_{II}, ч. 6, с. 1078).

²¹ САР_{II}, ч. 2, с. 576.

V. Обширный раздел составляют просторечные глаголы, обозначающие воздействие человека на других людей. Таковы глаголы, обозначающие физическое воздействие, например глаголы со значением 'бить, ударять'.²²

Значительна группа глаголов, обозначающих воздействие на других людей словами, поступками. См., например, глаголы в следующих значениях: 'уговаривать, упрашивать' — *убаивать, ублажать, уломать, умасливать, нырять* 'упрашивать, ходя по домам'; 'просить, выпрашивать' — *канючить, кучиться, вымаливать, выплакивать, вылещать, выманивать, вытеблить, вытягивать*. Сюда же следует отнести глаголы со значением 'выговаривать кому-л., ругать кого-л.': *жучить, тазать, разбранить, щунять, шпетить, черкать* 'обзывать чертом', *отпрясть* 'отругать', *метаться* (на кого) 'накинуться на кого-н. с бранью', *расценить* 'разбранить', а также глаголы: *напускать* 'делать жестокий выговор', *напевать* 'делать выговор'.

См. также глаголы со значением 'подшучивать, насмехаться над кем-л.': *трунить, галиться, скалзубить, зубоскалить, цыганить и перецыганивать, зацыганить* 'засмеять', *расхулить, трелюдиться* (над кем) 'слишком шутить, насмехаться'.²³

Значительна группа глаголов, обозначающая 'словами, поступками приводить кого-л. в какое-л. состояние'. Таковы глаголы *подзаривать* 'приводить в гнев, сердить', *жалить* 'огорчать колкими словами', *уесть* 'уязвить кого-л. колкими словами, намеками', *расколызгать* 'угрюмого развеселить', *взбудоражить, всполошить, вздурить, взбулгатить* 'встревожить, взволновать', *поджечь* 'привести в гнев, настроив против кого-л.'; *насолить* 'раздражить, огорчить, досадить';²⁴ назовем глаголы в значении 'словами, поступками вовлекать во что-л., принуждать к какому-л. действию' — *втгортывать* 'вводить кого во что-л.', *впячивать* 'вводить, вовлекать во что-л.', *налаживать* 'давать наставления, как поступать', *понукаать* 'принуждать делать что-л.', *вкатать* 'ввести в неприятности', *присаживать* 'принуждать к какому-л. делу', *наразумливать* 'наставлять на разум, надоумливать', *натаривать* 'приучать к чему-л., упражнять в чем-л.', *приструнить* 'довести до невозможности увернуться от чего-л., принудить к чему-л.', *затаскивать* 'усиленно зазывать куда-л.', *подбивать* 'побуждать к какому-л. действию', *турить* 'гнать, понуждать быстро делать что-л.', *взманивать* 'убедить делать что-л.', *посыкать* 'поощрять, побуждать к причинению вреда кому-л.' и др.

Примыкают к данной группе глаголы интенсивного воздействия человека на другого, такие как *конать* (и *доконать*), *маять*

²² См. ниже, сс. 149—150.

²³ САР II, ч. 6, с. 771.

²⁴ САР II, ч. 3, с. 1206.

(и *смять*, *умять*), *упётать* 'довести до крайности, измучить', *жучить* 'мучить', *доехать* 'донять, досадить' и *жигнуть* 'причинить большую беду, вред', *наседать* 'сильно нападать на кого-л., притеснять кого-л.', *ломаться* 'издеваться над кем-л.'.

Мы привели наиболее характерные группы просторечных слов, связанных по своему значению с человеком. Они дают возможность судить о семантических особенностях данной сферы, проявляющихся:

а) во включении в нее слов, выявляющих различные типы значений: номинативные (производные и непроизводные), экспрессивно-синонимические, предикативно-характеризующие;

б) во вхождении в нее слов, различных по типу обобщенности: конкретно-предметная лексика объединяется здесь с обобщенно-собирательными и отвлеченными словами;

в) в обилии синонимических обозначений идеографического характера при недостаточной их дифференциации.

Для этой сферы, представляющей собою разветвленную и специфическую часть просторечной лексики, характерны определяющие признаки просторечного слова: его преимущественная конкретность, наличие оценочности, обычно отрицательной, реализация возможностей краткого выражения, для которого при другой стилистической тональности характерен неоднословный эквивалент.

Приведенный материал позволяет судить еще об одной особенности просторечия — его избирательности. Так, при наличии нескольких просторечных слов, аналогов и синонимов к слову *глаз* (*буркалы*, *зенки*, *бельмы*) в просторечии нет слов, синонимичных словам *нос*, *уши*, *губы*; в значении 'умирать' известны глаголы *околеть*, *издохнуть*, а антонимичный глагол *родиться* не имеет просторечных соответствий, и т. д. Это свойство лежит в основе качественной и количественной неравномерности относящихся к просторечной лексике тематических групп.

Неравномерность проявляется в преимущественном отборе групп слов, характеризующих человека по его качествам, действиям, поступкам и т. д. отрицательного плана, а также слов, обозначающих отрицательные свойства, действия, поступки человека, в неравномерности распределения в составе групп слов различных лексико-грамматических категорий, в обилии синонимов и аналогов при сравнительно менее развитых антонимических противоположениях. Избирательность состава просторечия, количественная и качественная неравномерность постепенно включающихся в него групп лексики является закономерным отражением процесса приобретения стилистической сниженности. Сложное переплетение генетических, стилистических, социологических оснований сниженности проступает в исследуемый период достаточно явственно. Приведенный материал демонстрирует и

постепенное укрепление стилистико-функциональной маркированности просторечия.

4.01. Обзор важнейших сфер просторечий лексики показывает, что она объединяет слова однозначные и слова, относимые к данному стилистическому пласту лишь в определенных производных просторечных значениях. Возможности образования производных значений были обширными ввиду преимущественной конкретности просторечия, ибо всякое более или менее конкретное слово в принципе может употребляться в переносном смысле. Однако следует учитывать и ограничения, помня, что речь идет о специфических типах значений, отбираемых просторечием, к тому же обладающих определенной стилистической тональностью. Состав слов в специфических просторечных значениях был неоднороден. Исследования констатируют, например, что как просторечные квалифицировались словарями того времени и отклонения от основного книжного значения, иногда и в «славенских» по происхождению словах. Здесь мы имеем дело с проявлением старого доломоносовского понимания просторечия, когда под этим понятием объединялись все языковые факты, противостоящие «славенской» книжности. Такие значения фиксировались в словах: *мытарь* 'обманщик', *грех* 'вина', *каяться* 'признавать ошибку', *крестить* 'делать на себе знак креста', *говеть* 'долго не принимать пищи', *комедия* 'смешное, забавное происшествие', *каторга* 'тяжелая жизнь', *содом* 'шум, беспорядок' и др.

Среди таких слов можно отметить и такие, семантическая производность которых проявлялась как расширение или сужение действия. См. в САР: «даю... 9) В просторечии: плачу за купленную вещь» (САР_I, ч. 2, сс. 475—476); «додерживаю... 2) В просторечии говорится вместо: дотаскиваю, довожу, доканчиваю» (там же, с. 594); «забирать... 6) В просторечии говорится к означению начинающегося действия, производимого какою-либо силою. Хмель забрал, забирать начинает» (САР_{II}, ч. 2, сс. 480—481); «заграбить... 2) В простореч. присвоить что-нибудь чужое» (там же, с. 539); «копаться... 3) Так же в простореч.: рыться, искать» (там же, ч. 3, с. 289); «кланяться: 3) так же в простореч.: свидетельствовать чрез кого или чрез письмо находящемуся в отсутствии почтение» (там же, с. 147); «свистать... 4) В просторечии говорится о жидкостях, сильно из чего вытекающих» (там же, ч. 6, с. 64).

Однако слова в таких значениях в составе просторечия немногочисленны и не определяют специфики данного пласта лексики.

Специфичная семантическая особенность просторечия — преимущественная конкретность значений входящей в него лексики — определяет присущий ему характер включаемых в него слов в непрямых производных значениях, весьма многочисленных в его составе. Причины этого лежат в характеристике источника

просторечия — разговорной речи, ориентированной на мгновенное понимание собеседников, и состоят в большей эффективности образа благодаря яркости вызываемых им представлений, в сравнительной легкости восприятия слов в значениях, основанных на образном переосмыслении, в возможностях краткого выражения такими словами понятия, логический эквивалент которого может быть выражен с весьма приблизительной точностью несколькими нейтральными словами.²⁵

Памятники с установкой на разговорную речь фиксируют значительное количество просторечных слов в производных — переносных — значениях. Основные номинативные значения таких слов — конкретно-предметные, стилистически нейтральные. В переносных значениях изменяется их предметно-понятийная отнесенность и сфера их применения. Часто они характеризуют человека по качествам, характерным для предмета и в применении к предмету не заключающим оценки, но трансформирующимся по отношению к человеку в качества, оцениваемые отрицательно. Здесь метафорический перенос состоит, таким образом, в своего рода приравнивании человека к предмету неодушевленному, распространении характерных качеств предмета на человека и создании на этом основании обычной для просторечия стилистической сниженности.

См., например, такие слова: *пень* 'оставшаяся на корне нижняя часть срубленного или сломанного дерева' — 'о неповоротливом или о грубом, неотесанном человеке'; *пест* 'закругленная внизу палка для размельчения какого-л. вещества в ступе' — 'о глупом, непонятливом человеке'; *чурбан* 'обрубок дерева, бревна' — 'о глупом человеке'; *тупица* 'иступленный топор или нож' — 'о человеке неспособном, непонятливом'; *ступа* 'металлический или деревянный круглый сосуд, в котором что-л. размельчают, толкут' — 'о неуклюжем, неповоротливом человеке'; *тряпка* 'лоскут какой-л. ткани' — 'о слабом, бесхарактерном, безвольном человеке'; *битка* 'предмет, которым бьют, кидают во что (в играх в бабки, городки)' — 'о бойком человеке'; *вежа* 'высокий шест для указания дороги' — 'о высоком человеке'; *кроха* 'мельчайшая часть чего-л.' — 'об очень маленьком человеке'; *крючок* 'приспособление с загнутым концом для зацепа чего-л.' — 'о чрезмерно придирчивом человеке'; *краж* 'толстый, короткий обрубок древесного ствола' — 'о плотном, приземистом человеке', *мешок* 'вместилище из ткани для хранения сыпучих тел' — 'о мягком, безвольном человеке', *мощи* 'высохшие останки людей, считаемых церковью святыми' — 'об очень худом, изможденном человеке' и др.

²⁵ См.: Х. Касарес. Введение в современную лексикографию. М. 1958, с. 121 и след.

Таким образом, в основе метафорического переноса в приведенных примерах лежит живой конкретный образ, облегчающий восприятие слова в переносном значении. Ассоциативные связи между признаками исходного и называемого отчетливо выражены, сравнение вполне очевидно. Так формируются предикативно-характеризующие значения, особенно характерные для просторечия.

Встречаются в кругу просторечия слова в переносных значениях, основные значения которых обозначают человека, перенос осуществляется по качеству: *баба* 'женщина' — 'о робком трусливом человеке'.

В некоторых случаях можно говорить о переносе по сходству функции. См.: *балаболка* 'колокольчик, подвешиваемый животному, когда оно вольно пасется, чтобы по звуку можно было легко отыскать его' — 'о болтливом, пустом человеке'; *трещотка* 'предмет, приспособленный для того, чтобы издавать треск, шуметь' — 'о болтливом, быстро говорящем человеке'.

О широкой употребительности подобных слов свидетельствует наличие их в русской части иноязычно-русских словарей, использование в качестве примеров в грамматиках. См., например, в Словаре Волчкова: «...un bôche, un lourdaut... Грубиян, чурбан, неповоротливый человек, стена, дурак» (ч. I, с. 329); «Butor, m... Осел, чурбан, неповоротливый, пень; увалень, ни к чему годный человек» (там же, с. 334); «Buste, niais, sot ignorant... Увалень, ступа; глуп, дурак, безумец» (там же, с. 329).

См. также в «Российской грамматике» Ломоносова: «§ 187. Но ежели имена бездушных вещей приложатся к животным, в винительном кончатся на А: языка ведет, то есть оговорщика, посмотри на болвана, то есть на глупца, нашего мешка обманули» (с. 460).

В некоторых случаях такие семантические преобразования возможны и в словах вещественного значения, в словах — названиях явлений природы. См. *пыль* 'о чем-л. неосновательном, несообразном': «Она писала мне, что мачеха... несет пыль непомилованную и не хочет никак продавать им своей части» (Болотов, т. II, с. 949).

Ветер (о непостоянном человеке): «Для обучения их содержал сей гражданин не такого француза ветра..., а порядочного и ученого человека родом из Саксонии» (Болотов, т. I, с. 80).

Встречается в памятниках аналогичное образование от слова *угар* (о безрассудно смелом человеке).

При нем цыган тут находился,
Его любимец и угар...
И если б тут не прилучился,
Еней пропал бы как комар.

(Осипов, Енейда, с. 327)

В комедиях того времени оно используется как персонифицированное имя действующих лиц (так, например, слуга Угар действует в комедии Веревкина «Так и должно»), что свидетельствует об употребительности слова в этом значении в разговорной речи общества.

Словарь Академии Российской отмечает также предикативно-характеризующее «простонародное» значение в слове *зелье*: «3) В простонародном употреблении говорится о резвых, блажных, неугомонных детях» (САР_{II}, ч. 2, с. 850). В конце XVIII в. встречается образное употребление слова, легшее в основу позднее сформировавшегося значения 'о человеке коварном, хитром':

И так мне любо было
В чаду, в тумане колесить!
За что ни попада ловить
Ту непоседную, благую
Мадам (Фортуну, — Г. К.) летучую, нагую,
Пред коей жабой и ужом
Премудрый мир наш суетится.
И зелье перед ним вертится
Без оси беглым колесом
И к сотому остановится
И то на час прямым лицом.

(Львов, Епистола к Бакунину,
14 VI 1797, с. 271)

Ср. Фамусов о Лизе: «[Фамусов:] Вот то-то невзначай, за вами примечай; Так верно с умыслом. Ох! зельи, баловницы» (Грибоедов, *Горе от ума*, с. 68).

4.02. Типичными в этом отношении являются слова — названия животных в исходном номинативном значении, которое служит основой для формирования просторечного производного значения путем метафорического переноса по качеству и функции. Чаше такие значения — предикативно-характеризующие. Таковы, например, *байбак* (о ленивом, неповоротливом человеке), *ворона* (о невнимательном человеке), *глухарь* (о невосприимчивом к культуре, непросвещенном человеке), *гоголь*, *гоголек* (о франте, цеголе),²⁶ *гусь* (о бессовестном человеке), *змей*, *змея*, *змейка* (о злом и коварном человеке), *корга* (старая старуха),²⁷ *лиса* и *лисица* (о хитром человеке), *ерш* (о дерзком, задиристом человеке), *овечка* (о робком человеке), *осел* (о глупом и упрямом человеке), *пьявица* (о жадном, ненасытном человеке), *саранча* (о массах, толпах людей, не трудящихся, а только наносящих вред), *свинья* (о грязном, неопрятном человеке; о нахальном человеке), *щенок* (о молодом, часто заносчивом человеке), *те-*

²⁶ Ср.: «Гоголь...» (САР_{II}, ч. 1, с. 1156); здесь мы имеем дело с метафорическим переносом от этого слова — названия утки яркой окраски, от которого образовано слово *гоголек*.

²⁷ См.: САР_{II}, ч. 3, сс. 300—301.

тера (о нерасторопном и глупом человеке), *хомяк* (о человеке неповоротливым, непроворном) и др.

В приведенных примерах можно отметить различные виды переноса: по физическому качеству (*глухарь, гоголь, гоголек*), по основному свойству поведения (*гусь, лиса*). Иногда основанием переноса служит несколько признаков (*осел, свинья, щенок*).

Благодаря яркой оценочности, возникающей одновременно с метафорическим переносом, эти слова вошли в состав просторечия, заняли определенное положение в соответствующих синонимических группах просторечных слов и антонимических бинарных противопоставлениях. Они обычны в памятниках низкого стиля, в простом стиле — в сниженных или стилизованных контекстах. Вот некоторые из них: «Но эти насмешники плуты глухарям Пошехонским напели много такого, чего и духом не бывало» (Березайский, с. 24); «[Х в а т о в:] Смеешь ли ты насмехаться над барским егерем? [М а т в е й:] Над барским гоголем? Вот тебе на еще! Не смейся тому, что смешно» (Плавильщиков, Бобыль, с. 426); «Ну, прямо сказать, хорош я теперь гусь! и не легкая ли сама догадала меня сказать, что я переводить умею» (Болотов, т. I, с. 732); «Итак, нечаянное сие объявление произвело тотчас во всем собрании великую тревогу. Ехидна моя²⁸ помертвела вся от злости со всем своим змеиным прибором» (там же, т. II, с. 925); «[М и л е н а:] Душа моя! [Л е с н и к:] Ага! Лисица! теперь душа моя, а давеча так и приступу нет» (Николев, Розана и Любим, с. 71); «[Л е с н и к:] Не глупуша ли эта девка, что от такого орла хоронится» (там же, с. 31); «[В о л д ы р е в:] О миленькая овечка! Как я ее люблю и как буду счастлив, жеваясь на ней» (Княжнин, Сбитеньщик, с. 257); «Отмсти теперь сему неистову уроду И покажи его свиньею ты народу» (Чулков, Плачевное падение стихотворцев, с. 17); «— А и боярышня умела выбрать сокола по мысли, оба мои батюшки как налитыя яблочки» (И. Новиков, Похождения Ивана, с. 149).

Таким же образом оформлялись переносные значения от слов, нейтральных в своих основных значениях, обозначающих части тела животного, в переносных — части человеческого тела. См. *лапа*: первоначально — о большой, неуклюжей, очень сильной ноге или руке, потом — вообще о руке или ноге человека (с экспрессией грубости); *рыло*: первоначально — о лице человека, как бы вытянутом вперед и потому некрасивом, потом — вообще о лице человека (с той же экспрессией); *морда*: о лице человека — с экспрессией грубости. См. также *башка*: голова белуги — голова человека: «Белужья голова называется башкою» (Гмелин, с. 323): «Стан ея (белуги, — Г. К.) весьма схож с другою рыбою; только башка кругловатее, более не так сплюснута и глаже» (Лепехин,

²⁸ Автор называет так приказчика противной стороны при межевании.

ч. I, с. 258). Ср.: «[Чистосердов:] Если ты из своей пустой башки дурачеств не выкинешь, то принудишь меня все богатство отдать сестре своей» (Лукин, Задумчивый, с. 363); «Башка моя дотоль блага и своенравна, Что ежели в нее какая дичь влетит, Никто не выбьет вон, хоть будь митрополит» (Долгорукий, Семира Болеславна, с. 467).

В это же время проникают в просторечные слова в типизировавшихся в дальнейшем смысловых смещениях, образующихся от слов — названий общностей, скоплений животных.

Вот некоторые примеры такого рода: «Какой-то заседатель, присланный для препровождения сего словесного гурта (рекрут с офицерами, — *Г. К.*), сжалился над нами» (Долгорукий, Журнал путешествия); «... и в главные поверенные к себе отыскал одного из тульских обанкротившихся купцов из плутов плута и самого доку и архибездельника... и как он был человек прямо по его сердцу, то свора сия негодных людей и производила странные и удивительные дела» (Болотов, т. III, с. 822); «Табун бывало целый поскачет вслед за поехавшими (Петром III с приближенными, — *Г. К.*) и хозяин только всех угаживать и подбивать» (там же, т. II, с. 204); «Так лучше я скажу вам прямо, Что от толпы невест уж скуку я терплю. И с черными, и с серыми глазами, Гоняются за мной стадами» (Нелединский-Мелецкий, Письмо, с. 111).

4.03. В словах, обозначающих в своем основном номинативном значении конкретный предмет, можно наблюдать перенос по сходству. Складывающиеся таким путем типические употребления обладают большей степенью обобщенности. См.:

каша — о чем-либо перепутанном, непонятном:

Удача, матушка ты наша!
Земля такая ныне каша,
Что без тебя все наплевать.
Наперекор рассудку смело
Ломай, коверкай всяко дело;
Коль тут авось — все тишь да гладь.

(Долгорукий, Авось, с. 437)

баня — о побоях: «[Ефросинья Сысоевна:] Я тебе сказываю, что доворчатся тебе до доброй бани» (Веревкин, Так и должно, с. 17);

блохи — о тайных грехах, хитрых намерениях и т. п.: «[Милор:] Говорят, что мужики лукавы; а мне сдается, что в вас то все и блохи. Да полно, во всяком хлебе мякина есть» (Николев, Приказчик, с. 123); «— Ну, это статья может, я и сам уже догадывался, что тут его были блохи!» (Болотов, т. III, с. 999);

шпильки — о чем-либо колком, язвительном: «Чистосердечным письмом вашим я сто раз довольнее, нежели таким, которое бы хотя писано было с Цицероновым красноречием, но напшигвано шпильками и крючками» (Сельск. житель, 1779, с.7).

4.04. Образование просторечных переносных значений было возможно не только от имен существительных, но и от глаголов. Участие их в этом процессе обогащения просторечия гораздо шире и разнообразнее, что объясняется широтой и семантическим многообразием структуры глагольной лексики.

В отличие от имен существительных просторечные глаголы в переносных значениях чаще всего обладали экспрессивно-характеризующим значением. Многие такие значения, обнаруживая изменение сферы действия в сравнении с соответствующими основными номинативными нейтральными стилистически значениями, от которых путем переноса они образовались, выявлялись как глагольные значения с ограниченной сочетаемостью.

Рассмотрение просторечных глаголов в переносных значениях позволяет говорить о глагольной нейтральной лексике конкретного значения как о базе их образования. Подтверждением этого может служить обзор главнейших групп глагольной лексики этого рода.

1. Распространенными в составе просторечия были слова в переносных значениях, производных от основных номинативных, обозначающих различные действия и процессы окружающего человека мира природы. Метафорический перенос переводил их в сферу действий человека, создавая обозначения его движений, поведения, чувствований, выражения чувств т. п. Таковы глаголы в переносных просторечных значениях: *брызнуть* 'разбежаться в разные стороны и стремительно уйти, убежать', *бурлить* 'вести себя шумно, буянить', *загасать* 'пропадать без вести', *запасть* 'долго не показываться где-л.', *курить* 'шалить', *кутить* 'вносить раздор, ссорить',²⁹ *пузыриться* 'сердиться, возмущаться', *раскиснуть* 'приходить в расслабление', *растаять* 'прийти в приятное расположение, умиляться чем-л.', *туманиться* 'становиться грустным' и т. д.

Они обычны в памятниках низкого и среднего стилей, в простом стиле конца века. Вот некоторые примеры их употребления. «Венера брызнула к Пафосу, Где много было ей приносу» (Осипов, Енейда, ч. II, с. 310); «(Лошади) от чего-то шарахнулись и бог знает куда брызнули все; не осталось ни одной» (Болотов, т. II, с. 862); «Иной все ходит там, Иной сидит, Иной напившись пьян, бурлит» (Аблесимов, Сказка XI, т. 31); «Старинный куromоша Борею всем подобен; Бурлит, свистит и злобен» (Сумароков, Есop и буян, с. 86); «И начал он шуметь и бурлить как сумасшедший и всех нас ругать немилосердным образом» (Болотов, т. I, с. 215); «[Чужехват:] Бесчестный-ат, по-вашему, приехал, так ему стул да еще в хорошеньком доме: все ли в добром здорoвьи?..

²⁹ «Курить... мести, выжить (о зимней погоде)» (Даль, Словарь, т. II, с. 222). САР это значение не отмечает: «Кутить... простонар.
ф) Относительно к ветреной погоде значит: вертеть, кружить» (САР_{II}, ч. 3, с. 500).

Что так запал? ни к нам не жалуешь, ни к себе не зовешь?» (Сумароков, Опекун, с. 12); «[П р и к а з ч и к:] А все ето курит Милорзор, этот скаредный пастушишка, когда б она ево не любила, ан бы конечно полюбила меня» (Николев, Приказчик, с. 121); «Что вы пишете о посланных отселе двух яицких казаках, удивительно, что двое здесь аманатами остались. Не кутит ли на них послушная сторона казаков?» (Письмо Екатерины II Бибикову, 16 II 1774, с. 394); «Сей дом был Вакховой назначен быть столицей; Под особливым он его покровом цвел, В нем старый сам Силен раскиснувши сидел» (Майков, Елисей, с. 4); «[Волдырев:] (в сторону). Ето слово и этот взгляд меня обезоружили, и я растаял. О любовь!» (Княжнин, Сбитеньщик, с. 260); «Олухи мои растаяли; признаваясь, говорят: „так! истинно так!“» (Болотов, т. III, с. 90).

2. Наиболее типично метафорический перенос проявлялся в глаголах, обозначавших в своих основных значениях действия животных, в переносных — действия человека.

В ряде случаев можно говорить о расширении сферы действия, которое сопровождается возникновением просторечной сниженности и соответствующей оценочности. Такой процесс можно наблюдать, например, в глаголах *издохнуть*, *околеть*, становящихся просторечными при применении к человеку, *ртачиться* и *зартачиться* (*заартачиться*) 'упрямиться (заупрямиться)' (первоначально только о лошади). В других случаях можно говорить об известном видоизменении действия при принадлежности его человеку. Такие видоизменения демонстрируют глаголы звукоиспускания, приводимые ниже. См. глаголы:

гоготать 'издавать звуки го-го-го' (о гусях) — 'громко смеяться (о человеке)', *курныкать* 'издавать звуки (о журавлях)' — 'тихо петь (о человеке)';³⁰ «[Ф и л и м о н:] Нет, стану курныкать помаленьку, только чтоб не так страшно-то мне было» (Аблесимов, Мельник, с. 11); «[Ф и л и м о н:] От скуки хоть песню скурныкаю» (там же, с. 31);

мурлыкать 'издавать звуки «мурлы», тихо урчать (о кошках) — 'тихо петь': «Мурлыкать с дочерью песню малороссийскую из Казака-стихотворца» (Долгорукий, Дневник путешествия, кн. II, с. 14); «[Гур:] Послушка девка-та живо мило поет. (Мурнычит за нею)» (Копиев, Обращенный мизантроп, с. 490);

мурчать 'тихо урчать (о медведе)' — 'ворчать': «А мы... (принуждены, — Г. К.) ссориться всеминутно со сном и дремотою, мурчать себе под нос» (Болотов, т. II, с. 206);

реветь 'громко кричать (о различных животных)' — 'громко плакать, кричать': «— Я тебе именно и накрепко приказывал

³⁰ При следующих примерах скобка второго определения значения опускается.

(говорил или паче ревел он), чтоб разослал ты везде солдат и велел накрепко беречь зайцев» (Болотов, т. III, с. 976);

клохтать 'издавать звуки (о кло-кло) (о курице-наседке)' — 'охать, стонать, кряхтеть';³¹

лаять 'издавать звуки (о собаке)' — 'ругать кого-л.': «И мужик знает, кто его лает» (Барсов, Собрание пословиц, с. 91);

щекотать 'издавать звуки (о сороке)' — 'болтать, тараторить': «Они, что вздумать лзя, все то в хулу сплетали, Всеместно клеветали, Вседневно хлопотали, Всечасно щекотали, И наконец устали» (К невинному, с. 84); «[Ф о м а:] Вот натка-ста как расщекоталась (передразнивает) та та та та, ето видишь для нее несчастье, чтоб женой моей быть» (Новое семейство, с. 238);

пикнуть 'издать писк (о цыпленке)' — 'подать голос, сказать': «[С к в а л ы г и н:] А они (должники, — Г. К.), как рабы мои, не смеют пикнуть передо мною» (Матинский, с. 41); «— Чему вы смеетесь? — А вот рекрут иноземец, по-русски не умеет пикнуть» (Радищев, Путешествие, с. 390).

См. также: *жужжать* 'издавать жужжание' — 'назойливо повторять одно и то же', *рычать* 'издавать рычание' — 'в раздражении кричать, говорить грубо', *стрекотать* 'издавать стрекот (о насекомых, птицах)' — 'быстро, без умолку говорить, болтать', *фыркать* 'издавать фырканье' — 'изъявляя неудовольствие, грубо отвечать' и т. д.

Аналогичную картину можно наблюдать и в других глаголах, в основных значениях обозначающих действия животных, в переносных просторечных значениях — соответствующие действия человека. Таковы глаголы *грызться* 'ссориться, браниться', *отгрызаться* 'отругиваться', *летать* 'быстро двигаться, бежать', *вылететь* 'быстро выбежать откуда-л.', *лакать* 'пить хмельное', *прилететь* 'прибежать', *подлететь* 'быстро приблизиться, подбежать', *слетать* 'сбегать куда-л.', *наохлиться* и *приохлиться* 'принять унылый вид', *расчухать* 'с трудом понять, разобрать', *пронюхать* 'узнать', *остервенеть* и *остервениться* 'разозлиться, рассвирепеть', *ощетиниться* 'разозлиться' и др.

3. Широкие возможности образования переносных просторечных значений имели глаголы, связанные своими основными номинативными значениями с обыденной жизнью человека. При этом изменялась сфера действия; например, осуществлялся перенос из области физического действия в область человеческих поступков, отношений с другими людьми и др. Примерами могут служить семантические образования от глаголов, обозначающих в своих основных номинативных значениях различные физические действия человека. Таковы глаголы *брякнуть*, *бухнуть*, *ляпнуть* 'необдуманно сказать что-л.', *вертеть* (кем-л.) 'самовластно

³¹ САР_{II}, т. 3, с. 172.

управлять, распоряжаться кем-либо', *взвалить*, *взяпать* (дело, работу и т. п.) 'заставить выполнять непосильную работу против воли', *возводить* (напраслину) 'несправедливо приписывать кому-л. какие-л. предосудительные действия', *выносить*, *переносить* 'пересказывать', *ворочать* 'самовластно управлять', *выкарабкаться* (из беды, долгов) 'с трудом выйти из неприятного положения', *вытягивать* 'вымогать деньги, средства', *затаскивать* 'просьбами, убеждениями приводить куда-л.', *звонить*, *трезвонить*, *трубить* 'разглашать', *навязывать* 'заставлять принять кого-что против воли', *окидывать* 'прекращать с кем-л. знакомство', *обмарывать* 'оклеветывать кого-л.', *объезжать* 'обмануть кого-л.', *оплетать* 'обманывать', *очистить* 'обобрать', *перешибить* 'взять верх, преимущество над кем-л.', *подбегать* 'подслуживаться, подольщаться', *подбивать* 'подговаривать сделать что-л.', *поджечь* 'привести в гнев против кого-л.', *приплетать* 'примешивать к какому-л. делу', *приплетаться* 'вмешиваться в какое-л. дело', *притыкаться* 'прибегать с просьбой, с нуждой', *промигнуть* 'не заметить чего-л.', *сорить* (*иссорить*, *рассорить*), *истрасти* 'тратить и истратить безрассудно, без толку', *свертеть* 'быстро уладить дело', *слупить*, *собрать* 'взять слишком много с кого-л.', *тяпнуть* (и *подтяпать*) 'украсть' и т. д.

О широком распространении их в памятниках низкого и среднего, а позднее простого стилей свидетельствуют следующие примеры. «[Миловидова:] Не угоди им: она нахохлится, а он тотчас наотрез брякнет: спасибо, милостивыя государыни, поддоброхотали» (Державин, Кутерьма, с. 316); «На Пинде он министр, в Виндзоре остряком; Считает критику проступком уголовным, Вертит и властвует народом стихословным» (Дмитриев, Послание от Попа, с. 80); «[Угар:] Нет, права, скажи, голу-бушка, что ты за невидницу на себя взводишь» (Веревкин, Так и должно, с. 20); «Ты позволишь ему безпрепятственно... марать бумагу, взводить небылицы на живых и мертвых» (Карамзин, Наталья, боярская дочь, с. 131); «И единое знание мое немецкого языка помогло мне уговорить сего немца и взвалить всю вину сего происшествия на то обстоятельство, что обидевший его родственник и самого его офицер был подгулявший» (Болотов, т. I, с. 725); «[Браникова:] Он же человек деловой... своею коллегиею один ворочает» (Лукин, Задумчивый, с. 356); «[Фомин:] Я всем ворочаю как хочу, строю, ломаю, закладываю, меняю, продаю, покупаю» (Свадьба г. Промоталова, с. 82); «Я думаю, что и сам помнишь, как любили ее в полку и что она не одною ротою ворочала» (Крылов, Почта духов, с. 111); «[Маринин:] Трофим мужик проворный, и конечно искусством выкарабкается из етыя бедушки» (Попов, Немой, с. 156); «Не можно ему было из долгов выкарабкаться, и он запутался в них более» (Болотов, т. III, с. 131); «[Салидар:] А книг за грехи наши, чтобы ими деньги вытягивать, и так уж довольно» (Сумароков, Приданое

обманом, с. 225); «Везде о псе молва, И в волчьем обществе поносные слова, Что он соседей гложет, И что почти ни с кем ужиться он не может, Повсюду волки то звонят, И пса бранят» (Сумароков, Пес не терпящий нападения, с. 140); «[Ф и н е т т а:] Да у тебя ее (денежку, — Г. К.) кто-нибудь выманит. [Д у р а к:] Меня не скоро оплетут» (Сумароков, Вздорщипа, с. 119); «Воскрес[ение]. Берегись обману, тебя хотят оплести» (Сонник, с. 15); «Подобны в чистоте жилищ они чухнам, Или посадским мужикам, Которые в торги умеренно вступили: И откупам нас еще не облупили» (Сумароков, Пир у льва, с. 26); «[З л о р а д о в:] Она уже многими была проведена, но те до конца раззорить ее не умели, а я ее совсем очищу, и покажу, что она дело с совершенным мастером имела» (Лукин, Мот, с. 100); «Во весь бал маршал был некак посредственно скучен, я полагаю, для того — подбегать было ему не к кому³² и вздыхать не перед кем» (Зап. Бибикова, с. 54); «(Мать) разжаловалась своему мужу и подожгла иттить просить» (Болотов, т. I, с. 79); «[С о в е т н и к:] Ныне кто виноват, тот и отвечай, а с иного что ты содрать изволишь» (Фонвизин, Бригадир, с. 61); «Что хочешь, отвечал мужик, с меня сдери, Но лишь жены моей себе ты не бери» (Суд Шемякин, с. 8); «Он мне зуб выдернет, а я с нево, как удастся, талера два слуплю» (Друковцев, Сова, с. 20); «[А н д р е й:] А я так вечер (по тебе слово) у нашей ключницы укусил греха, подтибрил полоко-рока ветчины... Она, я чаю, и сама также с голодухи тяпнула» (Судейские именины, с. 10); «Наверное могли заключить, что он (ларчик, — Г. К.) тяпнут был каким-нибудь прохожим» (Болотов, т. III, с. 538); «Мне кажется, чтобы сих господ осудить только на вечную ссылку, понеже история их имеет в себе нечто выдуманного Бонярдом, откуда и целомудренный Ариос подтяпал в свою повесть» (Сервантес, Дон-Кихот, с. 58); «Селуян хотя и простоват, однако подтяпал ту крепость, в которой тысячи, а не сотни написаны» (Новиков, Похождения Ивана, с. 150).

Особую группу составляют такие случаи метафорических переносов, когда основные номинативные значения глаголов связаны с ремеслами, торговлей и др., т. е. относятся к области специальной лексики. Таковы глаголы *баклушничать* 'изготавливать баклуши — чурки для токарной выделки деревянной посуды (чашек, ложек и т. п.)' и 'праздно шататься', *бальясничать* 'изготавливать бальясины — точеные столбики под поручни, перила' и 'говорить веселый вздор, шутить', *барабанишь* 'бить в барабан' и 'с намерением широко разглашать', *мыкать* 'чесать, очищать лен от кострики' и 'часто и небрежно посить', *отвесить* 'взвесив, отпустить определенное количество чего-л.' и 'ударить (со словами *раз, удар, оплеуха* и т. д.)', *отлощить* 'навести лоск' и 'сильно

³² Т. е. за кем-либо ухаживать (примеч. автора).

побить', *отпрясть* 'окончить прядение' и 'отругать', *протесать* 'вытесать' и 'далеко пройти куда-л., войти куда-л. без доклада', *строчить* (и *настрочить*) 'делать строчку' и 'быстро и небрежно писать' и др.

См. некоторые из них в памятниках того времени: «Потом в грудь разы мне толики отвесил, Что я кровью харкнул, а свет в глазах помрачился» (Тредиаковский, Тилемахида, т. I, с. 82); «Может быть, в награду за твои плутни отвесили бы тебе несколько сотен ударов палкою по пятам» (Крылов, Почта духов, с. 214); «И впрям, коль рассудить, голубушка моя, Что толку одному маячить век, как я» (Долгорукий, Семира Болеславна, с. 463); «Ежели в нынешнюю субботу конца тому не увижу, то ей ей! не стану больше читать ваши листики... Они замучат нетерпеливостью, не рад будешь, что на себя их и навялил» (Сельск. житель, с. 100); «Полно де, сво недавно отпряла „Всякая всячина“» (Трутенъ, 1769, с. 62);

Узрели новаго тут люди Геркулеса;
Таскает по двору домашняя повеса;
А древний адскаго дубиной отлощил
И взявши за уши из ада утащил.

(Майков, Елисей, с. 57)

«[А н к у д и н:] (особливо). Не боюся я греха, А скрою ей треуха» (Аблесимов, Мельник, с. 48); «А сам... принялся тотчас за сочинение инструкции своему преемнику, и в немногие часы настроил ему превеликую» (Болотов, т. III, с. 596).

В этом же направлении идет образование типичных переносных и образных употреблений ряда глаголов, относимых к просторечию. См.:

взнуздать 'заставить делать что-л., подчинить': «[Ма к р и д а:] Теперь, слава богу, он (старик-муж, — Г. К.) у меня взнуздан» (Веревкин, Именинники, с. 210); «[Е л и з а:] (в сторону). Взнузда дурака. [С т а р о н:] (в сторону). Давно бы мне так» (Опекун-профессор, с. 31);

ездить (на ком) — в том же значении: «[Пролазин:] Надобно только искусенько сперва забежать к судьям и их хотя бездельно задобрить; а там уже можно будет на них ездить; а они замаравши руки станут нас бояться» (Лукин, Мот, с. 76).

Во всех этих случаях наблюдается расширение семантического объема слова за счет формирования просторечных экспрессивно-синонимических значений и употреблений, при этом в ряде глаголов складываются переносные значения, обозначающие энергичные действия (см. *отлощить*, *протесать*, *строчить* и *настрочить* и др.).

В то же время можно наблюдать тенденцию формирования в ряде глаголов обобщенных производных значений для обозна-

чения энергичного действия, характеризующихся особенно сильной экспрессией, но проявляющихся в отдельных типичных об-разно-переносных употреблениях. См.:

дернуть — о питье, пении, езде: «[Первый писарь:] А мы на карауле-то хватим по чарки да дернем с устала песню» (Николев, Розана и Любим, с. 25); «[Лесник:] Вить как дернешь за петак, Как ни рубишь, ан все так; Кустья, рощи и леса Отхватаешь в полчаса» (Там же, с. 57); «Мы дернем, например, куда бы? В Елифань» (Долгорукий, Семира Болеславна, с. 467);

драгь — о битье, крике, взятках: «[Советник:] Когда отец виноват бывал, тогда дерут сына, а когда сын виноват, тогда отец за него отвечает» (Фонвизин, Бригадир, с. 61); «[Пасквин:] Здесь целой день от утра до ночи пьяницы дерут горло и ревут на улице, как медведи в лесу» (Сумароков, Опекун, с. 35); «[Надоедалов:] Да какие ребята-та у меня набраны! заберутся в остров, музыка! ну, слышь ты, дером дерут» (Копиев, Обращенный мизантроп, с. 513); «[Любим:] Приказчики да приказчицы то-то уж воры наголо: с нас дерут, а у господ крадут» (Николев, Розана и Любим, с. 40); «[Добров:] Однако хоть и сам всей пятерней берет, Но вящую супруга дань дерет» (Капнист, Ябеда, с. 5);

дуть — о битье, выпивке, езде: «Тебя дуют, тебя бьют Так, как полосу куют» (Макаров, Солдатская жизнь, с. 144); «Знатный барин цугом дует И дивит собой народ; А народ-то зря толкует. Этот всех знатней господ» (Долгорукий, Гудок, с. 232); «Помещик отставной, обмазав глиной дом, На полгода засел внутри своих хором; Раз десять топит в день, по столько ж чарок дует, Про старый свой поход с соседями толкует» (Долгорукий, Сослуживцу, с. 232); «[Добров:] И что ошиплют вас, как коршуны синицу; А с апелляцией, уж голой (свищет) дуй в столицу» (Капнист, Ябеда, с. 10);

жарить — о нагревании, паренье, битье, стрельбе: «Я б этого лихого духа выгнал вон до крошечки, чтоб он зимою не знобил, а летом не жарил» (Козельский, Рассуждения двух индейцев, с. 42); «В другой день банщик на полок Арапа поволол. Арапа жарит, А по крестьянски то арапа парит» (Сумароков, Арап, с. 162); «Мужик коня запрят и, в руки взяв дубину, Без милости ево стал жарить по бокам» (Леонтьев, Мужик, осел и конь, с. 47); «С навесов и батарей, устроенных внутри крепости, жарили в нас картечью» (Рассказ соучастника Пугачева, с. 336);

качать — о езде: «Потом, как позовут к вечерным преподобных, В карету — и качай искать обедов сдобных» (Долгорукий, Нечто для весельчаков, с. 423); «Они в Эвандров град качают, Землянки разны там встречают, И много разных шалашей» (Котельницкий, Окончание Енейды, с. 485);

качнуть — о езде, выпивке:

Подай же, матка, мне волынку;
И чтоб клеилось поладней,
Качнем шампанского бутылку,
Закусим парюю сельдей.

(Люценко, Похищение
Прозерпины, с. 578)

Оставим вертопрашны нравы,
Простимся с скукой у заставы, —
Москве челом, да и качнем.
Полюбишь скоро ты деревню.

(Долгорукий, Соседу, с. 247)

лупить — о битье, движении, платежах: «Возница лошадям кричит: «Ну! ну! ну! ну! И плетью лупит их, как будто за вину» (Сумароков, Услужливый комар, с. 221); «[Слуга:] Он сам хотя ничево и не берет, но когда ево товарищи, секретари и стряпчие со всех лупят, для чего же не взять на сапоги и нашему брату» (Выбор по разуму, с. 6); «За все лупят с нас мастеровые втридорога» (Болотов, т. II, сс. 177—178); «Они летят как на парусах, благо есть поветерь, им (пошехонцам, идущим в город, — Г. К.) нужды нет, что не по тому румбу лупят» (Березайский, с. 42);

махать — о движении, письме и т. п.: «[Дарья:] Едак вы махаете сударь: тотчас и до души моей добрались» (Николев, Попытка не шутка, с. 120); «Уж вы истинно не говорите, а машете... так, что терпения нет. Уже в десять лет у вас посеянная почка с плодом..., да еще и со многим придет» (Сельск. житель, с. 142).

Ср. приставочные образования: «...намахал целых 96 вопросов или пунктов» (Болотов, т. III, с. 187); «намахал ему... ворону» (там же, т. II, с. 181); «Невидаючи каждые сутки верст по семидесяти промахивают» (Березайский, с. 79).

махнуть — о битье, движении:

На место плети толстым брусом
Стегнул, махнул по всем по трем;
Возжами дернул, нукнул, каркнул,
Запел и заорал козлом.

(Люценко, Похищение
Прозерпины, с. 592)

Спустил седой Эол Борея
С цепей чугунных из пещер;
Ужасные крыле распира,
Махнул по свету богатырь.

(Державин, Осень, с. 136)

«Ну махнули же мы сегодня, братцы! Легко ли сколько!» (Болотов, т. I, с. 557);

хватить — о битье, выпивке: «[Хватов:] Меня ведь зовут Хватов, так я вашу братью так умею хватить, что в глазах за-

туманится» (Плавильщиков, Бобыль, с. 427);

Потом к своей пришедши шайке
Всю грусть и скуку я забыл;
И севши в роще на лужайке
Стаканчик водочки хватил.

(Осипов, Енеида, с. 86)

Описание наиболее распространенных групп слов, входящих в просторечие в переносных значениях, наглядно обрисовывает конкретный план просторечной лексики. Конкретность как отправная точка и конечный результат семантического развития слов в этом пласте лексики — его «альфа и омега» — обнаруживается здесь со всей четкостью. В самом деле все перечисленные выше слова в переносных значениях имеют своим исходным пунктом, отправной точкой развития номинативные значения нейтральных слов конкретного плана. Преимущественный путь развития в просторечии — метафорический перенос по качеству и функции, создавая новое обозначение (с перемещением действия в другой план), завершается образованием значения, не нарушая присущей слову конкретности.

Конкретность просторечной лексики здесь неотделима от другого и характерного свойства — живописности, создаваемой за счет сопоставления качеств и функций, лежащих в основании метафорических переносов. Слова, принадлежащие просторечию, обычно не только называют предмет, действие, процесс, качество, но обладают оценочностью различного плана, выражающей отношение к ним. Поэтому в просторечии концентрировались те значения и типичные употребления слов, которым была присуща возможность проявления оценки.

Процесс сложения просторечия оборачивался в этой области одной из граней обширного процесса развития в русском языке конкретных живописных слов, являющихся одним из проявлений его национального своеобразия.

5.01. Изучение состава просторечной лексики того времени позволяет наблюдать сложение целого ряда его лексико-семантических групп. При этом широкое развитие получают наиболее характерные лексико-семантические группы, имеющие возможности конкретизации и дифференциации значений в них слов и их яркой оценочности. Они объединяют в своем составе как самостоятельные слова, так и просторечные значения слов. Расширение их происходит и за счет образования множества производных слов от непроизводных просторечных.

Так, разнообразием отличается группа просторечных слов, по своему значению связанных с движением. В нее входят глаголы движения, обозначающие передвижения человека (своими силами или при помощи средств передвижения), различные по направлению, скорости, характеру движения. Основным в ней являлся

глагол *итти* 'передвигаться с помощью ног', в этой форме инфинитива обычных в памятниках низкого и среднего стилей.³³

Для обозначения медленного движения просторечию свойственны глаголы *плестись*, *тащиться* 'идти с трудом', *брести*, *ковылять* 'идти прихрамывая и потому медленно'.

Быстрое движение обозначается в нем глаголами *катить*, *лететь*, *лупить*, *нести*, *взваривать*, *встряхивать*, *протесать* 'далеко и быстро пройти'. Начало быстрого движения обозначается глаголами *рынуться*, *стрекнуть*,³⁴ *брызнуть*, *дернуть*, *махнуть*.

Просторечные глаголы движения имели также различия по направлению движения, часто сочетающиеся с различиями по темпу. См. 'удаляться, уходить медленно' — *утащиться*; 'удаляться быстро, поспешно' — *уплестать*³⁵ (и *уплестаться*), *убираться*, *укатить*, *лизнуть* (и *улизнуть*), *улепетывать*, *ускорять*, *урить*, *утечь*; 'ходить, двигаться взад и вперед' — *мызгать*, *мыкаться*, *шастать*, *шнырять*, *шлендать*, *рыскать*; 'двигаться, взбираться вверх' — *карабкаться* (и *вскарабкаться*); 'перемещаться сверху вниз под действием собственной тяжести' — *бухаться*, *ляпаться*, *шмякаться*, *рухнуть*.

В ряде случаев в значениях глаголов этой группы содержится и характеристика качества движения. См. глаголы со значением 'идти куда-л. с силой, с напором' — *лезть*, *ломить* (и *ломиться*); 'войти куда-л. не сказавшись, без доклада' — *протесать*. К указанным выше глаголам *мызгать*, *мыкаться*, *шастать*, *шлендать*, *шнырять*, *рыскать*, обозначающим 'движение взад и вперед без определенной цели', примыкают глаголы *плутать*, *блудить* в значении 'ходить взад и вперед, не зная настоящего пути, дороги'. Близки к ним глаголы *кропотаться*, *тумашиться* в значении 'двигаться суетливо, хлопоча без толку'.

К этой группе относится целый ряд одиночных глаголов, объединяемых по идее передвижения, различающихся по пространственной и качественной характеристике действия. См. глаголы *разбрестись* 'медленно разойтись в разные стороны', *закатиться* 'уйти куда-л.', *выбращивать* 'по разным местам ходить', *доплестаться* 'с трудом доходить', *завертывать* 'заходить, заезжать куда-л.', *заплестаться* 'заходить куда-л. далеко', *припускать* 'прибавлять скорость бега, езды', *промазнуть* 'скоро проехать, пролететь', *колесить* 'делать большой объезд', *юркать* 'скоропостижно в воду погружаться',³⁶ *сигать* 'прыгать' и др.

³³ Так же обычны в памятниках низкого и среднего стилей производные от *итти* глаголы: *зайти*, *найти*, *пойти*, *произойти*.

³⁴ В САР просторечный глагол *стрекнуть* в этом значении определяется: «побежать прытко, сколько есть силы и скорости» (САР_{II}, ч. 6, с. 540).

³⁵ См. у Фонвизина: «[Вральман:] Што фсяли, бестия? Сюта сунтись. [Цыфиркин:] Уплел! Мы бы дали тебе таску» (Фонвизин, Недоросль, с. 98).

³⁶ САР_{II}, ч. 6, с. 1428.

В нее входят также глаголы со значением движения, перемещения множества живых существ, такие как *валить*, *кишеть*, *ворошиться*, *копошиться*.

К ней примыкают глаголы, обозначающие движения частей человеческого тела, такие как *дрыгать* 'быстро двигать рукой или ногой', *дрыгаться* 'отбиваться руками и ногами', *горстать* 'горстью хватать что-л.', *грабаздать* 'быстро хватать и уносить что-л.', *цапать*, *хапать* 'хватать что-л. с силой', *грестись* 'хвататься за что-л.'.

Преимущественное положение глаголов в группе просторечных слов, связанных по своему значению с движением, перемещением, вполне понятно: глагол более приспособлен к обозначению движения. Разветвленность и богатство состава этой группы создается за счет приставочных глагольных образований, а также и за счет развития в глаголах, нейтральных в основных своих значениях, вторичных переносных значений, принадлежащих просторечию.

Немалую роль имела и ярко выраженная в глаголах движения конкретизация значений. Несомненно также, что многообразие глаголов движения создавалось и за счет существовавших различий в мере и степени действия. Имели значение также характер и мера и степень оценочности.

Входящие в данную лексико-семантическую рубрику имена существительные и прилагательные лишены такого многообразия и сравнительно немногочисленны. Можно назвать прилагательные *воженный*, *вертлявый* 'очень подвижный, резвый, игривый', а также *копотливый*, *меледливый* 'медлительный'.

Для обозначения человека подвижного, скорого в ходьбе в памятниках встречаются слова: *быстряк*, *летун* 'кто скор в ходьбе или легок в пляске', *полетай*, *шагун*, *шагала* 'быстро ходящий человек', *гомоюн*, *рыскун*, *неугомонь*, *непосед* 'обычно находящийся в движении, не любящий покоя человек', *егоза*, *бес* 'вертлявый, проворный, резвый человек', *провор* 'быстрый в движениях и в работе человек'. В САР приводится также слово *вихляй* 'человек непроторенный к делу и ходьбе'.³⁷

Однако они сравнительно не часты в памятниках, в то время как просторечные глаголы движения во всем своем многообразии обычно широко употребительны в низком стиле, нередко в среднем стиле и характерны для простого стиля конца века.

5.02. Другой богатой, разветвленной и сложной группой просторечной лексики является группа, связанная по значению с говорением. Ее основу составляют глаголы говорения. Основная идея таких глаголов 'говорить' здесь выражена рядом «простонародных» глаголов: *баять*, *гуторить*, *балакать*, *калякать*. В целом ряде глаголов она дополняется качественной характеристикой. См., на-

³⁷ САР_П, ч. 1, с. 525.

пример: 'говорить быстро' — *гороторить, грещать, сорочить, щекотать, тарантить*; 'говорить медленно, неясно' — *мямлить, вякать*; 'говорить монотонно' — *бубнить*; 'говорить тихо, неясно и певуче' — *мурлыкать; жукнуть*; 'сказать, говорить что-л. тихо, шепотком' — *шушукать*. В значениях этих глаголов содержится указание на внешние особенности говорения. Значение 'говорить какое-л. определенное слово' имели глаголы *дакать, такать, некать, нукать*. Производные от перечисленных в последней группе глаголов *поддакивать, подтакивать* имели значение 'соглашаться со словами собеседника', а глагол *некатся* — 'отказываться, говоря «нет»'.

Отметим глаголы со значением 'говорить многим что-л., разглашать' — *выносить, переносить, барабанить, бубенить, звонить, трезвонить, трубить*; 'говорить одно и то же, повторять' — *тростить*; 'говоря, осуждать кого-л.' — *судачить, сплетничать*; 'говорить что-л. нежелательное в глаза человеку': *звездить, вызвезживать, выпеть, опевать*; 'сказать что-л., не подумав' — *бахнуть, бухнуть, ляпнуть*. Перечисленные глаголы включают в свое значение оценку характера говорения.

Другие глаголы имеют в своем значении оценку того, что говорится. См. *болтать, городить, раздобарывать, бредить, вякать, грезить, звякать, молоть, переколачивать, пороть* 'говорить не-серьезное, пустяки'.

Как правило, это глаголы ограниченной лексической сочетаемости. Они обычны со словами *ахиня, вздор, басни, белиберда, блажь, бред, галиматья, околесная, нелепая и нелепица, пустота, пыль, пустяки, пустошь, чепуха, сумбур, чуха и чушь* в значении 'то, что лишено здравого смысла или не имеет серьезного значения', что не исключает их абсолютного употребления. Вот некоторые примеры их употребления в памятниках: «— Ех Яков (сказал я) ты все акалесную несешь, пожалуйста не шути» (Несч. Никанор, с. 12); «— Скажи, адской сын, я ли тебе в подговоре и увозе Кошковавой дочери был сообщником! — Не сообщником и не участником, сударь, но помощником. — Как? варвар; вот какую несет кабалу и мелет пыль!» (Новиков, Похождения Ивана, с. 136); «[Маша:] Ты городишь ахиней! [Триша:] Што, што? акиней? [Маша:] То есть вздор» (Крылов, Модная лавка, с. 38); «(Классон, — Г. К.) Со мной всегда готов на жаркий спор, Когда дерзну сказать, что Галло порет вздор» (Долгорукий, Нарышкину, с. 270).

Можно отнести к этой группе также глаголы *балагурить, баясничать, зубоскалить, скалозубить* в значении 'говорить что-л. веселое, насмешливое', но последние два только в определенных контекстуальных условиях.

В памятниках того времени встречаются также отглагольные существительные от некоторых глаголов говорения со значением действия, такие как *баянье, болтанье, таканье, шушуканье*,

а также совмещающие значения действия и результата действия: *болтовня, болтня, вранье, звяки, раздобары, болтовство, раздобарство, пустомельство*.

Многочисленны в составе просторечной лексико-семантической группы говорения и слова, обозначающие имя действующего лица. См., например, такие слова, как *говорок, болтун и болтушка, балясник, балагур, бахарь, бормота, тараторка, краснобай, мутовка, болтушка, пустомеля, пустозвьяк*.

Группа говорения, формируясь путем словообразования, семантических преобразований — расширения семантического объема слов за счет образования переносных значений и семантической конкретизации, обнаруживает своеобразие своего строения. При организующей роли глаголов в ней проявляется большая (по сравнению с предыдущей группой) роль имени — имени действия (в значении действия и результативном) и имени действителя. Функционирование глаголов и имен, относящихся к этой группе, также имеет свои особенности. И глаголы, и имена — слова широкого применения в памятниках низкого и среднего стилей, а позднее — в простом стиле конца века. Исключение составляют лишь глаголы *гуторить, баять, балакать* и отчасти *калякать*, популярные в низком стиле, но почти не встречающиеся в памятниках среднего стиля и не получившие выхода в простой стиль 90-х годов.

5.03. Довольно разветвленной лексико-семантической группой в кругу просторечия была группа слов, связанных по значению с физическим воздействием на человека. В ее составе можно заметить целый ряд глаголов однократного действия в значении 'ударить', такие как *бацнуть, долбануть, двинуть, дернуть, тропнуть, резнуть, вызвать* (кнутом), *звать, хряпнуть, огреть, отвесить*; со значением продолжительного действия — 'бить (побить)': *ботать, бузовать, гвоздить, драсть, дубасить и отдубасить, дуть, жарить, кокошить (прикокошить), костылять, лупить, тузить, хлобыстать, притаскать* 'больно побить', *сочить (отсочить), отделать, отпочивать, отстрепать, выкатать, дуть (отдуть), отвохрить, жарить, крестить, взбутетенить, колошматить (приколошматить), нашлапать*.

К ней следует отнести также глаголы в значении 'побоями довести до смерти' — *укокошить, угомонить, уходить*; 'изуродовать побоями' — *изворочать*. См. также глаголы *поколачивать* 'часто наказывать', *передирать* 'многих пересечь', а также некоторые глаголы с ограниченной сочетаемостью: *влепить* (удар, пощечину), *нарумянить* и *разрумянить* (щеки).

В нее включается ряд слов со значением 'побой', а также обозначающих «виды» драки, такие как *баня* 'о побоях', *волосанка, таска и потаска* 'драка с тасканием за волосы'.

Специфичной для этой группы была разветвленная группа слов с общим значением 'толчок, удар'. Иногда это были обра-

зования от соответствующих глаголов, например *нахлобучка, тычок, совок, затрещина, поботуха*. В числе их были и немотивированные с точки зрения языкового сознания того времени образования, такие как *вяха, оплеуха, перебяка*. Но чаще они представляли собой семантические образования — производные переносные значения от соответствующих существительных. См. *подзатыльник, тумак, потылица, позатылица* 'удар, толчок по затылку', *треух* (в выражении *скроить треуха* 'ударить по голове'), *тулумбас, туз* 'сильный удар', *подчепешник* 'удар по шее', *подбрюшник* 'удар в низ живота'.

В этот круг входило и слово *раз* 'удар'. См. у Николева: «Емситник, и уж съел краюху, Как вдруг мне кто-то оплеуху... Нет, в маковку отвесил раз» (Николев, Сон, с. 40).

Таким образом, эта лексико-семантическая группа просторечной лексики, складывающаяся под влиянием действия тех же факторов, что и показанные ранее группы движения и говорения, демонстрирует свойственное только ей соотношение слов различных лексико-грамматических категорий — глагола и имени существительного. Ее глагольная часть равноценна количественно именной. Именная часть представляет собою образец сочетания различных способов выражения понятия 'удар' в различных его семантических конкретизациях.

Слова исследуемой группы часты в памятниках низкого стиля, более редки в среднем стиле и лишь некоторые из них встречаются в простом стиле конца века.

Причина этого — интенсивная окраска грубости, свойственная большей части входящих в нее слов.

Исследование семантических особенностей просторечной лексики показывает, что в ее составе постепенно сосредоточивались слова с определенными семантическими свойствами. Для них характерна конкретность значения, краткость и емкость выражения, определенного рода оценочность.

Просторечие включало конкретно-предметную лексику, соотносимую с крестьянским бытом, маркированность которой была мотивированной социально — отношением представителей определенных общественных групп, распространявшимся на особенности его жизни, и соответствующие слова — названия крестьянских бытовых реалий. В подавляющем большинстве такие слова стали позднее достоянием народных говоров. Лишь некоторые из них были усвоены литературным языком.

Просторечной лексике, как и вообще лексике русского языка того времени, свойствен известный синкретизм, она также охвачена процессом его преодоления, усилившимся во второй половине XVIII в.

Состав просторечной лексики складывался за счет различных категорий слов. Большую роль в нем играли аффиксальные образования от основ просторечных слов. Но не менее важными

в кругу просторечия были слова в производных значениях, образованных от соответствующих номинативных значений нейтральных и просторечных слов. Это обусловлено преимущественной конкретностью значений просторечного слова и, стало быть, метафорического переноса по качеству и функции. Таким образом, при изучении просторечной лексики можно наблюдать расширение семантического объема у многих слов конкретного значения — один из путей смыслового обогащения русского литературного языка того времени. Так создавались предпочтительные для русского языка средства выразительности — конкретные живописные слова, и экспрессивно-стилистическая конкретность русского слова постепенно проступала все более рельефно по сравнению с другими языками.

Можно наблюдать постепенное объединение в составе просторечия лексики, относящейся к определенным смысловым сферам. Наблюдение лексико-семантических групп просторечной лексики позволяет предположить избирательность состава просторечия и неравномерность развития противопоставленных в смысловом отношении групп лексики. Преимущественное положение здесь занимают слова, тесно связанные с обыденной жизнью человека.

В описанных нами выше лексико-семантических группах еще довольно сильны проявления семантической тождественности. Но богатые возможности аффиксального образования просторечных слов, а в семантическом плане — слов в производных значениях были и средством преодоления ее и служили развитию внутрикатегориальных синонимических отношений. Многочисленные синонимические соответствия — скорее аналого-синонимические, с явно намечающейся тенденцией семантических размежеваний. Их внутреннее развитие идет по пути конкретизации пространственной, временной и качественной характеристики значений входящих в них слов. При довольно сильном развитии аналого-синонимических сопоставлений антонимические противоположения развиты слабо, что вполне закономерно как проявление избирательности состава складывающейся функционально-стилистической категории.

К ХАРАКТЕРИСТИКЕ ОЦЕНОЧНОСТИ ПРОСТОРЕЧИЯ



1.01. Преимущественное положение в составе просторечной лексики занимали слова оценочные. Выделение оценочных слов основывается на признании отражения в человеческой речи интеллектуальной, волевой и эмоциональной сфер психики человека и на их основе разных возможностей выражения отношения к названному словом предмету, явлению, признаку, действию.

В применении к сложившимся лексическим системам обычно выделяются две большие группы оценочных слов: 1) слова, в которых номинация совмещается с наличием мнения о качестве называемого, его желательности или нежелательности, о соответствии или несоответствии определенным нормам, требованиям и т. д., т. е. с интеллектуальной оценкой называемого; 2) слова, в которых номинация сопровождается выражением эмоций, вызываемых называемым, т. е. с эмоциональной его оценкой.

Оба вида оценочности — собственная или интеллектуальная и эмоциональная — присущи различным функционально-стилистическим подразделениям лексики современных языков: лексике книжной и разговорной.

Можно предположить, что в определенные периоды языкового развития могло быть иным соотношение оценочных слов со словами, не обладающими оценкой, в составе определяющихся и формирующихся стилистических пластов лексики, равно как и в составе литературного языка в целом. Но это предположение нуждается в подтверждении и проверке на обширных материалах. Пока можно говорить лишь о том, что просторечию русского языка XVIII столетия свойственно иное, отличающееся от разговорной и просторечной лексики современного русского языка соотношение собственно оценочной, эмоционально-оценочной и лишенной оценки лексики. Разговорная и просторечная лексика русского языка нашего времени более разнообразна и по видам оценочности. Ей присущи более тонкие градации по мере и степени собственной и эмоциональной оценок.

В этой области наблюдается разный подход к явлениям и разное понимание терминов: экспрессивность, экспрессия, эмоциональность речевого факта.

В исследованиях стилистического плана не достигнуто единое понимание экспрессивности. Ряд исследователей отождествляют понятия экспрессивность и эмоциональность.¹

Термин экспрессивность употребляется в некоторых работах как синоним слова выразительность.² Известны попытки подхода к разграничению экспрессивности и эмоциональности. Некоторые исследователи полагают, что эмоциональность речи связана с наличием в ней как слов для обозначения человеческих чувств, так и средств эмоционального отношения к действительности. Экспрессивность в данном случае понимается широко, как усиление выразительности, изобразительности, увеличение действующей силы сказанного.³ Экспрессивность рассматривают также как категорию прежде всего семантическую, относя к экспрессии «своеобразные смысловые примеси, которые добавляются к основным значениям слов и выражений», но не исключая из нее и эмоциональности как составной ее части.⁴ Некоторые исследователи разграничивают экспрессивность и эмоциональность, считая, что экспрессия всегда имеет смысловой характер и ее, наряду с эмоциональностью, точностью, лаконичностью, следует рассматривать как одну из составных частей выразительности.⁵

Мы разделяем первую точку зрения.

Распознавание оценочных слов в пределах изучаемой категории проводится методом сопоставления со словами, идентичными в смысловом отношении, но с нулевой оценочностью (чаще со

¹ Собственно стилистическое исследование включает в себя изучение эмоциональной окраски экспрессивных фактов речи, средств, которыми пользуется язык, чтобы их создать, взаимоотношений между экспрессивными элементами и, наконец, слагающейся из них экспрессивной системы языка: Ш. Балли. Французская стилистика. М., 1961, с. 34. См. также: Х. Касарес. Введение в современную лексикографию. М., 1958, гл. V, с. 116 и след.; В. В. Виноградов. Итоги обсуждения вопросов стилистики. — ВЯ, 1955, № 1, сс. 64—65; О. С. Ахманова. О стилистической дифференциации слов. — В кн.: Сборник статей по языкознанию. М., 1958, сс. 24—29.

² И. Р. Гальперин. Очерки по стилистике английского языка. М., 1958.

³ Е. М. Галкина-Федорук. Об экспрессивности и эмоциональности в языке. — В кн.: Сборник статей по языкознанию. М., 1958, с. 103.

⁴ А. И. Ефимов. Стилистика художественной речи. М., 1957, сс. 83—84.

⁵ Л. М. Васильев. К вопросу об экспрессивности и экспрессивных средствах. — В кн.: Славянский филологический сборник. Уфа, 1962, сс. 107—118. Из новейших работ, посвященных проблемам, затрагиваемым в данной главе, см.: Е. Ф. Петрищева. Об эмоциональной окрашенности слов в современном русском языке. (Опыт лингвистического эксперимента). — В кн.: Развитие лексики современного русского языка. М., 1965, сс. 39—51; Л. А. Киселева. Некоторые проблемы изучения эмоционально-оценочной лексики современного русского языка. — В кн.: Проблемы русского языкознания. Л., 1968, сс. 377—416.

словами или нейтральными сочетаниями слов), т. е. методом идентификации экспрессивного факта.⁶ При этом учитываются специфические особенности просторечных слов на данном историческом этапе.

Выделение внутри просторечия оценочных просторечных слов предполагает: а) учет характерных контекстов реально-бытового плана, включающих просторечные слова, а также слов данной категории оценочного характера; б) сопоставление таких слов с синонимичными словами, также относящимися к просторечию, но лишенными эмоциональной оценки, а также со словами стилистически нейтральными, на основании чего появляется возможность установить их стилистические и оценочные особенности; в) сопоставление близких по значению просторечных оценочных слов для изучения видов оценочности и возможностей средств оценки данной функционально-стилистической категории.

При этом приходится учитывать целый ряд моментов, обусловленных необходимостью исторического подхода к исследуемому материалу.

Общее состояние русского литературного языка XVIII в. — «состояние перехода, обнажившихся внутренних противоречий, а вместе с тем нерешенности, постоянных колебаний»⁷ — следует распространить на формирующиеся стилистические категории, в том числе и на просторечие. Разнородность его состава, различие групп слов в оценочном плане можно понять и объяснить только учитывая исторические особенности его формирования и языковую специфику эпохи. Характерное для XVIII в. стремление к нормализации, специфика намечающихся норм, еще отнюдь не категоричных, допускающих значительные колебания, высокая проницаемость отдельных систем стилей, изолированных часто лишь в теории, намечающееся в ряде случаев социальное расчленение лексики народно-разговорного источника при ее преимущественном стилистическом выражении (просторечие — простонародная лексика), зыбкость разграничений такого рода в повседневной речевой практике, отчасти отраженная памятниками, не могли не сказаться на особенностях оценочной просторечной лексики, многообразной и многогранной, отмеченной действием различных факторов и еще не обладающей необходимой определенностью.

Дальнейшее изложение имеет целью показать различные виды оценочности, присущей просторечной лексике русского языка XVIII в.

2.01. В составе просторечной лексики русского языка XVIII в. немало слов, оценочность которых мотивирована их семантикой.

⁶ Этот метод предложен Ш. Балли. См.: Ш. Балли. Французская стилистика. М., 1961, с. 34 и след.

⁷ Ю. С. Сорокин. О задачах изучения лексики русского языка XVIII в. — В кн.: Процессы формирования лексики русского языка XVIII в. (от Кантемира до Карамзина). М.—Л., 1966, с. 20.

Часто такая оценочность проявлялась опосредованно как отражение основных тенденций разговорной речи или во всяком случае осложнялась под влиянием этих тенденций.

1. Можно предположить возникновение просторечной сниженности и соответственной оценки в словах, демонстрирующих в ряде своих значений проявление свойственной разговорной речи тенденции к преувеличению. Таков целый ряд слов, означающих в определенных контекстах наивысшую степень действия, степень качества. См., например, слова *ужесть*, *страх*, *до смерти* в следующих контекстах: «[Советница:] Вы ужесть как бizarны» (Фонвизин, Бригадир, с. 107); «Лишь Сильвия с улыбкой злою скажет: „Уж ужесть как у Дафны вздернут нос“» (Княжнин, Послание трем грациям, с. 55); «И мне ужесть хочется, чтоб ты ее (просьбу, — Г. К.) исполнил» (Крылов, Почта духов, с. 3); «Хвалили страх ее сперва, Но через час же через два Над нею же смеяться стали» (Измайлов, Мода и вкус, с. 106); «[Граф:] Нельзя ли помолчать? Я говорю, конечно, И лучше и скорей. [Модестов:]... И страх бесчеловечно» (Хмельницкий, Говорун, с. 256); «Я чаю, он надеялся, что все расхохотутся до смерти» (Живописец, с. 66); «Боюсь до смерти разбойников» (Зап. Долгорукой, с. 33); «[Простакова:] Митрофанушка, друг мой. Я чаю тебя жмет до смерти» (Фонвизин, Недоросль, с. 3).

Примером появления тенденции к преувеличению, реализуемой при помощи конкретно-образных значений и смещений, может служить группа слов, обозначающих неопределенное множество, такие как *куча*, *пропасть*, *тьма*, *беда*. В этих значениях и применениях они стали достоянием просторечия, сохранив различия в степени преувеличения и восприняв тенденцию разговорной речи к краткому образному, хотя и опосредованному выражению соответствующих понятий. См., например:

куча: «...а если сила в том, Чтоб стерлядь запивать диковинным вином И в куче разных лиц незнаемых шататься, То, право, лучше мне в своей семье остаться» (Долгорукий, Пир, с. 383); «Шесть рублей куча денег и не малая» (Осипов, Не прямо в глаз, с. 93). См. также сочетания слов: *куча доносов* (Долгорукий, Дневник путешествия, с. 19), *куча сообщников* (Письмо Щербатова Державину, 21 V 1774, с. 96), *переговорщиц куча* (Трутен, 1770, с. 64), *всклепал на себя кучу имян всяких* (Лжец, с. 177), *кучу разных силлогизмов* (Покоющийся трудолюбец, с. 200) и др.;

пропасть: «[Некопейкин:] По улицам от них проходу нет: такая пропасть их (крыс, — Г. К.), везде бегают» (Екатерина II, Именины г. Ворчалкиной, с. 75); «[Фекла:] ...И я ручаюсь смело, Что секретарь прибрал закон уж для него; Из пропасти такой не выбрать одного!» (Капнист, Ябеда, с. 31); «Везде поют лебеди, утки, кулики, по полям жаворонки, синички, лисички, а в воде стерлядки, осетры, пропасть» (Письмо Суворова дочери,

20 XII 1787 с. 935); «В иное время их (дел, — Г. К.) с три пропасты» (Болотов, т. I, с. 804). См. также: *пропасть денег* (Свадьба г. Промоталова, с. 93), *бумаги пропасть* (Долгорукий, Живет, с. 450) и др.;

тьма: «Какая Душеньке явилась тьма чудес!» (Богданович, Душенька, с. 91); «Что за чуды с колпаками! Вижу тьмы и тьмы бород» (Николев, Русские солдаты, с. 26); «Я вижу здесь великое множество наделано отводков, так же тьма всякого рода плодовитых кустарников» (Болотов, т. III, с. 383). См. также: *тьма затей* (Долгорукий, Прогулка, с. 140), *тьма досад* (Трутень, 1769, с. 84), *тьма забот* (Попов, Анюта, с. 122), *тьма удач* (Сумароков, Притчи, с. 43) и др.;

беда: «[Лукерья:] К стати ли это, сударь, чтоб я взяла у вас такую беду денег; куда мне их девать?» (Веревкин, Именинники, с. 208); «Но как бы она велика ни была, но двести суков, неслыханная беда! Этакой яблони надобно уже разве столетней быть?» (Сельск. житель, с. 143); «[Ханжахина:] Сто рублей! Куда какая беда! Какая ты мотовка!» (Екатерина II, О, время, с. 39).

Неопределенное множество стало обозначать и слово *бездна*, книжное в то время, но усвоенное разговорной речью и снизошедшее в ней до сочетания со словами реально-бытового значения, что можно объяснить аналогией его со словом *пропасть*. Это может быть понято как начало его нейтрализации. См., например: «— Куды деваться от этой пёклы и от сей бездны мук проклятых» (Болотов, т. III, с. 376); «(Село) обширное и дворов бездна» (там же, с. 79).

Изредка оно встречается в значении 'очень большой капитал, имущество': «[Прощелыга:] Вам уж известно, что Глупон... был у Слепущенка сидельцом, который записал его в Московские купцы, приобща к своему торгу, выдал за него дочь; а потом старик умер, бездна-то досталась ему» (Обман за обман, с. 184).

2. Другой путь возникновения оценочности просторечного слова зависел от степени интенсивности признака, действия, означаемого словом.

См., например, глаголы, связанные по значению с внешним проявлением чувств: *орать*, *вопить*, *горланить*, *гаркать*. Определения их значений в САР демонстрируют как присущую им интенсивность, так и отрицательную оценку, им свойственную: «Орать... 2) В просторечии реветь, кричать во все горло» (САР_{II}, ч. 4, с. 373); «Вопить... Простонар. 1) Кричать, шуметь. 2) Плакать, громко рыдать» (там же, ч. 1, с. 664); «Гаркать... Простонар. 1) Весьма громко кричать или петь песни» (там же, с. 1084); «Горланить... В прост. употребляемый громко кричать, шуметь или петь во все горло» (там же, с. 1193).

Это подтверждается соответствующими контекстами памятников: «[Г. Трускина:] Вон! Вон! Вон! Вон! Ужасный дурачина! [Фалалей:] Я пойду, не вопи, пожалуй!» (Дюфрени, с. 51); «Другая истинно — подобно как взбесясь... Кричит и вопит тут, как ангел ты хорош, И на прекрасного М[аркизова] похож» (Елагин, Сатира на петиметра и кокеток, 1755, с. 124); «Однако, чтоб утешить ревущих детей своих и жену, между прочим говорил: „Полно вам вопить, кормильныя мои, жадобныя мои“» (Березайский, с. 140); «Касательно требования на переселение запорожцев денег один только он горланил в Совете вопреки сему» (Зап. Гарновского, 1788, с. 690); «Однажды Шарлатан во весь горланил рот» (Дмитриев, Шарлатан, с. 79); «[Скопидомов:] А у нас девки гаркнут, что твоя ва-ва-ва-валтора» (Подражатель, с. 19); «Стой! Стой! он гаркает, сверкаючи очьми» (Дмитриев, Причудница, с. 140); «Соплился в кабаке две крысы И почили орать: Бурлацки песни петь и горло драть» (Сумароков, Две крысы, с. 151); «...Генерал сей при сих куликаньях делал бесчисленные глупости..., заставляя их с собою пить, петь песни и орать, и полюбившихся ему жаловал прямо в офицеры» (Болотов, т. II, с. 101).

Демонстрируемые в этих значениях глаголы примерно равны по интенсивности. Тенденция к преувеличению, свойственная им, усиливается и контекстуально: «...подобно как взбесясь... кричит и вопит»; «горланил во все горло»; «петь песни и орать».

Можно привести целый ряд глаголов, собственная оценочность которых связана с обозначением интенсивности действия, таких как *валять*, *дернуть*, *драть*, *дуть*, *жарить*, *качать*—*качнуть*, *махать*—*махнуть*, *тяпать*—*тяпнуть*, *хватить*, *наяривать* и др. Некоторые примеры употребления их приведены ниже:

Оружие его ковал искусный бог,
Которым всякаго валял он вскоре с ног.

(Чулков, Плачевное
падение стихотворцев, с. 6)

Всяк в драке о своих шалей
Работал дружно не робей,
Не разбирая ничего,
Во что бы тяпнуть не пришлось,
И как попасть не привелось
В размахку со плеча всего.

(Осипов, Енейда, с. 445)

Там тяпнув полпива по плошке,
Они смотрели, в чьем лукошке
Поболе ягод иль цветов.

(Люценко, Похищение
Прозерпины, с. 590)

«(Солдаты) принялись выкидывать разные штуки, кто во что горазд; иной затянул походную, там веселился в чистом поле,

другие костей поломать, а некоторые в картеж наяривать» (Березайский, с. 125).

См. также аналогичные, хотя и с несколько меньшей интенсивностью, глаголы *гадеть*, *гомонить*, а также отглагольные существительные *гам*, *гомон*, *воплъ*, *гвалт*, среди которых наибольшая интенсивность присуща двум последним. Можно привести и другие просторечные слова с собственной оценкой, в основе которой лежит интенсивность. Таков ряд глаголов, обозначающих переход человека в аффективное состояние: *взбеситься*, *вздуриться*, *взбелениться*; назовем также глаголы, обозначающие физические действия под влиянием аффекта, такие как *пихать*, *лукать*, *пырять*, *рыскать*, *ринуться*, *ломиться* и некоторые глаголы, обозначающие сильное, быстрое действие на чувство другого человека, такие как *взбаламутить*, *взбудоражить*, *вздурить*, *всполохать*, *ошарашить*, а также глаголы сильного длительного воздействия на другого. См. *маять* (*смаять*, *замаять*, *умаять*), *умучить*, *умыкать* и др. Разница в интенсивности приведенных глаголов и в ряде случаев достаточно наглядна (*вздуриться* — *взбелениться*), но часто и трудно уловима (*взбеситься* — *здуриться*, *лукать* — *нырять* и т. д.).

Аналогично возникновение собственной оценки в значениях слов, сложившихся на почве метафорического переноса, таких как *заворотить*, *заломить* 'с излишком запросить, потребовать более, чем стоит какая-л. вещь', *навалиться*, *напасть* 'с жадностью приняться за еду, питье' и др.

Наиболее показательная в этом плане намечающаяся в то время группа глаголов, в которой прослеживается процесс формирования обобщенных значений энергичного действия, проявляющийся в ряде типических употреблений, обладающих единой интенсивностью и оценочностью. См.: *дернуть*, *драть*, *дуть*, *жарить*, *качать*, *лететь*, *лупить*, *махать* (и *махнуть*), *хватить* и др.⁸

2.02. Гораздо менее значительна в составе просторечия группа слов с собственной оценочностью, создающейся в связи с наличием в значении момента ослабления, замедления действия, минимальной степени его проявления. Это, например, слова *плестись*, *тащиться*, *копаться*, *меледить*, *ямлить* и др. См. толкования этих слов в Словаре Академии Российской: «Плестись... 2) В обр. возвр... б) Итти кое-как, нога за ногу, с нуждою. в) В простор. Относительно к успеху в чем. Посредственно успевать; медленно, но непрерывно следовать, делать что» (САР₁, ч. 4, с. 1119); «Тащиться... 2) Во образе возвратного в просторечии: с трудом итти, брестъ по причине слабости сил телесных» (там же, ч. 6, с. 678); «Копаться... 2) За чем: в просторечии во образе гл. д. недост.: тихо, неprovорно что делать или зани-

⁸ См. выше, сс. 142—145.

маться бездельным чем» (там же, ч. 3, с. 289); «Валáндаюсь... простонар. 1) Непроворно, нерасторопно что делаю» (САР_I, ч. 1, с. 463); «Меледить, промеледить... Слово низкое: медлить, мешкать, коснить» (САР_{II}, ч. 3, с. 732); «Мя́млить... Слово низкое, значит: жевать непроворно» (там же, ч. 3, с. 955).

Характер их оценочности может быть подтвержден следующими контекстами: «...Первое, в дороге досуг ли за етакую безделицею (починкою лаптей, — Г. К.) валандаться, а второе, и где ты возьмешь все к тому принадлежности, как то костыки, колodки, лыки и проч.» (Березайский, с. 204);

Совсем не человек, кто падает в их сеть,
Он века на дожив плетется умереть.

(Чулков, Начало пустословия, с. 9)

Кучки стали расходиться,
Поведа различной толк,
Принужден и я тащиться
Во Семеновский свой полк.

(Сновидения, 1794, с. 88)

Люди все мои остались
У кареты с лошадьми;
Все над ней они копались,
Все трудились вельми.

(Там же, с. 82)

«[Кутейкин:] Четвертый год мучу свой живот. По сесть час, кроме задов, новой строки не разберет; да и зады мямлит, без складу по складам, без толку по толкам» (Фонвизин, Недоросль, с. 142).

Можно предположить, что для просторечной лексики характерны слова стилистически сниженные с оценочностью, связанной с количественной характеристикой называемых словом явлений, которая представляла отклонение от количественной характеристики — нормы, свойственной близким по значению словам нейтральным.

В ряде случаев оценка просторечного слова связана с заключенной в его значении качественной характеристикой. Памятники того времени, а в числе их и словари, содержат немало просторечных слов, обозначающих отрицательные качества, содержащих отрицательную характеристику называемого действия, предмета, явления и т. д. Таковы, например, прилагательные *блажной* 'своенравный и упрямый', *жадный* 'скупой, корыстолюбивый', *жеманный* 'ведущий себя неестественно, манерно', *заносчивый* 'высокомерный', *набойливый*, *назойливый*, *напрасливый* 'надоедающий приставаниями, навязчивый' и др. Такой оценкой обладают и существительные, такие как *ахинея*, *галиматья*, *вздор*,

чушь 'то, что не вяжется со здравым смыслом', *негодь* 'что-л. негодное' и др.

См. также: *глазеть*, *зевать* 'смотреть с праздным любопытством', *канючить* 'надоедливо выпрашивать', *жеманиться* 'вести себя неестественно, манерно', *черкать* 'небрежно писать' и др.

В САР отмечен целый ряд значений слов, содержащих отрицательную характеристику действий. Таковы: «Варгáнить... 1) В простор. худо, неискусно, нестройно играть на каком-либо орудии» (ч. 1, с. 385); «Болтáться... 2) В просторечии: слоняться там, где не должно и не прилично» (там же, с. 278); «Мыкáть... 2) В отношении к платью в просторечии значит: часто и небрежно носить, надевать» (ч. 3, с. 912); «Таскáть... 2) В просторечии говоря о платье или обуви: носить небрежно или завсегда» (ч. 6, с. 675); «Колотáться... 2) В просторечии: жить кое-как, с нуждою; нуждаться или добиваться с нуждою» (ч. 3, с. 243) и др.

См. также глаголы со значением 'оказать влияние на кого-л. в корыстных целях': [Доукии:] И меня ко всему подбил (указывая на Злорадова) этот же обманщик» (Лукин, Мот, с. 77); «[Злорадов:] Я знаю, что жеманная старушка зла как ведьма, а я ее поджечь способ имею» (там же, с. 40); «Дядька мой поддувал меня ежедневно. Он то и дело мне напоминал, что теперь помышлять мне надобно уже и о доме» (там же, с. 187).

Во множестве случаев в оценке слова было заметно сочетание качественного и количественного моментов. Их мера и степень была различной — от едва ощутимых долей, таящих возможность различия восприятия, до явственно ощущаемых и бесспорных.⁹

Так, прилагательные *дюжий*, *ражий* 'очень сильный, здоровый, крепкий' сочетают в присущей им оценочности качественность и меру оценки качества.

Детина оный дюж, мне кажется по взору,
На нем созижду я надежды сей подпору.

(Майнов, Елисей, с. 7)

А то я молодец, натурою счастлив,
И туловищем дюж, и рожею смазлив.

(Долгорукий, Семира
Болеславна, с. 464)

«Ражей и дюжей мужик подчивал ево изо всей мочи ремнем» (Сервантес, Дон-Кихот, с. 35).

⁹ Приходится всегда иметь в виду, что количественность в стилистическом исследовании принято понимать широко, объединяющей все различия, сводящиеся к категориям количества, величины, ценности, силы и т. п. И здесь справедливо замечание Ш. Балли о том, что нет ничего более растяжимого, чем категория «меры» или количественный аспект (Ш. Балли. Французская стилистика, с. 203).

См. *бедовый* 'очень смелый, дерзкий', *чудородье* 'очень красивый человек', *неженка* 'очень изнеженный человек', *хватский* 'превосходящий других своими качествами (смелостью, удалью и т. п.)':

Эней был удалой детина,
И самый хватский молодец.
(Осипов, Енейда, с. 272)

Пою красотку Прозерпину, ...
Плутона, хватскаго детину,
Каких не много видел свет.
(Люценко, Похищение
Прозерпины, с. 578)

Основания собственной оценочности просторечного слова лежали в количественном аспекте — в несоответствии норм действия и степени признака, в качественном аспекте — преимущественно в отрицательной качественности.

2.03. Возможности формирования оценочности просторечной лексики не исчерпывались действием описанных выше факторов. Известную роль в ее сложении играло социальное осмысление языковых фактов, характерных для формирующейся категории просторечия, проявлявшееся в отношении к разрядам слов и отдельным входящим в нее словам.

Известное разделение лексики в словарях, научных трудах и литературной критике на слова просторечные, простонародные и областные, общепринятое в то время, основывалось на разграничении не только генетического (диалектологического) плана, но также связано с проявлением тенденций социальной дифференциации речи. Это достаточно отчетливо демонстрирует анализ простонародной лексики в словарях того времени.

Отнесение к категории «простонародных» слов, связанных с народным бытом (названий бытовых реалий, связанных с обычаями, обрядами и т. п.), можно рассматривать как проявление тенденций социального подхода к анализу лексики народно-разговорного источника. При всех непоследовательностях разграничения просторечных и «простонародных» слов, демонстрируемых словарями того времени и отразивших характерное состояние тогдашней разговорной речи, не охваченной процессом нормирования, близости разговорной речи различных сословий, а также зыбкости норм простого и среднего слога в целом ряде случаев заметны некоторые социальные основания оценочности ряда слов. В них мы имеем дело с оценочностью, в которой оценка является следствием отношения, проявляющегося как презрение, пренебрежение. Ее демонстрируют слова-наименования, чаще прозвища, людей по социальному и имущественному положению. Вот некоторые примеры.

Бороноволос — презрительное прозвище крестьянина: «[Мужик:] Я раз десяток подзи, прокричал, Только ты с умыслу под воз попал. [Крючкодей:] Ты, каналия, бороноволос! имел бы сказать мне со всепокорною покорностью, чтоб я посторонился; ибо понеже я имею регистраторский ранг» (Матинский, с. 34).

Людцы — пренебрежительное наименование дворовых людей:¹⁰ «Правда, меня людцы мои хотя и старались приучить к псовой охоте..., однако мне охота сия никак не полюбилась» (Болотов, т. I, с. 23).

Подлянка, подляшка — женщина низкого происхождения (крестьянка, дворовая, мещанка); с эмоциональной оценкой презрения: «[Макрида Евстратьевна:] Тебе, обветшалому хрычу, предпочитать мне? да и ково? (взирает на Лукерью) ету подляшку, ето хамово отродье?» (Вережкин, Именинники, с. 209); «Так не прикажешь ли работать? Завираешься, друг мой, она вить не подляшка. Да и какая есть работа для благородных дам?» (Покоющийся трудолюбец, ч. II, с. 145); «Но верно пьяная подлянка, Иль шедши с кабака крестьянка Тебя произвела на свет» (Осипов, Енейда, с. 323).

Хамово отродье — презрительное название людей низкого происхождения (пример см. выше).

Голый, голяк, голыш — неимущий, бедный человек (с пренебрежением): «[Матвей:] Вы люди богатые; а я хоть гол, да прав» (Плавильщиков, Бобыль, с. 414); «Красавиц с малым приданым совокупаю с нежными полюбовниками, которые столь же голы» (Лесаж, Повесть о хром. бесе, с. 6); «[Проворов:] Ныне девки за голых не очень идут» (Перемена в нравах, с. 123); «[Остроумислов:] Вить ты бедный голяк,¹¹ имеется за тобой пять душ и двадцать четвертей земли» (Кропотов, Фомушка бабушкин внучек, с. 240); «Прекрасно, господин голяк! Прекрасно! продолжай жить на счет честных людей, естли тебе удастся» (Крылов, Почта духов, с. 284).

Крючок — ироническое прозвище подьячего: «[Прощалыга:] У невесты нашего барина муж жив, какой-то отставной с приписью приказной, да уж сказывают, из крючков крючок» (Обман за обман, с. 195); «К сей описи крючки приказны приступили. А их обряды таковы: Как липку Правду облупили» (Аблесимов, Правда и ложь, с. 129); «У меня в команде 1000 дворов, и ежедневно имею дело с 300 человек. Приходится

¹⁰ Ср. «люди... 4) Называются так же слуги, служители в рассуждении господ своих» (САР_I, ч. 3, с. 655); «Людцы, цов, мн. прост.» (АТ, ч. 2, с. 52).

¹¹ САР дает слово *голяк*: «простонародн. Бедняк, в бедности живущий» (САР_{II}, ч. 1, с. 1178). См. также *голыш* с такой же пометой и определением (там же, с. 1177).

сталкиваться с полицейскими крючками» (Письмо Саблукова отцу, 29 VIII 1771, с. 336).

Своеобразна группа слов собирательного значения, обозначающих совокупность людей «низкого состояния». Словарь Академии Российской фиксирует следующие слова этой группы: «Гольдыба... простонародн. 1) Говорится большею частию в худую сторону о таких, которые будучи бедны стараются показать себя богатыми. 2) Называются вообще в бедном состоянии, в убожестве живущие» (САР_{II}, ч. 1, с. 1176);¹² «Гольтепá... простонародн. То же, что гольдыба» (САР_I, ч. 2, с. 196); «Свóлочь... Простонар. Скопление, сходбище людей низкого состояния» (САР_{II}, ч. 6, с. 74); «Шúшера... собирают. простонародн. Люди низкого состояния» (там же, с. 1386).

В том же значении в памятниках и в Словаре встречаются слова *сброд*, *наброд*, а также слово *сбродня*, не вошедшее в Словарь. При этом больший смысловый объем имело слово *сволочь*, сохранившее к концу XVIII в. собирательное значение 'скопление людей' с фиксированным кругом сочетающихся слов и с развившимся, видимо, на этой почве значением, отмеченным Словарем.

См. в памятниках конца века: «Пресловутый Журдан... предводителствует теперь... национальной гвардиєю и большую сволочью крестьян» (Письмо Белосельского-Белозерского Остерману, 2/13 VII 1792, с. 391); «Бесчисленная сволочь подлости сбежалась к Тюльери» (там же, 21 VII / 1 VIII 1792, с. 8); «[Миловинова:] У нас на Руси в дворянских домах, по бесчисленной сволочи людей... нередко случаются такие суматохи» (Державин, Кутерьма, с. 326); «[Еремеевна (вводя учителей к Правдину):] Вот тебе и вся наша сволочь, батюшка» (Фонвизин, Недоросль, с. 151); «И пагубная сия сволочь,¹³ перехватанная частью в самой пристани, отослалась к суждению судов» (Челищев, Путешествие, с. 270);

А он —
Лишь шаг на трон,
То хищной тварью всей себя и окружил:
Сычей, сорок, ворон — в павлины нарядил,
И с сею сволочью он тем лишь забавлялся,
Что доброй дичью всей без милости ругался.

([Давыдов], Орлица,
турухтан и тетерев, с. 80)

Аналогично в словах *лапотник*, *заплатник*, *лохмотник* оценочность основана на общественном отношении к тому, что обозначается словом. В этом плане показательна характеристика, давае-

¹² В однокоренном слове *голь* собирательное значение в САР отсутствует (САР_{II}, ч. 1, с. 1178).

¹³ Речь идет о разбойниках.

мая таким словам в Словаре Академии Российской, где они сопровождаются пометой «простонародное»: «Лапотник... простон. Обуваящийся в лапти. Вообще так называют из презрения крестьян и других людей низкого состояния» (САР_{II}, ч. 3, с. 1139); «Заплътник... простонародн. Бедный человек или в рубище одетой» (САР_{II}, ч. 2, с. 687); «Лохмотник... простон. Одетый в лохмотье» (САР_{II}, ч. 3, с. 611).

Тенденция к социальному осмыслению прослеживается и контекстуально. См., например, контексты со словами *бариться*, *бояриться*, *дворяниться*, где указанные слова в значении 'вести себя как дворянин (боярин, барин)' обладают потенциальной возможностью отрицательной оценки в определенной ситуации: при условии их применения к лицам других, обычно низких условий. См., например: «[Безотвязный:] (рассердяся) Слушай же, брат Василий! Бояриться тебе право не к стати; не только тебе, да и боярину твоему. Вы еще не такие великатынх господа, что бы заимодавцов со двора гонять и травить собаками» (Лукин, Мот, с. 92); «[Лука:] (продолжает бредить) Бей крепче: даст денег больше. [Андрей:] Либо ты огневой, Лука, либо бариться вздумал» (Судейские именины, с. 8); «[Волдырев:] И для тово я... приклеил новое прозвание, которое по обычаю прочей нашей братьи (купцов, — Г. К.) охотников дворяниться кончится на -ов» (Княжнин, Сбитеньщик, т. III, с. 203).

Социальное осмысление ряда просторечных слов явилось основанием их эмоциональной оценки. Это значит, что социальная стратификация русского языка того времени проявлялась в стилистике формировавшегося литературного языка. Социальные разграничения живой разговорной речи — источника функционально-стилистического просторечия — обнаруживали зависимость от социальной дифференциации общества, отношений и контактов основных его группировок, крестьянства и дворянства, от состояния культуры. В недрах феодальных отношений складывались социально-экономические отношения новой капиталистической формации. Социальные разграничения разговорной речи были в основном обращены к феодальному строю, отражая свойственные ему деления русского общества, хотя все же обнаруживали и некоторые новые тенденции и соответствия. Эту особенность своего источника восприняло и просторечие.

2.04. Факты завершенной социальной дифференциации лексики народно-разговорного источника, а следовательно, и сформировавшейся на этой основе оценочности просторечного слова, должны быть отграничены от фактов иного рода, когда приуроченность лексических групп к определенной социальной среде не подтверждается памятниками, а эмоциональная оценочность слов остается не отмеченной в словарях, которые дают к таким словам помету, фиксирующую характерность данных слов для

определенных социальных групп общества. Исследователь имеет здесь дело с разграничениями, в основании которых лежат суждения о пригодности или непригодности для речи образованных кругов общества. Это относится к обширной группе просторечной лексики, характеризующейся яркой эмоциональной окраской грубости и на этом основании получившей в словарях конца XVIII в. помету «простонародное».

Наблюдения употребления таких слов в памятниках приводят к предположению, что в данном случае одна социальная градация — образованные — необразованные круги общества незаметно подменяется другой: дворяне — простой народ (крестьяне, ремесленники, мещане). При совмещении этих признаков в отношении к простому народу следует иметь в виду и то обстоятельство, что весьма значительные круги поместного русского дворянства во второй половине XVIII в. оставались вне сколько-нибудь серьезного влияния образования и культуры. Суждение о неправомерности такой квалификации словарей подтверждается разнообразными и многочисленными наблюдениями.

Но и в речи образованных кругов общества, как свидетельствуют записки и частная переписка, такие слова употреблялись довольно часто. Мы находим их, например, в «Записках» и других сочинениях А. Т. Болотова, человека образованного, опубликовавшего значительное количество оригинальных и переводных произведений, постоянно жившего в поместьях. См., например: *дока*, *закарячиться*, *смахлевать*, *ошарахнуть*, *убаять*, *шалберить*, *куликачь*, *мотарыга*, *рохля* и многие другие. Нередки такие слова в личной переписке писателей, ученых, придворных. Вот некоторые примеры: «Согрешил я тут против турок; пожелал, и пожелал то весьма искренно, чтоб их самих можно было из этой перькви когда-нибудь вытурить» (Письмо Хемницера Львову, 1782, с. 54); «Я не спорю: не замай, останутся (письма, — Г. К.) в фамилии, но еще рано, чтоб инья в руки попались кому до них дела нету» (Письмо Екатерины II Полонскому, 1773, с. 86); «В его отсутствие констапель (младший артиллерийский офицер) нащеча себе, во время похода, некоторое количество пороха, хотел оный везти с корабля» (Зап. Шишкова, с. 29).

Следует также учитывать, что мера и степень эмоциональной оценочности, которую интуитивно определяли для себя и старались соблюсти при разделении слов на просторечные и «простонародные» авторы словарей и прежде всего Словаря Академии Российской, были трудно определяемыми. В некоторых случаях разграничение по мере экспрессии грубости удавалось (см. *ерошка* — просторечное, *космач*, *ложмач*, *растрена* — «простонародное»; 'ввести во что-либо неприятное': *вкатать* — просторечное, *втюрить* — «простонародное»). Но чаще уловить эту шаткую грань не представлялось возможным (см. *ненаеда*, *обжора*, *прожора*, *пройдоха*, *прошлец*, *подлипало*, *мытарь* — просторечное, *веселье* —

чак, балагур, зубоскал, скалозуб, орава, ватага, колобродить, ку-ролесить — «простонародное»; бурда, вараксать, уломать — просторечное, вихляй, дрыхнуть, жилишь — «простонародное»).

Это и не могло быть иначе: степень качества не создает нового качества и не может быть дополнительным критерием различения свойств слова.

Проводимое в словарях XVIII в. разграничение можно рассматривать как тенденцию, осуществившуюся постепенно позднее, в XIX столетии, когда для разграничений такого рода создаются необходимые предпосылки. Во временных границах нашего исследования правомерно рассмотрение просторечных слов с характерной экспрессией грубости в общем ряду эмоционально-оценочной лексики.

3.01. Просторечие включало в свой состав ряд слов эмоционально-оценочных с характерной постоянной эмоциональной оценкой, т. е. проявляющейся во всех случаях употребления слова. В него входила также группа слов, эмоциональная оценочность которых проявлялась лишь в определенных ситуациях.

Для просторечной лексики характерна широкая гамма эмоциональной оценочности: в массе слов, обозначающих предмет, действие, качество, явление и т. п., одновременно выражалось и отношение к нему (презрительное, грубое, насмешливое, ласковое и т. д.).

Выделение их связано с рядом затруднений, объясняющихся характером источников — письменных памятников.¹⁴ Показания же словарей того времени крайне немногочисленны и касаются лишь некоторых слов. В Словаре Академии Российской выделяются слова с эмоциональной окраской, обозначаемой:

«уничижительная»: «Вертопрах... и вертопрашка... просто-нар. уничиж. Непостоянник, ветренник, человек в поступках, поведении и речах своих весьма неосновательный, легкомысленный (САР_I, ч. 1, с. 638); «Выдрыхнуться... просто-нар. уничижительный. Выспаться, долгое время проводить во сне» (САР_{II}, ч. 1, с. 837); «Розиня... простон. уничиж. Оплошной, непримечательной» (САР_{II}, ч. 5, с. 1066); «Краснобай... простон. Рассказчик: говорится из уничижения о таком человеке, который в разговорах старается употреблять красноречие» (там же, ч. 3, с. 379); «Полтиняга и ум. полтиняжка... в простон. уничижит. Говоря о полтине» (там же, ч. 4, с. 1449); «Рифмач и рифмотворец... Говорится в уничижение о стихотворце, больше о рифмах в сочинениях своих старающемся, нежели о выдумках и красоте слога» (САР_{II}, ч. 5, с. 1048); «Обироха... название просто-народное: употребляемое в уничижительном смысле и означающее того, кто любит брать взятки» (САР_I, ч. 1, с. 147);

¹⁴ Об этом см. выше, гл. I.

«укоризненная»: «Потаскуха... и ум. потаскушка... слово укоризны. Подлая женщина» (САР_I, ч. 5, с. 73); «Плешак... укоризн. 1) Плешивый человек» (САР_I, ч. 4, с. 930);

«презрительная»: «Хрыч... и хрычевка... В просторечии употребляется в роде брани, означает презрительное название старику или старухе» (САР_I, ч. 6, с. 1195);

«грубая»: «Трескать, стрескать... простонародный и в грубых токмо разговорах употребляемый: жрать, жадно есть» (САР_I, ч. 6, с. 774);

«ласково-приветственная»: «Малютка... Говорится в просторечии приветственно и из ласки о малолетних детях» (САР_I, ч. 3, с. 690).

При некоторых словах находим указание: «говорится в худую сторону», обозначающее неодобрительное отношение к предмету, действию и т. п.: «Чудодей... В просторечии говорится в худую сторону, кто делает странные дела, поступает против введенного порядка и обыкновения» (САР_I, ч. 6, 1324).

См. также в Аналогических таблицах: «Болван... имя порицательное» (ч. 1, с. 107); «Глухой тетерев... прост. унич.» (ч. 1, с. 350).

Хотя приведенные примеры и разнообразны по видам экспрессивной оценки, но ими почти и исчерпываются конкретные указания словарей конца XVIII в. В этих условиях можно рассчитывать лишь на целесообразный выбор памятников и пристальное внимание к характеру контекстов, в которых обычно возможны слова с эмоциональной окраской.¹⁵

Разделяя эмоционально-оценочную лексику на две группы — слова с постоянной эмоциональной окраской (константная эмоционально-оценочная лексика) и слова, эмоциональная окраска которых возникает лишь в определенных условиях общения (ситуативная эмоционально-оценочная лексика), — мы не ставим своей задачи выявить все их группы. Это ограничение исходит из характера наших источников.¹⁶

Мы приводим лишь некоторые из них, особенно характерные для изучаемой категории лексики.

Рассмотрение константной эмоционально-оценочной лексики должно включать изучение способов приобретения оценки и видоизменения ее языкового оформления.

Замечания об эмоционально-оценочном характере отдельных форм слов, как известно, содержатся уже в «Российской грамматике» Ломоносова. См., например, его указания на то, что имена существительные увеличительные часто значат «вещь грубую»,

¹⁵ См. гл. I.

¹⁶ Известно, что одно и то же слово может быть эмоционально-оценочным или лишенным эмоциональной окраски в зависимости от возрастной или социальной принадлежности говорящего. Наш материал исключает возможности широких наблюдений этого явления.

а также разделение умалительных имен на «ласкательные и презирательные» (или презрительные), «которые кончаются на -ишко и -енцо и рода есть сомнительного, то есть иные сочиняют с ними прилагательные по родам имен, от коих умалительные происходят: наш столишко; наша скатертишко; старое пиенцо». ¹⁷

Несмотря на наличие эмоциональной оценки у большей части слов с субъективно-оценочными суффиксами и широкое их распространение в разговорной речи того времени, они не составляли специфически просторечных образований. Это объясняется различными причинами. Суффиксы субъективной оценки имели весьма широкие возможности соединения с основами различной степени и качества собственной оценочности. Индифферентными по отношению к ним были лишь основы слов, обладавших окраской торжественности. Их стилистическая тональность была несовместима с эмоциями, выражавшимися суффиксами субъективной оценки. Такая широта присоединения не импонировала и формирующемуся просторечию с характерной для него направленной избирательностью слов оценочного плана. Приведенный ранее материал дает возможность судить о характере собственной оценочности просторечной лексики: ее основания в количественном отношении лежали в отклонениях от нормы действия и степени признака, в качественном — преимущественно в отрицательной качественности.

Положительной собственной оценкой обладала сравнительно небольшая группа просторечных слов. Так, из числа прилагательных, вошедших в Словарь Академии Российской, положительная оценка характеризует лишь четыре слова: *досужий* 'расторопный, к разному делу способный', *лакомый* 'приятный на вкус', *смазливый* 'красивый', *хватский* 'отменный своею добротою, изяществом'. Для абсолютного большинства просторечных прилагательных, вошедших в Словарь, характерна отрицательная оценка. Такое же соотношение наблюдается и для прилагательных с пометой «простонародное», где положительная эмоциональная окраска характерна лишь для двенадцати слов: *вытный* 'годный, полезный', *глабкий* 'дородный', *казистый*, *гожий* 'годный, приличный, хороший', *добрый* 'статный, видный', *залетный* 'лихой, удалой', *закадычный* в сочетании *закадычный друг* 'задушевный, искренний, прямой', *острый* 'резвый, проворный, смелый', *ражий*, *дюжий* 'сильный', *взрачный* 'привлекательной наружности',

¹⁷ М. В. Ломоносов, Полн. собр. соч., т. VII. М., 1952, с. 473. См. также в «Пространной грамматике» Н. Греча: «Должно заметить, что имена увеличительные всегда заключают в себе и постороннее понятие о безобразии, неуклюжести предмета, а уменьшительные иногда показывают предмет малым, ничтожным и презрительным..., иногда же выражают, что оный при малости своей красив и приятен» (т. I. Изд. II. СПб., 1830, § 181, с. 112).

очесливый 'вежливый', *задушевный* 'любезный, сердечный', *погожий* 'ведренный, ясный'. Большая часть прилагательных с пометой «простонародное» имеет отрицательную оценку.

4.01. Эмоциональная окраска просторечного слова с субъективно-оценочными аффиксами слагалась при взаимодействии собственной оценочности слова и эмоциональной оценки, вносимой аффиксами. При этом возможны разные результаты такого взаимодействия.

Слова с суффиксами субъективной оценки в составе просторечной лексики относительно немногочисленны. Довольно редко среди них слова с уменьшительно-ласкательными суффиксами. Их не следует смешивать со словами, хотя и имеющими в своем составе такие аффиксы, но отличающимися от них по значению. См., например, слова *грамотка* 'письмо', квалифицируемое Словарем Академии Российской как «простонародное», *боярченок* и *барченок* 'сын барины', *фертик* 'щеголь' — с той же пометой.¹⁸ При этом словам *грамотка*, *боярченок* и *барченок* присуща лишь экспрессия непринужденности, а слово *фертик* отличалось эмоциональной оценкой неодобрения.

Приведем подтверждающие контексты: «[Леон:] Эта грамотка не по мне писана» (Лжец, с. 199); «За коротенькую грамотку спасибо, а длинная я роздал большим» (Письмо Львова Державину, 23 III 1786, с. 448); «[Удальцов:] Постой, господин честной, видал я едаких фертиков-та... у нас, слава всецедрому! имеется уложение и новоуказныя статьи!» (Веревкин, Так и должно, с. 44); «[Прощалыга:] Принесут ли фертики, объедалы, опивалы, заемщики безотдаточные хотя калач тебе в острог?» (Обман за обман, с. 224).

См. также *гулючки*, *жмурки*, *ладушки*, *чушки*, *хрюшки* — названия игр, распространенных среди народа, *буркальцо* — игрушка и др.

Очень немногочисленны просторечные слова с соответствующими аффиксами с эмоциональной окраской ласки. Это, например, ласкательные обозначения возлюбленных: *сударик*, *сударчик* и *сударушка*, употреблявшиеся в народной речи также в функции обращения. См., например: «[Скрягин:] Постой. [Пролаз:] Чего пзволишь? [Скрягин:] Скажи, что она моя сударка» (Княжнин, Скупой, с. 336); «[Влюб.] Оставим, сударик, смущение, в которое взаимная горячность нас ввергает» (Дмитриевский, Раздумчивый, с. 47).

4.02. Несколько иной была функция уменьшительно-ласкательных суффиксов в словах, образованных от основ просторечных слов. Она заключалась в смягчении присущей этим основам оценочности, являясь одним из способов создания эмоционального разнообразия просторечной лексики. Это можно наблюдать при

¹⁸ САР_{II}, ч. 1, с. 1237; там же, ч. 1, с. 299; там же, ч. 6, с. 1103.

сопоставлении соответствующих слов с производными от них с указанными аффиксами.

Ср.: «Баба здоровая выдержит хотя и не обморок» (Новиков, Похождения Ивана, с. 132); «И естыли б Чириковы, увидя, что эта бабочка далеко меня увлечет, не выпроводили из города воп почти насильно, я готов был остаться в Твери навеки» (Долгорукий, Капище моего сердца, с. 89); «[Селимена:] Ах, бедная бабочка! как сухи ее разговоры» (Елагин, Мизантроп, с. 44); «[Лесник:] Да выколи пожалуй свои буркалы-то, чтоб они меня не соблазняли» (Николев, Розана и Любим, с. 7). «[Прозлаз:] Ваши очки не надобны, у меня свои хорошие буркальцы» (Голицин, Отец невидимка, с. 48); «[Скрягин, тихо Прозлазу:] Молчи, дуралей! На что ты вспомнил... То-то простота хуже воровства» (Княжнин, Скупой, с. 347); «Дуралеюшка Зубов удивился, ... что секретари ея величества докладывают по входящим бумагам и подают указы к подписанию» (Храповицкий, Дневник, с. 378); «По чести, я нахожу вас весьма странным человеком, но подлинно еще не знаю, притворяетесь ли вы прямым русаком или таковы и вправду» (Кочелек, с. 58); «В старь бывали легки греки, Ныне легок Русачек; Шаг ему чрез степь и реки, С горы на гору скачок» (Николев, Русские солдаты, с. 25); «Это сапит то старая хрычовка, сватьяшка наша» (Левшин, Русские сказки, с. 14); «И сделал лекарь наш хрычовушке вопрос: Уже ли видишь ты, сударыня, повсюды?» (Сумароков, Слепая старуха и лекарь, с. 283).

Точно так же могут быть сопоставлены слова *бедняга* и *бедняжка*, *карапуз* и *карапузик*, *парень* и *паренек*, *детина* и *детинка*, *детинушка*, *хват* и *схватик* и др.

Слова с уменьшительно-ласкательными суффиксами, образованные от основ просторечных слов преимущественно с экспрессией грубости, в которых названные аффиксы выполняли функцию смягчения экспрессии, были необходимы в составе просторечной лексики как одна из рубрикаций, участвовавшая в создании разнообразной эмоционально-оценочной гаммы, характеризующей складывающуюся стилистическую категорию.

Что касается других рубрикаций слов с суффиксами субъективной оценки — «презрительных» и увеличительных (грубых), то сравнительно немногие из них, образованные от слов просторечных, такие как *бабенка*, *мужиченко*, *кляченка*, *бобылишка*, *парнище*, *ворожище*, *мужичище* и др., встречаются в памятниках второй половины XVIII в. См., например:

[Ф и л м о н:]

«О! ты дедушка Фадей!
И ты сильный ворожище!
Ты могучий чародей».

(Аблесимов, Мельник, с. 34)

Какой-то негде шел обоз:
Ключонка на гору тянулась
Везла она тяжелый воз,
И стала, больше не тронулась.

(Сумароков, Комар, с. 61)

Возможности образования таких слов от слов просторечных непроизводных теоретически были широкими. Относительно редкое их использование в памятниках могло быть связано с тем обстоятельством, что лексический состав функционально-стилистической категории — просторечия располагал словами, которым были присущи другие способы создания эмоциональной оценочности. Так, эмоциональной оценкой презрения обладали некоторые имена существительные с аффиксами *-ай (-яй)*, *-арь*, *-ун*, *-ак (-як)*, *-ан (-ян)*. См., например: *вихляй*, *замотай*, *штукарь*, *свистун*, *мерзляк*, *плешак*. При усилении признака эмоциональной оценкой грубости обладали, например, слова *бородач*, *усач*, *губан*, *голован* и др.

Сравнительная редкость просторечных слов с «презрительными» и увеличительными суффиксами в обследованных нами памятниках и значительное количество слов, где соответствующие эмоции выражены другими языковыми средствами, подтверждают это предположение.

4.03. Во второй половине XVIII в. складывались основные аффиксальные группы просторечной лексики. Этот процесс нашел свое отражение в словарях той поры и прежде всего в Словаре Академии Российской, где по-разному характеризуются слова, равноценные в стилистическом и эмоционально-оценочном плане с современной точки зрения. Особенно показательны в этом плане производные имена существительные. Так, существительные с аффиксом *-ак*, *-як* с экспрессивной окраской презрения даны в этом Словаре с пометой «просторечное» — *мерзляк*, «простонародное» — *гниляк*, *голяк*; слово *плешак* дается с пометой «укоризненное», слова *скудняк*, *простак* (и *простяк*) — без стилистических и указывающих эмоциональную окраску помет. Такая же картина наблюдается и в отношении других аффиксальных групп экспрессивно-оценочных существительных.¹⁹

Изучение экспрессивно-оценочной лексики, входившей тогда в просторечие, показывает наличие в группах одного образования слов с различной степенью оценочности. Так обстоит дело, например, в наиболее полно представленной в Аналогических таблицах и в Словаре Академии Российской группе имен существительных с аффиксом *-ай*. В нее входят слова: *вихляй* 'неповоротливый, не-

¹⁹ Об этом см.: Ю. С. Сорокин. Разговорная и народная речь в Словаре Академии Российской. — В кн.: Материалы и исследования по истории русского литературного языка, т. I. М.—Л., 1949, сс. 123—126.

расторопный к делу и к ходьбе', *замотай* 'мот, кутила', *растегай*, *разувай* 'неопрятный, неряха', *чудалай* 'странный человек', *шелапай* 'бездельник', *негодяй*, *ширай* 'плотный, широкоплечий человек', *слюнтяй* 'ребенок, пускающий слюни'.²⁰ Из этих слов *виляй*, *слюнтяй*, *ширай* в приведенных значениях эмоциональная окраска не свойственна, слова *растегай*, *разувай*, *замотай*, вероятно, имели окраску неодобрения, слова *чудалай*, *шелапай* — окраску презрения; слово *негодяй* было эмоционально-оценочным в бранном употреблении.

Группы слов, объединяемых по типу оценочности, не совпадают с группами аффиксальных просторечных слов. В них входят слова непронизводные и производные, с различными аффиксами.

На основании соответствующих контекстов памятников, данных словарей, сопоставлений внутри аналого-синонимического ряда можно выделить некоторые группы эмоционально окрашенной просторечной лексики. При этом следует учитывать, что распределение слов по группам, близким по характеру эмоциональной окраски, всегда будет относительным и не лишенным известной субъективности.

Так, по нашим наблюдениям, эмоциональная оценка пренебрежения ясно проступает в словах: *алтынничать*, *бабье*, *балаболка* (о любящем болтать пустое, вздор), *брежня*, *брежун*, *брежунья*, *брехать*, *вранье*, *горлодер*, *горлопан*, *завируха*, *замухрышка*, *зевака*, *кропать*, *крохобор*, *крохи* (о чрезмерно малом количестве, остатках чего-л. значительного по величине), *лежебока*, *лопоухий* (о нерасторопном, плохо соображающем человеке), *ложмы*, *ложмач*, *мелюзга*, *молокосос*, *мямлить*, *мямля*, *попрошайка*, *плакса*, *плакида*, *размазня* (о бесхарактерном человеке), *рифмач*, *рохля*, *щенок* (о молодом, излишне самоуверенном человеке) и др.

Эмоциональной оценкой презрения обладали, по-видимому, следующие слова: *басурман* и *басурманка*, *бестолочь*, *блюдолиз*, *втереться*, *дармояд*, *деревенщина*, *засельщина*, *зёва*, *лизоблюд*, *мозгяк*, *некресть*, *пентюх*, *разгильдяй*, *разиня*, *рёва*, *сводня*, *шелопай*, *ярыга* (о пьянице, беспутном человеке) и многие другие.

Окраска неодобрения заметна в словах: *белоручка*, *верзила*, *вертопрах* и *вертопрашка*, *ветрогон*, *вежа* (об очень высоком человеке), *глазеть*, *гордячка*, *горлан*, *горланить*, *горластый*, *жердила*, *жила* (о плутоватом и прижимистом человеке), *заяшка*, *замашка*, *зариться*, *заркий*, *зубоскал*, *зуда* (о ворчливом человеке), *косопалый* (о неловком, неуклюжем человеке), *краснобай*,

²⁰ Так, слова *негодяй*, *ширай* даны в САР с пометой «просторечное»; *виляй* — с пометой «простонародное», *слюнтяй* — без пометы. В Аналогических таблицах слова *замотай*, *слюнтяй* имеют помету «простореч.», *растегай*, *чудалай*, *шелапай* — «простонар.».

крючок, крючоктвор, крючоктворец, лебезить, мерзляк, мешок (о неуклюжем человеке), мямлить, обиреха, обжора, обедала, опивала, опивальщик, прожора, пройдоха, скряга, скряжничать, туша (о чрезмерно толстом человеке) и многих других.

С оценкой укоризны, вероятно, употреблялись слова: *бедокур*, *злюка*, *бражничать*, *колобродить*, *куролесить*, *мудрить*, *растяпа* и ряд других.

Преимущественное положение среди эмоционально-окрашенных слов имели слова, эмоциональная оценка которых выражала отрицательное отношение к предмету, качеству, действию, обозначаемому словом. Группа слов с противоположной оценочностью была очень немногочисленной. Так, некоторые слова обладали одобрительной эмоциональной окраской. См., например: *крепыш*, *зват* 'смелый, проворный, предприимчивый человек', *штукарь* 'выдумщик, хитрец', *мастак*, *дока*, *балагур*, *весельчак*, *быстряк*, *догад*, *нешечко* 'нечто хорошее, желаемое'; *досужий* 'расторопный', *задушевный*, *закадычный*, *хватский* 'отменный своим качеством'; с окраской сочувствия употреблялись слова *бедняга*, *горюн*, *горюша*, *горемыка* и др.

4.04. Состав эмоционально окрашенной лексики слагался и за счет слов, которые были нейтральными в своих основных значениях и просторечными — в производных значениях.

Часто это были значения экспрессивно-характеризующие, со специфическим характером соотношений с основными номинативными значениями опорных слов соответствующих межпластовых синонимических рядов. См., например, слова в экспрессивно-характеризующих просторечных значениях с эмоциональной окраской презрения: *хапать*, *грабаздать* 'нагло присваивать чужое', *звонить* 'разглашать'; с оценкой пренебрежения: *городить*, *молоть* 'болтать пустое' (чаще со словами *вздор*, *нелепица* и *нелепая*, *чушь*), *болтаться* 'шататься', *вилять* 'лукавить'; с оценкой неодобрения: *подъезжать* 'льстить, стараясь добиться желаемого', *подзаривать* 'подзадоривать', *заедать* 'присваивать', *заедаться* 'задирать', *разбивать* 'расстраивать какой-л. уговор (чаще свадьбу, сватовство)' и т. п.

О богатстве и разнообразии слов в таких производных значениях в составе просторечия свидетельствуют следующие примеры: *вергоголовый* 'непостоянный, ветреный': «[Панфил:] А то того и жду, как мой вергоголовой К Надмену напоказ покажет с обновой» (Николев, Самолюбивый стихотворец, с. 80);

вытягивать 'вынуждать отдать что-л., вымогать': «[Саллидар:] А книг за грехи наши, чтобы ими деньги вытягивать, и так уж довольно» (Сумароков, Приданое обманом, с. 225);

отбрить 'отругать': «Может быть, одумавшись, князь в сердцах отбрил и самих их в тайне и наедине за то, что они ввели его в такую глупость пустыми своими наговариваниями и внушениями» (Болотов, т. III, с. 925);

подбегать 'ухаживать': «Во весь бал маршал был некак посредственно скучен, я полагаю, для того — подбегать было ему не к кому» (Зап. Бибикова, с. 54); ²¹

поддеть 'обратить в свою пользу чью-л. оплошность, неосторожность': «[Злотвор:] Он охотник играть, а не разумеет, не поддеть ли ево нам? Вить он кому-нибудь да проиграет же» (Обман за обман, с. 221);

подцепить 'украсть': «Решился подцепить Находку дорогую: Боясь же поделить Вещицу золотую, Со трепетом везде вокруг себя глядел» (Плоды алчности ко злату, с. 235);

подмывать — о состоянии внутреннего беспокойства: «Его уже давно подмывало, и ему еще более моего хотелось ехать домой» (Болотов, т. II, с. 720);

подъехать 'хитростью войти в доверие, подольститься': «Она туда сюда хвостиком помотала, Подъехала к нему и тотчас уласкала, Уже мой командир пред бабою погас, Утихнул и закис, как будто ячный квас» (Майков, Елисей, с. 46);

промигать 'не заметить, прозевать': «[Болтай:] Прости. Не промигай сумерек. [Волдырев:] Как промигать! Я прежде тебя здесь буду» (Княжнин, Сбитеньщик, с. 275). ²²

Эмоционально окрашенными были также некоторые предикативно-характеризующие значения слов, типичные для просторечия. Основные номинативные значения таких слов были нейтральными. Производные представляли собою реализации метафорических переносов, обладая преимущественно отрицательной оценочностью. Такие значения довольно широко отмечались словарями того времени. См., например, в Словаре Академии Российской: «Мотушка... 2) В просторечии называется легкомысленный, неосновательный человек» (САР_{II}, ч. 3, с. 866); «Мутовка... 2) В просторечии называется уподобительно неосновательная и болтливая женщина» (САР_{II}, ч. 3, с. 893); «Битка... 2) В просторечии значит человека бойкого» (там же, ч. 1, с. 190); «Тушица... 2) В просторечии в виде существ. общего называется человек непонятный» (там же, ч. 6, с. 811); «Башка... 2) В простор. говорится с презрением к людям тупаго понятия, малаго смысла» (там же, ч. 1, с. 116); «Бес... 2) В смысле * и в простор. придается человеку вертлявому, весьма проворному и резвому» (там же, ч. 1, с. 370); «Бурлак... 2) В смысле * и в просторечии: похабной, подлой, забиячливой человек» (там же, с. 343); «За-

²¹ Ср. *подбегатель*, *подбегала* — 'вдыхатель', 'обожатель'. См. у Лукина: «[Селимена:] Пожалуй не сомневайся; я уже освобожу вас от всех этих подбегателей, которые безотступно ходят за мною» (Ревнивый, с. 247); «[Андрей:] Ты угадал, господин подбегала... Мне сказано, будто б ты, в небытность мою, осмелился искушать эту девушку» (Лукин, Награжденное постоянство, с. 129).

²² Из приведенных нами просторечных производных значений нейтральных слов в САР фиксируется лишь значение слова *поддеть* без пометы со знаком * (переносное): САР_{II}, ч. 4, с. 1259.

лёт... 2) В просторечии называется гуляка или удалец» (САР₁, ч. 3, с. 1185); «Угар... 2) В простор. употреблении означает: удаль, забияка» (там же, ч. 6, с. 874) и др.

Выше приводились обладающие константной эмоциональной окраской просторечные слова, а также слова той же стилистической отнесенности в определенных значениях, эмоциональная окраска которых также постоянна.

5.01. Просторечие включало в себя целый ряд слов, получавших ту или иную окраску только при употреблении в определенной ситуации и в определенной функции. Более характерны среди них некоторые слова, употреблявшиеся в функции обращения, преимущественно с эмоцией ласки и целый ряд слов в бранном употреблении — с окраской презрения.

Примерами первых могут служить слова *кормилец, кормилица, родимый, родимая, старина, старинушка*, закрепившиеся в роли ласковых обращений в народной среде, проникшие в различной мере в разговорную речь разных общественных групп и через нее вошедшие в состав изучаемой категории. Они часты в памятниках низкого стиля 60—70-х годов и встречаются в соответствующих контекстах простого стиля конца века: «Ну а ты рассуди, кормилец, веть мы себе не лиходеи: мы бы и рады убрать, да как захватят дожди, так хлеб от наш и пропадет» ([Продолжение], с. 108); «Мы все, родимой, были в поле» (там же, с. 107); «[Фетинья:] Добро пожаловать..., а моего старика видел? [Мельник:] Нет, кормилица, и в глаза не попадался» (Аблесимов, Мельник, с. 28);²³ «[Филат, ласково:] Да чем жо я тебе, родима, не кажуся?» (Попов, Анята, с. 98); «[Граф:] Полно, старина! да нынче многие так делают. [Доброправ:] Это достойно сожаления» (Перемена в нравах, с. 60); «Вечор мне красные девицы Мешок пшеницы принесли: „Вить расклюют же даром птицы, Возьми, старинушка, смели!“» (Державин, Мельник, с. 99). «„Старинушка!“ сказал он ему: небось ты, беденький, устал и сегодня еще не обедал» (Болотов, т. 1, с. 16).

К ним примыкают слова *старик, старуха* в той же функции и приобретающие в ней оттенок непринужденной фамильярности. См. у Аблесимова: «[Анкудин:] Ге!... старуха!... што это? На тебя эту ночь и сна нет?...» (Мельник, с. 52).

См. также ласковые обращения, сложившиеся на основании образных применений слов в народной поэзии, ставшие достоянием изучаемой категории: «Собаки лаяли: ах, жонушка вставай, Муж старой говорил, я слышу в доме лай, Конечно на дворе, моя голубка, воры» (Сумароков, Сказка 2, с. 347); «[Неумолков:]

²³ Ср. слово *кормильной*, субстантивированное прилагательное в той же функции, но встретившееся нам только при стилизованной передаче диалектной речи: «— Да кто жа ты кормильной, коли не цорт, и с цово ты меня назвал давиць братом? — продолжал Меркульц» (Березайский, с. 92).

А! Это ты, Дарьюшка! Здравствуй, голубка моя, как ты пожи-
ваешь» (Лукин, Пустомеля, с. 174); «— Как! ты невинна, сказал
Припрыжкин, или думаешь ты, моя голубка, что доказательства
твоей измены несправедливы» (Крылов, Почта духов, с. 287);
«[Сорванец:] Ин делай, как знаешь, лебедка моя» (Веревкин,
Именинники, с. 245); «[Крючкодей:] Пожалуй, любезная моя
невеста! лебедушка моя белинька, прошу выкушать!» (Матин-
ский, с. 52).

5.02. Гораздо чаще о ситуативной оценочности можно гово-
рить в связи с бранным употреблением слов. Она возникала
в особых условиях функционирования, когда эмоциональный по-
рыв уже не сдерживался какими-либо соображениями. Это открывало
возможности для аффективного преувеличения и тем самым
облегчало перевод слов в бранном употреблении в просторечный
стилистический план, содействовало возникновению отрицатель-
ной оценочности и концентрации эмоциональности. Иллюстрацией
к этому положению могут служить многочисленные контексты
памятников, передающие речь различных лиц в аффективном
состоянии.

См. ответ Соколова на эпиграмму Чулкова:

В оглоблю вышины хоть рост ты и пмешь,
Но сколь велик, столь глуп, стили не разумеешь.
Чертополох, верблюд, балабан, ротозей,
Одер, осел, брыле, верзило, фалалей...
Воронье пугало! Престань бесчинно врать,
Ведь не болото здесь: престань дурак орать!

(Афанасьев, Образцы литературной полемики, с. 522)

Показательны примеры из речи персонажей комедий: «[Ма-
рида:] Ек распустила слезы, беззубая бабушка! старая беда,
ветошь, выноски мерзкия, и по уму и по летам. (Взглянув на
Крохоборова) Я тебе это заплачу!» (Веревкин, Именинники,
с. 298); «[Бурлин:] Ой же и ты мекина проклятая! а ты бы
рот от зажал» (Попов, Бурлин, с. 215); «[Матвей:] Слушай,
денежная гадина! скажи своему бачке, что Аня любит Матвея
и что Матвей вас обоих в три места уберет, естли вы не отста-
нете свататься на ней; слышал ли ты, сноп стоячий!» (Плавиль-
щиков, Бобыль, с. 424).

См. также в поэме, «вывернутой наизнанку», из речи Дидоны:

Негодный! дерзкий, плут! похабник!
Мерзавец! пакостник! страмец!
Мошенник! вор! злодей! нахальник!
Подлец! бродяга! сорванец!
Нет сил уж больше укрепиться,
Тебе чтоб в рожу не вцепиться.

(Осипов, Енейда, с. 323)

Во второй половине XVIII столетия в качестве бранных могли
употребляться следующие группы слов.

а) Слова, обладавшие тенденцией преимущественного бранного употребления. В ряде случаев первоначальные их значения были забыты, в бранном же употреблении основной для них была возможность быть эквивалентом многих слов отрицательного оценочного значения.

См. слово *бестия* (первоначально 'зверь, животное')²⁴ в контекстах, где оно может быть истолковано с помощью слов 'мерзавка', 'негодяйка'; 'подлец', 'мерзавец', 'негодяй' «[Г-жа Простакова:] Так тебе жаль пестой (булочки, — Г. К.), бестия? Вот какое усердие, изволь посмотреть» (Фонвизин, Недоросль, с. 109); «Какая-то бестия... подала на меня какую-то жалобу генералу» (Болотов, т. I, с. 992).

См. также слово *каналья* (первоначально 'чернь, негодяй'),²⁵ эквивалентное словам 'мерзавец', 'мерзавка', 'негодяй' и т. д.: «— Веть она ту каналью беглянку не в пример горячае меня любила» (Новиков, Похождение Ивана, с. 131); «— Лошадь твой каналья, швин» (Сервантес, Дон-Кихот, с. 87); «— Нет, каналья, либо ты умри, либо я» (Болотов, т. I, с. 101).

К ним примыкала группа слов, связанных в своем значении с представлениями о потусторонних силах зла, усвоенных через христианское верование или связанных с древней народной мифологией. В нее входили слова *бес*, *дьявол*, *сатана*, *ведьма*, *кащей*, *кикимора*, *леший*, *домовой*, *водяной*, *ляд*, *шатун*, *чорт*, *шишига* и др. Употребление их в прямом значении в памятниках ограничено жанром: слова *бес*, *дьявол*, *сатана* — в конфессиональной литературе, все перечисленные — в сказках. В разговорной речи они часты в бранном употреблении. Контексты из памятников, характерные для разговорной речи, в которые включены эти слова, свидетельствуют о преимущественной роли эмоции в момент их функционирования и в то же время о затемнении оттенков смысла.²⁶

Приведем некоторые из них: «[Крохоборов:] Не знаю только, какие кикиморы притаранили ко мне этого оболтуса, моего Ротозея» (Вережкин, Именинники, с. 281); «[Сенька:] Кой ляд! моя-та находка долго не является» (Чернявский, Купецкая компания, с. 168); «[Лукерья:] Уж хоть думать-то мне не мешай. [Ротозей:] Об етом (указывает пальцем в сторону, куда пошел Сорванец) постреле, об етом головорезе, об етом верченом дьяволе» (Вережкин, Именинники, с. 246).

Наиболее ярко эта особенность проявляется в устойчивых словосочетаниях этих слов с глаголами *взять*, *побрать*, выражаю-

²⁴ М. Фасмер. Этимологический словарь русского языка, т. I, с. 162: из лат. *bestia* 'зверь, животное'.

²⁵ Там же, т. II, с. 177: из франц. *canaille*, прямо из франц. или через польское *canalia* или нем. *Kanaille*; Преображенский, ч. I, с. 291.

²⁶ Эта особенность бранных слов указана еще Ш. Балли. См.: Ш. Балли. Французская стилистика, с. 338.

щих возмущение, негодование: «[Пряников:] Чобы дьявол их побрал. Экой крик! Хуже кабака!» (Лукин, Пустомеля, с. 206); «[Бригадир:] О! чорт их поberi! который раз принимаюсь, да не дадут кончить» (Фонвизин, Бригадир, с. 73); «[Правдин:] Что за глаза! Поberi меня лихая болезнь, естли не предузнаю в них, что мы вместо стриженных головушек иметь будем дело с здешними деушками красотушками» (Алленваль, Награжденная хитрость, сс. 12—13); «[Митрофан:] Пострел их поberi и с Еремеевной» (Фонвизин, Недоросль, с. 43); «[Мирон:] Нешто веть, поberi их прах» (Попов, Анюта, с. 93); «[Варвара:] Провал тебя возми и с пословицей твоей, старово дурака, негодая, страмца» (Попов, Отгадай, не скажу, с. 22).

б) Просторечные слова оценочного плана, обозначающие человека по отрицательному качеству, применявшиеся и как бранные, например *бездельник*, *дуралей*, *злыдня* и *злыдарь*, *лиходей*, *лежебока*, *наян*, *негодница*, *охальник*, *охреян*, *нэпуть*, *несмысль*, *пентюх*, *прожора*, *пострел*, *разгильдяй*, *разиня*, *скосырь* и др. См., например, следующие контексты:

разиня 'оплошный, невнимательный': «[Бурлин:] Ну, а ты что зеваешь, разиня! Ты бы таки пошел, да поцеловал ручку у будущего твоего тестюшка» (Попов, Бурлин, с. 203); «Борк, Фокс, Шеридан, Питт в молодости своей верно не бегали по улицам розинями» (Карамзин, ПРП, ч. VI, с. 94);

скосырь 'нахальный человек': «[Бригадир:] Я тебя научу, как с отцом и заслуженным человеком говорить должно. Жаль, что нет со мной палки! Едакой скосырь выехал!» (Фонвизин, Бригадир, с. 61); «(Турн, — Г. К.) Ни крошечки не отставай И никому не уступая, Как добрый скосырь жизнь ведет» (Осипов, Енейда, с. 457).

в) Слова в характерных просторечных значениях, содержащих отрицательную оценку человека, применявшиеся и как бранные, такие как *пень*, *пест*, *тряпка*, *чурбан* и др. «[Ротозей:] Едакой я пест! и тово не догадайся, что ей кажется, будто она говорит с Сорванцом» (Веревкин, Именинники, с. 247); «[Чужехват:] А ежели бы он воскрес, так бы он воскрес так, как умер двухлетним младенцем, а не едаким пестом; вить люди на том свете не вырастают» (Сумароков, Опекун, с. 44).

Особо следует указать целый ряд слов, частых в бранном употреблении, в основных значениях обозначающих какое-либо животное, обладающее какими-либо качествами, а в переносных — человека по такому отрицательному качеству. См.: *ворона*, *глухарь*, *змея* и *змейка*, *карга*, *осел*, *свинья*, *скот* и *скотина*, *собака*, *чушка*, *щенок*.

Приведем некоторые примеры: «(Солдаты) его встретили: о! о! у! ворона! Куда ты лезешь? За чем? От толь нечаянного при-

ветствия Ванюха весь изменился. Лице его уподобися белому плату» (Березайский, с. 219); «[А н ю т а:] Да что я сделала? [М и р о н:] Што зделала, злодейка! Што зделала, чу, я Проклятая змея! Што ты смытарилась с детиной, лиходейка!» (Попов, Анюта, с. 114); «[Щ е л ко п е р о в:] Змейка, скоропейка, проклятая!... Перебаламутила всех, да и плывет как умная... Эдакая смиренница выступает!... И водой не замутит» (Веревкин, Именинники, с. 302); «[С ко п и д о м о в а:] Отвечай, змея подколодная!... Я так сегдита, что изогвала бы ее своими гуками» (Подражатель, с. 43); «[Р о м а н:] Однако я бы хотел знать, что мое и что не мое. [Г. О с м и н и н:] Щенок какой!» (Домашняя несогласия, с. 222).

Утверждались в составе бранной лексики слова *сова* и *филин*: «[С к в а л ы г и н:] Сова Елизарьевна! да худова-та меньше съедят. Я не хочу, чтоб они обожравшись сидели вытараща глаза» (Матинский, с. 80); «[В р а л ь м а н:] Чему фы зупы-то скалите, нефежи? [Ц ы ф и р к и н:] (ударив по плечу) А ты что брови-то нахмурил, чухонска сова? [В р а л ь м а н:] Ой! Ой! шелесны лапы! [К у т е й к и н:] (ударив по плечу) Филин проклятый! Что ты буркалами-то похлопываешь?» (Фонвизин, Недоросль, с. 147).

Ситуация употребления усиливала их оценочность и форсировала проявления экспрессивных возможностей.

6.01. Разнообразие видов оценочности просторечия обусловило наличие в его составе многочисленных синонимов и аналогов, для которых характерны не только различия по виду и по интенсивности оценки, но и близость по ее характеру и мере. В некоторой степени это сказывалось уже в наборах аналогов и синонимов в русской части иноязычно-русских словарей середины века. Вот, например, некоторые словарные статьи из Словаря Волчкова: «*Sajoleur de femmes*... Бабей ублажатель, подлипала, волокита, женской обаянник, чичисбей» (ч. I, с. 342); «*Beuveur, biberon*... Пьяница, пияка, пьянюга» (там же, с. 250); «*Beuveuse, qui boit trop*... Пьяница, пьянюга, пиявица, тягущая, пияка» (там же, сс. 250—251); «*qui baute, frequente les cabarets*... кто по кабакам, на кабаки бродит; пьянюга, запивоха, пиворез, гвоздосос» (там же, сс. 335—336); «*Brigandeaue*... Разбойничешка, шишимор, поддорожник» (там же, с. 313); «*Brigand, voleur*... Разбойник, куромша; наездник, нападчик, поддорожник, грабитель» (там же, с. 232); «*Badaut, lourdaue*... Увалень, ступа, неповоротливый» (там же, с. 206), «*Butor, m. lourdaue*... Осел чурбан, непроворный, пень, увалень, ни к чему годный человек» (там же, с. 334).

Более ярко это демонстрируется в следующих аналого-синонимических рядах:

вздор // ахинея // белиберда // галиматъя // сумбур // чушь // чуза;

балагур // весельчак // зубоскал // скалозуб;
 болван // тупица // олух // пень // пест // пентюх;
 ветер // вертушка // вертопрах // ветрогон // ветреница;
 ворона // разиня // рогозей // зевака;
 лентяй // лентяга // лежень // лежебока // байбак;
 мотыга // замотыга // мотушка // мутовка // мотарыга;
 скряга // скупяга // скупентяй // кащей // скупяк // крем-
 ляк;²⁷
 удалец // удаль // залет // угар // хват;
 плакса // плакун // плакида // верезга // рева // ревун;
 малый // детина // парень // молодец;
 верзило // жердило // вежа // величка;
 ненаеда // объедала // обжора // прожора;
 заморыш // мощи // тощак;
 космач // лохмач // хохлач // ерошка // растрена;
 грязнуля // неумывка // неряха // замарата;
 задушевный // закадычный // запазушный;
 моркотный // кислый // пасмурный // туманный;²⁸
 набойливый // назойливый // напрасливый // нахайливый;
 свергеть // спроворить // свахлять // сварганить;
 угомонить // уложить // убрать // ухлопать // ухвоить;²⁹
 уломать // убайть // умаслить;
 блажить // колобродить // куролесить;
 мешкать // меледить // копатьсь // гузать // шишкать //
 шишкаться // валандаться;
 ломаться // кривляться // кобениться // коверкаться;
 ударть // улизнуть // ерзнуть // урыть;
 навостриться // наблошниться // натереться // натореть;
 пачкать // гваздать // мызгать;
 втянуть // завязить // втюрить // вмятить;
 отвязаться // отделаться // отлезть;
 накинуться // напуститьсь // опрокинуться;³⁰
 дернуть // хватить // клюнуть 'разом выпить' и многие
 другие.

Приведенные аналого-синонимические ряды, которыми, конечно, не исчерпывается богатство и разнообразие изучаемого стилистического пласта, показывают, что в ряду группируются слова с разной оценочностью, не одинаковые и по ее интенсив-

²⁷ У Волчкова: «Pince — maille, chiche... Скупяк, кремляк, крайне скупой человек» (ч. II, с. 678). Ср. современное *кремень*.

²⁸ «Туманный... 2) В просторечии: невеселый, смущенный, печальный» (САР II, ч. 6, с. 809).

²⁹ «Угомонять, угомонить... простонар. ...3) Убивать, лишать жизни» (САР II, ч. 6, с. 883).

³⁰ См.: «Князь не успел войти в комнату, как и опрокинулся на меня, как лютейший зверь и не только заорал во все горло, изливая на меня свой княжеский гнев, но и начал даже оскорблять» (Болотов, т. III, с. 975).

ности. Так, в ряду *пачкать* // *гваздать* // *мызгать* первый его член — глагол *пачкать* обладал тогда, по-видимому, оценкой, обусловленной значением, а в двух других глаголах — *гваздать* и *мызгать* — проявлялась экспрессивная оценка: экспрессия грубости. Они примерно равны по степени оценки. В ряду *верзило* // *жердило* // *вежа* // *величка* всем его членам присуща экспрессивная оценочность, по двум первым — яркая экспрессия грубости, несколько меньшая в третьем члене (*вежа*), а слово *величка* также обладало, вероятно, отрицательной эмоциональной оценкой неодобрения, впрочем, весьма умеренной. См. у Болотова: «Все были велички и толстяки, все в кожаных, в красных рубахах, и все с виду как бурлаки» (т. III, с. 63).

В ряду *навостриться* // *наблосниться* // *натереться* // *натореть* первый и последний члены обладают лишь известной сниженностью, а второй и третий — эмоциональной оценкой грубости.

Само наличие в просторечии рядов слов, близких по значению, различающихся по виду и интенсивности оценки, но в ряде случаев и с одинаковой оценочностью, равной по интенсивности, следует рассматривать как условие, способствующее стилистической дифференциации, происходившей в конце XVIII — в первой трети XIX в.



Подведем итоги.

Для русского просторечного слова в изучаемый нами период характерны различные виды оценочности. Многообразный состав просторечия включает слова и группы слов с собственной оценочностью, проявляющейся как наличие в значении слова моментов отклонения от обычной количественной и качественной характеристики предмета, действия, качества, явления и т. д., обозначаемого словом. В области количественной характеристики такая оценочность исходит из тенденции разговорной речи к преувеличению и иногда преломляется как гиперболическое преувеличение, особая энергичность действия или чрезмерное проявление качества, а также иногда как указание на сильное замедление действия, недостаточность признака. В области качественной характеристики она проявляется как оценка качества.

Многочисленны в составе просторечия слова с эмоциональной оценочностью, т. е. включающие в значение выражение отношения к предмету, качеству, действию, явлению (презрение, неодобрение, насмешка, порицание и т. д. При этом создание эмоциональной оценочности связано с проявлениями семантических особенностей русского языка. Особенно значительна в этом плане роль метафорического переноса как фактора расширения семантического объема слова за счет образования образно-пере-

носных эмоционально окрашенных значений и типических применений. Характерен для просторечия целый ряд эмоционально окрашенных слов, образованных по моделям, приспособленным для выражения эмоциональной оценочности.

Просторечие располагало эмоционально-оценочной лексикой с константной и ситуативной оценкой. В сравнении с оценочной лексикой разговорного стиля современного русского литературного языка такая лексика, присущая просторечию изучаемого времени, менее развита как в количественном отношении, так и в отношении широты гаммы эмоциональной оценки. Но уже определилось характерное для данной категории преимущественное положение отрицательной оценочности, выделяется лексика с экспрессией грубости, презрения, уничижения, неодобрения. Определилась и возможность смягчения эмоциональной окраски просторечных слов, реализовавшаяся в образованиях от основ просторечных слов, обладающих резкой оценочностью, с уменьшительно-ласкательными суффиксами, что послужило одним из путей обогащения и его экспрессивного разнообразия.

В ряде случаев основания стилистической сниженности и отчасти отрицательной оценочности лежали в плоскости социальной стратификации лексики. Стрицательная оценка могла быть объяснена лишь закреплённостью слова в языковом употреблении определенных социальных кругов русского общества и поэтому связана с традицией определенных жанров памятников (см. слова, соотносимые с народным бытом). Вместе с тем можно наблюдать тенденцию авторов словарей и некоторых писателей считать употребительной только в определенной социальной среде лексику с резкой экспрессией грубости («простонародные» слова в словарях), бывшую в общем употреблении в обиходной речи различных социальных групп населения. Функциональные различия их в составе просторечия в то время еще не оформились.

Преимущественное положение в составе просторечия слов с ярко выраженной пейоративной семантикой, обладавших тогда тенденцией к обрастанию экспрессивно-оценочными синонимами, содействовало концентрации в составе просторечия многочисленных синонимов, как различающихся по виду и мере оценочности, так и равнозначных в этом отношении. Это в свою очередь послужило одной из предпосылок стилистических размежеваний. В XVIII столетии в большинстве случаев намечаются тенденции таких размежеваний, в которых действие стилистических факторов тесно и своеобразно переплетено с тенденциями развертывания семантического объема различных синонимов и аналогов и изменениями отношений внутри аналого-синонимических рядов.

ПРОСТОРЕЧИЕ КАК ОДИН ИЗ ИСТОЧНИКОВ ФОРМИРОВАНИЯ СЛОВАРНОГО СОСТАВА ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА



1.01. Формирование во второй половине XVIII столетия просторечия как функционально-стилистической категории русского литературного языка само по себе является подтверждением того, что просторечие — общая разговорная речь — было одним из источников сложения русского литературного языка русской нации. Это следует рассматривать как одно из проявлений мощного процесса демократизации русского литературного языка, обусловленного его социальным заданием: служить средством широкого и многообразного языкового общения.

Наблюдения показывают, что контакты литературного языка, обладавшего письменной формой, и живой разговорной речи двусторонни: поляризация различных форм существования русского языка сопровождается усилением их взаимодействия и взаимопроникновения. Процесс развития русского литературного языка в указанном направлении по-разному преломлялся в отдельных присущих ему категориях. Такие его особенности выявляются и в сфере просторечия. Можно полагать, что для 50—70-х годов XVIII в. преимущественно характерно собирание слов в изучаемой категории и постепенная проверка стилистических возможностей различных групп слов и отдельных слов в различных жанровых и контекстуальных условиях. К 80—90-м годам обнаруживаются тенденции упорядочения состава функционально-стилистического просторечия.

Действие этих тенденций обусловило:

- а) постепенное сложение центральных слоев просторечия, его ядра, входящего как составная часть в область выразительно-образных средств русского литературного языка;
- б) продвижение ряда групп слов и отдельных просторечных слов в нейтральный слой русского литературного языка как одно из направлений пополнения этого слоя, преодоления выявлявшейся недостаточности его лексико-семантического состава в условиях расширения языкового общения;

в) оттеснение избыточных групп слов и отдельных слов на периферию формирующейся категории, а некоторых групп — в ненормированную общую разговорную речь и ее диалектные вариации;

г) пополнение функционально-стилистической категории за счет слов, ранее принадлежавших нейтральной лексике русского литературного языка, приобретающих стилистическую сниженность в процессе семантико-стилистических дифференциаций соответствующих аналого-синонимических рядов.

Таким образом, действие центробежных тенденций развития в пределах функционального просторечия сочеталось с проявлением тенденций центrostреmitельных, процессы интеграции дополнялись процессами дифференциации.

2.01. В формировании центрального слоя — ядра изучаемой функционально-стилистической категории, постепенно становящегося достоянием выразительно-изобразительных средств русского литературного языка, выявилось национальное своеобразие русского языка, для которого характерно исключительное богатство так называемых живописных слов.¹ В этом слое постепенно объединялись просторечные слова с ощутимой предметно-образной обоснованностью производных значений, с заметной, но не резкой эмоциональной оценочностью. К концу века довольно точно определилась преимущественная область их употребления. Они обычны для контекстов памятников простого стиля во всем его жанровом разнообразии и входят в контексты памятников, продолжавших традиции «низкого стиля», составляя значительную, но не характерологическую часть их лексического состава. Эта роль к тому времени закрепилась за просторечной лексикой с резкой эмоциональной окраской, постепенно опускавшейся к периферии функционально-стилистического просторечия, а также за лексикой, локально ограниченной в употреблении.

Так вошел в центральный слой просторечной лексики глагол *остолбенеть* 'стать неподвижным, замереть вследствие душевного потрясения'. В 50—70-е годы он характерен преимущественно для жанров низкого и среднего стилей. См. примеры его употребления в это время: «Я остолбенел с сим перстнем, потому что ожидал гораздо большего подарка» (Лесаж, Жиль Блаз, с. 133); «Как скоро они вышли на свет, то, взглянув друг на друга, ахнули и остолбенели» (Чулков, Начало пустословия, с. 44); «Признаюсь, государь мой, что я при сих словах остолбенел, и, не могши ничего говорить, просил только себе двадцать четыре часа на размышление» (Живописец, с. 200).

¹ См. тонкое замечание В. А. Жуковского о своеобразии способов и средств использования простого в различных языках: «Все языки имеют между собою сходство в высоком, и совершенно отличны один от другого в простом, или лучше сказать в простопародном» (О басне и о баснях Крылова. — Соч., СПб., 1826, с. 84).

В 80—90-х годах глагол *остолбенеть* широко употребляется в различных контекстах памятников: «[Извед:] Я, ее увидя в окно, остолбенел от ея прелестей» (Княжнин, Сбитеньщик, с. 193); «[Простакова:] Ну... а ты остолбенела, а ты не впилась братцу в харю, а ты не раздернула ему рыла по уши...» (Фонвизин, Недоросль, с. 49); «Представь, любезный Маликульмульк, как я остолбенел, услыша такое препоручение» (Крылов, Почта духов, ч. II, с. 23); «Господи! Как она тем всех нас сразила: мы остолбенели от удивления» (Болотов, т. IV, с. 345); «Крестьяне остолбенели от удивления — ибо и в городах и в селах великодушие есть редкое явление» (Карамзин, Флор Силпн, 1791, с. 33); «[Штрален:] Станный человек! — За то вы ему и страшны. Недавно был он в нашем доме очень весел и всех забавлял своими шутками. Вдруг пришли вы — и наш барон остолбенел» (Юлиана, с. 136).

Разнообразие стилистической тональности приведенных контекстов, в которые входил глагол *остолбенеть*, позволяет предположить его широкую употребительность. Но принадлежность его функционально-стилистическому просторечию, подтверждаемая Словарем Академии Российской, очевидна. Она поддерживается семантическими и оценочными свойствами глагола, а также противопоставленностью стилистического плана в синонимическом ряду *оцепенеть*//*окаменеть*//*остолбенеть*.

Можно предположить на основании наблюдений за употребительностью и учета семантических и оценочных особенностей, что в ядерный слой функционально-стилистического просторечия входили слова: *балы*, *барабанишь*, *басня* 'выдумка', *биться*, *кололиться* 'мучиться с кем-чем-л. и жить с нуждой', *болгать* или *болгаться*, *болтушка* (о болтливой женщине), *бояриться*, *дворяниться* 'вести себя гордо, важничать', *бурлить* 'вести себя буйно', *бурливый* (о человеке), *бухать* 'говорить некстати, невпопад', *волокига* (о человеке), *гладкий* 'дородный', *говеть* 'проявлять воздержанность в пище', *городить*, *нести*, *пороть* (вздор, чепуху, чушь и т. п.) 'говорить что-л. несообразное', *добрый* 'видный, статный', *доплетаться* 'с трудом доходить, добираться'; *ершиться* 'сердито возражать', *зайчик* (о белой окраине волны), *зарыться* 'быть поглощенным чем-л.', *заедать* 'присваивать чужое', *зариться*, *кидаться* 'набрасываться с руганью, упреками', *коробить* (от чего-л.) 'приводить в неприятное состояние', *коситься*, *кроха* 'о ком-чем-л. очень маленьком', *крошечный*, *крутить* 'хитрить', *крючок* (о привязчивом человеке), *комедия* (о чем-л. вызывающем смех), *копаться* 'медленно делать что-л.', *кутерма* 'шум, беспорядок, суматоха', *липнуть* 'приставать, привязываться к кому-л.', *медведь* (о сильном, но неуклюжем человеке), *метаться* (на кого) 'накидываться с бранью, выговорами', *мешковатый* 'нескладный', *накрыть* 'внезапно появившись, застать за чем-л.', *насолеть* 'надоесть', *насолить* 'намеренно причинить

вред', *облеплять* 'окружать во множестве', *околесица* (о чем-л., не имеющем смысла), *оплевать* 'злобно охать', *отбоярить* 'хитростями выпроводить', *отбояриться* 'отделаться от чего-л. нежелательного', *отделать* 'сильно побить', *отдуваться* 'нести всю тяжесть дела, хлопоты вместо кого-л.', *палить* 'жечь много дров', *пасмурный* 'грустный', *пекло* (о нестерпимом жаре, о тяжелой изнурительной жизни где-л.), *перебиваться* 'жить в большой нужде', *поджигать* 'приводить в состояние гнева', *подлипать* 'подольщаться к кому-л.', *подсидеть* 'тайно повредить кому-л.', *подъезжать* 'хитрыми подходами стараться добиться от кого-л. желаемого', *пронюхать*, *разнюхать* 'узнать что-л., содержащееся в тайне', *приструнить* 'строгостью добиться чего-л.', *проболтать* и *проболтаться*, *путать*, *путаница* 'пустые слова', *разбивать* 'пронсками добиваться ссоры, неудачи в каком-л. деле', *рассорить* 'истратить', *растеряжа*, *слетать* 'быстро сходить', *содом* 'шум, ссора, брань', *таскать* 'небрежно носить (о платье)', *тупица* (о тупом человеке), *уломать*, 'уговорить', *умаслить* 'успокоить лстивыми разговорами, задобрить', *уплестись* 'с трудом уйти', *ускользнуть* 'незаметно уйти', *юлить* 'не говорить прямо, хитрить' и многие другие.

К ним примыкают слова, образованные сложением основ, с яркой предметно-мотивированной структурой. См.: *бедокур* и *бедокурить*, *белоручка*, *верхогляд* и *верхоглядка*, *ветрогон*, *зубоскал* и *зубоскалить*, *скалозуб*, *лежебока*, *молокосос*, *скопидом* и др.

В центральном слое просторечия группировались также слова, обладавшие в то время устойчивой стилистической сниженностью, связь которых с источником — разговорной речью — была ясной и ощутимой. Эта связь обусловила присущий им колорит непринужденности. Это относится прежде всего к словам со структурными особенностями, характерными для разговорной речи. См., например, существительные — имена действующего лица с соответствующими аффиксами: *бедняк*, *мерзляк*, *здоровяк*, *остряк*, *простака*, *русак*, *весельчак*, *смельчак*, *буян*, *горлан*, *грубиян*, *бородач*, *космач*, *рифмач*, *кудряш*, *торгаш*, *богатеи*, *грамотей*, *дуралей*, *валень*, *увалень*, *болтун*, *брезгун*, *крикун*, *мигун*, *попрыгун*, *горюн* и многие другие. Сюда же следует отнести существительные общего рода (см. *гуляка*, *плакса*, *скряга*, *вертушка*, *попрошайка*, *повируха*, *польгала*, *оплетала*, *резака*, *соня* и многие другие), а также существительные — имена действия на -*ня* (см. *болтовня*, *возня*, *громотня*, *грозотня*, *таскотня*, *топотня*, *хлопотня*) и др., существительные собирательного и отвлеченного значения (*гурьба*, *голытьба*, *бестолковщина*, *бывальщина*, *видалящина*, *безурядица*, *бесхлебница*) и многие другие. Можно также указать на глаголы отыменного образования, такие как *балагурить*, *бражничать*, *буянить*, *ватажиться*, *вековать*, *горланить*, *горстать*, *дакать* (и *поддакивать*), *звякать*, *его-*

зить, копаться, коротать, мудрить и мудровать, некать (и отнекиваться), повесничать, понедельничать, пятничать, суслить, тачать (подтачивать) и многие другие.

Входили в центральный слой просторечия и глагольные междометные образования: *глядь, прыг, шыг* и др.

Но многие слова, утверждающиеся в центральном слое просторечия, таких признаков не имели, хотя им была присуща специфичная стилистическая маркированность. Они стойко сохраняли колорит непринужденности, благодаря чему широко употреблялись в соответствующих контекстах памятников, представляющих вариации простого стиля. Примерами в данном случае могут служить слова: *авось, ахинея, барахтаться, барыш, бредни, бурда, буровить, буркать, бурчать, взбалмошный, взбудоражить, вахлять, вопить, впредь, врагь, втихомолку, гаркать, гвалт, горланить, дрягать и дрягаться, дразги, егоза, затея, зноить, каверза, коверкать, ковылять, ковырять, корпеть, кромсать, кропать, кропотать, кукачь, кукситься и кукситься, куликать, лытать, ляпнуть и ляпнуться, меледа, молком и молчком, мусличь, мызгать, пачкать, последок, пузо, раздолье, ринуться, рыскать, слоняться, спозаранку, сулить, тараторить, торить, тормошить, тотчас, удалый и удаль, уйма, хапать, хикачь, хлюстать, цапать, чушь* и множество других.

3.01. Вместе с тем постепенно слагались периферийные слои просторечия: с одной стороны, большая группа слов с затухающей стилистической маркированностью, тяготеющая к нейтральной лексике литературного языка,² с другой стороны, группа слов, отходящая на периферию функционально-стилистического просторечия. Часть таких слов постепенно становилась достоянием общей разговорной речи и ее локальных вариаций.

В конце века такие слова встречаются только в памятниках, продолжающих традиции «низкого» стиля, выполняя характерологическую роль (см., например, комедии Плавильщикова «Бобыль», Копиева «Обращенный мизантроп, или Лебедянская ярмарка», Кокошкина «Поход под шведа», П. Сумарокова «Модник» и целый ряд других), или служат целям комического или прощечного изображения (ирои-комическая поэма и «перевернутая» поэма конца века — Осипов, «Енейда, вывернутая наизнанку»; Наумов, «Язон — похититель золотого руна»; Плавильщиков, «Баталия» и др.), а также обычны в стихах Долгорукого как средство создания безыскусственности и в произведениях Державина, по-новому соединявшего в своей поэзии высокое и низкое.

Для некоторой части таких слов обычна резкость эмоциональной окраски. См. *барабошить* 'болтать', *бузовать, буркалы, валан-*

² См. ниже, с. 189 и след.

даться, вахлак, вахлять, втемяшить и втемяшиться, втюрить, вякать, гольтепа, горлопятина, дрыгнуть, жигнуть, жрать, забулдыга, зюзя, куликать, лаяться, мальханить, махлевать, обалдуй, ошалеть, простофиля, прощальга, рыло, сочить, стибрить, трескать 'есть', тяпать (и подтяпать) 'красть', шваркнуться, шушера и многие другие.

Вот некоторые примеры их употребления: «[Иван:] Хороша у меня суженая. Бестолковая? Пустика на меня воровския то буркалы, я не Андрею твоему жбан» (П. Сумароков, Модник, с. 131); «Сказав сие хватил о глотку И треснул о зель, как молодку, Рассерженный с похмелья муж» (Осипов, Енейда, с. 74); «[Парамон:] Да что ж ты задумал, ведашь ты, кочевряжиться, что ли надо мной?» (Плавильщиков, Бобыль, с. 138);

На водку за доклад просить не покушайся,
Не трися вкруг мещан, с купцами не якшайся.

(Долгорукий, Приказ швейцару, с. 418)

Как я к купчихе в дом надежно заберусь,
Но и к серебряным стаканам приберусь,
Мне тяпать не в первой, тому я мастерица.

(Плавильщиков, Баталля, с. 100)

Кати, кума драгая,
В шубеночке атласной,
Чтоб Осень, баба злая,
На Астраханский Красный
Не шлендала в кабак
И не кутила драк.

(Державин.
Желание зимы, с. 265)

Хоть девушки мои домашни
Рукой тебе махнут, — я рад: —
Любовные приятны шашни,
И поцелуй в сей жизни клад.

(Державин, Гостю, с. 466)

Тенденции перемещений в локальные вариации разговорной речи обнаруживают, например, слова — названия одежды, такие как *азям, вареги, гуня, зипун, лопоть, онуча, сермяга* и др., сниженность которых объяснялась особенностями социального восприятия их.

С течением времени стали достоянием народных говоров многие слова — названия построек и их частей, такие как *двоенка, подклет, истобка, подволока, надызбица, закут, присенок* и др.

Среди многочисленных слов — названий бытовых реалий постепенно выходили из состава просторечия слова *доскан, дымник, колотило, лукно, лутошка, дубец, уразина, отымалка, наволока*

и паволошник, утирка, коробья, чапоруха, пошевенки, домовище, грядка, виселка и др.³

Процесс этот обнаруживает в самом конце столетия и в первом десятилетии XIX в. свои тенденции, интенсивные проявления его лежат за пределами нашего исследования.

4.01. Особый интерес для исторической лексикологии и стилистики представляет процесс пополнения лексики нейтрального слоя литературного языка за счет просторечия. Постепенная утрата стилистической маркированности целым рядом просторечных слов объясняется различными причинами. В ряде случаев эти причины лежали за пределами языка.

Так, слова конкретно-предметного значения могли входить в литературный язык в связи с расширением применения реальных, ими обозначаемых. Эту причину можно предположить при изучении вхождения в состав нейтральной лексики литературного языка слов — названий реальных: *глазунья, жбан, жгут, клока, кулек*. Распространенностью в обществе слов — названий игр и забав, таких как *жмурки, городки, горелки, поддавки*, можно объяснить ослабление и стирание у них стилистической маркированности. Однако нельзя не учитывать, что русский литературный язык конца XVIII в. не располагал нейтральными словами для их обозначения, и вхождение данных слов в слой нейтральной лексики способствовало восполнению лакун и зияний в этом слое.

Наблюдения показывают, что при изучении историко-стилистических перераспределений исследователь всегда имеет дело с комплексом разнонаправленных тенденций, причин и влияний, а действия внеязыковых факторов причудливо переплетаются с влияниями и потребностями языковой системы. В большинстве случаев за пределами языка было только побуждение, толчок к перемещению. Сам процесс передвижения следует относить за счет действия определенных лексико-семантических и стилистических тенденций.

4.02. Целый ряд реальных, свойств и действий можно было обозначить при помощи нейтральных слов только сочетаниями слов или описательными оборотами. Между тем просторечие располагало и более экономным способом языкового обозначения. См., например: *лачуга* 'ветхая хижина', *лунка* 'небольшая ямка', *заносчивый* 'ведущий себя вызывающе, высокомерно', *скряга* 'скупой человек', *неряха* 'неопрятный человек', *рухнуть* 'упасть, распа-

³ Выход слов этого рода из общего употребления часто связан с ограничением бытования реалии определенной средой. Но и при таких перемещениях, обусловленных, казалось бы, только внеязыковыми причинами, нельзя не учитывать возможностей расширения ареала одного из слов, ранее локально ограниченного, и оттеснения в народные говоры его аналогов. При полной неизученности диалектов русского языка XVIII столетия исследователи лишены возможности проследить эти процессы по отношению к абсолютному большинству слов.

даясь на части', *карабкаться* 'с трудом взбираться куда-л.', *молодежь* 'молодые люди' и так далее.

Иллюстрацией вхождения в литературный язык слов, для выражения значения которых в нем применялись лишь сочетания слов, может служить глагол *намекать* (*намекнуть*). *Намекать* в значении 'обиняками или знаком каким вразумлять, напоминать о чем-л.' фиксируется в Словаре Академии Российской с пометой «в просторечии».⁴ В 60—80-е годы он обычен в памятниках низкого стиля. Вот некоторые контексты с ним: «Никто и намекнуть того тогда не мог, Что едет то не бог; За сто мудреца не палкой приударят: Изжарят» (Сумароков, Надутый гордостью осел, с. 145); «[Лизетта:] Иногда и я помаленьку ей о том намекаю» (Пушкин, Вторично вкравшаяся любовь, с. 425); «[Трусим:] Мне помнится, что мне ты намекал, Что из отставки ты опять желаешь в службу» (Княжнин, Чудаки, с. 126).

Просторечность его поддерживалась аналогичной стилистической тональностью производного глагола *мекать* 'думать, догадываться, в уме разбирать', от которого он образован, а также производного глагола *смекать* 'разбирать, соображать'.⁵ «[Влас:] Да поведай нам, Матвей! Невеста та твоя кто? Я чай, такая же воструха, как и ты. Исавна! На котору бы нам мекнуть та» (Плавильщиков, Бобыль, с. 74); «[Влас:] Что ты же из полухи давишься: так и о всех по себе мекаешь» (там же, с. 130).

Однако оба эти глагола имели нейтральные синонимы, чего был лишен глагол *намекать*. Это явилось основанием для проникновения его в контексты различной стилистической тональности и нейтрализации в конце XVIII и первом десятилетии XIX в. См., например: «[Кривосудов:] Но как он намекнул, то дело плоховато. [Наумыч:] Все ложно» (Капнист, Ябеда, с. 26);

Увидев золото, красавица летком,
Как птица из садка к бородачу порхнула,
И тем мне ясно намекнула,
Что ей не надобен мой стихотворный бред;
А нужен к завтраму обед.

(Беляев, Прелеста, с. 13)

«Чуть было не покусились они соблазнить меня деньгами... О сем намекали они уже друг другу, говоря меж собою по-французски» (Болотов, т. II, с. 89); «Кажется, что у англичан рты связаны, или на отверстие их положена Министерством большая пошлина: они чуть, чуть разводят зубы, свистя, намекают, а не говорят» (Карамзин, ПРП, с. 286); «Искусство намекать принад-

⁴ САР_I, ч. 4, с. 83.

⁵ САР_{II}, ч. 4, с. 83. При слове *мекать* дается помета «простонародное», при слове *смекать* — «в просторечии».

лежит в особенности Лафонтену» (Жуковский, О басне и о баснях Крылова, 1809, с. 344). Словарь 1847 г. дает слово *намекать* уже без пометы.

4.03. Однако случаи прямого замещения просторечным словом неоднословного выражения понятия, характерного для нейтральной лексики литературного языка, сравнительно редки. Гораздо чаще замещение сочетается с расширением семантического объема слова, теряющего стилистическую маркированность. Примером такого пути может служить просторечное слово *мчать*. Его восприятие обусловлено отсутствием слова для выражения значения 'скоро везти, нести', а также наличием возможности расширения семантического объема. Словарь Академии Российской в своем первом издании фиксирует его как простонародное в значении: «скоро несущ, везущ, тащущ и проч. Лошади мчат».⁶ В этом значении оно часто в памятниках низкого и среднего стилей, в простом стиле конца века, в контекстах с тематической установкой на простой стиль. См., например: «Лошади меня мчат; извозчик мой затянул песню по обыкновению заунывную» (Радищев, Путешествие, с. 6); «Большая муха налетит, Прорвется и сама, и паутину мчит» (Хемницер, Паук и мухи, с. 171); «Прославились в сей день отменно мясники, Бычачьё мчат главу» (Народный обед, с. 87); «Сизы, юные дельфины, Облелея табуном, На свои ее взяв спины, Мчали по пучине волн» (Державин, Рождение красоты, с. 82).

Так, уже во второй половине XVIII в. глагол *мчать* демонстрирует широту лексической сочетаемости. В то же время ему свойственны возможности широкого включения в образные контексты благодаря содержанию своего основного значения. Это обусловило его проникновение в тексты различной стилистической тональности, в разные стили и жанры. В образных контекстах глагол *мчать* встречается, например, в различных по жанру и стилю произведениях Сумарокова.

В трагедии: «[Велькарь:] Геройско мужество к отваге войско мчало» (Сумароков, Хорев, с. 49).

В песне: «Жилище красоты, где свет очей драгих, Питал мой алчный взор, где не было печали, И дни спокойныя себя в весельи мчали!» (Песни и хоры, с. 344).

В притче: «Имей умеренность, держи в узде ты смелость; Нас наглости и бедства мчат» (Мышь медведем, с. 276).

В памятниках начала XIX столетия глагол *мчать* фиксируется в распространительном употреблении — о быстром движении масс воды:

⁶ САР_I дает при нем помету «простонародное» (ч. 4, с. 347); в САР_{II} помета при слове изменена («в просторечии») при почти том же определении: «...значит то же, что скоро везти, скоро нести, тащить и проч.» (ч. 3, с. 908).

Откуда Волхов извлекает
Обильное соборище вод желтых,
И чрез пороги между скал гранитных
Мчит их в сожитие
Вод Ладоги пространной.

(Радищев, Песни древние, с. 152)

Тогда же встречаются первые случаи употребления его в значении 'передвигаться с большой скоростью, мчаться'. См. у Дмитриева:

И я уже на чистом поле
Лечу на тройке, как Зефир.
Удалы мчат, закинув гривы,
Земля бежит, и пыль столбом!

(Отъезд, с. 49)

Таким образом, нейтральный слой литературного языка воспринимал не только недостающие ему слова, но и те просторечные слова, которые имели потенциальные возможности развертывания семантического объема. В этих случаях преодоление синкретизма русского слова путем создания образных контекстов, чему способствовала преимущественная конкретность значений слов, относящихся к просторечию, вела к устранению тождества в аналого-синонимических рядах. Постепенно складывались дифференцирующие смыслы в словах — членах ряда, создавались различия их семантического объема.

Изменение семантического объема слова вызывало изменение соотношений в синонимических рядах идеографического характера. При этом менялся и вид оценочности просторечного слова, что вызывало перераспределение слов в синонимических рядах оценочного характера. Эти процессы, органически связанные между собою, приводили к стилистическому перераспределению синонимичных слов. Некоторые из них нейтрализовались и постепенно воспринимались литературным языком, другие, сохранившие присущую экспрессивность, постепенно образовали обширную группу слов, также принадлежащих литературному языку, но применяемых при определенных условиях. Ниже демонстрируется ряд примеров таких перемещений.

Нейтральным во второй половине XVIII столетия словам *колыбель* и *зыбка* соответствовало просторечное слово *люлька*.⁷ Слово *зыбка* занимало соответствующее место в обширном гнезде однокоренных слов: *зыбать*, *зыбаться*, *зыбление*, *зыблемый*, *зыбкий*, *зыбкость*.⁸ Его семантический объем ограничивался кон-

⁷ САР_{II} дает его с пометой «простонародное» (ч. 3, с. 657).

⁸ САР_{II}, ч. 2, с. 928.

кретно-предметным значением. См. у Лепехина: «На суке дерева, которого вершину можно довести до отверстия улья, привязывают на веревках четверугольную зыбку, и приведши с нею сук к затворке улья, прикрепляют оной тонинькою веревкою» (ч. I, с. 193).

Более широкий семантический объем свойствен слову *колыбель*. Кроме основного значения 'качающаяся кроватка для младенца' в памятниках различных жанров часты случаи его образного применения, послужившие в дальнейшем основой его переносных значений: «А теперь, будучи обвеян воздухом того города, которой можно назвать колыбелью новой физиономики, метопосконии, хиромантии, подоскопии — теперь и вы бойтесь мне на глаза показаться» (Карамзин, ПРП, с. 285); «О колыбель моих первоначальных дней! Невинности моей и юности обитель!» (Державин, Арфа, с. 111).

Просторечное слово *люлька* обычно при описании быта в своем предметном значении, иногда наряду со словом *колыбель*: «Детская колыбель делается у них наподобие ящика дорожной коляски; и в том месте, где ягодице младенца лежать должно, выдалбливают лунку, из которой проводят желобок через бок люльки» (Лепехин, т. I, с. 229); «Делают ему (новорожденному, — Г. К.) люльку наподобие коробки, у которой по бокам есть петли» (Зуев, Описание остяков, с. 65).

Как показание вхождения слова в общее употребление в конце XVIII—начале XIX в. можно рассматривать применение его при употреблении и в образных контекстах: «(Лед) гнулся под ним люлькой» (Болотов, т. I, с. 143); «Когда судьба качает в люльке, Благословляю часть мою» (Державин, На умеренность, с. 175).

Но образные контексты слова *люлька* значительно отличаются от образных контекстов, в которые входит слово *колыбель*: они более реально образные. И, может быть, именно это свойство семантики слова содействовало стилистической перегруппировке в указанном синонимическом ряду и его постепенной нейтрализации. Словарь 1847 г. дает слово *люлька* уже без пометы.

4.04. В целом ряде случаев в преодолении семантической тождественности просторечных слов большую роль играло формирование переносных употреблений. Оно проявлялось как расширение свойств, качеств, действий на другие объекты и формирование на этой основе не тождественных новых значений. Это обстоятельство содействовало вхождению ранее просторечных слов в состав нейтральной лексики.

Сложное переплетение действия семантических и стилистических факторов можно продемонстрировать на примере прилагательных *ретивый*, *рьяный*.

Словари XVIII в. ограничивают их употребление речью простого народа. При этом, по данным Словаря Академии Россий-

ской, их семантический объем не совпадает. См.: «Ретивый... С величайшим рвением делающий, сильно действующий, рьяный. Рьяный... прил. 1) Употребляемое к означению сердитых, горячих лошадей. Рьяной конь. Рьяная лошадь. 2) * Человек горячего нрава. Рьян, но отходчив».⁹ Памятники позволяют фиксировать наличие в обоих случаях непроизводного значения 'резвый, быстрый, горячий (о конях)'; «Он был как некий конь веледушный, добрый и рьяный: Бодрость слепо его поревала в отважное бедство» (Тредиаковский, Тилемахида, с. 34); «Ретивая лошадка не долго везет» (Курганов, Краткие повести, с. 119); «Ретивому всегда работы вдвое, А тот же корм дают» (Хемницер, Ленивые и ретивые кони, с. 219).

Близость их значения подтверждается следующим развернутым сравнением: «[Розмарин:] Я говорю, что вы слишком ретивы, так вас бы не только впрячи куда, да и обуздать бы было трудно, и ради того-то вы родились человеком, а не лошадью» (Сумароков, Вздорщица, с. 116).

Распространение идеи 'резвый, быстрый, горячий' на человека обусловило применение ее к свойствам характера. Она реализовалась в производном значении слова *рьяный* — 'вспыльчивый, горячий':

Еол зрился средь воздуха рьян, беспокоен:
Сморщенный вид его черствый и голос суровый,
Брови ж густо навислы, глаза исполнены зноя.

(Тредиаковский, Тилемахида, с. 72)

[Верхолет:]

Когда бы не таков он был и груб и рьян,
То был бы гвардии он завтра капитан.

(Княжнин, Хвастун, с. 82)

«Оба (брата) были корыстолюбивы, оба рьяны, горячи, вспыльчивы и неуступчивы» (Болотов, т. II, с. 649).

Такое же значение складывалось и в слове *ретивый*: «По сих словах вдруг бац со всего размаху по зеркалу: глас огромныя серенады раздался по всему дому. Полковник, легший отдохнуть, вскочил без памяти — не смеет вытти в переднюю — так раскудахталось ретивое чадо Алкмеино» (Березайский, с. 170).

См. также распространительное применение по отношению к чувствам человека: «[Сорвилов:] Я распален тобой и силою моей ретивой любви налагаю на тебя цепи... Сдайся мне без сопротивления, и кричи пардон» (Подражатель, с. 25).

⁹ Слово *ретивый* дается в САР_{II} с пометой «простонародное» (ч. 5, с. 1039), слово *рьяный* в САР пометой не сопровождается (там же, с. 1120). Однако в Словаре Нордстета оно дается с пометой *vulg.* (т. II, с. 720).

Это употребление поддерживается сложившимся к тому времени сочетанием *ретивое сердце* 'горячее, пылкое сердце', частое в произведениях народной поэзии и в подражаниях им.

Уж как пал туман на сине море,
А злодей тоска в ретиво сердце.

(Песня, с. 98)

В чужих людях жить умеючи,
Держать голову поклонную,
Ретиво сердце покорное.

(Чулков, Собрание разных
песен, с. 190)

Памятники второй половины XVIII в. содержат материал, дающий возможность проследить возникновение различий в семантическом объеме данных слов, ведущих к разрушению смыслового тождества, сложению новых идеографических синонимичных отношений, обусловивших затухание стилистической сниженности и освоение слов *ретивый* и *рьяный* нейтральным пластом лексики литературного языка. Для слова *рьяный* дальнейшее развитие идет по линии распространения идеи значения на свойства человека, проявления его характера, его мысли и т. п. См.:

Он сел на распуки, поехал на кабаки;
Неукротиму месть лелея в мыслях рьяных.

(Майков, Елисей, с. 70)

Бела пшеница и румяна,
И так была полна зерном,
Что вмиг пришла охота рьяна:
Я ну молоть всем животом.

(Державин, Мельник, с. 93)

В слове *ретивый* реализуется распространение много содержания. Оно касается проявления отношений человека к исполняемому делу: «А старик-садовник мой, дядя Серега, так уже одряхлел, что почти ничего делать не был в состоянии, а младший его ученик Иван был также не слишком ретив, а более плутоват, нежели обо всем рачителен» (Болотов, т. III, с. 1183);

Наверно лзя сказать, не деляя обиды
Ретивым господам питомцам русских муз,
Что должен быть у них и особый вкус.

(Дмитриев, Чужой толк, с. 42)

Вхождение слов *ретивый* и *рьяный* в нейтральный состав русского литературного языка связано, таким образом, с преодолением синкретизма значения данных слов, с постепенным устранением тождественности семантического объема в направлении развития производных значений и употреблений. Синонимические отношения в ряду *горячий* // *рьяный* // *ретивый* дополнялись

для прилагательного *ретивый* складывающимися соотношениями со словами *старательный* // *усердный* // *прилежный* // *исправный*, из которых ни одно не содержало дополнительной идеи энергичности действия. Это послужило причиной ассимиляции слова *ретивый* нейтральным пластом лексики литературного языка. Дальнейшие семантические преобразования слов *ретивый*, *рьяный*, выражавшиеся в оформлении соответствующих значений на основе выявленных тенденций, лежат за пределами XVIII в.

4.05. Преодолению семантической тождественности просторечных слов и нейтрализации их способствовало сложение терминологических систем, форсировавшее семантические размежевания в рядах синонимов.

Иллюстрацией этого пути может быть вхождение в литературный язык слова *крыша*.¹⁰ В середине XVIII в. значение 'верхнее покрытие строений для защиты от атмосферных явлений' имели нейтральные слова *кровля* и *крышка*. См. в Словаре Волчкова: «*Perronet, m. balustre ou accoudoir de perron...* Кровля, крышка над летнею беседкою» (ч. II, с. 651); «*Pinacle, dites le haut d'un temple...* Верх, кровля на строении» (там же, с. 678).

Словарь Академии Российской фиксирует их как слова разного семантического объема: «Кровля... и умал. кровелька... Верхняя часть, покрывающая строение» (САР_I, ч. 3, с. 981; САР_{II}, ч. 3, с. 418); «Крышка... и умал. крышечка... 1) То же, что кровля. 2) У сосудов так называется то, чем закрывается отверстие оных. 3) Ткань, на мех какой-либо нашитая» (САР_{II}, ч. 3, с. 983; САР_{II}, ч. 3, с. 752).

Синонимичное им простонародное слово *крыша* также имело отличия в семантическом объеме: «Крыша... 1) В простонар. то же, что кровля. 2) В шашечных играх: очередь крыть карту, с которой пошли» (САР_{II}, ч. 3, сс. 982—983; САР_{II}, ч. 3, с. 452).

Памятники XVIII в. сохранили свидетельство о большей в прошлом близости слов *кровля* и *крышка* в семантическом плане. В некоторых случаях фиксируется распространительное употребление обоих слов. «...Надменные преизобилием внешних вод великие реки поднимают тяжкие свои зимние кровли» (Ломоносов, Перв. осн. металлургии, с. 205); «Накинул епанчу прожжкий: крышка греет» (Сумароков, Феб и Борей, с. 5); «Следую твоему совету, но парика еще не заказал; моя плешивая голова не терпит крышки» (Письмо Карамзина Дмитриеву, 1824, с. 374).

См. также слово *кровелька* в значении 'крышечка сосуда':

Венеры заповедь и гнев, и страх презрела,
Открыла кровельку, в горшочек посмотрела.

(Богданович, Душенька, с. 149)

¹⁰ Об образовании слова и его применении до XVIII в. см.: Е. М. Иссерлиан. Когда и как появилось слово *крыша*? — В кн.: Очерки истории языка. Уч. зап. ЛГУ, № 267, вып. 52, 1960, сс. 223—231.

Слово *крыша*, по-видимому, также было более близким к слову *крышка* в смысловом плане: следы этого еще сохранились в памятниках XVIII—начала XIX в. Так, в журнале Крылова «Почта духов» (1789) находим: «В то же самое время вооружился он всеми пятью томами сочинений Рифмокрада, которые искусный книгопродавец переплел в одну крышу» (с. 41).

В «Илиаде» в переводе Гнедича слово *крыша* встречается в значении 'крышка сосуда, ящика, сундука':

Так произнес, и поднявши красивые крыши ковчегов,
Вынул из них Дарданион двенадцать сосудов прекрасных.

(Песнь 24, ст. 228)

Но это были лишь отголоски прежней близости. В конце XVIII в. уже явственно проступают различия в функционировании этих слов, явившиеся основанием их дальнейшей семантической и стилистической дифференциации. Слово *кровля* в это время обладало отчетливой тенденцией к терминологизации, что можно подтвердить преимущественным его употреблением в основном значении в статьях и трактатах по строительному делу, переводных и оригинальных: «Кровля есть главная часть строения, сохраняющая снаружи дом от непогод и пожаров и доставляющая удобные запасные чердаки» (Кеферстейн, Опыт поправления крестьянских жилищ, с. 134).

В тех же памятниках рядом с ним в том же значении встречается его также нейтральный синоним *крышка*, хотя и осознается он как более обыденное название того же предмета: «Таковая кровля (из кирпичной глины, — Г. К.) продолжается лет до ста, и от огня совсем безопасна, однако же весьма тяжела. Я после покажу, как выгодами таковых крышек, миновав неспособности при оных, пользоваться можно» (Кеферстейн, Опыт поправления крестьянских жилищ, с. 149).

Проникновение слова *крыша* в литературный язык относится, по-видимому, к последней трети XVIII столетия. Оно появляется в памятниках, различных в стилистическом плане.

См. в научном труде по ботанике в стилистически нейтральном контексте: «Самый сей деготь, который делает бересту негленною, делает ее способною в некоторых местах к употреблению на прочные крыши» (Паллас, Описание растений, 1786, с. 157). В этнографическом сочинении: «Остязки, во-первых, избирают места свои на зимнее время подле воды, где в сухих местах строят деревянные избы, которые бывают без крыши» (Зуев, Описание остяков, 1780, с. 29). Ранее — в письме: «Первый ваш план погорелым местам я получила, а другого ожидаю, и тогда уже пришлю вам апробованного, как строиться, и ваши мнения и о черепичных крышах конечно забвению не предаю» (Письмо Екатерины II Волконскому, 1773, с. 94).

В самом конце XVIII в. слово *крыша* проникает в специальную литературу как синоним к словам *кровля* и *крышка*: «Мазать с нутри кровли черепицу прочною и дешево стоящую замазкою, составленною из равных частей негашенной извести, песку, рубленнаго мелко сена и воды: при сем наблюдать, чтоб было на крыше, соразмерно пространству, ей, довольное число окошечек, кои в сырую погоду и во время выюги затворять крепко. Примечание: черепицею крыть крышу наилучше гладкою, не муравленною» (Бабичев, Ответ о кровельных черепицах, с. 37).

Однако некоторые писатели считали его словом разговорной речи, о чем свидетельствует соответствующее отношение к нему. См., например, следующее примечание к нему у П. Сумарокова: «При карантине на сваях сделан над Лиманом род переходов под крышою. Примечание: Обычно употребляются слова *кровля* и *крышка*» (Сумароков П., Путеш., с. 224); «[Евгений:] О когда бы ты знал все достоинства моего сына, о которых я сам недавно сведал, так ты бы с крыши прыгнул для такого заты...» (Сумароков П., Модник, с. 43).

Оно применялось и распространительно — 'о доме, крове, жилище': «[Марина:] Что графу не везет, ты, может быть, то слыша Смутился, плюнь!.. своя ведь у тебя есть крыша» (Княжнин, Хвастун, с. 128); «Никто под крышей нашей и во дворе не заразился; все в деревне были живы, здоровы» (Долгорукий, Записки, с. 497).

См. также у Николева:

Но ах! вотще меня наставить
Прошу хозяйство я твое,
Не лучше ль прежде мне исправить
Слепое зрение мое?
Или не к Музам ли под крышу?

(Послание Голицыну, с. 280)

Смысл семантической дифференциации близких по значению слов *кровля*, *крышка*, *крыша* сводился к постепенному затуханию отзвуков былой большей близости их семантического объема, к выпадению из этой группы слова *крышка*, утверждавшегося в значении 'верхняя часть сосуда, ящика и т. п., служащая для его закрытия'.

Тенденция к терминологичности постепенно реализовалась в слове *кровля* функционально (в преимущественном употреблении слова в специальных текстах) и семантически (позднее — в создании специальных значений и употреблений). Общеупотребительным его синонимом стало слово *крыша*.

4.06. Вхождение ряда просторечных слов в состав литературного языка в конце XVIII в. связано с утратой ими семантической специфики просторечия — конкретности значения, утверждения в их значении обобщенности и отвлеченности. Таким пу-

тем вошли в литературный язык просторечные слова *быль, быт, всячина, вычурь, гладь, глубь, жара, огласка, помин, пустяк, раздумье* и др.

Так, просторечное слово *быт* фиксируется в САР_{II} в значениях: «1) Состояние, род жизни. 2) Потребное к состоянию» (ч. 1, с. 397). Первому отмеченному здесь значению не свойственна конкретность. Второе — обобщенное. Его следует понимать так: 'предметы, нужные для определенного рода жизни'. См. следующие примеры:

[Старокопейкин:]

Там ненужное снадобье
В старых сундуках лежит
И хозяйский ветхий быт.

(Державин, Дурочка, с. 467)

«Отправив весь свой домашний быт зимним путем до Твери..., прожил он в Петербурге еще несколько» (Зап. Державина, с. 665).

Вероятно, наличие у слова *быт* этого значения удерживало его в составе просторечия. Однако в памятниках XVIII в. такое употребление довольно редко. Второе издание САР, еще сохраняя при нем помету «просторечное», так формулирует его значение: «...употребляемое в просторечии к означению состояния или бытия чего-л.» (ч. 1, с. 353). В этом значении оно осознавалось как нейтральное слово отвлеченного значения в конце столетия, что и подтверждается широким вхождением в разнообразные памятники и контексты.

[Грублон:]

Все лепятся вокруг нас;
И только день настанет,
То всякий кофе, чай, вино и пиво тянет;
Чего в быту своем не видывал иной.

(Херасков, Ненавистник, с. 41)

С Бавкидой с юных лет соединился он;
Ни время, ни Гимен любви их не гасили;
Четыредесят жатв они вдвоем ходили
За всем в своем быту без помощи других.

(Дмитриев, Филемон и Бавкида, с. 102)

«[Еремеевна:] Ну да за то дом, как полна чаша, а в нонишнем быту, так права, у кого деньги, у того и ум» (Кюпиев, Обращенный мизантроп, с. 494); «За топором дело не станет; без него в крестьянском быту нельзя» (Березайский, с. 138); «(Алексей) приказывал готовить обед и прочее, что нужно в домашнем быту» (Карамзин, Наталья, боярская дочь, с. 199). Словарь 1847 г. дает слово *быт* уже без пометы.

Нейтрализации слова *глубь* способствовало также постепенное формирование его отвлеченного значения. В середине столетия оно чаще обозначает еще 'глубокое место (в море, реке)'.

Затем нырнул он в глубину, а вынырнул из той,
Держал в руке топор, но токмо золотой.

(Тредиаковский, Дровосек и Меркурий, с. 211)

«Погода жестокая поднялась, знающева никаво нет, хто б знал, где глупь, где мель и где можна пристать» (Зап. Долгорукой, с. 40).

В конце XVIII и начале XIX в. в разнообразных контекстах проявляется тенденция к расширению значения слова *глубь*; значительно меняется набор сочетающихся с ним слов. Постепенно развивалось значение отвлеченного качества.

Великий, страшный исполин
На полдень наступил ногою:
Чрез гор хребты, чрез глубь долин
Восток он придавил другою.

(Державин, Fragmentum, 1792, с. 106)

Но разврат, пуска свой корень
Сердца в глубь Македомонии,
Испроверг святы уставы.

(Радищев, Песнь историч., с. 79)

«Гроты снеговые, стены покрыты мохом, над ними нависли дерева. Спускаюсь в глубину, вылезая в узкое отверстие» (Грибоедов, Пут. зап., с. 69).

Постепенно происходило, таким образом, расширение семантического объема слова за счет формирования в его составе отвлеченного значения. С его оформлением слово *глубь* окончательно вышло из просторечия.

Аналогичный путь прошло слово *гладь*, первоначально означавшее 'гладкая дорога, гладкое место', постепенно расширившее семантический объем за счет значения отвлеченного качества. Оба они даются в Словаре 1847 г. уже без пометы.

С расширением смыслового объема слова за счет оформления нового значения связано вхождение в литературный язык слова *жара*. Но его продвижение от периферии к нейтральному слою лексики было осложнено наличием в составе литературного языка слова *жар*. В САР вошли оба этих слова; здесь фиксируются не только стилистическая их разнородность, но и различия семантического объема: «Жар... 1) Зной, сильная теплота, происходящая от солнца, от огня или от раскаленных вещей. 2) Раскаленные угли. В сем и следующих знаменованиях во мн. ч. не употребляется. 3) Горячий пар. 4) Воспаление крови. 5) * Сильное стремление или действие какой-либо страсти, как-то:

сильное желание, усердие, сильный гнев, сильная любовь» (САР_{II}, ч. 2, с. 397); «Жара... В просторечии употребляемое для означения весьма жаркого летнего времени» (САР_{II}, ч. 2, с. 394).

Отношение основного значения слова *жар* и слова *жара* вырисовывается, таким образом, как отношение значения состояния к его конкретизированному виду. Но на самом деле это конкретизированное состояние в памятниках выражалось и словом *жар*, и словом *жара*: «В полуверсте от устья есть накипной лед бусь кполь (ледяное озеро) называемой, которой ни в какие летние жары не тает» (Крашенинников, т. IV, с. 283); «А яровой от последующей летом засухи и жаров весьма плох» (Журнал Анненкова, с. 689); «Мастика есть сок, текущий из мастикового дерева во время жаров» (О торговле европ. в Леванте, с. 192).

Различие их стилистической тональности в приведенных контекстах затруднительно. Это можно рассматривать как свидетельство нейтрализации.

Оформление в слове *жара* значения 'высокая температура воздуха' под влиянием однокоренного слова *жар* относится, вероятно, к самому концу столетия.

См. у Державина: «[Старокопейков:] Такая жара, что во рту, как в печи, перегорело. Дайко напиться» (Дурочка, с. 439).

Тогда же, видимо, оно утвердилось в составе литературного языка. См., например, в сугубо нейтральном контексте у Карамлина: «Наконец у нас жара 24 градуса в тени» (Письмо Карамлина Малиновскому, с. 64).

Словарь 1847 г., еще не фиксируя в слове *жара* более отвлеченного значения состояния, дает его уже без пометы.

В конце XVIII в. в литературный язык вошло слово *пустяк*. Словарь Академии Российской определяет значение: «пустое, ничего не значающее дело», не сопровождая его пометой в I издании, что может быть объяснено и тенденцией этого издания не давать помет к словам, стоящим внутри гнезда слов. Во II издании оно сопровождается пометой «в просторечии».¹¹ При этом определении его можно рассматривать как синоним к слову *безделица* в значении, так формулируемом в обоих изданиях САР: «3) Употребляется к означению какого-либо дела маловажного, внимания не заслуживающего».¹²

Однако речения, сопровождающие определение слова *пустяк* во II издании САР, — 'говорить пустяки, спорить о пустяках', а также употребление в памятниках говорят о более широком его значении.

Памятники подтверждают и широкое применение его в значении, близком к отмеченному Словарем, но более обобщенном:

¹¹ САР_{II}, ч. 4, с. 1200; САР_{II}, ч. 5, с. 734.

¹² САР_{II}, ч. 2, с. 911; САР_{II}, ч. 1, с. 131.

‘то, что не заслуживает внимания своей незначительностью’: «[Максим:] Теперь не время говорить о пустяках, есть важные дела» (Левшин и Керцеллий, Король на охоте, с. 3); «Между тем как молодежь наша... упражнялась в пустяках, мы... проговорили между собою о сем важном деле» (Болотов, т. IV, с. 351); «Воин не захочет из пустяков быть изувечен, купец перестанет мыслить о прибытке» (Крылов, Почта духов, с. 272); «Вопрос: что есть право гражданское? Ответ: кто едет на почте, тот пустяками не занимается и думает, как бы лошадей поскорее промыслить» (Радищев, Путешествие, с. 104); «Отдавши жизнь свою на жертву пустякам, Дивимся, что они наскучат скоро нам» (Горчаков, К другу моему, с. 127).

К этому времени сложились некоторые типические сочетания со словом *пустяк*. См., например, сочетание *по пустякам*: «[Лесник:] Право-ста, Излет, по пустякам хорохоришься» (Николев, Розана и Любим, с. 68); «[Барабулькин:] А плату брав, судить должны мы как ни есть, Чтоб хлеба царского по пустякам не есть» (Капнист, Ябеда, с. 74);

Непобедимую ношу я в сердце страсть.
Ты ведаешь ее, хоть я и не болтаю.
Огня небесного она чистейша часть;
А я по пустякам, увы, ее питаю.

(Нелединский-Мелецкий, Непобедимую
ношу я в сердце страсть, с. 182)

Однако в памятниках оно встречается в значении ‘пустые, недельные слова’ (в сочетании *пустяки молоть*): «[Софья:] Не уж ли можешь ты подумать, что я за такого дурака выйду, которой не переставая целый день пустяки о себе мелет» (Лукин, Пустомеля, с. 165); «Отрицающий кричал: „Нечего пустяки молоть, а бога нет!“» (Фонвизин, Чистосердечное признание, с. 39); «— И полно, Клементьич, пустяки-то молоть» (Радищев, Путешествие, с. 164).

Как воплощение тенденции к обобщенности и этого значения можно рассматривать сформировавшееся устойчивое употребление слова в именительном падеже единственного и множественного числа для возражения — оценки неверности слов, несостоятельности и незначительности высказываемой мысли: «[Простяков:] Она теперь может идти за Промоталова, я на это согласен. [Слабоумов:] Пустяки» (Свадьба г. Промоталова, с. 108); «Как он мне своими шпыняньями надоел, то приподнявшись, сказал я ему: пустяки, брат, и напрасно трудишься» (Болотов, т. II, с. 209); «[Честон:] Как дурака тебя твой граф обманет. [Простодум:] Пустяк!.. Что скажет, он помимо уж не канет» (Княжнин, Хвастун, с. 123).

Так произошло расширение семантического объема слова *пустяк* и постепенный отход его от первоначальной конкретности

значения, что и обусловило его широкую употребительность в памятниках, различных по стилю и жанрам. Это привело к нейтрализации слова. Словарь 1847 г., не сопровождаая слово *пустяк* пометой, иначе определяет и его значение: «Пустые слова или дела. Говорить пустяки. Заниматься пустяками» (Словарь, 1847, т. III, с. 1228).

Постепенно нейтрализовалось большинство просторечных слов отвлеченных, а также слов, имеющих в своем составе отвлеченные значения. По этой линии шло стилистическое размежевание в составе некоторых неоднозначных просторечных слов. Устойчиво просторечными оставались конкретные оценочно-характеризующие значения. Словари того времени, в частности Словарь Академии Российской, еще не отмечают такой дифференциации, но в памятниках она проступает довольно отчетливо. Так, слова *затей*, *удаль*, *удача* даются в САР следующим образом: «Затей... простон. 1) Затейливый человек, затейщик. 2) Во множеств. числе: выдумки, вымыслы» (САР_I, ч. 3, с. 20); *Удаль*... В простор. 1) То же, что удалство. 2) Зри удалец» (САР_{II}, ч. 6, с. 865); «Удáча... В простор. 1) Счастье, успех. 2) В отношении к лицу: то же, что удалой» (САР_{II}, ч. 6, 867).

Наличие соответствующих однокоренных и синонимичных слов (*затейник*, *удалец*, *удалой*, *удачливый* — последних в субстантивированной форме) способствовало закреплению слов *затей*, *удаль*, *удача* в просторечии в экспрессивно-характеризующих значениях. В значениях отвлеченных слова *удаль*, *затей*, *удача* вошли в литературный язык. Показательны контексты памятников, включающие эти слова: «Такая праведная поступка необходимо должна вести человека к благополучию; и хотя не смотря на сие не правыя фортуны затей принуждают иногда таких людей скончать живот свой прежде, нежели пользоваться заслуженным от них благополучием» (Козельский, Философические предложения, с. 143); «На месте сем, где царствует вечное молчание, где разум затей больше не имеет, ...поучимся заранее взирать на скончание дней наших равнодушно» (Радищев, Дневник одной недели, с. 19);

Он всегда венцы лавровы
Пожинал на ратном поле,
Но не силою десницы
Не удачей и коварством,
И не крепостью доспехов
Побеждал Гвидон противных.

(Радищев, Бова, с. 43)

«За три столетия введены были в Китае бумажные ассигнации, ценою в 1 таель; но сие введение не имело удачи, и ныне сохраняются оне только для редкости и по суеверию» (О торговле европ. в Азии, с. 3, примеч.).

4.07. Наблюдения показывают, что в конце XVIII в. в нейтральный слой литературного языка входила из просторечия большая группа слов, именовавшихся просторечными по традиции, но уже не отличавшихся сниженностью, свободно употреблявшихся в среднем стиле 50—70-х годов, обычных во всех вариантах простого стиля конца века. Таковы *ведомо, впервые, вполне, впрям, втридорога, давича и давишний, да, даром, добро, долой, лъзя, наверно, наотрез, накануне, неравно, неужели, нынче и нынешний, напрямик, особняком, покуда и покудова, сполна, тотчас* и др. Об этом могут свидетельствовать следующие примеры: «Днесь жажду вкусити прелестнаго твоего зора, впервые ощущать начинаю страсть к богатству» (Радищев, Путешествие, с. 348); «И впрямь, коль самолюбья леств Не обуяла ум надменный: Что наше благородство, честь, Как не изящности душевны» (Державин, Вельможа, с. 211); «— Разве они не дети мои? говорил он: разве я их даром воспитываю? И когда нас хвалили ему, он не показывал ни малейшаго знака радости» (Мармонтель, Вечера, с. 285); «Я только чувствую некоторую усталость от давешняго беганья; однако ж эта усталость не наводит на меня уныния, с которым возвращалась я в городе с балов» (Карамзин, Дельфина, с. 50); «Часовой у Швейцарских ворот сказал, что аббат накануне в первом часу пополудни вышел из города» (Самоубийца, с. 60); «Те из жителей, с которыми я говорил, не могли сказать мне наверно, существует ли доныне это исключительное право» (Карамзин, ПРП, с. 117).

4.08. В других случаях причиной нейтрализации могла быть недостаточность синонимического ряда. Неполные синонимические ряды не могли обслуживать три классических стиля: высокий—средний—низкий. Для них возможно противопоставление: высокое—низкое.

При замкнутости и известной консервативности высокого стиля и вытекающей из этого стилистической стойкости первого члена ряда была возможной в принципе нейтрализация второго члена, относящегося к просторечию. Примерами таких соответствий могут служить: *се — вот, сей — этот* и некоторые другие.

Иллюстрацией этого процесса может служить путь в литературный язык слова *жадный*. Противопоставленное ему стилистически славянское слово *алчный* (и *алчущий*) фиксируется в САР в значении 'ненасытимый, насытитися не могущий' (САР₁, ч. 1, с. 26). Памятники второй половины XVIII в. содержат контексты, в которых слово употребляется в этом значении и распространительно: «[К и й:] Пусть кровию моею напьется вран в лесах. И тело в алчущих истлеет тамо псах» (Сумароков, Хорев, с. 38); «Человек, исходя на свет, есть равен во всем другому. Немоощен, наг, алчущ, жаждущ» (Радищев, Опыт о заимодавстве, с. 10); «Воззри на алчущего славы» (Радищев, О человеке, с. 80).

Памятники свидетельствуют об уже происшедшем расширении семантического объема слова *жадный*, реализующегося в смысловых смещениях разного рода, что привело к образованию его более широкого значения.¹³

Слово *жадный* проникает в то время в памятники различной жанровой прикрепленности. Об этом свидетельствуют следующие примеры: «Жители проводят на свои поля каналы и тем напаяют жадную землю» (Соймонов, Опис. Каспийского моря, с. 496); «Созревшие плоды древа отягощают И руку жадную пригложством привлекают» (Ломоносов, Надпись, с. 210); «[Друг:] Неправедным судьям сказать имей отвагу, Что рущат дерзостно и честность и присягу: Скажи откупщику жаднейшему: он плут, И дастся орденом ему ременной жгут» (Сумароков, Ппит и друг его, с. 355); «Тогда люди не столько еще были жадны ко злату, как ныне» (Трутенъ, с. 75); «Ежели какая область имеет у себя хотя посредственно пространные пределы, наполненные довольным количеством одного, или многих искусным правлением приведенных в один народов, и будучи под властью полезных законов соблюдает свое добронравие и честные обычаи неколебимо, то я понять того не могу, чтоб она когда-либо от таких жадных к богатству коршунов какой вред потерпела», (Козельский, Философические предложения, с. 214); «А Елисей и пить и драться очень жаден» (Майков, Елисей, с. 54); «[Иеронима:] Пролей ты кровь мою, коль крови очень жаден» (Майков, Фемист и Иеронима, с. 92); «Солдаты из палаток кучами выбегали и смотрели с жадною радостью на цесаревича» (Зап. Порошина, с. 331).

В конце XVIII столетия слово *жадный* прочно вошло в нейтральный слой и ассимилировалось в значениях:

‘имеющий сильное желание, стремление к чему-л.’: «Будучи жаден к минутной славе он (Вольтер, — Г. К.) боялся отделиться разумом от современников» (Карамзин, РРП, с. 53); «Хотя Амуры в том по правде жадными отнюдь не почитались И боле, нежели вином, Царевны зрением в то время услаждались» (Богданович, Душенька, с. 105); «Письма от тебя я жду, ...как жадный любовник» (Письмо Радищева брату, 18 VIII 1797, с. 438); «Как вы спрашиваете, то я жадна отвечать... Цель нашего вояжу была, есть и будет — пустыя ваши воображения» (Письмо Плещеевой Кутузову, 16 XI 1790, с. 28);

¹³ Любопытна разница в фиксации слова словарями первой трети века и контекстами памятников. Ср.: «жадный *δίψηρος siticulosus, sitibundus*» (Поликарпов, Лекс., с. 103). У Кантемира наряду с употребленным в значении ‘испытывающий жажду, жаждущий’ встречаются контексты, где оно означает ‘обладающий сильным желанием чего-л.’. См.: «жаден к титлам» (Соч., 1867, т. I, с. 18), «жаден ко всякой новизне» (там же, с. 14), «жадны к сохранению кредита при датском и шведском дворе» (там же, т. II, с. 307). Так устанавливается соотносительность слов *алчный* и *жадный*.

в распространительном употреблении: «С одиннадцати часов утра бегал я до самого вечера; жадное мое любопытство гоняло меня из места в место» (Макаров П., Россиянин в Лондоне, с. 27); «Напрасно частыми пирами Друзей мы чаем привлекать; Напрасно жадными играми Богатства мы хотим искать» (Херасков, Благополучие, т. 315);

‘выражающий сильное стремление к чему-л.’: «[Терей:] Валы, соединясь, покрылись сединой, И боле ничего не видно стало мной: Я жадный взор метал, стенал, но все напрасно!» (Крылов, Филомела, с. 84); «Стань скорей пред жадны взоры, Да поют и наши хоры Радостных отца сынов, Славу, счастье и любовь» (Державин, Приветствие Феба, с. 18); «Поддельна грудь из тонких флеров, ... Была милей всех их уборов, Мой развлека жадный взгляд» (Крылов, К другу моему, сс. 31—32);

‘прожорливый, ненасытный’: «Волк ошетинился и жадной крови пастью Барашку он сказал» (Державин, Ягненок и волк, с. 448);

‘скупой, корыстолюбивый’: «Там жадный стряпчий, бессовестный судья и бездушный секретарь не имеют способов обогащаться имуществом ограбленных ими просителей» (Крылов, Почта духов, с. 464).

4.09. Одной из важнейших причин процесса нейтрализации следует признать избыточность какой-либо части стилистического синонимического ряда, в связи с чем происходила внутренняя перегруппировка членов, в результате которой некоторые компоненты утрачивали постепенно присущую им стилистическую маркированность. При этом возможны различные пути течения процесса.

В ряде случаев нейтрализация просторечного слова оказывалась связанной с избыточностью просторечных слов в данном синонимическом ряду. Таким путем вошло в нейтральный слой литературного языка слово *малютка*, входившее в синонимический ряд *ребенок, дитя, младенец, малютка, махотка, малга*.¹⁴

Во второй половине XVIII в. слова *ребенок, дитя, младенец* встречаются в памятниках различных стилей, в ряде случаев в одном и том же отрезке текста. См., например: «Когда младенца плачущего чем-нибудь страшным унимают, напоминая ему то, чего уже он и сам ужасается, то сие иногда с таким успехом совершается, что и пришедши в возраст ребенок, не смеет ночью вытти один из покоев» (Аничков, Рассуждение из богословия, с. 17); «[Бригадир:] Не говаривал ли я тебе, жена! не балуй ребенка: запишем его в полк, пусть он служа в полку ума наби-

¹⁴ Слова *малютка, махотка, малга* даны в первом издании САР в одной статье с пометой «простонародное» (ч. 4, с. 25). Во II издании при слове *малютка* дана помета «в просторечии» (ч. 3, с. 690), *махотка, малга* — с пометой «слово низкое» (ч. 3, сс. 690 и 720).

рается..., а ты всегда изволила болтать: ах! батюшка! нет мой батюшка! что ты с младенцем делать хочешь? не умори его свет мой» (Фонвизин, Бригадир, с. 62).

В то же время довольно ясно вырисовывается тенденция пренебрежительного употребления слов *дитя*, *младенец* в исключительных сниженных контекстах:¹⁵ «Дитя родивших вопрошает: Не тая ли на нас взирает, Что матерью все зовут» (Ломоносов, Ода 7, с. 104); «Многажды те женихи на слова меня позывали, Думая, что дитя удержать за собой не возможет Видена им всего» (Тредиаковский, Тилемахида, с. 40); «Младенца в пеленах трофеи окружали, И воплю первому войск плески отвечали» (Ломоносов, Надпись 28, 1753, с. 174); «[Клердон:] Умолкни о сем. Подлость и младенцы могут почитать веру; а мне не должно» (Елагин, Безбожный, с. 20); «Однако кто может сказать, что новорожденный, на пр. младенец, не имеет разума, поелику оный еще не изъясняется чрез приличествующие действия» (Аничков, Слово, с. 13).

Даже в жанрах низкого стиля слова *дитя*, *младенец* обычно лишены типичного просторечного контекстуального окружения:

Но мать его родя,
Жалела о дитяти,
Советует твердя,
Лететь тебе не к стати
В небесны высоты,
Еще младенец ты.

(Майков, Земля
и облако, с. 26)

Показательно, например, что все три слова возможны в речевых партиях и положительных, и отрицательных персонажей комедии, но в реплики последних они входят обычно при разных условиях контекста (при сочувственном отношении к кому-либо, при особой заботе о впечатлении, которое произведет речь на

¹⁵ Словарь Академии Российской фиксирует слова *дитя*, *младенец*, *малютка* как слова равного семантического объема: «Дитя... Младенец мужеского или женского пола» (САР_{II}, ч. 2, с. 84); «Младенец... Дитя мужеского или женского пола, носимое во чреве матери, или по рождении еще не достигшее отроческого возраста, или семи лет» (там же, ч. 3, с. 791); «Малютка... Говорится в просторечии приветственно и из ласки о малолетних детях» (там же, ч. 3, с. 720); «Робя... старин. Робенок... Дитище мужеского или женского пола» (там же, ч. 5, с. 1059). Однако слову *дитя* свойствен больший семантический объем, что подтверждается наличием образных употреблений и возможностью вхождения в образные тексты, что не свойственно синонимичным ему словам. См., например: «Но что ж от недр земных родясь произошло? Любезное дитя, прекрасное стекло» (Ломоносов, Письмо о пользе стекла, с. 388); «Парнас окружен ямбами, и рифмы стоят везде на карауле. Кто бы ни задумал писать дактилями, тому тот час Тредиаковского приставят дядькою, и прекраснейшее дитя долго казаться будет уродом» (Радищев, Путешествие, с. 352).

других). См., например, в «Недоросле» Фонвизина: «[Простак-ков а:] Дитя, первое, растет; другое, дитя и без узкова кафтана деликатнова сложения» (с. 4); «[Простак-ков:] Мы поступили с Софьюшкою, как с сущою сироткой. После отца осталась она младенцем. Тому с полгода, как ее матушке, а моей сватьюшке сделался удар» (с. 11).

Слово *малютка* редко в памятниках того времени и встречается в текстах, передающих разговорную речь: «А вы, малютки, молитесь, чтоб я к вам приехала» (Письмо Долгорукой сыну и невестке, 12 III 1771, с. 55).

Стилистическая перегруппировка слов этого ряда наметилась в последнем десятилетии XVIII в. и оформилась за пределами этого века. В памятниках мы встречаемся с закреплением слов *дитя*, *младенец* преимущественно за книжными контекстами, *ребенок*, *малютка* — за нейтральными, слова *махотка*, *малга* постепенно отходили в народные говоры. Заметную роль сыграло отсутствие в слове *малютка* отрицательной оценки и ощутимая экспрессия ласки, почти не созвучная обычной экспрессивной гамме просторечия.¹⁶ Это размежевание можно проиллюстрировать следующими контекстами: «Младенцу или старцу, расслабленному, немощному, нерадивому удел будет бесполезен» (Радищев, Путешествие, с. 245); «— Прости меня, мудрое провидение! естли я когда-нибудь как буйный младенец, проливая слезы досады, роптал на жребий человека» (Карамзин, ПРП, с. 262); «Страсти в нем разверзаются; разсудок начинает снискивать опору или в слышанном или в испытанном, и дитя становится отрок» (Радищев, О человеке, с. 102); «Расти дитя, Зимцерлы в лоне И Зинча под златым щитом, Блистай на Рюриковом троне Как юный Лель, как луч лицом» (Державин, Пролог, с. 94); «— Меня было сватали в богатый дом за парня десяти-летнего, но я не захотела, что мне в таком ребенке?» (Радищев, Путешествие, с. 219); «— Не стыдно ли тебе, говорила она ей, что в твои лета ты так глупа, как ребенок» (Крылов, Почта духов, с. 288); «Старуха, подбиравшая сучья в передник, нас увидела и спросила: бедныя малютки! что вы тут делаете?» (Самоеубийство, с. 128); «Хозяйка хотела видеть в этом наряде своих малюток: не можешь преставить себе, как оне хороши казались» (Сельск. праздник, с. 307); «А мы живем почти как в деревне и теперь беспокоимся о малютке, у которого занемогла кормилица» (Письмо Карамзина Вяземскому, 18 X 1817, с. 37).

Аналогичные процессы наблюдаем при нейтрализации просторечных слов в синонимических рядах: *сдвинуть* // *нахмурить* // *насунуть*; *надвинуть* // *нахлобучить* // *нахлупить*; *молча* // *молком* //

¹⁶ См. в САРП: «малютка... говорится в просторечии приветственно и из ласки о малолетних детях» (ч. 3, с. 690).

тихомолком; назойливый // набойливый // напрасливый и в целом ряде других.

4.10. Избыточной в принципе могла быть любая часть стилистического синонимического ряда. Иногда сигналом возможности стилистических размежеваний могла служить избыточность нейтральной части ряда, приводившая к включению в процесс слов просторечных и в дальнейшем — к их нейтрализации. Это подтверждается историей соотношения слов *кораблеплаватель* // *мореплаватель* // *мореходец* // *моряк*. Вхождение слова *моряк* в словарный состав литературного языка относится, вероятно, к 30-м годам XIX в. Но оно подготавливалось уже в конце XVIII—начале XIX в.

Словари 50—80-х годов фиксируют как нейтральные слова, относящиеся к данному синонимическому ряду: «*Marinier, m., homme de marin, ein Seemann, Schiffmann auf der See, Homo maritimus*. Морской, морянин, морской служитель» (Волчков, Словарь, т. II, с. 349). Вот синонимы к слову *моряк* в русской части словарей: «*Pointage... Заметки, метки, что корабельщик (мореходец) на морской карте делает примечания*» (там же, т. II, с. 719); «*Leglärze, Naute, мореплаватели*» (Кондратович, Польско-русский словарь, 1771, с. 267); «*Мореходец*» (там же, с. 171); «*Мореplаватель*» (Российский Целлариус, 1771, с. 314); «*Мореplаватель... Мореходец...*» (Нордстет, т. I, с. 362).

Но слова *моряк* они не знали. Оно отсутствует также в Аналогических таблицах и в Словаре Академии Российской (I изд.).¹⁷

Памятники второй половины века дают наглядную картину, показывающую многообразие возможностей языкового выражения понятия 'тот, кто занимается плаванием по морям как профессией'. Вот некоторые контексты из перевода романа Д. Дефо «Жизнь и приключения Робинзона Круза»: «Я плавание почтиа всякому мореходцу необходимо нужным» (с. 66); «Звание мое велит мне быть мореплавателем» (с. 20); «В ту ночь спал я весьма спокойно, не имел больше ни малого морского припадка, был бодр, смотря... с восхищением на блистающей за день перед тем, столь бурной и грозящей смертию всем океан, а тогда уже утишевшейся, и ровным своим течением способствующей намерению кораблевателей» (с. 11); «По старинному морских людей обычаю, зделав пунш, напились пьяни» (с. 12).

Слово *кораблеплаватель* редко в памятниках того времени. Наиболее употребительные из этого рода слова *мореплаватель* и *мореходец* встречаются в памятниках различной стилистической тональности: «Им другую дали тогда мореходцы одежду, Тем —

¹⁷ Слова *мореплаватель* и *мореходец* фиксируются в Аналогических таблицах (т. II, с. 116) и в САР_I (ч. 4, с. 253; ч. 3, с. 220); *кораблеplаватель* — САР_I, ч. 4, с. 813.

что замокшая их водой вся отяжелела» (Тредиаковский, Тилемахида, с. 126); «(Гора) мореплавателям будучи видна с обеих морей служит вместо маяку» (Крашенинников, т. I, с. 69); «Спросил я у самых искусных мореходцов, сколь велика глубина пролива сего» (Свифт, Путешествия Гулливера, с. 92); «Крепкий ветер подул с моря и развел такое волнение, от которого фрегат наш порядочно покачивало и многих, как говорят мореплаватели, убивало погодою, то есть приключало им морскую болезнь, состоящую в тошноте» (Зап. Шишкова, с. 34); «Как я уже выдал себя за мореходца, которому сухопутныя движения чужды, то и не пошел туда вмешиваться в их суеты» (там же, с. 42).

В начале XIX столетия в ряд *кораблеплаватель* // *мореплаватель* // *мореходец* входит слово *моряк*. Одно из первых его употреблений — в «Дневнике путешествия» Долгорукого, относящемуся к 1817 г.: «У них в гостях какой-то их приятель с женою, отставной морской офицер... Моряк занял меня своим разговором» (с. 23). Ср.: «А сутки прожить в Комаровке, сколько ни любезен систематической с доводами Г. мореходец, показалось бы очень тягостно» (там же, с. 24).

Его принадлежность живой разговорной речи — источнику просторечия ощущалась тогда сильно (многие *nomina agentis* с суффиксом *-ак/-як* входили в состав просторечия). Ряд слов обладал отрицательной оценкой (см. *гниляк, голяк, мерзляк, шелудяк*), хотя некоторым (например, *чистяк, ровняк, резвяк*) она не была свойственна. Нейтральные эквиваленты таких слов часто представляли собой свободные сочетания слов (*чистоплотный человек, человек одного возраста, резвый ребенок*). Такие словосочетания хотя и были возможными и для слова *моряк*,¹⁸ но существование нейтральных эквивалентов его — сложных слов — обусловило их редкое употребление, а в дальнейшем и забвение их.

Толкование слова *моряк* во II издании Словаря Академии Российской, впервые зафиксировавшем его («простонар. Опытный, искусный мореходец» — ч. 3, с. 860), расходится с его значением в приведенном выше примере, где оно обозначало человека, занимавшегося плаванием по морям как профессией.

¹⁸ В картотеке русского языка XVIII в. при обилии материалов на слова *морской, служитель, люди* примеры на соответствующие сочетания сравнительно немногочисленны. Приведем некоторые из них: «...От устья ея верстах в полтораста учреждено плотбище, которое по реке Уракским называется, где морские служители и охотские казаки по пескольку судов для объявленной сплавки провианта ежегодно строили» (Крашенинников, т. I, с. 93); «Сей торг занимает более тысячи кораблей и служит купно для навыка морским служителям» (О торговле вообще, с. 99); Лев пал, а я вспомнил Морских людей судьбину, И строгости их рока Переложил я тако» (Херасков, О суетных желаниях, с. 249). Ср. слово *холостяк*, также входившее в XVIII в. в состав просторечия, нейтрализовавшееся в то же время, но до сих пор сохранившее соответствие — «холостой мужчина».

Оно относится к группе просторечных слов с аффиксом *-як*, лишенных собственной оценочности, таким как *холостяк*, *чистяк*, *резвяк* и др.

Вхождение его в состав нейтрального пласта лексики относится к 20—30-м годам XIX в. Свидетельством этого может служить использование его в репликах комедии «Горе от ума» Грибоедова: «[Софья:] Кто промелькнет, отворит дверь, Проходом, случаем, из чужи, из далека — С вопросом я, хоть будь моряк: Не повстречал ли где в почтовой вас карете?» (Грибоедов, *Горе от ума*, с. 81).

До нас дошел отрывок поэмы Лермонтова под названием «Моряк», относящийся к 1832 г. Этим словом преимущественно перед другими синонимами пользуется Марлинский в повести «Мореход Никитин» (1834).¹⁹ См., например: «Капитан Турнип был неплохой моряк по знанию моря, но очень плохой по своей лени» (с. 306); «По его свежему лицу... можно было удостовериться, что он не просоленной моряк, новобранец, только что из села» (с. 285); «Мы с неуклюжими карбасами наследовали от предков своих Славено-Руссов отвагу, которая бы сделала честь любому hot pressed, силой завербованному моряку» (с. 281).

Словарь 1847 г. дает слово *моряк* без пометы в следующих значениях: «1) То же, что мореходец. 2) Служащий на флоте» (т. II, с. 325).

При изучении процесса стилистической дифференциации нельзя забывать, что стилистическое разграничение — процесс сложный и многогранный, в котором часто переплетаются действия стилистических и семантических факторов, играют свою роль словообразовательные особенности входящих в ряд слов, их семантическая валентность и т. п. Примером такого размежевания могут быть процессы в ряду слов: *искренний* // *сердечный* // *душевный* // *задушевный* // *закадычный* // *запазушный*. Оговоримся, что нас интересует перегруппировка слов только в той части ряда, которая объединяет слова народно-разговорного источника.

Словарь Академии Российской показывает как синонимы слова *задушевный* и *закадычный*, сопровождая их соответствующими пометами: «Задушѣвный... простонар. Любезный, сердечный» (САР_I, ч. 2, с. 826; САР_{II}, ч. 2, с. 561); «Закадычнѣный... В просторечии говорится для означения друга и значит: задушевный, искренний, прямой» (САР_I, ч. 3, с. 358; САР_{II}, ч. 2, сс. 583—584).

Слово *запазушный* определяется так: «Запазушный... простонародн. В пазухе одеждою скрытый» (САР_{II}, ч. 2, с. 672).

Нейтральную часть приведенного ряда составляли слова с широкой лексической сочетаемостью; слова народно-разговорного

¹⁹ По нашим наблюдениям, слово *моряк* в этой повести встречается 9 раз, *мореход* — 5 раз, *мореходец* — 2, *мореплаватель* — 1. Кроме того, в том же значении по одному разу употреблены слова *пловец* и *плаватель*.

источника обычны в сочетании со словом *друг*. См. в памятниках: «На другой день пошел наш молодой к господину Собакину, яко Кошкодавову другу задушевному» (Новиков, Похождения Ивана с. 134); «Гости у него были друзья его задушевные» (Болотов, т. III, с. 84); «[Д о б р о п р а в:] Смею спросить вас, господин Обиралов! Не знаком ли вам секретарь Облаев? [Об и р а л о в:] Облаев? Это мой закадычный дружища» (Перемена в нравах, с. 65); «Да я и не тужу. Что лучше как семья? Пускай укажут мне, где внешние друзья? У нас с тобой он есть, и прямо закадышный; Добротами богат, по участи не пышной» (Долгорукий, Нарышкину, с. 270); «[Д о б р о в:] Указы знает все, как палцев пять своих. Экстрактец сочинить, без точек, запятых, Подчистить протокол, иль лист прибавить смело, Иль стибрить документ — его все это дело; И с Праволовым он запазушны друзья» (Капнист, Ябеда, с. 541).

Все три слова, таким образом, равнозначны. Но, кроме того, они одинаковы по типу оценки и принадлежат к группе собственно-оценочных слов. Оценка здесь основана на тенденции разговорной речи к преувеличению. Размежевание их относится к первой трети XIX в. Но тенденции к нему проявляются раньше и реализуются как постепенное разрушение ограничения сочетаемости в слове *задушевный*, медленное, но последовательное приближение его семантической валентности к валентности синонимичных нейтральных слов — *сердечный*, *душевный*, *искренний* и тем самым расширение семантического объема слова. Уже у Болотова, человека с характерными для XVIII в. языковыми навыками, читаем: «Не мог я тому надивиться, что он дал себя обольстить сему грузину и связался с ним задушевным дружеством» (Болотов, т. IV, с. 282).

См. у молодого Пушкина: «Удалый хват, головорез, Приятель задушевный» (Пушкин, Пирующие студенты, 1814, с. 66).

Ср. у Загоскина: «— У меня там есть задушевный приятель» (Юрий Милославский, с. 68).

См. также: «Искажать смысл и дух подобных, так сказать, задушевных творений великого поэта есть род поэтического святотатства» (Вяземский, Новые книги, 1827, т. II, с. 49).

В значении 'сокровенный': «Как скоро дело касается задушевных убеждений, я тотчас забываю себя, выхожу из себя, и тут давай мне кафедру и толпу народа» (Письмо Белинского Бакунину, 16 VIII 1837, с. 116).

В значении 'задевающий самые сокровенные струны души, трогательный':

Она в тереме, что зорюшка
Под окном сидит растворенным:
Поет песни задушевные,
Песни братские, отцовские.

(Кольцов, Песня
разбойника, с. 107)

Просторечные синонимы к нейтрализующемуся слову *задушевный* сохранили в основном прежние возможности сочетаемости.²⁰

Словарь 1847 дает слово *задушевный* уже без пометы, слово *закадычный* — с пометой «простонародное», слово *запазушный* — с пометой «простонародное» при всем слове, но интересующее нас значение — с пометой «старинное»: «2) стар. * Близкий, находящийся с кем-либо в тесной связи, пользующийся чьею-либо доверенностью».²¹

5.01. Отношения нейтральной и просторечной лексики литературного языка следует признать двuedинными. Приобретая из просторечия, нейтральная лексика сама способствовала его обогащению. В конце столетия в связи с действием указанных нами тенденций — развертывания семантического объема большого количества русских слов путем преодоления семантического синкретизма, устранения лексико-семантической недостаточности нейтрального пласта лексики, закрытия лакун и зияний и сложения необходимой ему гибкости при дифференциациях аналого-синонимических рядов проступала тенденция стилистического перераспределения, в результате действия которой ряд ранее нейтральных слов неуклонно двигался в направлении к просторечию. Сложное сочетание действия семантических и стилистических факторов приводило к закреплению слова в контекстах определенной тональности, постепенно формируя стилистическую маркированность слова. Так, приходящими в просторечие из нейтрального пласта или обнаруживающими тенденции к проявлению стилистической маркированности, свойственной просторечию, следует считать слова: *баловень, барыш, болтун и болтунья, брюхастый и брюшистый, вязывать и вязываться* (во что-либо), *ватага, ввечеру и ввечор, вдоволь, верченый, ветренник* (о ветреном человеке), *ветреничать, вэапуски, вовсе, возня, волочиться* (за кем), *вольничать, вперегиб, врать и вранье, вялый* 'неповоротливый, нерасторопный', *голь* 'нищета', *гомозить и гомозиться, вертеться, гомон, гомонить, грубиян и грубиянить, гуртом, гурьба, дивить 'удивляться', докука, дурачиться, дурить, дурь, житье, забияка и забиячить, забиячный, завсегда, заваль и завальщина, залишек, замашка, заминать* (дело, разговор и т. п.), *знать* 'видимо, вероятно', *изворотливый, каверза и каверзить, казаться 'правиться', кургузый, кутила, мерещиться, мигом, мозолить* (глаза), *молчком, морить* (со смеху), *мотать* 'расточать', *мочь, мяться, навряд, навязаться, нагишом, напасть* 'беда', *напаялить, наскучить, неви-*

²⁰ Наряду с сочетанием *закадычный друг* изредка в первые десятилетия XIX в. встречается сочетание *закадычный приятель*: «Трое Тургеневых — Николай и Федор Михайлович и Сергей Матвеевич... мои закадычные приятели» (Письмо Тургенева Кайсарову, с. 340).

²¹ Словарь 1847, т. II, сс. 17, 22 и 41.

даль и невидальщина, одурачить, одурелый, одуреть, одурь, озоровать и озорничать, озорной, озорник и озорница, отвязаться (от кого-чего-либо), отродье 'о потомках кого-л.', падкий (до чего-либо), паршивый, пакостный и пакость, переметнуться 'перейти к противнику', перехватить 'взять взаймы на короткое время', питух 'пьяница', подгорюниться, подгуливать, подпивать, полюбится 'понравится', привязаться, подкапываться (под кого-либо), поживиться и поживка, покрывать 'скрывать чьи-либо поступки, преступления', пользоваться 'лечить', помаленьку, попрыгун и попрыгунья, приволакиваться (за кем-либо), пригорюниться, придуривать и придуриваться, прикидываться 'притворяться', провраться, пронырливый и проныра, прошибиться, прошибка 'ошибка', разболтать 'разгласить', разболтаться 'разговорится', разовратиться, разделаться 'расчестья и расправиться с кем-л.', развевется, растеряха, свалить (вину на кого-либо), связаться 'вступить в спор, драку', соваться 'вмешиваться во что-л.', стращать, способный 'подходящий', сутяга, угомон, угомонить и угомониться, унимать и униматься, утайка, утеха, ухватка, хвастун и хвастунья, хлопотун и хлопотунья, хрипун и хрипунья и многие другие.

Действенными при таких перегруппировках оказывались различные тенденции, такие как стремление к устранению стилистически неоправданного словообразовательного многообразия в нейтральном слое (см. *ошибка* и *прошибка*), тенденция к единообразию в стилистической отнесенности слов, образованных по словообразовательным моделям, присущим просторечию (см. *сутяга*, *баловень*, *болтун* и *болтунья*, *хвастун* и *хвастунья*, *хлопотун* и *хлопотунья*, *возня*, *ветренничать*, *озорничать* и целый ряд других). Можно предположить также действие тенденции к объединению в просторечии однотипных в семантическом плане значений слов, производных от номинативных значений предметно-конкретного плана, предикативно-характеризующих и экспрессивно-синонимических (см. *мотать* 'расточать', *волочиться* 'небескорыстно ухаживать за кем-л.', *ветреник* (о непостоянном человеке) и др.). Нередко действия разнонаправленных тенденций перекрещивались и взаимно дополняли друг друга в сложном процессе стилистической дифференциации внутри синонимических рядов.

В этом отношении показательны изменения стилистической маркированности в синонимическом ряду *быстрый*//*резвый*//*проворный* // *прыткий* // *шибкий*. Ко второй половине XVIII в. ни один член этого ряда не был стилистически маркированным. Но предпоследний его член, прилагательное *прыткий* и наречие *прытко*, входя в 60—70-е годы в контексты разной стилистической тональности и разных жанров, обнаруживает тенденции к расширению семантического объема. Можно отметить следующие значения и употребления слов в это время:

‘скорый, резвый в беге (о лошадях)’: «Персидские лошади весьма прытко бегают и не скоро устают» (Эмин, Приключ. Фемистокла, с. 172);

в распространенном употреблении: «[Неумолков:] Мне лишь это одно понравилось, что все извозчики здесь так прытко скачут» (Лукин, Пустомеля, 195); «Ето кто так прытко скачет? ба! Плох. Он спешит показать свою глупость в каком ни на есть знатном доме» (Трутенъ, 1769, с. 221);

‘проворный, удалый (о человеке)’: «[Трускин:] Я вижу, что мы друг друга не прытче. По щастью есть у меня садовник, такая детина проворный» (Дюфрени, с. 49);

‘о быстром в мыслях, в соображении человеке’:

Дворник, забывшись, не запер калитки;
Следственно можно втереться во двор.
В вымыслах мудрые остры и прытки:
Входит мудрец тут, а именно вор.

(Сумароков, Собака и люди, с. 59)

Скоро век сей пременился,
Некто модницей пленился,
Не убогой молодец,
Не прыткой чрез чур хитрец:
Он на брак тотчас склонился,
На манерщице женился.

(Трутенъ, 1770, с. 50)²²

Таким образом, в 60—70-е годы в слове *прыткий* обнаруживается типичное для просторечия распространение называемого словом свойства животного на человека. В конце столетия оно закрепилось в сложившемся значении и употреблениях. Его исходное значение отчетливо отделяется от производного. См.:

‘скорый, резвый в беге (о лошади); быстро, резво (о беге лошадей)’: «Моя лошадь начала скакать прытче прежняго» (Болотов, т. I, с. 58); «Прытко примчалась свадьба» (Сельск. праздник, с. 304);

‘проворный, удалый (о человеке)’: «[Марина:] Пусть прыток ваш Крутон, а наш еще прытчей. И я того боюсь, чтоб наш рифмач в досаде Достоинств не нашел в Модрстихе, в этом гаде» (Николев, Самолюбивый стихотворец, с. 79); «Если бы им (туркам, — Г. К.) удалось, то нечем бы держать их было. Тут были сбиты самые прыткие» (Письмо Потемкина Екатерине II, 1788, с. 475); «[Матвей:] Не очень на меня прытко наскакивай, а то завоешь хуже крестьянской последней бабы» (Плавильщиков, Бобыль, с. 427);

²² САР_I и САР_{II} фиксируют в слове *прыткий* только общее значение — ‘скорый, резвый на бегу’: «Прыткий конь» (САР_I, ч. 4, 1138; САР_{II}, ч. 5, с. 704).

‘быстрый в мыслях, сообразительный’: «[В л а с:] Надобе убаять прыткого лакея, что с барином приехал, чтоб он на Матюху солгал» (Плавильщиков, Бобыль, с. 106); «(Пашков) поручил все дело своему служителю, который был малой хотя не глупой, но не из самых же прытких и бойких. А как и самой межевщиков подьячий был также не из далеких, то и не трудно мне было... почти довести до того, что и межевщик, и Рыбин, и подьячий стали меня уважать и даже слушаться» (Болотов, т. III, с. 228).

Таким образом, в прилагательном *прыткий* проявились характерные особенности развития семантического объема, способствовавшие его вовлечению в состав просторечия, а именно развитие значений и употреблений от качества животного к качеству человека. В конце XVIII в. сфера употребления слова *прыткий* постепенно сужается: оно обычно в простом стиле, в записках, в переписке.

Известное влияние в этом случае могло оказать и то обстоятельство, что однокоренное существительное *прыть* также обнаруживало тенденцию к ограничению в употреблении и прикреплённости к непринужденным простым контекстам. См. у Карамзина: «Господин поручик... сел на коня и пустился во всю прыть» (ПРП, с. 74).

В 20-е годы XIX в. слова *прыткий*, *прытко*, *прыть* утвердились в составе просторечия. См. у Грибоедова:

[Ф а м у с о в:]

Другой хоть прытче будь, надутый всяким чванством,
Пушай себе разумником слыви,
А в семью не включают, на нас не подиви.

(Горе от ума, с. 42)

[Ч а ц к и й:]

Как суетится! Что за прыть!
А Софья? Нет ли впрямь тут жениха какого?
С которых пор меня дичатся как чужого?

(Там же, с. 39)

См. также у Крылова:

Шалун какой-то тень свою хотел поймать:
Он к ней, она вперед; он шагу прибавлять,
Она туда ж; он, наконец, бежать:
Но чем он прытче, тем и тень скорей бежала,
Все не даваясь, будто клад.

(Крылов, Тень и человек, с. 135)

Можно предположить, что постепенный отход в просторечие слова *прыткий* имел определенное влияние на стилистическую ориентацию слов *шибкий* и *шибко*, обнаруживающих в самом конце века тяготение к просторечию в контекстах, в которых оно

относится к человеку и его действиям. См., например: «[Х а м-к и н:] Знаю, знаю, что ты грамоте-та не шибче меня знаешь» (Судейские именины, с. 16); «Сидя на том же месте, где сидел и прежде, потом колотит (в бубен, — Г. К.) шибчае, а напоследок изо всей силы» (Зуев, Описание остяков, с. 46); «[Д у р ы л о м:] Не так ли и в судах у вас дела решатся: Кто шибче всех кричит — тому вольно подражаться» (Долгорукий, Дурылом, с. 265); «— Как теперь быть? Как достать денег? — При первой встрече с шибким игроком порисковать и последними» (Измайлов, Евгений, с. 130).

Закрепление их в просторечии лежит за пределами изучаемого периода.

Стилистические перегруппировки слов являлись одним из проявлений формирования лексического состава литературного языка. Такие перераспределения служили цели его пополнения, смыслового обогащения, приобретения необходимой смысловой и стилистической гибкости в условиях расширяющегося языкового общения. Этому же служили и процессы стилистического размежевания при стремлении к большей определенности границ различных в стилистическом отношении слоев лексики.

При изучении тенденций развития лексики русского литературного языка прослеживается действие различных факторов и тенденций, внеязыкового и языкового плана. При этом внеязыковые факторы часто были лишь толчком и отправной точкой развития, специфику которого в дальнейшем определяли потребности слагающейся лексико-семантической системы.

Конец XVIII—начало XIX в. — время, для которого характерны яркие проявления тенденций внутренней организации просторечия. Именно тогда постепенно определялись его центральные и периферийные слои, в частности слой слов с ослабленной оценочностью, с тенденцией затухания стилистической маркированности, способствующими постепенной нейтрализации таких слов; с другой стороны, слой слов с резкой эмоциональной окраской, содействующей их перемещению к периферии категории, а в дальнейшем и выходу из нее в ненормированную разговорную речь и ее диалектные вариации. В ряде случаев такие продвижения могли быть обоснованы особенностями социальной дифференциации лексики.

Специфика процесса внутренней организации функционально-стилистического просторечия оказывала влияние на межкатегориальные контакты лексики русского литературного языка.

Просторечие — общая разговорная речь — была одним из источников формирования словарного состава русского литературного языка в следующих направлениях:

а) в направлении постепенного устранения недостаточности состава нейтральной лексики;

б) в направлении формирования выразительно-изобразительных средств русского литературного языка.

Функционально-стилистическое просторечие как категория литературного языка служило промежуточным звеном при процессах нейтрализации и необходимой средой, в которой складывались выразительно-изобразительные его средства.

Нейтрализацией просторечных слов устранялся ряд лексико-семантических лакун и зияний в нейтральном составе русского литературного языка. При этом в целом ряде случаев можно наблюдать постепенное замещение просторечным словом ранее присущих нейтральному слою неоднословных обозначений понятий. Богатые лексико-семантические ресурсы просторечия были одним из средств приобретения нейтральным пластом лексики литературного языка семантической гибкости и разветвленности. Эти преобразования шли в свойственном развитию лексико-семантической системы русского языка направлении преодоления семантической синкретичности русского слова. Наличие в целом ряде слов возможности развития отвлеченных значений, реализация которой лишала такие слова просторечной семантической характеристики, было одной из причин восприятия их нейтральным пластом лексики (см. *быт, гладь, глубь, раздумье, затея, удаль, удача* и др.).

Особенно распространенный тип вхождения был обусловлен семантико-стилистической дифференциацией состава просторечия и соотносительных с просторечными словами нейтральных слов, стилистическими размежеваниями в рядах синонимов идеографических и стилистических, которые обусловили не только пополнение нейтрального состава литературного языка, но и постепенное сложение в его пределах большой группы слов ограниченного применения, допустимых в отдельных вариациях простого стиля, а потом расширяющих границы применения — живописных слов, отражающих национальное своеобразие русского языка.

С другой стороны, многочисленные слова, ранее не отличавшиеся стилистической маркированностью, приобретали ее в процессе семантико-стилистической дифференциации аналогосинонимических рядов и переходили в разряд просторечных.

Таким образом, для русского литературного языка конца XVIII—начала XIX в. было характерно наличие тесных контактов и непрерывных перегруппировок различных в стилистическом плане слоев лексики.

ПРОСТОРЕЧИЕ И ЛИТЕРАТУРНО-СТИЛИСТИЧЕСКИЕ ШКОЛЫ КОНЦА XVIII—НАЧАЛА XIX В.



1.01. Конец XVIII столетия ознаменован новым лексико-семантическим нормированием русского литературного языка. Оно связано с осмыслением возможностей включения в словарный состав литературного языка различных генетических и функционально-семантических групп слов. Это предполагало выработку новых критериев оценки такой возможности.

Известно, что вопрос о путях формирования русского литературного языка, об его основе, о месте в нем слов различных генетических и функционально-стилистических групп был центром борьбы противостоящих литературно-стилистических школ, возглавляемых Н. М. Карамзиным и А. С. Шишковым. Их основные расхождения были не новыми для XVIII в. В центре полемики стоял вопрос о роли и месте в составе литературного языка церковнославянской и иноязычной лексики. Но этот вопрос ставился в новых условиях языкового развития, когда после изжившей себя классицистической системы трех стилей русский литературный язык шел по пути преодоления былой жанрово-стилистической разграниченности, когда зарождалась новая стилистическая система, основанная на тесной взаимосвязи стиля произведения и его содержания.

Карамзин и его последователи стремились к новой стилевой дифференциации литературного языка на основании единой языковой нормы. Сущность и перипетии полемики карамзинистов и шишковистов уже рассмотрены в лингвистической литературе с достаточной полнотой, что позволяет нам не излагать их подробно.¹ Заметим лишь, что карамзинисты сумели увидеть глав-

¹ В. В. Виноградов. 1) Язык Пушкина. М.—Л., 1935; 2) Очерки по истории русского литературного языка XVII—XIX вв. Изд. 2-е. М., 1938; Е. Г. Ковалевская. Борьба вокруг карамзинской реформы. Автореф. канд. дисс. Л., 1955; В. Д. Левин. Очерк стилистики русского литературного языка конца XVIII—начала XIX в. (Лексика). М., 1964.

ную особенность современного языкового развития — несоответствие состояния литературного языка насущным потребностям общества, это составило сильную сторону негативной части доктрины карамзинизма. Позитивная ее сторона ослаблена общественной ограниченностью: ориентацией на разговорный язык даже не класса, а лишь определенной прослойки русского дворянства, так называемого «светского общества».

Постепенно намечалась перегруппировка языковых элементов, ранее принадлежавших трем в разной степени изолированным друг от друга ломоносовским стилям, ограничение и исключение групп слов и отдельных слов, а также форм слов, свойственных высокому и низкому стилям. Перегруппировка и отбор предполагали наличие определенных критериев подхода к элементам языка. Таким критерием был критерий «вкуса». На основании этого не поддающегося рационалистическому истолкованию критерию отвергаются слова церковнославянские, новообразованная различного рода, проверяется возможность употребления иноязычных заимствований, определяется мера «простонародности» и приличности в различного рода произведениях слов, принадлежащих народно-разговорному источнику.²

Отношение к просторечию и «простонародной» лексике, характерное для карамзинизма, демонстрирует довольно ярко «Сокращенный курс российского слога» А. Подшивалова, неоднократно предупреждающего читателя о недопустимости «простонародных» языковых элементов в письменном языке. См. в главе III: «О речениях и фразах. § 18. Сии речения должны быть составлены по правилам языка и не иметь ничего простонародного в хорошем стиле; а для сего надлежит: 1) знать твердо грамматику своего языка и сообразоваться с людьми просвещенными; 2) примечать свойственные языку выражения».³

Характерны также определения простого и разговорного слога: «Каков слог простой? Простой слог вообще не имеет никаких украшений, хотя и наблюдает во всем некоторую пристойность»;⁴ «Слог разговорный прост, разборчив, а иногда шутив. Древние, особливо Платон, Ксенофонт, Лукан, Цицерон, Теренций и Эразм, весьма искусно писали разговоры».⁵

Нетрудно заметить, что здесь речь идет о тщательно обработанных и нейтрализованных слогах и фразах.

А вот каким образом определяет Подшивалов один из признаков худого, неприемлемого писания: «§ 9. Тот пишет худо, кто пишет... 5) Слишком низко, когда кто употребляет простонарод-

² В. Д. Левин. Очерк стилистики..., с. 116 и след.

³ А. Подшивалов. Сокращенный курс российского слога. М., 1796, с. 51.

⁴ Там же, с. 94.

⁵ Там же, с. 95.

ные слова, охотник до присловий и побасенок и кажется хочет увеселить только шутливого ротозея».⁶

См. также еще одно его наставление пишущим: «§ 7. Везде употребляемые слова по своему названию имеют право быть употребляемыми писателями с тою только разборчивостью, чтоб не употреблять слишком простонародных и низких... Как на пр. написать в хорошем сочинении моркотно, обизорно, трелюдить, разчетверивать, чичаговать и проч.».⁷

Отвержением областных и простонародных слов, которые, кстати, и Ломоносов рекомендовал употреблять «по рассмотрению», вовсе не исчерпывалось применение карамзинистами критерия вкуса. «Рассматривая разговорную речь светского общества как главный регулятор в сфере книжного языка, — замечает В. Д. Левин, — карамзинисты, естественно, тяготели к нейтральному языковому фонду, отбрасывая то, что несло в себе отпечаток специфически разговорный, просторечный, подчеркнуто не книжный — и в синтаксисе, и в лексике, и во фразеологии».⁸

К нейтральности стремились и там, где элементы разговорной речи были уместны и законны: в речи персонажей, в записках, мемуарах и даже в переписке.

2.01. Противники карамзинизма во главе с Шишковым и более всего сам Шишков уступали карамзинистам в понимании и осмыслении направления развития литературного языка. Отстаивая жанрово-стилистические принципы, лежавшие в основании языковой доктрины классицизма, они не учитывали проявившихся уже после Ломоносова тенденций перехода от языка жанра к единому развитию языка литературного. Поэтому для них характерен подход к функционально-стилистическим категориям лексики и к отдельным словам с точки зрения их пригодности для старых трех стилей и для жанра произведений.

Для принадлежащих к школе Шишкова характерно отрицание просторечия и «простонародной» лексики, но только для высшего и среднего стиля. См., например, некоторые замечания Шишкова по этому поводу: «Священные книги обыкновенно пишутся высоким или важным стилем, а по тому, хотя бы в них не было некоторых слов, это не отрицает еще существования оных в славянском языке; ибо в каком важном сочинении найдем мы: калякать, кобениться, задориться, пригорюниться, опеломить, треснуть в рожу и подобныя тому простыя или низкия слова».⁹ «... (Ломоносов, — Г. К.) не утверждал, что надобно везде вместо сие писать это. Нет! Он в разговорах копечно го-

⁶ Там же, с. 91.

⁷ Там же, сс. 43—44.

⁸ В. Д. Левин. Очерк стилистики... с. 131.

⁹ А. С. Шишков. О красноречии священного писания. — Соч., СПб., 1818—1839, ч. IV, сс. 56—57.

варивал: это, мой друг, безделица, но в важном слоге никогда вместо сие все города повторяют не сказал бы это все города повторяют, как мы ныне тысячи примеров найдем от премудраго проповедования пиши как говоришь». ¹⁰ «Не лзя без низости слога вместо храбрый говорить хоробрый; однако ж в просторечии лучше сказать: что ты расхоробрился?». ¹¹

Только для такого гения, как Ломоносов, по мнению Шишкова, доступно искусство вводить в высокий слог низкие слова, сохраняя его высоту. «Надлежит долговременным искусом и трудом такое же приобрести знание и силу в языке, какия он (Ломоносов, — Г. К.) имел, дабы уметь в высоком слоге помещать низкия мысли и слова, таковые на пример, как: рыкать, рыгать, тащить за волосы, подгнет, удалая голова и тому подобныя, не унижая ими слога и сохраняя всю важность онаго». ¹²

Но в своей языковой практике Шишков в целом ряде случаев отступал от им же защищаемых правил теории Ломоносова. С такими проявлениями мы встречаемся и в самом известном его сочинении «Рассуждение о старом и новом слоге». В нем не только часты просторечные слова, в принципе допустимые в старом среднем стиле, к которому можно бы отнести это проникнутое полемикой сочинение, но нарушается правило о недопустимости «высоких» и «низких» слов в одном контексте. Вот некоторые подтверждающие примеры: «В краткой выписке сей, содержащей в себе не более двух страниц, находим мы такое великое число несвойственностей, погрешностей, нескладниц и нелепостей: сколько ж найдем мы их во всей книге?». ¹³ А мы коверкаем свой язык, располагая оный по чужому: которое из сих двух невежеств больше и глупее?». ¹⁴ «Сей путь не во храм красноречия ведет нас, но в вертеп неразумительного вранья». ¹⁵

3.01. С течением времени к 20-м годам XIX в. наметились в основном принципы, по которым в журналах карамзинской ориентации отвергались или порицались слова народно-разговор-

¹⁰ Там же, с. 62.

¹¹ А. С. Шишков. Продолжение исследования корней. — Там же. ч. XI, с. 220.

¹² А. С. Шишков. Рассуждение о старом и новом слоге российского языка. СПб., 1803, с. 15.

¹³ Там же, с. 134.

¹⁴ Там же, с. 178.

¹⁵ Там же, с. 43. Эта неровность слога ставилась ему в вину П. Макаровым: «Сочинитель, рассматривая одну фразу, говорит (с. 43): „не явствует ли из того, что мы противуестественным и всякое здоровое понятие разрушающим образом... оставляя истинное красноречие, стараемся врать?“ В другом месте после длинной выписки он спрашивает (с. 129): „Похож ли этот бред на русский язык?“ Такие примеры находим почти на каждой странице» (П. Макаров. Критика «Рассуждения о старом и новом слоге». СПб., 1803, сс. 200—201).

ного источника. Основаниями для отвержения или порицания чаще всего были:

- а) резкая экспрессивность просторечных слов;
- б) обозначение словами противных эстетическому вкусу предметов, явлений, действий;
- в) традиционность не обладающих экспрессией просторечных слов для старого низкого стиля;
- г) прикрепленность ряда слов к простонародной среде;
- д) принадлежность слова диалектам.

В некоторых случаях эти принципы действительны для сторонников обеих школ. Но то, что карамзинисты считают вообще неуместным в литературном произведении, Шишков старается изгнать только из высокого слога. Так, в обзоре русской литературы за 1803 г. в рецензии на стихи И. М. Долгорукого П. Макаров отмечает в стихотворении «Спор» нежелательное для стихов слово *изба*: «С каким желаньем тот, кто болен, В избе своей ждет ясных дней».¹⁶

Ср. замечание Шишкова по поводу перевода Раича «Георгик Вергилия: «Стр. 14. — То с граблями знаком родительский удел. Родительский удел знакомить с граблями! Так прежде у нас не писывали. Ломоносов никого не знакомил ни с граблями, ни с капустою, ни с грибами» (Письмо Шишкова Дмитриеву, 13 IX 1821, с. 352).

Немалую роль в оценке пригодности того или иного слова имело субъективное восприятие авторов рецензий и критик, представляющих противоборствующие стилистические школы.

Все эти подходы можно продемонстрировать, перечислив слова, употребление которых осуждалось в рецензиях, критиках и переписке карамзинистов. Таковы: *бериберда, божба, бред, буркалы, виднеется, волокита* (о человеке), *волочиться, вот, врать, гиль, глазеть, да, давным-давно, девка, дрянь, закорузлый, не замай, начинать* 'начинать', *изба, изгребши, истомить, карла, конник, краше, любиться, моргнуть, надо, насупротив, небывальщина, невпопад, нисколько* 'нимало', *охотиться, парень, пехотинец, поблажка, подмога, покалякать, покамест, поныхи, похулять, прибауточка, прибранить, пронюхать, (фу) пропасть, разиня рот, раскабениться, сволочь, сильно* 'очень', *скупендай, словно* 'как бы, подобно', *слыть, содраться* (в высоту), *ссочить, стилиснуть, суетить, сызнава, теплиться, ужалобить, усесться, цыпочки, чепуха, чу, шельма, щи, юркнуть, этот, эвоя* и др.

Нередко в журналах того времени мотивы отвержения получали обоснование. Так, в рецензии на перевод романа Жанлис «Матери соперницы, или Клевета», помещенной в журнале «Московский Меркурий» за 1803 г., читаем: «Господин переводчик весьма старался применяться к языку, употребительному в обык-

¹⁶ Московский Меркурий, 1803, ч. 3, с. 125.

новенном разговоре. Только надлежало бы ему подражать людям, которые говорят хорошо, а не тем, которые говорят дурно. Выражения простонародные не должны писателю служить правилом. У нас язык общества еще не образовался, потому что люди, которые могли бы образовать его, а особливо женщины, занимаются предпочтительно языками иностранными. И для того надобно иногда писать так, как должно бы говорить, а не так, как говорят. Мы находим в сем переводе множество слов и выражений весьма низких и неправильных, на пример: шельма, точить балы, покаякать, держать ухо остро, попасться в просак, ужалобить, прибранить».¹⁷

В «Любителе словесности» Н. Остолопова за 1806 г. порицается употребление «слов, неприятных для слуха» в комедии П. Сумарокова «Модник»: «Жаль только, что в сей пиесе много есть слов для слуха весьма неприятных и даже слишком низких, напр. раскабенился, почиваешь до отвалу, все не в попад, скупендай, уж я его сосочу, стилиснет, бериберда и проч. ...Притом же у человека модного может ли камердинер изъясняться любовнице своей такими словами: безтолковая! пусти-ка на меня воровский-то свои буркалы, я не Андрею твоему жбан! — такие выражения и у деревенских жителей из обыкновения уже выводятся».¹⁸

3.02. Постепенно складывается круг слов и выражений народно-разговорного источника, допускаемых и в произведениях, отмеченные утонченным вкусом. Большое значение имел здесь пример самого Карамзина. В «Письмах русского путешественника» и в повестях его встречаются, например, следующие слова: *авось*, *баба* 'женщина', *богач*, *браниться*, *быль*, *быт*, *важничать*, *вздор*, *взводит* *небылицы*, *ворошиться* ('сердце начинает ворошиться'), в авторском повествовании: *Наталья* — боярская дочь), *враль*, *всякая всячина*, *выманить* (письма), *гуся* (о человеке безмерно хвастливом), *даром*, *девка*, *дурачить*, *жадный*, *жмурки*, *зацепить за живое*, *затянуть дуо* (дуэт), *карла*, *клюка*, *кривляться*, *крушиться*, *крыша*, *лачуга*, *малютка*, *молча*, *мчать*, *мурава*, *по мыслям* 'правится кому-т.', *нахлудить*, *неприманчивый*, *нестись* 'быстро двигаться', *низехонько*, *норов* (в пословице), *под носом* 'близко', *остолбенеть*, *пасмурное* (лицо), *перерывать*, *подгорюниться*, *подкапок*, *подлететь* 'быстро приблизиться', *примчаться*, *продраться* (в залу), *расхаживать*, *рыться*, *скряга*, *служивый*, *сmekнуть*, *суженая* (невеста), *таращить* (глаза), *тотчас*, *тужить*, *тянуть* (водку), *убраться*, *умничать*, *по уши* (влюбиться), *чванный*, *шубейка*, *шататься*, *шушун* и др.

Как видно из этого перечня, Карамзин отдавал явное предпочтение словам, для которых уже заканчивался процесс пере-

¹⁷ Московский Меркурий, 1803, ноябрь, сс. 124—122.

¹⁸ Любитель словесности. СПб., 1806, ч. I, с. 95.

хода в нейтральный слой лексики (таковы *быль, быт, жмурки, жадный, клюка, крыша, малютка, мчать, тотчас*), а также словам, занимающим промежуточное положение между нейтральной лексикой и просторечием (таким как *вздор, важничать, тужить, умничать* и др.). Тем не менее даже в таких стилистически обработанных под углом изящного вкуса произведениях сказывалась неупорядоченность разговорной речи тех дворянских кругов, к которым он принадлежал. См., например, в «Письмах русского путешественника» некоторые слова с характерной для просторечия яркой отрицательной экспрессией: «„Кто хочет узнать свет, говорил он, тому надобно ехать в Роттердам. Там то живут славно, и все гуляют на шлюпках! Нигде не увидишь того, что там увидишь. Поверьте мне, государь мой, что в Роттердаме я сделался человеком!“ — Хорош гусь! думал я — и пожелал им доброго вечера» (ПРП, ч. I, с. 19); «В ожидании штатгальтерши тянули они всем фрунтом водку, и так неосторожно, что некоторые стукались лбами» (там же, с. 71); «Я сидел в задумчивости, и вдруг увидел молодого человека, который, нахлобучив себе на глаза круглую шляпу, тихими шагами ко мне приближался» (там же, т. II, с. 15); «Бродил по городу, нахлучив себе на глаза шляпу, и тростью своею считал по мостовой камни» (там же, т. I, с. 89).¹⁹

Сопоставление состава просторечной лексики в «Письмах русского путешественника» и в повестях Карамзина с кругом просторечных слов, встречающихся в его же письмах И. И. Дмитриеву, А. Ф. Малиновскому, П. А. Вяземскому, показывает, что для переписки Карамзина характерен более широкий набор просторечных слов. Здесь шире представлены слова с резкой эмоциональной окраской. В письмах Карамзин пользуется и словами в характерных для просторечия производных значениях, возникших в результате метафорического и метонимического переноса.

Вот некоторые примеры из писем Карамзина Дмитриеву: «Усердно желаю мира... Но, кажется, война еще продолжится. Тамерлан еще не окошел, а немцы будут курить табак» (1813, с. 170); «Кому ты хочешь услужить? Хорошо, если своему карману;²⁰ но в этом не ошибешься ли?» (1792, с. 36); «Не поверю, чтобы твоя лира так лежала; верно ты по временам берешь ее, бряцаешь и мурлычешь²¹ кое-что про себя от скуки» (1788, с. 7); «Он уже нашел бы способ избавиться от докук моих; я прожуж-

¹⁹ Это значение слова *гусь* в САР_I и Словаре 1847 не фиксируется; слова *нахлобучить* и *нахлучить* даны в САР_{II} с пометой «простонародное» (ч. 3, с. 1251); выражение *тянуть водку* в САР_{II} не отмечено.

²⁰ Это значение слова *карман* в САР не отмечается, но устойчивые сочетания *у него карман тонок, жидок, пуст*, т. е. 'он беден, недостаточен'; *у него карман туг*, т. е. 'он скуп'; *у него карман толст, густ карман*, т. е. 'он богат' даются с пометой «в просторечии» (САР_{II}, ч. 3, с. 76).

²¹ «Мурлыкать... 2) В просторечии иногда значит: тихоныко, неявственно говорить или петь» (САР_{II}, ч. 3, с. 894).

жал ему уши²² о Генрике» (1817, с. 218); «Я хотел рано убраться за город, на берег Москвы-реки; но теперь и думать нельзя... Я по уши влез²³ в русскую историю: сплю и вижу Никона с Нестором» (1800, с. 116); «Знаешь ли ты, что уходил²⁴ Макарьев и князя Грузинского? то есть дал мысль государю перевести ярмонку в Нижний» (12 III 1817, с. 209); «Мою сказку, посвященную щекотуньям,²⁵ прочитаю двум или трем щекотуньям, с которыми нередко вижусь» (2 VI 1793, с. 37); «Я всякий день жду разрешения: жена едва ходит; однако ж таскается со мною по саду уединенному» (Письмо Карамзина Малиновскому, 3 VII 1817, с. 21).

См. также слова и выражения: *в диковинку*, *житье-бытье*, *заманка*, *лезть* (к кому-л.) 'заискивать перед кем-л.', *малый* 'молодой человек', *мудрить*, *обойти* 'обмануть', *прицепиться* 'придаться к чему-л.', *сидень*, *щипать* 'делать едкие замечания', *спиться с кругу*, *накостный* (слог), *подмога*²⁶ и др.

Письма Карамзина в известной мере характеризуют разговорную речь европеизированных кругов русского дворянства, которую Карамзин и его сторонники стремились нормализовать, но которая была еще в известной мере неупорядоченной.

3.03. В этом плане представляет интерес отбор лексики, осуществленный И. И. Дмитриевым в его баснях, сказках, сатирах, эпиграммах, сознательно ориентированных на разговорную речь светского общества. В них нам встретились слова: *авось*, *бедняк* 'бедный человек' и 'несчастный человек', *бедняжка*, *безделица*, *богач*, *бородач*, *болван*, *брюзга*, *быль*, *быт*, *вертеть* 'самовластно управлять кем-л.', *вздор*, *взмилиться*, *вилять* 'лукавить', *вопить*, *вострушка*, *враль*, *вралеха*, *врать*, *втащить* (в разговоры), *втащиться*, *галиматья*, *гаркать*, *горланить*, *горло драть*, *грудцою*,

²² Выражение *прожужжать уши* дается в САР_{II} без помет (ч. 5, с. 534), но несомненно принадлежит просторечию, отличаясь сниженностью и непринужденностью.

²³ Выражение *влезть по уши* САР_{II} не фиксирует.

²⁴ Глагол *уходить* в значении 'погубить' дается в САР_{II} без пометы (ч. 6, с. 1078), но уже в Словаре 1847 имеет помету «простонародное» (т. IV, с. 378).

²⁵ Слово *щекотунья* САР_{II} и Словарь 1847 не фиксируют.

²⁶ САР_{II} дает слово *подмога* без пометы (ч. 4, с. 1297). Но И. И. Дмитриев считает его низким: «Я от сердца радуюсь успехам нашей поэзии, и желал бы, очень желал бы познакомиться лично с г. Востоковым. Его „Осень“, „Кантата“, „Телема и Макар“ прекрасны. Вы знаете мою искренность: видя в нем истинного поэта, желал бы я только, чтоб он убежал низких слов, как-то: истомить, вместо утомить, подмога и еще некоторыя» (Письмо Дмитриева Языкову, октябрь 1803, с. 185).

Чрезвычайно редки, но все же возможны у Карамзина и диалектизмы. См., например: «Колоть страшная: в нынешнее утро бедный наш кучер упал с лошади и так повредил ногу, что я беспokoюсь» (Письмо Карамзина Дмитриеву, 11 XI 1818, с. 252). Ср. в «Опыте областного словаря» 1852 г.: «Колоть... 1) Неровности от замерзшей или засохшей грязи» (Кур. Судж. Новгор. Тихв., сс. 87—88).

дагнуть, даром, дележ, дело, дельно, диковинка, дичь, досужий, жеманство, живчик, жизнечок, (чур не) жу-жу, жужжать, 'непрерывно монотонно говорить о чем-л.', забиться (в хижину), завернуть 'зайти куда-л.', зашибить (две сотни), зарюмить, зевать 'смотреть с праздным любопытством', зевака, знать 'видно, видимо' карабкаться, кашей 'скупец' кривляка, (ни) крошечки, крушить, крякнуть, кряхтеть, (в) лад, лачуга, лукнуть, лъзя, маляр 'плохой живописец', матка 'мать', маткин 'материн', молодец 'молодой человек', молоть 'говорить пустое', молча, мчать, накачаться 'навязаться', напирать, напоследок, наповал, находиться, небылица, нести (тулу), очнуться, пачкун, стать в пень, площадь, плюнуть 'оставить без внимания', повеся нос, повечерять, подгорюниться, подлететь, подлипала, подмога, поминай как звали, поп, привалить, приголубить, прикорнуть, пролаз, пусто-меля, пустяк, размашка, раздумье, рёва, ретивый, рифмач, родимый, рыскать, свахлять, светик (в обращении), сглюповать, скупяга, смекнуть, содом, стычка, такнуть, тащиться, толкаться 'ходить без цели в толпе', треснуть (со злости), тьма 'чрезвычайно много' увиваться, удалой, удариться (во что) 'увлечься чем-л.', ужась,²⁷ уроки 'припадок, вызванный якобы завистливыми взглядами или недоброжелательной похвалой', устал, ухлопать, фефела, хватский, хозяйюшка 'жена', холя, старый хрен, хрыч, черкнуть 'о быстром движении от кого-л.', чур, шаль, шальной, шарк, шуметь 'громко ругаться', щекотить 'задевать кого-л.' (о делах, разговорах и т. п.).

Здесь мы имеем дело с попыткой определить круг просторечных слов, допустимых в той вариации простого слога, который характерен для жанров, ранее относимых к «низкому» стилю, где широкое употребление просторечия и в ряде случаев его нарочитое сгущение были для 60—70-х годов традиционными. Положение большей части слов из приведенного нами списка (кроме слов зашибить, зарюмить, матка, свахлять, треснуть, ужась, ухлопать, фефела, старый хрен, хрыч, черкнуть) следует охарактеризовать как промежуточное между ранее присущей традиционно «низкому» стилю лексикой с яркой и резкой эмоциональной окраской и просторечной нейтрализующейся лексикой. По сути дела, это был первый сознательно устремленный отбор просторечия, могущего иметь право (с точки зрения критерия «вкуса») на прочное место в составе литературного языка, хотя приведенные слова сохраняли известную сниженность.

3.04. В дополнение к названным выше словам (за исключением слов с яркой оценочностью, перечисленных выше) можно

²⁷ Слово употребительно ныне в губерниях. Примечания автора (Сочинения И. И. Дмитриева, т. I. СПб., 1895, с. 25).

назвать целый ряд других слов, обычных в данных вариациях простого стиля и характерных широкой употребительностью.

Таковы слова *ахинея, балагур, балагурить, набалагурить, басня 'выдумка', бахать, бахаться, бацнуть, бедокур, бедокурить, набедокурить, белиберда, белоручка, бесталанный, бестолковица, бестолочь, биться 'нуждаться', бочениться, браниться и набраниться, бред 'взор', бредни, бренчать, буркать, бурчать, бухнуть, важничать, вдогад, вертушка (о женщине), вертеться (перед кем-л.), ветрогон и ветрогонка, вертопрах и вертопрашка, взбалмошный, взбresti (на ум), взбудоражить, взвалить (дело на кого), взвыть, вздорить, вздуриться, взманить, визготня, воркотня, ворошиться 'шевелиться', воровать 'самовластно управлять', впутать (в какое-л. неприятное дело), вскарабкаться, выплакать 'усиленными просьбами выпросить', вышколить, глазеть, поглазеть и заглазеться, гиль 'взор, чепуха', головолом, голово-рез, гонка 'выговор', грамотей, дребедень, дрянь, дрязги, егоза, егозить, жеманиться, жеманница, жеманничать, жеманничанье, зубастый, зубоскал, карапуз, катить 'быстро двигаться', квит и квити, кислый 'грустный', клеиться (о деле), кляуза, кляузник, кляузный, коверкать, ковылять, ковырять и ковыряться, колобродить, корнать и окорнать, корпеть, краснобай, красotka, кропать, крошечный и крохотный, кряж (о человеке), кувыркать, кувырк-ком, куклолка (о хорошенькой, нарядной женщине), куksить, куksиться, куролесить, кусаться 'очень дорого стоять', кутерьма, лебезить, ленца, ломака, мастерить, смастерить, мешок (о неуклюжем человеке), мирволить, молокосос, мощи (о чрезмерно худом человеке), мудрить и мудровать, мурылькать 'тихонько напевать', нагоняй, недотрога, неженка, неровно, ну-кать, понукаль, орава, позариться, попрошайка, потускнелый, припугнуть, присесть, приструнить, пробегать, пройдоха, прошлец, подбездать 'лестить кому-л. с корыстной целью', подсидеть 'воспользоваться оплошностью кого-л.', пугать 'говорить что-л. неосновательное, недельное', разбодриться, раздобриться, раздолье, ребячиться, ревун, ревуны, режнуться, свистун, слоняться, соня, спозаранку, сулить, тагать и потагать, тараторить, тараторка, таращить, таскать 'небрежно носить платье', таскаться (и тащить), теплынь, толочься 'топаться на месте', транжирить, трещать 'быстро говорить', трещотка 'говоруны', трубить 'разглашать', тряпка (о мягком, безвольном человеке), туманный 'грустный', тьма (о множестве чего-л.), ублажать, увалень, уволочь, удалец, удирать, уйма, укатить 'уйти', улигнуть, уложить 'убить', уломать, улыбнуться 'пропасть', умничать, умничанье, умудриться 'ухитриться', уписывать 'жадно есть', уплетать, ускользнуть 'избежать чего-л.', утречком, фигли, финтить, хват, хибара, хорохориться, цыпочки и цыпки, черкать, чездарда 'непорядок, неразбериха', чудесить, чудить, чужак, чур (междометие*

для обозначения условия, запрещения), *чушь, школить, юлить, юркнуть* и др.²⁸

Итак, к концу XVIII в. жанрово-стилистическая теория классицизма была разрушена. Можно говорить лишь о сохранении некоторых ее традиций в творчестве отдельных писателей, в жанрах традиционно низких.

Полемика представителей различных литературно-стилистических школ, в которой отстаивались противостоящие линии ориентации литературного языка, была полезной. Она приковывала внимание общества, в ходе полемики было высказано много ценных частных соображений о различных словах, группах слов и возможностях сочетания слов в контекстах. В основах же своих воззрений представителям противоборствующих направлений не удалось избежать известной односторонности.

Попытки защиты жанрово-стилистических принципов распределения стилистически маркированной лексики, последовательно отстаиваемые Шишковым, не имели успеха, так как не соответствовали намечающимся новым основам стилистики формирующегося русского литературного языка.

Строгий пуризм Карамзина, его последовательная ориентация на нейтральность литературного языка, теоретические положения сподвижников Карамзина, направленные на последовательное ограничение контактов литературного языка и живой разговорной речи, а отчасти и литературная практика представителей этой школы, демонстрирующая экспрессивную сглаженность и однообразие лексического состава, были постепенно отвергнуты.

Со временем стали неприемлемыми как социальная ограниченность карамзинизма и его ориентация на речь светского общества — основу литературного языка, так и эстетический критерий «вкуса». Новая стилистика единого русского литературного языка, в котором порою противоречиво и не просто осуществлялось объединение всех жизнеспособных языковых средств, складывалась в литературной практике представителей различных школ, в поисках новых способов языкового выражения. Именно здесь наметился основной принцип новой стилистики: тесная связь содержания и языкового выражения.

Знаменательным следует считать тот факт, что в конце XVIII—начале XIX в. фактически существовали различные вариации простого стиля. Простой стиль повести, романа, описания путешествия, некоторых стихотворных видов (элегии, ро-

²⁸ При составлении этого списка использовались басни Хемницера, Княжнина, Измайлова, Жуковского (1806), некоторые стихотворные тексты Нелединского-Мелецкого, комические оперы и сатирические стихотворения Д. П. Горчакова, комедии и комические оперы Левшина (оригинальные и переводные), Богдановича «Душенька» и комедия «Радость Душеньки» и ряд других, значительно отошедших от традиций старого «низкого» стиля.

манса, песни и др.) отличался от простого стиля басни, комедии и комической оперы, сатирических стихов и дружеских посланий, принадлежащих также перу карамзинистов и близких им по стилистическим устремлениям авторов. Это касается даже такого сподвижника Карамзина, как И. И. Дмитриев, в своих рецензиях и высказываниях бывшего более пуристом, чем сам Карамзин. В них, хотя и с тщательным отбором, заключающимся в сознательном устранении слов, обозначающих не эстетичные, по мнению авторов, предметы и явления, слова, не подходящие под критерий «вкуса» по стилистическим мотивам²⁹ (обычно слова с резкой отрицательной оценкой) и по мотивам социальным (так называемые «площадные», «хватские», «низкие», «подлые» слова, свойственные, по их мнению, преимущественно народной речи),³⁰ входили слова и выражения народно-разговорного источника с умеренной экспрессией, слова в значениях, образовавшихся путем метафорического переноса, эмоционально-окрашенные и сохранившие яркую образность. Без них было трудно обойтись в произведениях, темой которых была повседневная жизнь, в жанрах, для которых характерна передача живой речи, краткое и образное разрешение сюжета, отрицательная характеристика явлений, т. е. их введение мотивировано содержанием, композицией и жанром.

Необходимой предпосылкой такого отбора было существование, оформление и развитие в составе русского литературного языка функционально-стилистических категорий — славянизмов и просторечия.

Можно предполагать, что сложению этого принципа способствовал блестящий опыт Державина, показавшего возможности сочетания в контекстах языковых средств, ранее не сочетаемых. Его дополнила языковая практика таких писателей, как Капнист, Долгорукий.

Но особое внимание должно быть уделено тем силам, которые группировались около Шишкова отнюдь не потому, что разделяли его стремление назад к Ломоносову и его воззрения на русский язык, но потому, что для них был неприемлем пуризм Карамзина. К ним принадлежали Грибоедов, Крылов, Катенин и некоторые другие. Именно в литературной практике Грибоедова и Крылова были продемонстрированы богатейшие изобразительно-выразительные и экспрессивные возможности просторечия (разговорной речи), значительно расширен круг слов

²⁹ См. замечание Карамзина о словах *пичужечка* и *парень*, приводимое неоднократно исследователями (Письмо Карамзина Дмитриеву, с. 39).

³⁰ См. подборку таких характеристик слов, принадлежащих И. И. Дмитриеву, в работе В. В. Виноградова «Из наблюдений над языком и стилем И. И. Дмитриева» (в кн.: Материалы и исследования по истории русского литературного языка, т. I. М., 1949, сс. 171—172).

разговорного источника в составе русского литературного языка и принципиально решен вопрос о разговорной речи как важнейшем источнике русского литературного языка.

4.01. Изучение памятников русской письменности второй половины XVIII в. позволяет установить, что русский литературный язык в то время обладал набором функционально-стилистических категорий и в числе их — категорией просторечия.

Данной категории свойственна стилистическая маркированность — сниженность, опроченность и поэтому свойственность определенным жанрам литературных памятников в середине века, прикрепленность к контекстам определенного содержания — в самом конце века.

Функционально-стилистические категории — категории исторические. Это их свойство мотивировано исторической изменчивостью литературного языка, в котором они объединяются, а также характерностью исторических изменений источника, на основании которого формируется категория, в данном случае — общенародной разговорной речи. Историческое своеобразие проявляется в особенностях стилистической маркированности.

Во второй половине XVIII в. важнейшей особенностью стилистической маркированности словарного состава литературного языка следует считать ее прямую и тесную связь с генетической принадлежностью состава категорий. Поэтому стилистическая маркированность просторечного слова обнаруживает зависимость от генетической его принадлежности: просторечное слово — слово русское или представляет собою образование по законам русского словообразования и по свойственным ему типам производных значений и употреблений. Другая характерная особенность стилистической маркированности проявляется как известная незавершенность отбора слов определенных словообразовательных моделей и слов в складывающихся производных значениях отдельными категориями, в известной зыбкости и неустановленности состава внутри складывающихся таким образом групп слов.

Анализ состава просторечия в генетическом плане показывает преимущественное положение в его составе русских слов. Среди них есть и древнейшие слова русского языка, унаследованные им от общеславянского и восточнославянского языков, а также слова исконно русские и слова, принадлежавшие ранее диалектам русского языка. Слова иного языкового источника в составе просторечия сравнительно немногочисленны и в большинстве своем производные от прямых заимствований.

В составе просторечия объединялись постепенно слова определенных словообразовательных моделей, характерных для его источника — общей разговорной речи, наиболее полно совмещавших семантическое своеобразие просторечного слова с его разнобразной оценочностью. Те же основания лежат в основе неравномерности вхождения в просторечие слов различных лексико-грам-

матических категорий, благодаря чему преимущественное положение в составе просторечной лексики занимают имя существительное и глагол, наиболее приспособленные к совмещению конкретности и оценочности.

Важнейшей семантической особенностью просторечия является преимущественная конкретность значений входящих в него слов. В его составе условно можно выделить слова, соотносимые с народным бытом, а также слова, относящиеся к человеку, его внешним и внутренним особенностям, характерным для него качествам, действиям и проявлениям.

К просторечию относились слова в значениях, производных от номинативных значений нейтральных слов конкретного значения, образуемых путем метафорического и метонимического переноса, а также целый ряд слов в типических образных употреблениях. Слова в таких значениях и употреблениях отличались образностью, живописностью.

В пределах изучаемой категории во второй половине XVIII в. довольно четко проявилась избирательность ее лексико-семантического состава. Для просторечия более характерна лексика с отчетливо выраженной пейоративностью семантики. Такая лексика составляет многочисленные лексико-семантические группы. Аналого-синонимические ряды просторечных слов, как правило, многочисленны и характеризуются недостаточностью внутренней семантической дифференциации. При обилии синонимов и аналогов антонимические внутрикатегорические противопоставления развиты слабо.

Просторечное слово характерно, так же как и вообще русское слово XVIII в., своим семантическим синкретизмом, известной несформированностью внутренних семантических градаций, благодаря чему в целом ряде случаев общее его значение проявляется в употреблениях, реализуется в ряде сочетаний, в каждом из которых проявляются свои дополнительные нюансы.

Функционально-стилистическое просторечие обнаруживает разнообразие в оценочном плане. Для него характерны слова с собственной оценочностью, когда значение слова содержит оценку предмета, качества, действия, явления и т. п., им обозначаемого. Включены в просторечие слова эмоционально-оценочные, для значений которых характерно ярко выраженное отношение к тому, что обозначается словом. Целый ряд просторечных слов обладает оценочностью только при употреблении в определенных ситуациях.

Формирование функционально-стилистической категории просторечия как одной из таких категорий, присущих литературному языку, должно рассматриваться как одно из проявлений процесса демократизации русского литературного языка. Путь сложения данной категории сложен и противоречив. Тем

не менее можно выделить некоторые особенно важные этапы этого пути. Так, для 50—70-х годов характерно собирание состава просторечия и испытание свойств различных групп слов и отдельных слов в контекстах памятников, относящихся к низкому и особенно среднему стилю. Для 80—90-х годов более характерны процессы отбора и перегруппировок уже устанавливающегося состава, выявление центрального слоя — ядра категории и групп слов с почти стертой или стирающейся стилистической маркированностью, а также слов с особенно резкой оценочностью, отходящих на периферию категории, а потом выходящих из нее.

Фронтальное исследование, при котором бы учитывались различные стороны сложения литературного языка, основанное на памятниках разных жанрово-стилистических групп, разнообразных и в тематическом плане, до сих пор в отношении русского литературного языка XVIII в. не предпринималось. Оно только начато серией работ по исторической лексикологии русского литературного языка XVIII в., включающей и нашу книгу.

Но все исследования, в той или иной мере затрагивавшие проблему формирования русского литературного языка XVIII в., неоднократно отмечали своеобразие и сложность пути, по которому двигался русский литературный язык, многозначность и разнонаправленность тенденций, проявляющихся в процессе развития, различия в ориентации литературных школ и направлений.

В целом ряде случаев в центре исследований находилось одно направление развития русского литературного языка или отдавалось предпочтение теоретическим положениям литературных школ. Внимание привлекали теоретические высказывания выдающихся деятелей литературы XVIII в., таких как Ломоносов, Сумароков, Новиков, Фонвизин, Державин, Карамзин, Радищев и др. И лишь в некоторых случаях принималась во внимание литературная практика их ближайшего окружения. Это способствовало известной односторонности суждений о путях развития русского литературного языка в XVIII столетии.

Опыт фронтального исследования только одной функционально-стилистической категории, конечно, не может быть достаточным для создания адекватной действительности картины становления русского литературного языка XVIII в. Его следует рассматривать лишь в плане освещения одной из сторон процесса формирования русского литературного языка. Другие стороны представляют книги этой серии, как вышедшие, так и находящиеся в процессе издания.³¹ Тем не менее введенные в науч-

³¹ См.: Е. Э. Биржакова, Л. А. Войнова, Л. Л. Кутина. Языковые контакты и заимствования. М.—Л., 1972; И. М. Мальцева, А. И. Молотков, З. М. Петрова. Лексические новообразования

ный оборот материалы, подтверждающие роль книжных традиций в русском литературном языке, и материалы нашего исследования, показывающие роль общей разговорной речи как одного из источников русского литературного языка, дают возможность предположить, что в литературном языке русской нации в исследуемый период консолидировались различные в генетическом плане языковые средства на общенародной основе. Свидетельством этого является прежде всего само формирование функционально-стилистических категорий в русском литературном языке, и в частности категории просторечия, центральный слой которого, его ядро составляли слова с богатыми возможностями развития семантической структуры — слова в производных переносных значениях на основании метафорического или метонимического переноса, а также типичных образных употреблений, слова с разнообразной гаммой оценочности, составившие значительную часть выразительно-изобразительных средств литературного языка, того самого богатого арсенала живописных слов, которые являются отличительной чертой русского литературного языка.

XVIII век дает нам также прямые свидетельства пополнения основного нейтрального слоя литературного языка за счет просторечия, заполнения лакун и зияний в этом слое, преодоления его недостаточности за счет отличающихся экононым и четким выражением языковых средств просторечия. С другой стороны, с течением времени устанавливается ограниченность употребления целого ряда ранее широко употреблявшихся нейтральных слов, и они постепенно уходят в сферу просторечия. Так осуществляется постоянное взаимодействие нейтрального слоя литературного языка и состава его функционально-стилистических категорий.

Функционально-стилистическое просторечие имело своим источником общую разговорную речь или, как было принято называть в XVIII в., просторечие. И хотя в данном случае речь идет об объектах разного порядка, один из которых относится к сфере литературного языка, а другой является одной из форм существования русского языка, соотносимых как категория и ее источник, — материал, включающийся в данную категорию, а также привлеченные нами сопоставительные материалы дают основание для некоторых предположений. Они касаются соотношения форм существования русского языка второй половины XVIII в.

Внутреннее членение русского языка того времени также отмечено печатью исторического своеобразия. Его обработанная и нормированная форма — литературный язык — существует

в русском литературном языке XVIII века (в печати). В. В. Замкова. Славянизм как стилистическая категория в русском литературном языке XVIII века (в печати).

только в письменной форме. Разговорная форма литературного языка еще не сформирована. Сфера устного общения принадлежит в основном ненормированной общей разговорной речи и диалектным вариациям разговорной речи.

Следует констатировать применение определенными кругами образованного русского разговорного общества письменной формы литературного языка в сфере устного общения в ряде ситуаций (например, в официальном, научном общении). Однако мы полагаем, что такое применение не может быть квалифицировано как разговорная форма литературного языка ввиду ограниченности ситуаций общения, сравнительной узости кругов общества, пользующихся данной формой общения, вероятности ориентации на определенный круг языковых средств, на складывающиеся терминологические системы.

Ненормированность формы, предназначенной для широкого устного общения,— общей разговорной речи,— установленная общественным опытом недостаточность для удовлетворения разнообразных потребностей общения письменной формы литературного языка, ориентированной лишь на некоторые ситуации общения, не могли удовлетворить расширяющиеся круги русского образованного общества. Перед ними неизбежно вставал вопрос о необходимости нормированной разговорной речи.

Эту общественную потребность отразил в своих устремлениях и усилиях Карамзин. Узкая социальная база нормированной разговорной речи — разговорная речь светского общества,— предлагаемая Карамзиным, не могла стать основой разговорной формы литературного языка русской нации, стремящегося ко всемерному расширению сферы применения. Предложения Карамзина оставались отчасти в плоскости пожеланий. В процессе формирования нормированной разговорной речи, охватывающем и первую треть XIX в., отчетливо проступают линии отбора средств из общей разговорной речи, заметные в речевой практике представителей различных литературных школ и направлений, в том числе и школы Карамзина, нашедшие отражение в дневниках, переписке, записках и т. д. Изучение этой проблемы — задача будущих исследований.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ



- | | |
|--|---|
| Аблесимов, Мельник | — А. О. Аблесимов. Мельник, колдун, обманщик и сват. СПб., 1792. |
| Аблесимов, Правда и ложь | — Сочинения Кострова и Аблесимова. СПб., 1849, сс. 126—130. |
| Аблесимов, Сказка XI | — Сказки Александры Аблесимова. СПб., 1769. |
| Аблесимов, Счастье по жеребью | — Сочинения Кострова и Аблесимова. СПб., 1849, сс. 55—88. |
| Алленваль, Награжденная хитрость | — [А л л е н в а л ь]. Награжденная хитрость, или Удачное плутовство. Перев. с нем. Н. П. СПб., 1778. |
| Аналогические таблицы | — Аналогические таблицы, ч. 1—5. СПб., 1784—1787 (ч. 1, А—К; ч. 2, Л—О; ч. 3, П; ч. 4, Р—Т; ч. 5, У—Устерика). |
| Аничков, Рассуждения из богословия | — Д. С. А н и ч к о в. Рассуждения из натурального богословия, о начале и происшествии натурального богопочитания, № 1. М., 1769. |
| Апулей, Золотой осел | — Луция Апулея платонической секты философа. Превращение, или Золотой осел. ч. I—II. Перев. с лат. Е. Кострова. М., 1780—1781. |
| Афанасьев, Образцы литературной полемики | — Библиографические записки, 1859, № 17, сс. 520—522. |
| Бабичев, Ответ о кровельных черепицах | — [Д. Б а б и ч е в]. Ответ о кровельных черепицах. — Продолжение трудов Вольного экономического общества, ч. X. СПб., 1790, сс. 30—37. |
| Барсов, Собрание пословиц | — Б а р с о в. Собрание 4291 древних российских пословиц. М., 1770. |
| Бахтин, Различия слова гулять | — Иртыш, превращающийся в Ипокрену, ч. V. Тобольск, 1790, с. 55. |
| Березайский | — В. С. Б е р е з а й с к и й. Анекдоты древних пошехонцев. СПб., 1798. |
| Богданович, Душенька | — И. Ф. Б о г д а н о в и ч. Душенька, древняя повесть в вольных стихах. М., 1799. |
| Болотов | — Записки Андрея Тимофеевича Болотова 1738—1794, т. 1—4. СПб., 1871. |
| Быль | — Покоющийся трудолюбец, ч. III. М., 1785. |

- Веревкин, Именинники — Российский Феатр, или Собрание всех Российских феатральных сочинений, ч. XXI. СПб., 1788, сс. 187—306.
- Веревкин, Так и должно — М. И. Веревкин. Так и должно. М., 1773.
- Веревкин, Точь в точь — М. И. Веревкин. Точь в точь. СПб., 1785.
- Волчков, Словарь — Французский лексикон, содержащий в себе все слова французского языка, та-кож все в науках, художествах и в ремеслах употребительныя названия, собственныя имена людей, земель, городов, морей и рек с немецким и латинским, предложенный на российской язык при первом издании Сергеем Волчковым, ч. I—II. Изд. III. СПб., 1785; ч. III. СПб., 1787.
- Востоков, Письмо о счастье — А. Х. Востоков. Опыты лирические и другие мелкие сочинения А. Востокова, ч. I. СПб., 1805.
- Выбор по разуму — Анонимная комедия «Выбор по разуму». Перев. с фр. [С. Титова]. СПб., 1778.
- Вяземский, Новые книги — П. А. Вяземский, Соч., т. II, СПб., 1879.
- География — География генеральная, небесный и земноводный круги, купно с их свойства и действа в трех книгах описующая. Преведена с латинска языка на российский. М., 1718.
- Гмелин — Самуила Георга Гмелина Путешествие по России для исследования трех царств естества, ч. II. СПб., 1772.
- Гнедич, Илиада — Н. И. Гнедич. Илиада. СПб., 1892.
- Голицин, Отец невидимка — Сочинения и переводы кн. А. И. Голицина, т. II. М., 1799.
- Горчаков, Беспристрастный зритель — Д. П. Горчаков. Беспристрастный зритель нынешнего века, 1797. — Поэты-сатирики. М., 1959, сс. 128—139.
- Горчаков, К другу моему — Д. П. Горчаков. К другу моему Н. П. Н. — Поэты-сатирики. М., 1959, сс. 121—128.
- Грибоедов, Горе от ума — А. С. Грибоедов. Горе от ума. М., 1969.
- Грибоедов, Пут. зап. — А. С. Грибоедов. Путешественные записки. — Полн. собр. соч. А. С. Грибоедова, т. III, Пгр., 1917.
- Грибоедов, Студент — Полн. собр. соч. А. С. Грибоедова, т. I, СПб., 1911.
- [Давыдов] Орлица, турухтан и тетерев — Литературное наследство, № 9—10. М., 1933.
- Даль, Словарь — Толковый словарь живого великорусского языка В. Даля, т. I—IV. М., 1955.
- Дашкова, Послание к слову так — Собеседник любителей Российского слова, ч. I. СПб., 1788.
- Дашкова, Тоисеков — Российский Феатр..., ч. XIX. СПб., 1788, сс. 239—317.
- Державин, Анакреоново удовольствие — Сочинения Г. Р. Державина, ч. III, СПб., 1808.
- Державин, Арфа — Там же, ч. III.

- Державин, Атаману войска — Там же, ч. II.
Державин, Гостю — Сочинения Г. Р. Державина под ред. Я. К. Грота, т. I, СПб., 1870, с. 466.
- Державин, Добрыня — Сочинения Г. Р. Державина, ч. IV, СПб., 1808.
- Державин, Дурочка — Сочинения Г. Р. Державина под ред. Я. К. Грота, т. IV, СПб., 1874, сс. 484—490.
- Державин, Желание зимы — Там же, с. 265.
- Державин, Жмурки — Сочинения Г. Р. Державина под ред. Я. К. Грота, т. III, СПб., 1870, с. 439.
- Державин, Кутерьма — Г. Р. Державин. Кутерьма от Кондратьев. — Сочинения Г. Р. Державина, ч. V, СПб., 1808, сс. 318—327.
- Державин, Медведь, лисица и волк — Сочинения Г. Р. Державина под ред. Я. К. Грота, т. III, СПб., 1870, с. 428.
- Державин, Мельник — Сочинения Г. Р. Державина, ч. III, СПб., 1808.
- Державин, Мнение — Г. Р. Державин. Мнение об отвращении в Белоруссии голода. — Сочинения Г. Р. Державина под ред. Я. К. Грота, т. VII, СПб., 1878, сс. 261—355.
- Державин, На возвращение — Там же, т. II, с. 9.
- Державин, На умеренность — Сочинения Г. Р. Державина, т. I, СПб., 1808, сс. 172—177.
- Державин, На Хавронью — Г. Р. Державин. Стихотворения. Л., 1933.
- Державин, Осень — Сочинения Г. Р. Державина, ч. I, СПб., 1808, с. 136.
- Державин, Приветствие Феба — Там же, ч. III, СПб., 1808.
- Державин, Приглашение к обеду — Сочинения Г. Р. Державина под ред. Я. К. Грота, т. I, СПб., 1870, с. 462.
- Державин, Пролог — Г. Р. Державин. Пролог на рождение порфирородного отрока. — Сочинения Г. Р. Державина, ч. IV, СПб., 1808.
- Державин, Приказ моему привратнику — Там же, т. III, с. 326.
- Державин, Рождение красоты — Сочинения Г. Р. Державина, ч. III, СПб., 1808.
- Державин, Ягненок и волк — Сочинения Г. Р. Державина под ред. Я. К. Грота, т. III, СПб., 1870, с. 448.
- Державин, Fragmentum Дефо, Робинзон Крузо — Там же, с. 196.
— Даниэль Дэфо. Жизнь и приключения Робинзона Круза природного англичанина. Перев. с фр. Я. Трусовым, ч. I—II. СПб., 1762—1764.
- Дмитриев, Два голубя — Сочинения И. И. Дмитриева, ч. III, М., 1818, сс. 25—29.
- Дмитриев, Картина — Там же, ч. II, сс. 123—127.
- Дмитриев, Лиса-проповедница — Там же, сс. 10—12.
- Дмитриев, Освобождение Москвы — Там же, ч. I, сс. 9—15.
- Дмитриев, Отъезд — Там же, сс. 47—49.
- Дмитриев, Петух, кот и мышонок — Там же, ч. III, сс. 3—5.
- Дмитриев, Послание от Попа — Там же, ч. I, сс. 80—99.
- Дмитриев, Причудница — Там же, ч. II, сс. 128—141.
- Дмитриев, Пустынный и Фортуна — Там же, ч. III, сс. 74—75.

- Дмитриев, Филемон и Бавкида — Там же, ч. II, сс. 101—107.
- Дмитриев, Чижик и зяблица — Там же, ч. III, сс. 7—8.
- Дмитриев, Чужой толк — Там же, ч. I, сс. 49—54.
- Дмитриев, Шарлатан — Там же, ч. III, с. 79.
- Дмитриевский, Раздумчивый — Газдумчивой, комедия в пяти действиях. Перев. с фр. И. А. Дмитриевского. СПб., 1775.
- Долгорукий, Авось — Сочинения И. М. Долгорукова, т. I, М., 1849, сс. 435—442.
- Долгорукий, В последнем вкусе — Там же, с. 159.
- Долгорукий, Гудок — Там же, т. II, сс. 227—241.
- Долгорукий, Дневник путешествия — Чтения в императорском Обществе истории и древностей российских при Московском университете, кн. II. М., 1870.
- Долгорукий, Дурылом — И. М. Долгорукий. Дурылом, или Выбор старшины. Комедия в 3 д. — Соч., т. II, сс. 243—460.
- Долгорукий, Живет — Там же, т. I, сс. 449—457.
- Долгорукий, Журнал путешествия — Чтения в императорском Обществе истории и древностей российских при Московском университете, кн. I. М., 1872, сс. 1—122.
- Долгорукий, Записки — Сочинения И. М. Долгорукого, т. II, СПб., 1849, сс. 485—538.
- Долгорукий, Капище моего сердца — Чтения в императорском Обществе истории и древностей российских при Московском университете, кн. IV. М., 1872, сс. 1—148.
- Долгорукий, Нарышкину — Соч., т. I, сс. 266—272.
- Долгорукий, Нечто для сельчаков — Там же, сс. 420—434.
- Долгорукий, Параша — Там же, сс. 222—226.
- Долгорукий, Пир — Там же, сс. 382—391.
- Долгорукий, Приказ швейцару — Там же, с. 418.
- Долгорукий, Прогулка — Там же, сс. 138—142.
- Долгорукий, Семира Боле-славна — Там же, сс. 462—470.
- Долгорукий, Соседу — Там же, сс. 244—250.
- Долгорукий, Сослуживцу — Там же, сс. 232—236.
- Долгорукий, Старинка — Там же, т. II, сс. 24—26.
- Домашние несогласия — [Гольдони]. Домашние несогласия. — Российский Феатр., ч. XII. СПб., 1786, сс. 205—390.
- Друковцев, Сова — С. В. Друковцев. Сова, ночная птица. СПб., 1779.
- Дюфрени — Дюфрени. Спорщица. СПб., 1779.
- Екатерина II, Вестникова — Госпожа Вестникова с семьею. — Соч. Екатерины II, т. I, СПб., 1901, сс. 187—208.
- Екатерина II, Именины — Там же, сс. 49—114.
- г. Ворчалкиной
- Екатерина II, О, время — Там же, сс. 3—42.
- Елагин, Безбожный — Безбожный, трагедия в пяти действиях г. Браве. Перев. с нем. [И. П. Елагиным]. СПб., 1771.

- Елагин, Мизантроп — Мизантроп, или Нелюдим, комедия... — Соч. г. Мольера. [Перев. И. П. Елагин]. М., 1788.
- Елагин, Приключения маркиза Г. — Приключения маркиза Г***, или Жизнь благородного человека, оставившего свет. Перев. с фр. И. Елагина, ч. I—III. СПб., 1757.
- Елагин, Сатира на петиметра и кокеток — П. Н. Берков. Ломоносов и литературная полемика его времени. М., 1936, сс. 120—124.
- Живописец — Живописец, еженедельное на 1772 год издание. СПб., 1772.
- Жуковский, Кот и зеркало — Полное собрание сочинений В. А. Жуковского, т. I, СПб., 1902, с. 31.
- Жуковский, Мартышка и лев — Там же, с. 31.
- Жуковский, О басне и о баснях Крылова — Там же, т. V.
- Жуковский, Сурки и Крот — Там же, т. I, с. 32.
- Журнал Анненкова — Журнал курского помещика драгунского полку капитана Ивана Петрова сына Анненкова с 1745 году. — Материалы по истории СССР, т. V. М., 1957.
- Загоскин, Юрий Милославский — Загоскин Юрий Милославский. — Полное собрание исторических и бытовых романов, повестей и рассказов М. Н. Загоскина, т. I, СПб., 1903.
- Зап. Бибикова — Путешественные записки его превосходительства генерала лейтенанта... Александра Ильича Бибикова. — Памятники новой русской истории, т. III. СПб., 1873, сс. 33—87.
- Зап. Гарновского — Записки М. Гарновского. — Русская старина, т. XV. СПб., 1876, сс. 9—38.
- Зап. Данилова — Записки артиллерии майора М. В. Данилова. М., 1842.
- Зап. Державина — Сочинения Г. Р. Державина под ред. Я. К. Грота, т. VI, СПб., 1876, сс. 395—787.
- Зап. Добрынина — Истинное повествование, или Жизнь Гавриила Добрынина, им самим написанная. — Русская старина, т. IV. М., 1871.
- Зап. Долгорукой — Своеручные записки княгини Натальи Борисовны Долгорукой, дочери г. фельд-маршала Бориса Петровича Шереметева. СПб., 1913.
- Зап. Острогорского — Записки Ново-Оскольского дворянина И. О. Острогорского-Лохвицкого. Киев, 1886.
- Зап. Порошина — Семена Порошина записки, служащие к истории его императорского высочества благоговейного государя цесаревича и великого князя Павла Петровича. СПб., 1881.
- Зап. Травина — Записки Л. А. Травина. — Труды Псковского археологического общества. Псков, 1914, сс. 38—129.
- Зап. Шишкова — А. С. Шишков. Записки. Берлин, 1870.
- Зуев, Описание остяков — Труды Института этнографии АН СССР

- Зуев, Путеш. зап.
- Игрок
- Измайлов, Евгений
- Измайлов, Мода и вкус
- К невинному
- Кантемир, Сатира II
- Кантемир, Сатира III
- Капнист, Металог трагедии «Гиневра»
- Капнист, Сганарев
- Капнист, Ябеда
- Карамзин, Дельфина
- Карамзин, Деревенские вечера
- Карамзин, Наталья, боярская дочь
- Карамзин, ПРП
- Карманная книжка
- Кеферштейн, Опыт поправления крестьянских жилищ
- Княжнин, Меркурий и Аполлон
- Княжнин, Мор зверей
- Княжнин, От дяди стихотворца Рифмоскрипа
- Княжнин, Послание трем грациям
- Княжнин, Притворно сумасшедшая
- Княжнин, Сбитеньщик
- Княжнин, Скупой
- Княжнин, Хвастун
- Княжнин, Чудаки
- Козельский, Рассуждения двух индийцев
- Козельский, Философические предложения
- им. Н. Н. Миклухо-Маклая, Новая серия, т. V. М.—Л., 1947, сс. 19—84.
- Путешественные записки Василия Зуева от С.-Петербурга до Херсона в 1781 и 1782 году. СПб., 1787.
- Сказка. Игрок, сделавшийся писцом. — Трутень. СПб., 1769, сс. 81—87.
- А. Е. Измайлов. Евгений, или Пагубные следствия дурного воспитания и общества, ч. I. СПб., 1799.
- Периодическое издание Вольного общества любителей словесности, наук и художеств, ч. I. СПб., 1804, сс. 105—107.
- Трутень. СПб., 1770, сс. 83—84.
- А. Д. Кантемир. Сочинения, письма и — избранные переводы А. Д. Кантемира под ред. П. А. Ефремова, т. I. СПб., 1867, сс. 32—50.
- Там же, сс. 64—86.
- В. В. Капнист, Собрание сочинений в двух томах, т. I, М., 1960, сс. 442—445.
- В. В. Капнист. Сганарев, или Мнимая неверность. Там же, сс. 413—441.
- В. В. Капнист. Ябеда. Комедия в пяти действиях. СПб., 1798.
- Н. М. Карамзин. Дельфина. Перев. из Жанлис. — Детское чтение для сердца и разума, ч. 9. М., 1787.
- Там же, сс. 105—107.
- Соч. Карамзина, т. VI, Изд. 2, М., 1814, сс. 129—292.
- Н. М. Карамзин. Письма русского путешественника, ч. I—IV. М., 1797; ч. V—VI, М., 1801.
- [Н. И. Страхов]. Карманная книжка для приезжающих в Москву старичков и старушек, ч. II. М., 1791.
- Труды Вольного экономического общества, ч. 4. СПб., 1783, сс. 134—149.
- Сочинения Я. Б. Княжнина, т. II, СПб., 1848, сс. 548—553.
- Там же, сс. 539—542.
- Там же, сс. 526—532.
- Новые ежемесячные сочинения, ч. 49. СПб., 1790, сс. 51—56.
- Сочинения Я. Б. Княжнина, т. II, СПб., 1848, сс. 199—256.
- Собрание сочинений Я. Княжнина, т. III, СПб., 1787, сс. 188—298.
- Там же, сс. 299—361.
- Там же, сс. 3—152.
- Российский Феатр..., ч. XLI. СПб., 1794.
- Рассуждения двух индийцев, Калана и Ибрагима, о человеческом познании, сочиненные Я. Козельским. СПб., 1788.
- Я. Козельский. Философические предложения. СПб., 1768.

- Кокошкин, Поход под шведа — И. А. Кокошкин. Поход под шведа. СПб., 1790.
- Кольцов, Песня разбойника — А. В. Кольцов, Соч., М., 1831.
- Кондратович, Польско-русский словарь — Польский общий словарь и библейный... тройственным стилем высоким, средним и простонародным на российский язык переведен коллежским ассессором Кириаком Кондратовичем. СПб., 1775.
- Копиев, Обращенный мизантроп — А. Д. Копиев. Обращенный мизантроп, или Лебедянская ярмонка. — Русская комедия и комическая опера XVIII в. М., 1950, сс. 485—534.
- Копии с отписок Котельницкий, Окончание Енейды — Трутень, 1769, сс. 233—236.
- А. Котельницкий. Окончание Енейды, вывернутой наизнанку. — Ирои-комическая поэма. Л., 1933, сс. 471—535.
- Кошелек — Кошелек, еженедельное сочинение. СПб., 1774.
- Крашенинников — Описание земли Камчатки, сочиненное Степаном Крашенинниковым, т. I—IV. СПб., 1755.
- Кропотов, Фомушка бабушкин внучек — Российский Феатр..., ч. XXXV. СПб., 1790, сс. 183—272.
- Крылов, Американцы — Сочинения И. А. Крылова под ред. Каллаша, т. II, СПб., 1904, сс. 231—296.
- Крылов, К другу моему — Там же, т. IV. СПб., 1904, сс. 28—36.
- Крылов, Свинья — Там же, с. 190.
- Крылов, Модная лавка — Там же, т. II. СПб., 1904, сс. 10—92.
- Крылов, Пирог — Там же, т. I, сс. 449—492.
- Крылов, Подщипа — Русская комедия и комическая опера XVIII в. М., 1950, сс. 645—677.
- Крылов, Почта духов — И. А. Крылов. Почта духов, ч. I—II. СПб., 1789.
- Крылов, Сочинитель в прихожей — Российский Феатр..., ч. XLI. СПб., 1794.
- Крылов, Тень и человек — Полное собрание сочинений И. А. Крылова под ред. Каллаша, т. IV, СПб., 1904, с. 230.
- Крылов, Филомела — Там же, т. I. СПб., 1904, сс. 73—136.
- Курганов, Краткие повести — Краткие замысловатые повести. — Письмовник, содержащий в себе Науку Российского языка со многим присовокуплением разного учебного и полезно-забавного вещесловия. Шестое издание, вновь исправленное, приумноженное... Николаем Кургановым. СПб., 1796, сс. 142—201.
- Курганов, Пословицы — Собор разных пословиц и поговорок. — Письмовник... СПб., 1777, сс. 107—124.
- Курганов, Словарь — Словарь разноязычной, или толкование еврейских, греческих, латинских, французских, немецких и прочих иноземных употребляемых в русском языке слов. — Письмовник..., ч. II. СПб., 1796, сс. 216—283.
- Левшин и Керцеллий, Король на охоте — Российский Феатр..., ч. XLII. СПб., 1794, сс. 1—108.
- Левшин, Русские сказки — В. А. Левшин. Русские сказки, ч. II. М., 1780.

- Леонтьев, Брудастые и мухортые кобели
 Леонтьев, Мужик, осел и конь
 Лепехин
 Лесаж, Жиль Блаз
 Лесаж, Повесть о хром. бесе
 Лжец
 Ломоносов, Материалы к Российской грамматике
 Ломоносов, Надпись
 Ломоносов, Надпись 28
 Ломоносов, О пользе книг церковных в российском языке
 Ломоносов, Ода II
 Ломоносов, Ода VII
 Ломоносов, Ода VIII
 Ломоносов, Ода 1742
 Ломоносов, Перв. осн. металлургии
 Ломоносов, Письмо о пользе стекла
 Ломоносов, Российская грамматика
 Лукин, Вторично вкравшаяся любовь
 Лукин, Задумчивый
 Лукин, Мот
 Лукин, Награжденное постоянство
 Лукин, Пустомеля
 Лукин, Разумный вертопрах
 Лукин, Ревнивый
- Басни Николая Леонтьева. СПб., 1766, сс. 15—16.
 — Там же, с. 47.
 — Дневные записки путешествия... Ивана Лепехина, по разным провинциям Российского государства. СПб., 1771—1805.
 — Похождения Жиль Блаза де Сантилан, описанное Лесажем, а переведенное Василием Тепловым, ч. I—IV. СПб., 1760—1761.
 — Повесть о хромоногом бесе, сочиненная на франц. языке г. Лесажем в двух частях, переведена Академии наук студентами Дмитрием Легким и Дмитрием Мокеевым. СПб., 1763.
 — Лжец, вольный перевод из Гольдониера театра Яновича. — Российский Феатр..., ч. XII. СПб., сс. 51—205.
 — М. В. Ломоносов, Полное собрание сочинений, т. VII, М., 1952, сс. 595—760.
 — М. В. Ломоносов. Собрание разных сочинений в стихах и прозе, кн. I. М., 1757, с. 210.
 — Там же, с. 174.
 — М. В. Ломоносов, Полное собрание сочинений, т. VII, М., 1952, сс. 585—594.
 — М. В. Ломоносов. Собрание разных сочинений в стихах и прозе, кн. I, сс. 57—65.
 — Там же, сс. 102—111.
 — Там же, сс. 112—121.
 — Там же, сс. 39—56.
 — М. В. Ломоносов. Первые основания металлургии или рудных дел. СПб., 1763.
 — М. В. Ломоносов. Собрание разных сочинений в стихах и прозе, кн. I, сс. 387—389.
 — М. В. Ломоносов, Полное собрание сочинений, т. VII, М., 1952, сс. 389—578.
 — Сочинения и переводы В. И. Лукина и Б. Е. Ельчанинова. СПб., 1868, сс. 412—458.
 — Там же, сс. 354—411.
 — В. И. Лукин. Мот, любовью исправленный. — Сочинения и переводы В. Лукина, ч. I. СПб., 1765, сс. 1—150.
 — Сочинения и переводы В. И. Лукина и Б. Е. Ельчанинова. СПб., 1868, сс. 121—182.
 — Сочинения и переводы В. Лукина, ч. I, сс. 158—215.
 — Сочинения и переводы В. И. Лукина и Б. Е. Ельчанинова. СПб., 1868, с. 280—317.
 — В. И. Лукин. Ревнивый, из заблуждения выведенный. — Сочинения и переводы

- В. И. Лукина и Б. Е. Ельчанинова. СПб., 1868, сс. 224—279.
- Львов, Епистола к Бакунину — Н. Л ь в о в. Епистола к А. М. Бакунину (из Павловского, июня 14, 1797). — Литературное наследство, № 9—10. М., 1933, сс. 262—270.
- Люценко, Похищение Прозерпины — Е. П. Люценко и А. Котельницкий. Похищение Прозерпины, в трех песнях. — Ирой-комическая поэма. Л., 1933, сс. 574—626.
- Магницкий, Арифметика — Арифметика сиречь наука числительная. Сочинена через труды Леонтия Магницкого. М., 1703.
- Майков, Елисей — В. И. М а й к о в. Елисей, или Раздраженный Вахх. СПб., 1771.
- Майков, Земля и облако — Правоучительныя басни Василья Майкова, ч. II. М., 1767, сс. 26—27.
- Майков, Игрок ломбера — Василий М а й к о в. Игрок ломбера. Поема. М., 1763.
- Майков, Фемист и Иеронима — Фемист и Иеронима, трагедия в 5 действиях, соч. Вас. Майкова. — Российский Феатр..., ч. V. СПб., 1787, сс. 75—146.
- Макаров М., Солдатская жизнь — Литературное наследство, № 9—10. М., 1933, с. 144.
- Макаров П., Россиянин в Лондоне — П. И. М а к а р о в. Россиянин в Лондоне, или Письма к друзьям моим. — Московский Меркурий, ч. I, 1803, сс. 19—40.
- Марлинский — М а р л и н с к и й. Мореход Никитин. — А. А. Бестужев-Марлинский, Сочинения в двух томах, т. II, М., 1958, сс. 280—313.
- Матинский — М. М а т и н с к и й. Опера комическая Санкт-Петербургский гостиный двор. М., 1791.
- Мои свадебные похождения — Магазин общепользных знаний и изобретений, ч. II. СПб., 1795, сс. 30—44, 115—127.
- Мордвинов, Книга о навигации — Книги полного собрания о навигации Семеном Мордвиновым сочиненные, ч. IV. СПб., 1748.
- Муравьев, Половица — Басни... Михайлы Муравьева, кн. I. СПб., 1773, с. 10.
- Награжденная хитрость — Награжденная хитрость, или Удачное плутовство. Перев. с нем. Н. П. СПб., 1778.
- Народный обед — Ирой-комическая поэма. Л., 1933, сс. 87—88.
- Наумов, Ясон — Ю. М. Н а у м о в. Ясон, похититель златого руна. — Ирой-комическая поэма. Л., 1933, сс. 543—562.
- Нелединский-Мелецкий, Непобедимую вошу я в сердце страсть — Сочинения Нелединского-Мелецкого, СПб., 1850, с. 186.
- Нелединский-Мелецкий, Письмо — Н е л е д и н с к и й - М е л е ц к и й. Письмо к Д. И. Головиной из Витебска. — Соч.. СПб., 1850, сс. 111—112.
- Несч. Никанор — Несчастный Никанор, или Приключение российского дворянина. СПб., 1775.

- Николев, Попытка не шутка — Н. П. Николев. Попытка не шутка, а удачный опыт. — Российский Феатр..., ч. XXXV. СПб., 1790, сс. 105—183.
- Николев, Послание Голицыну — Н. П. Николев, Творения, ч. IV, М., 1797, с. 280.
- Николев, Приказчик — Н. П. Николев. Приказчик, или Драматическая пустельга. — Российский Феатр..., ч. XVII. СПб., 1788, сс. 113—136.
- Николев, Розана и Любим — Диалог и драмы, ч. IV. М., 1780, сс. 9—88.
- Николев, Русские солдаты — Н. П. Николев. Ода 4. Русские солдаты. Гудощная песнь на случай взятия Очакова. — Творения Н. П. Николева, ч. IV, М., 1797, сс. 21—39.
- Николев, Самолюбивый стихотворец — Российский Феатр..., ч. XV. СПб., 1787, сс. 5—148.
- Николев, Сон — Н. П. Николев. Сон, виденный могольцом в 1788 году. — Творения, ч. IV, сс. 39—61.
- Николев, Финикс — Российский Феатр..., ч. XXII. СПб., 1788, сс. 137—218.
- Новиков, Похождения Ивана — И. Новиков. Похождения Ивана гостиного сына. СПб., 1785.
- Новое семейство — [С. К. Вязмитинов]. Новое семейство. Комическая опера. М., 1781.
- О торговле вообще — Прибавление к Московским ведомостям. М., 1783, № 25, с. 99.
- О торговле европ. в Азии — Там же, № 65, с. 253.
- О торговле европ. в Леванте — Там же, № 49, с. 192.
- Обман за обман — Анонимная комедия «Обман за обман, или Неудачный развод». — Российский Феатр..., ч. XXXVIII. СПб., 1791, сс. 177—240.
- Озеров, Волки и овцы — Стихотворения В. А. Озерова. М., 1960.
- Озеров, Петух и лисица — Там же, с. 395.
- Опекун — профессор — Российский Феатр..., ч. XXIV. СПб., 1788, сс. 5—62.
- Осипов, Енейда — Н. П. Осипов. Виргилиева Енейда, вывернутая наизнанку, ч. I—IV. СПб., 1791—1796.
- Осипов, Не прямо в глаз — Н. П. Осипов. Не прямо в глаз, а в самую бровь. СПб., 1790.
- Ответ на стихи — Ответ на анонимные стихи о буйстве Н. Зубова. — Литературное наследство, № 9—10. М., 1933, с. 109.
- Паллас, Описание растений — Описание растений Российского государства с их изображениями по высочайшему повелению... изданное П. С. Палласом. СПб., 1786.
- Перемена в нравах — Анонимная комедия «Перемена в нравах». — Российский Феатр..., ч. XXXVIII. СПб., 1791, сс. 177—240.
- Переплетчик — Анонимная комедия «Переплетчик, или Яким Правский». СПб., 1776.
- Песня — Московский журнал, ч. IV, 1791, с. 98.
- Печальные следствия непостоянства — Московское ежемесячное издание, ч. I. М., 1781, с. 48.
- Письмо Белинского Бакунину — В. Г. Белинский. Письма, т. I. СПб., 1914, с. 116.

- Письмо Белосельского-Белозерского Остерману — Русский архив, кн. II. М., 1877, с. 391; кн. III, с. 8.
- Письмо Воронцова отцу — Архив князя Воронцова, кн. 16. М., 1880, с. 7.
- Письмо Голицына Державину — Сочинения Г. Р. Державина под ред. Я. К. Грота, т. V, СПб., 1876, с. 70.
- Письмо Державина Мансурову — Там же, с. 70.
- Письмо Дмитриева Тургеневу — Сочинения И. И. Дмитриева, ч. II, СПб., 1895.
- Письмо Дмитриева Языкову — Там же, с. 185.
- Письмо Долгорукой сыну и невестке — Русский архив. М., 1867, с. 55.
- Письмо Екатерины II Биби-кову — Русский архив. М., 1866, с. 394.
- Письмо Екатерины II Волконскому — Осьмнадцатый век, кн. I. М., 1869.
- Письмо Екатерины II Полонскому — Там же.
- Письмо Елчина Державину — Сочинения Г. Р. Державина под ред. Я. К. Грота, т. V, СПб., 1876, с. 88.
- Письмо Карамзина Вяземскому — Старина и новизна. СПб., 1876, с. 37.
- Письмо Карамзина Дмитриеву — Н. М. Карамзин. Письма к И. И. Дмитриеву. СПб., 1866.
- Письмо Карамзина Малиновскому — Н. М. Карамзин. Письма к А. Ф. Малиновскому. М., 1860.
- Письмо Колокольникова Лопухину — Я. Л. Барсков. Переписка московских масонов XVIII века. 1780—1792 гг. Письма... А. М. Кутузова, Н. М. Карамзина, И. В. Лопухина, А. А. Плещеевой, Н. Н. Трубецкого, И. П. Тургенева и др. Пгр., 1915, с. 129.
- Письмо Кутузова Трубецкому — Там же, с. 173.
- Письмо Ломоносова Шувалову — Собрание сочинений М. В. Ломоносова, т. 10, М., 1959, с. 493.
- Письмо Ломоносова Шувалову — П. Пекарский. История императорской Академии Наук, т. II. СПб., 1873, сс. 718—719.
- Письмо Львова Державину — Сочинения Г. Р. Державина под ред. Я. К. Грота, т. V, СПб., 1876, с. 448.
- Письмо Орлова Румянцеву — Письма братьев Орловых П. А. Румянцеву. СПб., 1897, с. 40.
- Письмо Плещеевой Кутузову — Я. Л. Барсков. Переписка московских масонов XVIII в. Пгр., 1915, с. 28.
- Письмо Потемкина Екатерине — Осьмнадцатый век, кн. I.
- Письмо Радищева брату — А. Н. Радищев. Письма, т. II. М., 1907.
- Письмо Румянцевой сыну — Письма к графу П. А. Румянцеву от его родителей. СПб., 1900, с. 22.
- Письмо Румянцеву — Там же, с. 190.
- Письма Румянцевой Румянцеву — Е. М. Румянцева. Письма к мужу, фельдмаршалу П. А. Румянцеву-Задунайскому в 1762—1779 гг. СПб., 1888.
- Письмо Саблукова отцу — Русский архив. М., 1866.
- Письмо Соловьева Державину — Сочинения Г. Р. Державина под ред. Я. К. Грота, т. V, СПб., 1876, с. 28.
- Письмо Суворова дочери — Русский архив. М., 1866.

- Письмо Тургенева Кайсарову — Архив братьев Тургеневых, т. II. СПб., 1911, с. 340.
- Письмо Фонвизина сестре — Сочинения Д. И. Фонвизина, т. II, М., 1959.
- Письмо Хемницера Львову — Сочинения И. И. Хемницера, СПб., 1873, сс. 50—54.
- Письмо Шишкова Дмитриеву — А. С. Шишков. Записки, т. II. Берлин, 1870, с. 352.
- Письмо Шишковского Державину — Сочинения Г. Р. Державина под ред. Я. К. Грота, т. V, СПб., 1876, с. 168.
- Письмо Щербатова Державину — Там же, с. 96.
- Плавильщиков, Баталия — Собеседник любителей Российского слова. СПб., 1784, ч. XV, сс. 97—106.
- Плавильщиков, Бобыль — Русская комедия и комическая опера XVIII века. М., 1950, сс. 407—464.
- Плоды алчности ко злату — Покоющийся трудолюбец, ч. III. М., 1785.
- Победа невинности — Анонимная комедия «Победа невинности, или Любовь хитрее осторожности». — Российский Феатр..., ч. XXV. СПб., 1788, сс. 5—82.
- Повесть пахринской деревни — Литературное наследство, № 9—10. М., 1933, сс. 101—104.
- Камкина
- Подражатель — Анонимная комедия «Подражатель». — Российский Феатр..., ч. XXVII. СПб., 1788, сс. 5—52.
- Подшивалов — А. Подшивалов. Сокращенный курс российского слога. М., 1796.
- Покоющийся трудолюбец — Покоющийся трудолюбец, ч. II. М., 1784; ч. III, 1785.
- Поликарпов, Лекс. — Ф. Поликарпов. Лексикон трехязычный, сиречь речений славенских, еллиногреческих и латинских сокровище. М., 1704.
- Попов, Анюта — Досуги, или Полное собрание сочинений М. Попова, ч. I. СПб., 1772, сс. 87—124.
- Попов, Бурлин — М. М. Попов. Бурлин, слуга, отец и тесть. Там же, ч. II. СПб., 1772, сс. 165—266.
- Попов, Два вора — Там же, ч. I, сс. 29—30.
- Попов, Немой — Досуги, или Полное собрание сочинений М. Попова, ч. II, СПб., 1772, сс. 5—164.
- Попов, Отгадай, не скажу — Российский Феатр..., ч. XXI. СПб., 1788, сс. 5—56.
- Портреты — Трутень, 1769, сс. 19—24.
- Посошков — И. Т. Посошков. Книга о скудости и богатстве. Ред. и коммент. Б. Б. Кафенгауза. Изд. АН СССР, М., 1951.
- [Продолжение]
- ПСЗ — Живописец. СПб., 1772, сс. 105—108.
- Пушкин, Капитанская дочка — Полн. собр. соч. А. С. Пушкина (в 10 томах), т. VI. М.—Л., 1946.
- Пушкин, Пирующие студенты — Там же, т. I, сс. 64—67.
- Радищев, Бова — А. Н. Радищев. Бова. — Собрание оставшихся сочинений А. Н. Радищева, ч. I, М., 1807, сс. 23—62.
- Радищев, Дневн. путеш. — Соч., т. II, М., 1907.
- Радищев, Дневник одной недели — Собрание оставшихся сочинений А. Н. Радищева, ч. 4, М., 1811, сс. 9—26.

- Радищев, Зап. путеш., 1797 — А. Н. Радищев, Полн. собр. соч., т. III, М.—Л., 1952, сс. 253—266, 267—304.
- Радищев, О человеке — А. Н. Радищев. О человеке, его смертности и бессмертии. — Собрание сочинений... ч. II, М., 1809, кн. I—II, сс. 1—194, кн. III—IV, сс. 1—151.
- Радищев, Опыт о заимодавстве — А. Н. Радищев, Полн. собр. соч., т. III, сс. 5—27.
- Радищев, Памятник дактилохореическому витязю — Собрание оставшихся сочинений А. Н. Радищева, ч. 4, сс. 27—93.
- Радищев, Песни древние — А. Н. Радищев. Песни древние, петье на состязаниях в честь древних славянским божествам. — Там же, ч. 1, сс. 133—168.
- Радищев, Песнь историч. — Там же, сс. 63—132.
- Радищев, Путешествие — А. Н. Радищев. Путешествие из Петербурга в Москву. СПб., 1790.
- Рассказ соучастника Пугачева — Чтения в императорском Обществе истории и древностей российских при Московском университете, кн. 3. М., 1862, с. 336.
- [Рец. на ком. П. Сумарокова] — Рецензия на комедию «Модник» П. Сумарокова. — Любитель словесности, ч. 1. СПб., 1806, сс. 95—97.
- Российский Целлариус 1771 — Российский Целлариус, или Этимологической российской лексикон..., изданный М. Франциском Гелтергофом. М., 1771.
- Самоубийство — Московский Меркурий, ч. I. М., 1803, сс. 81—131.
- Самоубийца — Московский журнал, ч. I, 1791, сс. 56—135.
- САР_I — Словарь Академии Российской, ч. 1—6. СПб., 1789—1794.
- САР_{II} — Словарь Академии Российской, по азбучному порядку расположенный, ч. 1—6. СПб., 1806—1812.
- Сатир. вестник — Сатирический вестник, ч. VIII. М., 1791.
- Свадьба г. Промоталова — [Л. Татищев]. Свадьба г. Промоталова. — Российский Феатр..., ч. XXVII. СПб., 1788, сс. 53—148.
- Свифт, Путешествия Гулливера — Джонатан Свифт. Путешествий Гулливеровых книга I. СПб., 1772.
- Селим и Дамасина — Селим и Дамасина. СПб., 1761.
- Сельск. житель — Сельский житель, экономическое в пользу деревенских жителей служащее издание, ч. I. М., 1778; ч. II, 1779.
- Сельск. праздник — Сельский праздник. — Московский журнал, ч. I, 1791.
- Сервантес, Дон-Кихот — Сервантес. История о славном ломанском рыцаре Дон Кихоте, т. I. СПб., 1769.
- Сказание о деревне Киселихе — Литературное наследство, № 9—10. М., 1933, сс. 104—105.
- Скаррона шутил. пов. — Г. Скаррона шутильная повесть. [Перев. с фр. В. Тепловым]. СПб., 1764.
- Слов. поваренный — Словарь поваренный, приспешничий, кандиторский и дистиллаторский... Перев. с нем. Вас. Левшин, ч. 1. М., 1795.

- Словарь Нордстета — Российский с немецким и французским переводами словарь, сочиненный... Иваном Нордстетом, ч. I—II. СПб., 1780.
- Словарь 1847 — Словарь церковно-славянского и русского языка, составленный вторым отделением Академии наук, т. I—IV. СПб., 1847.
- Сновидение — Д. Давыдов. Сновидение, бывшее мне в ночь на 4 июля 1794 года. — Литературное наследство, № 9—10. М., 1933, сс. 82—88.
- Соймонов, Опис. Каспийского моря — Ф. И. Соймонов. Описание Каспийского моря. СПб., 1763.
- Сонник, 1799 — Сонник, сказующий матку правду. СПб., 1799.
- СПб ведомости — Санкт-Петербургские ведомости, № 63, 21 июля 1741 г.
- Стыд хулителю — Трутень, 1769, сс. 89—94.
- Суворов, Разговор с солдатами — Победы Суворова, ч. VI. СПб., 1810, с. 92.
- Суд Шемякин. СПб., 1794.
- Судейские именины — Российский Феатр..., ч. XXXV. СПб., 1790, сс. 5—104.
- Сумароков, Арап — Полное собрание сочинений в стихах и прозе... А. П. Сумарокова, ч. VII, М., 1787, с. 62.
- Сумароков, Большой и медик — Там же, ч. VII, с. 235.
- Сумароков, Боров и медведь — Там же, ч. VII, с. 274.
- Сумароков, Вздорщица — Там же, ч. VI, сс. 97—142.
- Сумароков, Высокомерная муха — Там же, ч. VII, сс. 156—157.
- Сумароков, Две крысы — Там же, с. 151.
- Сумароков, Дм. Самозванец — Там же, ч. IV, сс. 57—126.
- Сумароков, Езоп и буян — Там же, ч. VII, сс. 86—87.
- Сумароков, Кобель и сука — Там же, сс. 92—93.
- Сумароков, Комар — Там же, сс. 61—62.
- Сумароков, Лев, корова, овца и коза — Там же, сс. 43—45.
- Сумароков, Лисица и еж — Там же, с. 220.
- Сумароков, Мать совместница — А. П. Сумароков. Мать совместница дочери. — Там же, ч. VI, сс. 53—97.
- Сумароков, Мышь медведем — Там же, ч. VII, сс. 276—277.
- Сумароков, Надутый гордостью осел — Там же, с. 145.
- Сумароков, О благородстве — Там же, сс. 360—362.
- Сумароков, О правописании — Там же, ч. X, сс. 5—46.
- Сумароков, О французском языке — Там же, ч. VII, сс. 368—370.
- Сумароков, Опекун — Там же, ч. V, сс. 1—48.
- Сумароков, Пес, не терпящий нападения — Там же, ч. VII, сс. 140—141.
- Сумароков, Песни и хоры — Там же, ч. VIII, сс. 173—388.
- Сумароков, Пиит и друг его — Там же, ч. VII, сс. 351—356.
- Сумароков, Пир у льва — Там же, сс. 25—27.
- Сумароков, По трудах и покой — Там же, сс. 146—147.
- Сумароков, Приданое обманом — Там же, ч. VI, сс. 215—248.
- Сумароков, Раздел — Там же, ч. VII, сс. 148—149.
- Сумароков, Рогоносец — А. П. Сумароков. Рогоносец по воображению. — Там же, ч. VI, сс. 3—52.

- Сумароков, Семира — Там же, ч. III, сс. 257—332.
- Сумароков, Сказка 2 — Там же, ч. VII, сс. 347—350.
- Сумароков, Слепая старуха — Там же, сс. 282—283.
- Сумароков, Собака и люди — Там же, с. 59.
- Сумароков, Солнце и лягушки — Там же, сс. 31—32.
- Сумароков, Стрекоза — Там же, с. 123.
- Сумароков, Супруг и супруга — Там же, с. 264.
- Сумароков, Услужливый комар — Там же, с. 221.
- Сумароков, Феб и Борей — Там же, сс. 5—6.
- Сумароков, Хорев — Там же, ч. III, сс. 5—60.
- Сумароков, Эпистола о русском языке — Там же, ч. I, сс. 331—335.
- Сумароков, Ядовитый — Там же, ч. V, сс. 113—140.
- Сумароков П., Модник — П. Сумароков. Модник. СПб., 1806.
- Сумароков П., Путеш. — П. Сумароков. Путешествие по Крыму и Бессарабии в 1799 г. СПб., 1799.
- Танкред и Галатея — Московский Меркурий, ч. I, 1803.
- Татищев, Разговор двух приятелей — В. Н. Татищев. Разговор двух приятелей о пользе наук и училищ, кн. 1. М., 1887.
- ТВЭО — Труды Вольного экономического общества, ч. III. СПб., 1766.
- Тредиаковский, Дровосек и Меркурий — Сочинения и переводы как стихами, так и прозою Василия Тредиаковского, т. I, СПб., 1752, сс. 211—212.
- Тредиаковский, Наука о стихотворстве — В. К. Тредиаковский. Наука о стихотворстве и поэзии. С французских стихов Боало-Депреевых стихами. — Там же, т. I.
- Тредиаковский, Солнце и Борей — Сочинения и переводы как стихами, так и прозою Василия Тредиаковского, т. I, с. 192.
- Тредиаковский, Старик и смерть — Там же, сс. 205—206.
- Тредиаковский, Тилемахида — В. К. Тредиаковский. Тилемахида, т. I—II. СПб., 1766.
- Трутень — Трутень, еженедельное издание на 1769 (1770) год. СПб.
- Флешье, Слово похвальное — Флешье. Слово похвальное Тюренну. Перев. с фр. А. Нартова. — Ежемесячные сочинения, ч. II. СПб., 1763.
- Фонвизин, Бригадир — Российский Феатр..., ч. XXXIII. СПб., 1790, сс. 5—132.
- Фонвизин, Недоросль — Д. И. Фонвизин. Недоросль. СПб., 1783.
- Фонвизин, Чистосердечное признание — Д. И. Фонвизин. Чистосердечное признание в делах моих и помышлениях. — Сочинения Д. И. Фонвизина, ч. III, СПб., 1830.
- Хемницер, Ленивые и ретивые кони — Сочинения и письма Хемницера, СПб., 1873, с. 219.
- Хемницер, Паук и мухи — Там же, с. 171.
- Хемницер, Стрекоза — Там же, с. 199.
- Херасков, Благополучие — М. М. Херасков, Творения, ч. VII, М., 1796, сс. 315—317.
- Херасков, Ненавистник — Российский Феатр..., ч. X. СПб., 1786, сс. 37—120.
- Херасков, О суетных желаниях — М. М. Херасков, Творения, ч. VII, М., 1796, сс. 245—249.

- Хмельницкий, Говорун — Стихотворная комедия конца XVIII—начала XIX в. М., 1946, сс. 276—306.
- Хождение пона Саввы — Литературное наследство, № 9—10. М., 1933, сс. 107—111.
- Храповицкий, Дневник — Дневник А. В. Храповицкого 1792—1793 гг. СПб., 1874.
- Челищев, Путешествие — П. И. Челищев. Путешествие по северу России в 1791 году. — Дневник П. И. Челищева. СПб., 1886.
- Чернявский, Купецкая компания — Российский Феатр..., ч. XXXVII. СПб., 1788, сс. 149—208.
- Чулков, Начало пустословия — М. Д. Чулков. Пересмешник, или Славенские сказки, ч. I. М., 1789.
- Чулков, Пересмешник — Там же, сс. 1—97.
- Чулков, Плачевное падение стихотворцев — М. Д. Чулков. Плачевное падение стихотворцев. СПб., 1775.
- Чулков, Пригожая повариха — М. Д. Чулков. Пригожая повариха, ч. I. М., 1770.
- Чулков, Скупой и вор — М. Д. Чулков. Пересмешник, или Славенские сказки, ч. II. М., 1789, сс. 139—148.
- Чулков, Собрание песен — Собрание разных песен М. Д. Чулкова, ч. I—III. СПб., 1913.
- Эконом. магазин — Экономический магазин, № 92. М., 1785.
- Эмин. Приключ. Фемистокла — Ф. Эмин. Приключения Фемистокла и разные политические, гражданские, физические и военные его с сыном своим разговоры. СПб., 1763.

ОГЛАВЛЕНИЕ



	Стр.
Введение (Задачи изучения просторечия. Различные аспекты просторечия; функционально-стилистическая категория — просторечие как объект исследования. Хронологические границы исследования. Состав исследования)	3
Глава первая Источники изучения просторечия (Привлечение различных видов источников как одно из основных условий фронтального изучения просторечия. Произведения «низкого» и простого стиля конца века как традиционные памятники при изучении просторечия. Памятники фольклора. Памятники среднего и высокого стиля. Памятники простого слога конца века. Не литературные памятники. Словари как важнейший источник изучения просторечия)	33
Глава вторая Генетические особенности просторечия (Преимущественное положение русской лексики в составе просторечия; слова общеславянского, восточнославянского, собственно русского источника. Особенности стилистического размежевания некоторых полногласных русских и неполногласных церковнославянских дублетов. Слова из русских диалектов. Церковнославянские включения в просторечие. Слова, заимствованные из других языков)	62
Глава третья О некоторых словообразовательных особенностях просторечия (Имена существительные наиболее характерные для просторечия моделей. Образования от просторечных основ с книжными аффиксами среди имен существительных. Отыменные глаголы. Глаголы с двойной префиксацией. Междометные глагольные образования. Глагольные образования, тяготеющие к просторечию. Словообразовательная вариативность как одна из особенностей просторечия)	93
Глава четвертая Семантические особенности просторечия (Описание состава просторечия. Предметно-бытовая лексика. Лексика, связанная по значению с человеком. Слова, входящие в просторечие в специфических для данной категории значениях. О некоторых лексико-семантических группах, характерных для просторечия: слова, означающие передвижение человека, говорение, физическое воздействие на человека)	112

Глава пятая К характеристике оценочности просторечия (Оценочность как характерная особенность просторечного слова. Собственная оценочность. Эмоциональная оценочность. Просторечные слова с суффиксами субъективной оценки. Ситуация употребления как один из факторов создания оценочности. К особенностям стилистической синонимии в кругу просторечия)	152
Глава шестая Просторечие как один из источников формирования словарного состава литературного языка (Перегруппировки внутри функционально-стилистического просторечия в конце XVIII в. Сложение центрального слоя просторечия. Передвижение слов в периферийные слои просторечия. Нейтрализация просторечных слов как один из характерных процессов формирования словарного состава литературного языка в конце XVIII в. Перемещение нейтральной лексики литературного языка в просторечие)	183
Глава седьмая Просторечие и литературно-стилистические школы конца XVIII—начала XIX в. (Отношение к просторечию Карамзина и его последователей. Шишков и его понимание роли просторечия. Языковая практика представителей различных школ как объективное отражение роли просторечия в формировании словарного состава литературного языка. Заключительные замечания)	219
Список сокращений	236

•

Галина Петровна Бнязькова

РУССКОЕ ПРОСТОРЕЧИЕ
второй половины XVIII в.

•

Утверждено к печати
Институтом русского языка АН СССР

•

Редактор издательства *Н. Г. Герасимова*
Художник *Д. С. Данилов*
Технический редактор *И. М. Кашеварова*
Корректор *В. А. Пузиков*

•

Сдано в набор 2/XI 1973 г. Подписано к печати 12/III
1974 г. Формат бумаги 60×90¹/₁₆. Бумага № 1.
Печ. л. 16 = 16 усл. печ. л. Уч.-изд. л. 18.06.
Изд. № 5457. Тип. зак. № 718. М-37531. Тираж 3000.
Цена 1 р. 14 к.

Ленинградское отделение издательства «Наука»
199164, Ленинград, В-164, Менделеевская лин., д. 1

1-я тип. издательства «Наука»
199034, Ленинград, В-34, 9 линия, д. 12

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

В магазинах конторы «Академкнига»

имеются в наличии книги:

Березин Ф. М. Очерки по истории языкознания в России (конец XIX—начало XX века). 1968. 310 стр. Цена 1 р. 43 к.

Библиографический указатель литературы по русскому языкознанию с 1825 по 1880 год. Вып. 3. 1955. 255 стр. Цена 1 р. 02 к.

Биржакова Е. Э. Очерки по исторической лексикологии русского языка XVIII века. Языковые контакты и заимствования. 1972. 431 стр. Цена 2 р. 37 к.

Вопросы изучения лексики русских народных говоров. Диалектная лексика. 1971. 1972. 216 стр. Цена 90 к.

Изучение русского языка и источниковедение. 1969. 259 стр. 88 к.

Исследование по русской терминологии. 1971. 231 стр. Цена 71 к.

Ковтунова И. И. Порядок слов в русском литературном языке XVIII—первой трети XIX в. Пути становления современной нормы. 1969. 232 стр. Цена 74 к.

Котков С. И., Панкратова И. П. Источники по истории русского народно-разговорного языка XVII—начала XVIII века. 1964. 312 стр. Цена 1 р. 58 к.

Кузьмина И. Б., Немченко Е. Б. Синтаксис причастных форм в русских говорах. 1971. 312 стр. 5 карт. Цена 1 р. 49 к.

Лексика Полесья. Материалы для полесского диалектного словаря. 1968. 472 стр. Цена 2 р.

Лингвистические источники. Фонды Института русского языка. 1967. 319 стр. Цена 1 р.

Московская деловая и бытовая письменность XVII века. 1968. 338 стр. Цена 2 р. 10 к.

Орлова В. Г. История аффрикат в русском языке в связи с образованием русских народных говоров. 1959. 211 стр. Цена 1 р. 66 к.

Очерки по исторической грамматике русского литературного языка XIX в. Изменения в словообразовании и формах существительного и прилагательного в русском литературном языке XIX века. 1964. 600 стр. Цена 2 р. 65 к.

Очерки по исторической грамматике русского литературного языка XIX века. Изменения в системе словосочетаний в русском литературном языке XIX века. 1964. 303 стр. Цена 1 р. 41 к.

Очерки по исторической грамматике русского литературного языка XIX века. Изменения в строе сложноподчиненного предложения в русском литературном языке XIX века. 1964. 264 стр. Цена 1 р. 26 к.

Очерки по фонетике севернорусских говоров. 1967. 272 стр. Цена 1 р. 13 к.

Расторгуев П. А. Говоры на территории Смоленщины. 1960. 207 стр. Цена 1 р. 20 к.

Стилистико-грамматические черты языка научной литературы. 1970. 232 стр. Цена 74 к.

Экспериментально-фонетическое изучение русских говоров. 1969. 216 стр. Цена 77 к.

Заказы просим присылать по адресу:

117463, Москва, Мичуринский проспект, дом № 12

Магазин «Книга — почтой»

Центральной конторы «Академкнига»

197110, Ленинград, Петрозаводская улица, дом № 7

Магазин «Книга — почтой»

Северо-Западной конторы «Академкнига»

ИСПРАВЛЕНИЯ

<i>Страница</i>	<i>Строка</i>	<i>Напечатано</i>	<i>Следует читать</i>
76	20 снизу	чекрыжить	чехвостить
95	21 »	суффиксами	аффиксами
232	23 »	внутрикатего- рических	внутрикатего- риальных
252	13 »	характерные	характерных

1 р. 14 к.



ИЗДАТЕЛЬСТВО
«НАУКА»
ЛЕНИНГРАДСКОЕ
ОТДЕЛЕНИЕ